

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

Н. А. Добролюбова.

Бывши однимъ изъ людей, близкихъ къ Добролюбову, я разобралъ бумаги, оставшіяся послѣ него, и теперь занимаюсь собираніемъ другихъ матеріаловъ для его біографіи. Дѣло это требуетъ довольно долгаго времени; и пока я успѣю исполнить долгъ, лежащій на мнѣ, считаю полезнымъ напечатать нѣкоторые изъ матеріаловъ, уже находящихся въ моихъ рукахъ.

Н. Чернышевскій.

Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ, мужъ сестры Николая Александровича, Антонины Александровны, приславъ мнѣ письма Николая Александровича къ сестрамъ и къ нему, приложилъ къ этому собранію небольшую записку о дѣтствѣ покойнаго, которому онъ давалъ уроки до поступленія Николая Александровича въ семинарію. Вотъ отрывки изъ этой записки:

«Домашнее обученіе его (Николая Александровича) начато было очень рано, а вмѣстѣ съ этимъ очень рано начала сказываться и его талантливая натура. Уже лѣтъ трехъ, со словъ матери своей (это была умная, прекрасная женщина, и недаромъ о ней доселѣ всѣ родные и знакомые такъ много жалуютъ), онъ заучилъ нѣсколько басенъ Крылова и прекрасно произносилъ ихъ передъ домашними и чужими, ибо покойный родитель его, не скрывая своей радости и своихъ восторговъ отъ своего даровитаго Коли, любилъ иногда похвастаться имъ и передъ чужими, приходившими къ нему въ гости или по дѣлу. Я сказалъ, что онъ заучивалъ эти басни со словъ мамы своей. Дѣйствительно, такъ какъ отецъ его, занятый то службою церковною то училищною (онъ былъ нѣсколько времени законоучителемъ въ здѣшнемъ канцелярскомъ училищѣ), то уроками частными, а особенно стройкою своихъ домовъ, не могъ большею частью даже и быть дома подолгу, а не то, чтобы много заниматься съ дѣтьми.—то вообще на первое развитіе сына его по необходимости должна была имѣть вліяніе мать. Мать же выучила его и читать, да, кажется, и писать азбуку. Когда ему стало 8 лѣтъ (съ половиной, кажется), то приглашенъ былъ въ учителя для него кончившій курсъ семинаріи—Садовскій; но этотъ послѣдній занимался съ нимъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, потому что поступилъ самъ въ священники. Тогда былъ приглашенъ къ нему я. Я былъ въ это время переведенъ въ философскій классъ и немного извѣстенъ былъ родителямъ Николая Александровича, потому что квартировалъ у родственниковъ ихъ, Благообразовыхъ. Поступивъ къ нему въ учителя, я старался во-первыхъ заохотить его къ ученію, чтобы «*учиться*» обратилось для него въ главную и насущную потребность; а во-вторыхъ, доводить его до яснаго, по возможности полнаго и отчетливаго понятія о

каждомъ предметѣ, не слишкомъ заботясь о буквальномъ заучиваніи имъ уроковъ (конечно, при обученіи латинскому и греческому языкамъ приходилось ограничиваться только, впрочемъ совершенно достаточнымъ, знаніемъ всякихъ правилъ грамматическихъ и синтаксическихъ). Покойная мать его не разъ тутъ замѣчала, что изъ нашей классной комнаты почти только и слышно: «почему», «отчего», да «какъ» и т. д. Отецъ его, видя, что сынъ его, при своей отличной воспримчивости, при усердіи и любознательности, оказывалъ отличные успѣхи, и что вообще наше ученіе идетъ въ порядкѣ, не мѣшалъ намъ, и свободно предавался своимъ служебнымъ и хозяйственнымъ занятіямъ,—только иногда навѣдывался объ его успѣхахъ и давалъ ему тѣ или другіе вопросы по тому или другому предмету. Такимъ образомъ наше ученіе продолжалось около трехъ лѣтъ, если изъ этой цифры не исключать мѣсяцевъ пяти или шести его болѣзней или моихъ каникулъ. Тогда онъ, т. е. по прошествіи трехъ лѣтъ, былъ представленъ въ духовное училище, изъ котораго черезъ годъ и былъ переведенъ третьимъ ученикомъ въ семинарію. Въ семинаріи онъ учился пять лѣтъ, и шелъ все первымъ. Съ словесности же онъ началъ читать все, что только могло попадаться ему подъ руку; свѣтскіе журналы, онъ доставалъ или (иногда) у семинарскихъ наставниковъ, или (всею болѣе) у квартировавшихъ въ его домѣ генерала Улыбашева и князя Трубецкаго, и у нѣкоторыхъ прихожанъ. Семинарское образованіе не могло удовлетворить его, какъ онъ нерѣдко говорилъ и мнѣ объ этомъ; не надѣялся онъ удовлетвориться и въ духовной академіи, а непременно желалъ ѣхать въ какой нибудь университетъ. Отецъ его не прочь былъ и самъ отпустить его туда, но затруднительное положеніе кошелька (ибо онъ былъ кругомъ въ долгу по выстройкѣ дома своего) было причиною, что рѣшено было отправить его въ с.-петербургскую академію, по каковому поводу бывшій тогда у насъ преосвященный Іеремія далъ ему даже рекомендательное письмо къ ректору оной.

«Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» кто-то сказалъ, что покойный Николай Александровичъ былъ всегда слабаго сложенія. Рѣшительно сказать этого нельзя, хотя и точно онъ былъ золотушнаго сложенія; золотуха обнаруживалась у него и у маленькаго, и лечился онъ отъ нея и въ бытность свою студентомъ Педаг. института. Конечно, усиленные занятія въ семинаріи, а отчасти и въ училищѣ, и по поступленіи въ институтъ, могли имѣть не очень благоприятное вліяніе на его здоровье;—но остался въ живыхъ его отецъ и мать, все обошлось бы для него недурно, и онъ живъ былъ бы и (относительно говоря) здравствовалъ бы доселѣ. Рѣшительное вліяніе на разстройство его здоровья произвела смерть его матери, а потомъ и отца, за которыми послѣдовали, какъ неизбежное слѣдствіе, его еще болѣе усиленные и непрерывныя работы и во время институтской жизни и послѣ, которыя, при грустномъ настроеніи духа его, и докончили его. Смерть родителей и особенно, кажется, матери, подлѣ которой онъ до 17-ти лѣтъ находился неотлучно, для которой онъ былъ любимымъ сыномъ, и не только сыномъ, но и лучшимъ другомъ,—потому что отецъ, по службѣ своей, чаще всего отсутствовалъ,—и которую и самъ онъ любилъ, какъ другому и не удастся любить, была такимъ ударомъ для него, отъ котораго онъ не опомнился до смерти своей. «На что мнѣ и жизнь-то теперь» (т. е. безъ матери), говорилъ онъ намъ при послѣднемъ нашемъ свиданіи: «развѣ только для братьевъ и сестеръ; ну, для нихъ-то я еще лѣтъ пять-шесть проживу». Эта смерть родителей имѣла вліяніе не только на физическое, но и нравственное состояніе его».

Сущность нравственной перемены, о которой говоритъ М. А. Костровъ, будетъ видна читателю изъ напечатанныхъ въ этой книжкѣ «Современника» стихотвореній Ник. Ал.—вича: «Благодѣтель» и «На гробъ отца». Она видна также изъ слѣдующихъ словъ М. А. Кострова, который, упомянувъ объ этихъ стихотвореніяхъ, продолжаетъ:

«Онъ (Н. А.) былъ самымъ набожнымъ человѣкомъ въ Нижнемъ»—то есть до отъѣзда въ Педагогическій институтъ,—«считалъ за грѣхъ выпить чаю въ праздничный день до обѣда, послѣ исповѣди до причастія даже воды не пилъ, усердно всегда молился и съ глубокимъ чувствомъ. Но вотъ онъ, получивъ извѣстіе о болѣзни матери,

съ такимъ чувствомъ и такъ же горячо и усердно молился Богу объ ея выздоровленіи. Богъ не внялъ его молитвамъ. Этого мало: черезъ пять мѣсяцевъ умеръ и отецъ, оставивъ восемь человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше. «Что жъ это такое?»—подумалось ему».

Изъ этихъ словъ читатель уже видитъ, что перемѣна, о которой упоминалъ выше М. А. Костровъ, состояла въ паденіи прежнихъ убѣжденій Н. А., и въ появленіи иного взгляда на законы вселенной.

Но колебаніе прежнихъ убѣжденій началось въ Н. А. еще раньше отъѣзда въ Петербургъ; это мы знаемъ изъ разговоровъ съ Н. А., и то же самое свидѣтельствуетъ любопытная въ психологическомъ отношеніи подневная записка очень оригинальнаго характера, уцѣлѣвшая въ его бумагахъ. Вотъ начало этого дневника, для котораго Н. А. придумалъ заглавіе «Психаторіумъ»—углубленіе въ душу.

«Психаторіумъ».

«7 марта, 1853 г. 1-й часъ по полудни».

«Нынѣ сподобился я причащенія пречистыхъ Тѣлъ Христовыхъ и принялъ намѣреніе съ этого времени строже наблюдать за собою. Не знаю, будетъ ли у меня силъ давать себѣ каждый день отчетъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но по крайней мѣрѣ прошу Бога моего, чтобы онъ далъ мнѣ положить хотя начало благого. Боже мой! Какъ мало еще прошло времени ¹⁾ и какъ уже много лежатъ на моей совѣсти! Вчера, во время самой исповѣди, я осудилъ духовника своего и потомъ скрылъ это, не покаялся; кромѣ того, я сказалъ не всѣ грѣхи, и это не потому, что позабылъ ихъ или не хотѣлъ, но потому, что не рѣшился сказать духовнику, что еще рано разрѣшать меня, что я еще не все сказалъ. Потомъ я сѣтовалъ на отца духовнаго, что онъ не о многомъ спрашивалъ меня ²⁾; но развѣ я долженъ ожидать вопросовъ, а не самъ говорить о своихъ прегрѣшеніяхъ? Только вышелъ я изъ алтаря, и сдѣлался виновнымъ въ страхъ человѣческому ³⁾, за тѣмъ человѣкоугодіе ⁴⁾ и, хотя легкій, смѣхъ съ товарищами присоединился къ этому. Потомъ суетныя помысленія славолюбія и гордости, разсѣянность во время молитвы, лѣньность къ богослуженію, осужденіе другихъ—увеличивали число грѣховъ моихъ» и т. д. и т. д.

Этотъ ежедневный списокъ своихъ «прегрѣшеній», съ благочестивыми укоризнами себѣ, велъ Н. А. съ 7 марта до 9 апрѣля, такъ что набралось цѣлыхъ 32 страницы за эти 34 дня. Всѣ дни, разумѣется, похожи одинъ на другой; вотъ, напримѣръ, 29 страница «Психаторіума»:

«4 апрѣля, 12 часъ по полудни».

«Опять тѣ же грѣхи въ эти два дня: лѣньность къ молитвѣ, разсѣянность и легкомысліе, осужденіе и насмѣшка, неприязнь къ ближнему, вольныя сужденія, ложь, хитрость,

¹⁾ То есть со времени принятія св. Тѣлъ.

²⁾ Такимъ образомъ, всѣ предъидущія прегрѣшенія объясняются очень просто: духовникъ, исповѣдая 17-лѣтняго юношу, жизнь и нравы котораго конечно зналъ очень хорошо и безъ исповѣди, по домашнему или учительскому знакомству съ нимъ, и за которымъ не было никакихъ особенныхъ проступковъ, не нашелъ нужнымъ напрасно длить исповѣдь, а Н. А. посовѣстился затруднять его просьбою о продолженіи исповѣди, когда духовникъ прекратилъ ее разрѣшительною молитвою.

³⁾ Какимъ образомъ?—не объяснено; по всей вѣроятности, поклонился какому нибудь отцовскому знакомому, котораго не уважалъ въ душѣ, или что нибудь подобное.

⁴⁾ Въ чемъ оно состояло?—опять не объяснено; вѣроятно, не возразилъ какому нибудь товарищу на неправильное мнѣніе, чтобы не раздражать человѣка напраснымъ споромъ въ церкви, или что нибудь подобное.

притворство, призываніе лукаваго ¹⁾, честолюбіе и славолюбіе, преданіе чувственности ²⁾, чревоугодіе и лакомство» ³⁾ и т. д.

Списокъ этихъ «прегрѣшеній» заключается словами:

«Господи! Спаси мя, не остави мене погибающа!».

Но въ томъ же «Психаторіумѣ», среди длинныхъ перечней всякихъ мелочей, возводимыхъ на степень «прегрѣшеній» усердіемъ Н. А. къ самообличенію, среди краснорѣчивыхъ укоризнъ себѣ за эти «прегрѣшенія», и возваній о помплованіи и спасеніи, мы находимъ слѣдующія строки:

(7 марта). «Возникло во мнѣ нѣсколько разъ сомнѣніе о важнѣйшихъ истинахъ спасенія».

(12 марта). «Допустилъ въ себѣ сомнѣніе о святой церкви и ея постановленіяхъ».

Подобныя замѣтки встрѣчаются почти каждый день. Да и самое веденіе «Психаторіума» было не больше, какъ искусственною попыткою подогрѣть въ себѣ остывавшее благочестіе: постоянно замѣчаетъ Н. А., что ему скучно вести этотъ дневникъ покаянія, что онъ продолжаетъ его только въ исполненіе правила, которое разъ постановилъ себѣ при благочестивомъ настроеніи, овладѣвшемъ на минуту его душою послѣ исповѣди и причащенія: каждый день списывать страницу перечнемъ своихъ «прегрѣшеній» и укоризнами себѣ за нихъ. Вотъ, напримеръ, отрывокъ со стр. 30-й.

«7 апрѣля, 12 часъ по полудни».

«Вотъ мѣсяцъ прошелъ, какъ я предпринялъ доброе дѣло—давать себѣ каждый вечеръ отчетъ въ томъ, какъ я провелъ день,—а уже какъ я излѣнился, какъ извратилъ свое дѣло! Въмѣсто сокрушенія и сознательнаго раскаянія, ограничиваюсь только холоднымъ перечисленіемъ моихъ грѣховъ; я забочусь, чтобы только исписать страницу, и оставляя добрую дѣлу въ сторонѣ, отягощаюсь и чувствую уже, что я не могу еще долго продолжать свою исповѣдь передъ собою».

М. А. Костровъ говоритъ о благотворномъ вліяніи Зинаиды Васильевны на первое развитіе ея сына и о чрезвычайно нѣжной любви его къ ней. Объ этомъ осталось много свидѣтельствъ въ перепискѣ ея съ Н. А., въ письмахъ его къ роднымъ и другимъ лицамъ послѣ ея смерти до самой смерти его, въ стихотвореніяхъ, найденныхъ нами въ его бумагахъ; наконецъ, мы знаемъ это и изъ разговоровъ съ нимъ. Но оставляя до будущаго времени извлеченіе матеріаловъ для его біографіи изъ его писемъ и изъ личныхъ нашихъ воспоминаній о немъ, мы теперь приведемъ только слѣдующій отрывокъ, писанный, какъ видно по разнымъ признакамъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ ея смерти, еще до каникулъ 1854 года—Первыя страницы этого размышленія затерялись, и уцѣлѣлъ только полулистъ, который начинается словами:

«....получилъ я ⁴⁾ свои лучшія качества, съ ней сроднился я съ первыхъ дней моего дѣтства; къ ней летѣло мое сердце, гдѣ бы я ни былъ, для нея было все, все,

¹⁾ Это значить, что употреблялъ фразы въ родѣ: «чортъ знаетъ», или «чортъ возьми».

²⁾ Это значить, какъ видно изъ другихъ страницъ «Психаторіума», что долго спалъ, и проснувшись, нѣсколько минутъ лѣнился вставать.

³⁾ Чревоугодіемъ, какъ опять видно изъ другихъ страницъ «Психаторіума», называетъ онъ то, что пилъ много чаю, который тогда очень любилъ; лакомство—то, что послѣ обѣда ѣлъ варенье, которымъ подчивала его мать.

⁴⁾ Очевидно, что надобно дополнить это фразу такъ: отъ нея (отъ матери) получилъ я.

что я ни дѣлалъ. Она понимала эту любовь; но я не успѣлъ показать ее на дѣлѣ, не успѣлъ осуществить то, чѣмъ хотѣлъ ее радовать... Мало радостныхъ минутъ доставилъ я ей. Я былъ слишкомъ гордъ; я не хотѣлъ прежде времени высказывать даже ей, моей дорогой, своихъ гордыхъ плановъ и надеждъ, думалъ, что будетъ время—на дѣлѣ увидить она, какого сына имѣетъ и сколько онъ любитъ ее.... Не случилось такъ.... И почему же не вѣрить мнѣ, что она смотритъ на меня съ высоты небесъ, радуется.... Нѣтъ, нѣтъ. нѣтъ—если это правда, если она видитъ меня, мою тоску, мои терзанья, мои сомнѣнья, она умолитъ Бога, чтобы онъ послалъ ее вразумить бѣднаго, жалкаго сына. Иначе ей будетъ рай не въ рай, если только она не разлюбила меня. Мать моя! Милая, дорогая моя! Я всего лишился въ тебѣ! Видишь, я плачу... Мнѣ тяжело, мнѣ горько!... Помолись за меня, чтобы Богъ остановилъ меня на краю гибели!... Вѣдь ты чистая праведница, и Богъ услышитъ тебя. Явись мнѣ, утѣшь меня... Дай мнѣ вѣру, надежду... Съ надеждою можно жить въ мѣрѣ... Неужели же разстояніе между нами такъ непроходимо, что и материнское сердце не услышитъ мольбы страдающаго сына?... Или я въ самомъ дѣлѣ долженъ думать, что ты не существуешь болѣе, и что я тоже машина... Но зачѣмъ же эта странная тоска, эта грусть, эти сомнѣнья? Мать моя! Вѣрю, что ты любишь меня... Вразуми и научи безпомощнаго!... Заставь меня вѣрить и утѣшаться будущимъ!... Мое положеніе такъ горько, такъ страшно, такъ отчаянно, что теперь ничто на землѣ не утѣшитъ меня. Самая сильная радость обратиться у меня въ печаль, самая громкая слава, огромное богатство, всевозможные успѣхи только заставляютъ содрогнуться мое сердце, при одной мысли—что, если бы это знала мамаша,—какъ бы мы съ ней порадовались!... И эта мысль тяжело, громаднымъ камнемъ падетъ мнѣ на сердце, и не будетъ мнѣ счастья въ счастья одинокаго эгоизма....».

Этотъ отрывокъ замѣчательнъ, какъ памятникъ кратковременнаго періода борьбы прежнихъ убѣжденій съ новыми въ душѣ Николая Александровича. Тутъ онъ еще страшится безпредѣльнаго простора, открывающагося его мыслямъ и дѣятельности; этотъ просторъ еще представляется ему ужасною бездною; но онъ уже видитъ, что не удержится за прежними своими рамками, и дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы подѣлать опору для падающей преграды. Онъ ищетъ эту опору даже въ томъ самомъ чувствѣ, оскорбленною силою котораго влечется онъ на свободный просторъ.

Характеристиченъ и самый этотъ источникъ новой умственной жизни. Натуры, въ которыхъ преобладаетъ отвлеченный умъ, приходятъ къ разрыву съ мѣтніями дѣтства уже и вслѣдствіе однихъ только теоретическихъ соображеній. Я не встрѣчалъ чловѣка съ болѣе сильнымъ и свѣтлымъ умомъ, чѣмъ какой былъ въ Николаѣ Александровичѣ. Но при этомъ было въ немъ такое живое сердце, что чувство постоянно служило ему первымъ возбудителемъ и мыслей, и дѣлъ. Отъ этого его убѣжденія и намѣренія всегда были реальны, его стремленія всегда были чрезвычайно опредѣленны,—опредѣленны до конкретности, и при всей безпредѣльности своей теоретической программы, онъ всѣ силы свои обращалъ на исполненіе той части ея, которая могла быть осуществлена непосредственно, чтобы эта частная переимѣна служила средствомъ для осуществленія дальнѣйшихъ замысловъ. Пользуясь представившимся фактомъ его жизни, я хочу представить примѣръ свойственнаго ему хода мыслей.

Рядъ ихъ начинается конкретнымъ фактомъ: умерла женщина, смертью которой разстроена жизнь многихъ людей, и навсегда опечалены нѣкоторые изъ нихъ. Она умерла отъ неудовлетворительности отношеній, въ которыя была поставлена. Не годится, чтобы оставалось такъ. Обстановка чловѣческой жизни должна быть измѣнена, чтобы не умирали преждевременно люди. Но въ этомъ

общемъ стремленіи къ пересозданію всей человѣческой жизни, остается ему памятенъ частный фактъ, возбудившій все стремленіе въ немъ. Дѣло шло о женщинѣ, для которой теперь все зависить отъ семейныхъ отношеній. А въ семейныхъ отношеніяхъ тяжело всего теперь грубость отношеній всякаго старшаго къ младшимъ. Потому ненависть сосредоточивается на грубомъ авторитетѣ, господствующемъ надъ патриархальною семьею. Вотъ объясненіе страстной силы, съ какою возставалъ Николай Александровичъ противъ него, заклеивавъ его именемъ самодурства. Изъ сердца, обливавшагося кровью, лились его слова. Когда онъ писалъ, передъ его мыслью неотступно стояли конкретные факты дѣйствительной жизни, стояли фигуры людей, съ которыми онъ ероднился въ жизни, скорбь которыхъ онъ прочувствовалъ. Его статьи—какъ будто эпилоги къ біографическимъ и автобіографическимъ разсказамъ.

О времени, которое провелъ Николай Александровичъ въ семинаріи, написалъ по моей просьбѣ слѣдующія воспоминанія М. Е. Лебедевъ, бывшій его товарищемъ во все время семинарскаго его ученія.

«Въ 1846 году 12—15-лѣтніе ученики высшаго отдѣленія нижегородскаго духовнаго уѣзднаго училища, только-что перешедшіе изъ низшаго отдѣленія и имѣя уже за плечами четыре года несладкой работы надъ горькими корнями ученія, были нѣсколько непріятно поражены, что къ нимъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ректоръ училища привелъ 10-лѣтняго мальчика Добролюбова учиться. «Прямо въ четвертый классъ!», говорили ученики, удивлялись и завидовали.—«Да что ему!» объясняли наиболѣе практическіе и опытные, съ досадою: «у него отецъ-то николюскій священникъ, богатый; домъ какой! каменный. А нашъ Лебедевъ поросенокъ приметъ и сдѣлаетъ что угодно».—«Семь копѣекъ принялъ отъ матери Скородумова», поясняетъ другой съ азартомъ.—«Три горшка отъ моей тетки принялъ и къ Рождеству за недѣлю отпустилъ меня домой», ядовито откровенничаетъ третій.... У первыхъ учениковъ шелъ другой толкъ. «Говорятъ, братцы, подготовленъ хорошо. А латинскій какъ знаетъ! Книгъ много у отца.... Онъ ужъ Карамзина прочиталъ». (Карамзина когда-то еще удастся имъ самимъ почитать, года черезъ четыре: таковъ порядокъ былъ тамъ въ распредѣленіи книгъ для чтенія). Вотъ будетъ качать!». И первые ученики заранѣе уже назначали, кого изъ нихъ долженъ сшибить Добролюбовъ; о возрастѣ его судили весьма одобрительно. Начали присматриваться. Прежде всего оказалось, что мальчикъ очень пѣжной, барской наружности, съ очень мягкими руками; увидали, что очень скромный и застѣнчивъ, какъ дѣвочка, дичится всѣхъ, чуждается. Въ переѣздахъ классныхъ и до прихода учителя на съ кѣмъ не явиться, а читаетъ книжки, которыя изъ дому носить. Книжки были все по предметамъ, проходимымъ въ классѣ.—Въ этомъ классѣ уже начиналось изученіе латинскаго синтаксиса; учитель, преподававшій его весьма дѣльно, хотя и съ мѣрами строгими до жестокости, задавалъ переводы съ русскаго языка на латинскій такимъ манеромъ, что самъ назначалъ только немногія латинскія слова и фразы, наиболѣе трудныя, а остальные прискипались самими учениками. Тогда-то Добролюбовъ поразилъ всѣхъ новостью: самостоятельно фразируя нѣкоторые примѣры, насколько зналъ латинскій языкъ, онъ вставлялъ въ данныя сентенціи совершенно новыя и умѣстныя мысли, такъ-что съ перваго же опыта получилъ отмѣтку наставника: *ter optime*; слѣдующія затѣмъ отмѣтки были: *eximie*, *egregie*, *ter eximie* и ниже *optime* никогда не спускались. Кромѣ того, наиболѣе замѣчательныя изъ его упражненій учитель съ искреннимъ удовольствіемъ читалъ и разбиралъ въ классѣ при всѣхъ. Успѣхъ этотъ былъ поразителенъ: первые ученики бросились за нимъ въ погоню; изученіе латинскаго языка сдѣлалось весьма интереснымъ (конечно только для меньшинства и для учителя). Пытались объяснить сначала успѣхъ Добролюбова посторонней

помощью, но скоро разубѣдились. Когда учитель заставлялъ въ классѣ учениковъ фразировать по-латынѣ русскія предложенія и рассказывать по-латынѣ своими словами изъ «Корнелія Непота» и «Латинской хрестоматіи», то Добролюбовъ постоянно отличался при всѣхъ. Наконецъ и собственные опыты подражателей его увѣрили, что это довольно возможно и безъ посторонней помощи. Съ такимъ же успѣхомъ Добролюбовъ занимался священной исторіей, географіей, арифметикой и другими науками, занявъ повсюду 4-й № въ спискахъ, и въ 1848 г. перешелъ во 2-е отдѣленіе словесности (низшее отдѣленіе семинаріи, по множеству воспитанниковъ дѣлившееся на два параллельныя отдѣленія). Въ семинаріи, съ теченіемъ времени, Добролюбовъ погружается въ ученія занятія. Отъ товарищей держится такъ же далеко, хотя принимаетъ къ себѣ всѣхъ, кому угодно его посѣтить. Но все свободное отъ посѣщеній время занятъ книгами. Онъ читалъ русскихъ авторовъ, ученые сочиненія, журналы—и дома и въ классѣ. Въ его упражненіяхъ по классу реторики и пѣтики постоянно было видно знакомство съ лучшими русскими литераторами, что и выставлялось на видъ учителемъ словесности. Въ немногихъ упражненіяхъ, какія были по исторіи всеобщей, была видна та же начитанность. Его возраженія, напримѣръ, по математикѣ профессору-монаху, по исторіи противъ учебника Кайданова—были выслушиваемы учениками съ участіемъ, которое возрастало, когда профессоръ не рѣшалъ возраженій, а заминалъ ихъ своимъ авторитетомъ, невозможностью распространяться по причинѣ недосуга и другими уловками. Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи Добролюбовъ поражаѣлъ громадными сочиненіями по философскимъ темамъ, особенно объ ученіи отцовъ церкви, отчасти изъ русской церковной исторіи. Надо замѣтить, что способы писанія задачъ въ семинаріи были истинно оригинальны. Задавалась, напримѣръ, тема на какойнибудь предметъ; наибольшая часть темъ давалась философскаго сорта, изрѣдка историческаго; въ классѣ профессоръ говорилъ почти то же, что въ сухихъ, короткихъ учебникахъ; предметъ темы никогда обстоятельно не разъяснялся; источники почти никогда не указывали и совершенно никогда не давали въ руки ученикамъ; между тѣмъ общественное мнѣніе въ семинаріи, благодаря самостоятельной дѣятельности лучшихъ учениковъ, было въ пользу большихъ (и дѣльных въпрочемъ) сочиненій; но требовало, чтобы сочинитель *самъ* писалъ свои задачи, т. е. самъ своей головой доходилъ до рѣшенія заданныхъ темъ; а какъ скоро задача отличалась начитанностью, то же общественное мнѣніе обвиняло автора въ заимствованіяхъ: дескать, онъ списалъ, сдулъ. Такимъ образомъ, ученикъ былъ поставленъ въ необходимость или разбавлять риторическою водичей и безъ того жидкія свѣдѣнія учебника и летучія замѣтки профессора, или самостоятельно ломать голову надъ вещами, которыхъ не зналъ, или же претерпѣвать укоризну отъ товарищей за сдувательство и ужение своихъ задачъ изъ книгъ. Добролюбовъ, еще до знакомства съ такой страшной теоріей писанія задачъ, постоянно сопровождалъ свое чтеніе выписками изъ книгъ, постоянно свѣрялъ съ подлинниками тѣ цитаты въ разныхъ сочиненіяхъ, которыя прочитывалъ, такъ что значительную часть отысканныхъ по смерти его записокъ составляютъ именно подобныя выписки, веденныя имъ съ того времени—или по рубрикамъ различныхъ предметовъ, или по алфавиту, или по журналамъ, съ указаніемъ, гдѣ что напечатано. Ясно, что задаваемые въ семинаріи темы большею частью встрѣчали его уже совсѣмъ готоваго къ отвѣту; поэтому упражненія его отличались обиліемъ мыслей и знаній, и множествомъ цитатъ: все это становило въ тупикъ профессоровъ и семинаристовъ. Сначала, какъ водится, на него косились ученики и обвиняли въ сдувательствѣ. Но скоро замѣтили, что Добролюбовъ дѣлаетъ выписки, не стѣняясь ни задаваемыми темами, ни даже проходимыми въ семинаріи науками. Это ошеломило ихъ и въ то же время убѣдило, что тутъ дѣло ведется ни какъ не меньше, какъ на академію, или на университетъ, словомъ, на ученость, потому что ни филологія напримѣръ, ни литература, ни исторія, да и ничто другое въ такихъ широкихъ размѣрахъ не годится просто для семинарскихъ классовъ, темъ, списковъ и аттестатовъ. Такъ тѣмъ и покончили, занялись своими дѣлами, и результатовъ никакихъ. Въ свою очередь косились и профессора. Нельзя, напримѣръ, ученику обойтись безъ выговоровъ, и Добролюбову иные профессора дѣлали замѣчанія, потомъ и выговоры, за то, что онъ не слушалъ ихъ въ классѣ, а читалъ принесенныя съ собою книги. Добролюбовъ почтительно пред-

ставлялъ резонъ, что нечего слушать, когда спрашиваютъ учениковъ одно и то же (система ученія была зубрильная); иногда профессоръ успокоивался простымъ увѣщаніемъ, что все же что нибудь можно услышать новое и при спрашиваніи уроковъ; но были случаи, что Добролюбова ловили на классѣ какой нибудь Кандановой или Устряловой исторіи, греческомъ или латинскомъ языкахъ, за журналомъ, повѣстью, романомъ. Тогда съ выговоромъ бралась книга, клалась на столъ, но не смѣла рваться и закипываться, какъ у многихъ другихъ, потому что никольскій священникъ вѣдь тутъ на лицо, въ Нижнемъ.... Въ числѣ профессоровъ претендовавшихъ на вниманіе, былъ напримѣръ профессоръ логики, «чистый разумъ» котораго ученики, по отзыву своихъ предшественниковъ и собственному опыту, характеризовали такими силлогизмами, подслушанными даже у самого профессора: «когда дитя кричитъ, значитъ ему больно, потому что его бьютъ.... ахъ, нѣтъ, не такъ: когда дитя бьютъ, то ему больно, потому что оно крич.... ахъ, нѣтъ: когда дитя бьютъ, то оно кричитъ, потому что ему больно.... ну, да тамъ сами сдѣлаете послѣ».... Окончательный выводъ объ этомъ профессоръ выражался силлогизмомъ: въ углу палка стоитъ, слѣдовательно на дворѣ дождикъ идетъ. Другой, профессоръ догматики, бывший профессоръ латинскаго языка и умѣвшій сыпать кстати и некстати цитаты изъ латинскихъ писателей, не могъ освободиться отъ своей привычки и тогда, какъ читалъ (по учебнику) догматику, совершенно новый и незнакомый для него предметъ. Этотъ профессоръ прибавлялъ новые выговоры за то, что языкъ въ сочиненіяхъ Добролюбова слишкомъ чистъ и напоминаетъ журнальные обороты.... Обыкновенно, эти профессора въ своихъ выговорахъ руководились вслухъ формальностью, голословнымъ запрещеніемъ. Но втайнѣ вѣроятно была причина проще.—общая причина всѣхъ формальностей: что какъ-то неловко смотрѣть, какъ ученикъ въ вашихъ глазахъ и за вашими часами, какъ разъ, узнаетъ больше васъ самихъ.... По крайней мѣрѣ на это слегка намекнулъ одинъ профессоръ за веселой компаніей.—Впрочемъ, Добролюбовъ не былъ въ семинаріи феноменомъ, предметомъ молвы или гордости семинаристовъ. Феноменъ въ семинаріи составлялъ молодецъ на возраженія профессорамъ, вскакивавшій и дѣльно отвѣчавшій при первомъ вопросѣ наставника: «кто скажетъ»?—прочитавшій Библію на еврейскомъ языкѣ, говорившій по-латинѣ, и особенно тотъ, кто постоянно сидѣлъ за картами или кутилъ, и все-таки шелъ въ первыхъ. Добролюбовъ же только въ первые года въ семинаріи дерзнулъ на возраженія, а потомъ благоразумно утихъ. А что касается до огромной его начитанности, это скромное препровожденіе времени за книгами, и особенно занятіе литературой, всемірной исторіей и тому подобными *посторонними* предметами, не давало ему права быть феноменомъ; объ немъ не кричали, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ представлялъ задачи въ 30, 40 и 100 листовъ. Но, такая параллель съ его молчаливымъ поведеніемъ въ классѣ была скорѣе въ ущербъ той молвѣ, какую породила задача.—Со стороны товарищей возникли неудовольствія на Добролюбова по поводу требованія отъ него книгъ для чтенія; подобныя требованія не всегда и не для всѣхъ возможно было выполнить по ихъ множеству, и не всегда безопасно для цѣлости книгъ со стороны учениковъ, а еще болѣе, ихъ пѣстуновъ. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ постоянными занятіями Добролюбова, давали поводъ считать его какъ бы чуждымъ, какъ бы отдаляющимся отъ товарищей. Такому мнѣнію помогала особенно природная и приватная дикость семинаристовъ, боявшихся ступить ногой къ его отцу, городскому священнику, въ домъ.—Словомъ, семинарія ни по личнымъ, ни по класснымъ отношеніямъ не сходила съ ума отъ Добролюбова, хотя *знала* и уважала его. Самъ Добролюбовъ не водилъ большіи компаніи съ товарищами; когда приходили товарищи къ нему въ гости, онъ былъ одинаково любезенъ со всѣми; но какъ и изъ этихъ смѣльчаковъ многие трусили посѣщать его въ собственномъ его домѣ чаще разу въ мѣсяцъ, то оставалось не болѣе троихъ, четверыхъ постоянныхъ его гостей, которые имѣли случай не только удостовѣриться, что Добролюбовъ не былъ букой, гордымъ или тому подобное, но и сами могли въ его обществѣ и семействѣ страхнуть съ своихъ костей привитую семинарскую дикость.—Между профессорами онъ нашелъ одного или двоихъ, впрочемъ не изъ своего отдѣленія, которые отчасти напоминали собою гоголевскаго Александра Петровича.—Въ 1853 году былъ вызовъ изъ богословскаго класса (высшее отдѣленіе

семинарии) въ с.-петербургскую духовную академию.—Отправили двоихъ, въ томъ числѣ Добролюбова. Прибывши въ Петербургъ, онъ разомъ держалъ два приемныхъ экзамена: въ Педагогическомъ институтѣ и духовной академіи. Какъ скоро ходъ дѣла показалъ, что его примутъ въ институтъ, онъ прекратилъ сдачу экзамена въ академіи. И только тогда семинарія (ученики собственно) огласилась именемъ Добролюбова: «въ Педагогическій принятъ!»—«Самъ Ленцъ былъ доволенъ экзаменомъ!»—«Самъ Лоренцъ похвалилъ!»—«Благодарность прислали за него!» говорили восторженные товарищи, протягивая семинарскую лямку въ ⁵³/₅₄ годъ, которымъ оканчивался полный учебный курсъ, неоконченный Добролюбовымъ.

Для читателей, не знакомыхъ съ семинарскими порядками, нужно будетъ объяснить нѣкоторыя подробности этой записки. Напримѣръ: что такое значить «дѣлать возраженіе»? Въ семинарскомъ преподаваніи осталось очень много средневѣковыхъ обычаевъ; къ числу ихъ принадлежатъ «диспуты» ученика съ учителемъ. Кончивъ объясненіе урока, учитель говоритъ: «кто имѣетъ сдѣлать возраженіе?»—Ученикъ, желающій «отличиться»,—отличиться не столько передъ учителемъ, сколько передъ товарищами,—встаётъ и говоритъ: «я имѣю возраженіе».—Начинается диспутъ; кончается онъ очень часто ругательствами возразившему отъ учителя; иногда возразившій посылается и «на колѣни»; но за то онъ пріобрѣтаетъ между товарищами славу «генія».—Надобно сказать, что каждый курсъ въ семинаріи имѣетъ человѣкъ пять «геніевъ», передъ которыми совершенно преклоняются товарищи.—Я описываю порядокъ, бывшій лѣтъ 15 или 20 тому назадъ въ семинаріи, гдѣ я учился.

М. Е. Лебедевъ упоминаетъ о «задачахъ».—Не знаю какъ теперь, а въ мои времена достоинство лучшихъ учениковъ оцѣнивалось въ семинаріи не по знанію уроковъ, а по достоинству «задачъ» или сочиненій на темы, задаваемые преподавателемъ. Уроки спрашивались у учениковъ только начиная съ осьмаго или десятаго имени въ спискѣ, который составлялся не по алфавитному порядку, а по успѣхамъ. Первый «пятокъ» въ мое время вовсе никогда и не училъ уроковъ, зная, что никогда не будетъ спрошенъ въ учебное время. За то онъ работалъ надъ «задачами», собраніе которыхъ приносилось каждымъ ученикомъ и на экзаменъ. У кого эти задачи составляли толстую книгу, тому было обеспечено благоволеніе всего экзаменующаго начальства.

Не мѣшаетъ объяснить и терминъ «сдывать», употребляемый М. Е. Лебедевымъ. Количество темъ, находившихся въ обращеніи при задаваніи задачъ, было не слишкомъ многочисленно: «страданія приближаютъ насъ къ Богу», «о пользѣ терпѣнія», «дурное общество развращаетъ нравы», и т. п. въ риторическомъ классѣ или низшемъ отдѣленіи семинаріи; «о различіи души и тѣла», «о преимуществѣ умозрительнаго метода надъ опытнымъ» и т. п. въ философскомъ классѣ или среднемъ отдѣленіи; всѣхъ различныхъ темъ, задававшихся въ теченіе цѣлыхъ 5 или 6 курсовъ, т. е. 10 или 12 лѣтъ, набралось бы вѣроятно не больше 100; а каждый годъ писалось нѣсколько десятковъ «задачъ», стало быть однѣ и тѣ же темы очень часто повторялись. Поэтому старыя «задачи» заботливо хранились, передавались отъ одного курса къ другому въ наслѣдство на случай неизбежнаго повторенія тѣхъ же темъ. У меня были товарищи, у которыхъ по большому сундуку было набито такимъ запасомъ. «Геніи» конечно презирали этотъ способъ отличатся чужимъ трудомъ, и онъ носилъ имя «сдывательства». Въ рукахъ у семинаристовъ бывало очень

мало книгъ, какъ упоминаеть и М. Е. Лебедевъ; потому списыванье чужихъ «задачь» было почти единственнымъ доступнымъ для нихъ способомъ пользоваться какими-нибудь пособиями при сочиненіи «задачи»; отъ этого всякое пользованіе какими-нибудь пособиями было подводимо общественнымъ мнѣніемъ семинаристовъ подъ обыкновенный случай «сдувательства».

Отсутствіе близкихъ дружескихъ отношеній между Николаемъ Александровичемъ и его товарищами по семинаріи достаточно объяснялось бы уже однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, которое выставлено и у М. Е. Лебедева: Николай Александровичъ былъ сынъ городского священника, пользовавшагося почетомъ у епархіальнаго начальства. Чтобы могли понять это люди, не знакомые съ семинарскимъ бытомъ, скажу о своихъ отношеніяхъ съ товарищами. Мой отецъ былъ также священникъ губернскаго города въ богатомъ (!) приходѣ (доходы моего отца отъ службы простирались до 1500 рублей ассигнаціями, и мы жили безбѣдно). Всѣ товарищи были мнѣ пріятели; человѣкъ десять изъ нихъ были со мной задушевные друзья. Сколько разъ мы бока другъ-другу въ шуточной борьбѣ,—счета нѣтъ; словомъ сказать, въ классѣ и «бурѣ» (куда я ходилъ чуть не каждый день для дружеской бесѣды) со мною церемонились товарищи такъ же мало, какъ и со всякимъ другимъ. Но въ гости ко мнѣ ходили только двое или трое изъ товарищей, и то изрѣдка; и надобно сказать, что они вовсе не были изъ числа ближайшихъ моихъ друзей: они были не больше какъ пріятели; но они не совѣстились посѣщать меня въ моемъ семействѣ потому, что у нихъ была приличная одежда и обувь. Ничто не можетъ сравниться съ бѣдностью массы семинаристовъ. Помню, что въ мое время изъ 600 человѣкъ въ семинаріи только у одного была волчья шуба,—и эта необычайная шуба представлялась чѣмъ-то даже не совсѣмъ приличнымъ ученику семинаріи, въ родѣ того, какъ если бы мужикъ надѣлъ брильянтовый перстень. Помню, какъ покойный Миша Левитскій, не имѣвшій другаго костюма, кромѣ синяго зипуна зимой и желтаго нанковаго халата лѣтомъ,—помню, какъ этотъ первый мой другъ не рѣшался навѣстить меня, когда я недѣли три не выходилъ изъ дому, будучи боленъ лихорадкой: а между тѣмъ мы съ Левитскимъ не могли пробыть двухъ дней не выдавшись, и когда онъ не ходилъ въ классъ, я каждый день приходилъ къ нему. Короче сказать, какъ ни умѣренна была степень знатности и богатства моей семьи, но почти для всѣхъ моихъ товарищей войти въ мой домъ казалось такъ же дико, они чувствовали бы себя въ немъ такими же бѣдняками и ничтожными людьми, какъ я чувствовалъ бы себя въ салонѣ герцога девонширскаго. Съ той поры конечно много измѣнилось въ нашей семинаріи; но не настолько, чтобы разсказъ мой сдѣлался совершенно обветшавшею стариною.

Очень можетъ быть, что и въ нижегородской семинаріи около 1850 г., когда учился Николай Александровичъ, было не совсѣмъ такъ, какъ въ мое время, около 1845 г., въ саратовской семинаріи; но не думаю, чтобы разница была значительная.

Теперь, какъ я слышу, въ многихъ, а быть можетъ и во всѣхъ семинаріяхъ уменьшилось или совсѣмъ вывелось пьянство. Но въ мое время въ саратовской семинаріи никакое сходбище семинаристовъ не могло не быть попойкою. Николай Александровичъ былъ настолько моложе своихъ товарищей,

что не годился бы быть участником попойек, еслибъ жизнь въ семействѣ и не удерживала его отъ подобной наклонности. Вотъ другая причина, по которой онъ довольно рѣдко видѣлся съ товарищами внѣ классовъ (впрочемъ въ «бурсѣ» онъ довольно часто ходилъ къ товарищамъ, навѣщалъ и товарищей, жившихъ на квартирахъ, какъ видно будетъ изъ его семинарскаго дневника, напечатаннаго на слѣдующихъ страницахъ). Не думаю, чтобы въ нижегородской семинаріи кутили тогда такъ сильно, какъ въ саратовской въ мои времена, болѣе старая и грубая. Но М. Е. Лебедевъ упоминаетъ, что его товарищи все-таки сильно кутили. А потомъ еще—разница лѣтъ: когда я перешелъ въ реторику, изъ моихъ 122-хъ человѣкъ товарищей только четверо имѣли по 14 лѣтъ и только одинъ былъ 13 лѣтъ,—и мы смотрѣли на него, какъ на ребенка. Этотъ юноша кутилъ очень сильно и съ необычайнымъ усердіемъ выдѣлывалъ всякія молодецкія штуки; но все его ухарство было недостаточно, чтобы товарищи смотрѣли на него, какъ равнаго себѣ. Николай Александровичъ перешелъ въ реторику имѣя только 12 лѣтъ. Онъ дѣйствительно не могъ по своимъ лѣтамъ войти въ жизнь товарищей.

Дѣлаю эти замѣчанія для людей, не знакомыхъ съ семинарскими обстоятельствами, въ предупрежденіе недоразумѣній. Но для семинариста довольно было бы знать: отецъ—членъ консисторіи; въ гостяхъ у отца бываютъ важные чиновники, иногда заѣзжаютъ къ нему даже самъ архіерей; сынъ не пьетъ вина, и при переходѣ въ реторику имѣетъ только 12 лѣтъ,—ясно, что домашнее знакомство съ этимъ ученикомъ невозможно почти ни для кого изъ товарищей и участникомъ интимной жизни своихъ товарищей онъ не можетъ быть.

Возвращаемся къ запискѣ М. Е. Лебедева. Вотъ какъ онъ рассказываетъ объ отношеніяхъ Николая Александровича къ его бывшимъ товарищамъ по отъѣздѣ его въ Петербургъ.

«Въ его первыхъ письмахъ изъ Петербурга выражалось совершенное невниманіе къ красотамъ столицы, полное хладнокровіе къ нимъ, которое онъ замѣтно старался передать и тѣмъ, кто требовалъ отъ него подробныхъ описаній. А какъ у семинаристовъ водится описывать всякій городъ, куда метнетъ ихъ судьба учиться, то молчаніе Добролюбова было очень неприятно для его товарищей. Нашлось довольно людей, которые, нисколько не сговариваясь между собой, прямо осудили его за то, что онъ корчитъ изъ себя ужъ очень умнаго человѣка, на котораго какъ будто не дѣйствуетъ никакая вѣстность. Упреки въ гордости, въ невнимательности къ товарищамъ и тому подобное посылались отовсюду.... За то, безъ всякой просьбы съ ихъ стороны, Николай Александровичъ дѣлился съ знакомыми тѣми идеями, какія онъ встрѣтилъ или развлъ въ институтѣ; онъ высылалъ цѣлыя тетрадки выписокъ, печатные листки, по почтѣ, или съ вѣрными людьми, къ нѣкоторымъ знакомымъ, къ профессорамъ; онъ звалъ ихъ на честную благую дѣятельность, рисовалъ имъ идеалы обязанностей, преимущественно священническихъ; въ пріѣзды въ Нижній онъ довершалъ такіа сношенія лично.—Но всегда его хлопоты оставались безуспѣшны. Правда, онъ трогалъ, шевелилъ сердце, видѣлъ, что убѣждались его доводами; но большая часть возражала однимъ страхомъ и опасеніями за его будущность, совѣтовала бросить завиральныя идеи; очень немногіе, сознавая безсиліе, горевали съ нимъ гражданскимъ горемъ и никто не попробовалъ приложить разобранныхъ съ нимъ идей къ дѣлу... Были люди, которые послѣ выражали болѣе сочувствія питейному откупу.... Съ появленіемъ его въ литературу развилась въ семинаріи преимущественно гордость, похвальбы имъ; были упреки въ дерзости; задавались вопросомъ, чѣмъ-то онъ кончитъ;—болѣе нечего».

Въ первыхъ письмахъ Николая Александровича изъ Петербурга къ роднымъ виднѣтъ тотъ же самый характеръ, которымъ обижались его товарищи.

Матери, отцу, двоюродному брату, теткам онъ точно также говорить, что описывать Петербурга онъ не хочетъ, что мало и смотрѣлъ на него, да и нельзя ясно изобразить Петербурга людямъ, не видавшимъ ничего, кромѣ Нижняго. Въ письмахъ къ роднымъ этотъ отказъ отъ описаній, конечно, уже не проеиходилъ отъ гордости. Дальше увидить читатель изъ словъ самого Николая Александровича, что онъ, собираясь ѣхать въ Петербургъ, не интересовался его зданіями, а занять былъ другими мыслями.

Факты объ успіяхъ Николая Александровича—пробудить своихъ нижегородскихъ товарищей къ лучшей умственной и гражданской жизни находятся между прочимъ въ дневникѣ, который велъ онъ нѣсколько времени въ началѣ 1857 г., когда былъ въ IV курсѣ Педагогическаго института.

Кромѣ этого дневника, мы нашли въ его бумагахъ другой дневникъ, веденный въ Нижнемъ, до отъѣзда въ Петербургъ. Помѣщаемъ его здѣсь почти весь, за исключеніемъ лишь немногихъ страницъ, лишенныхъ интереса ¹⁾).

Впрочемъ, мы не совсемъ правильно назвали дневникомъ эти записки, веденныя въ Нижнемъ-Новгородѣ: въ теченіи пятнадцати мѣсяцевъ Н. А. принимался за продолженіе начатыхъ мемуаровъ только 11 разъ. Сначала, какъ видно, онъ дѣйствительно хотѣлъ записывать каждый день, съ перваго же раза запустилъ время такъ, что уже поздно было даже и вспоминать день за днемъ. Потомъ онъ сѣлся записывать только какъ будто по особеннымъ случаямъ, когда проеиходила особенно важная новость въ его жизни. Вотъ начало дневника.

«1 января 1852 г.».

«Вотъ и еще одинъ годъ *«юркнулъ въ вѣчность!»* И еще годъ прошелъ, и еще годомъ сократилась жизнь моя. Грустно встрѣтилъ я этотъ годъ, котораго ждалъ я, можно сказать, съ нетерпѣніемъ. Много я надѣялся на него и отъ него... Но вотъ пришелъ онъ, и при самомъ вступленіи его, надежды мои разсыпаются прахомъ. Грустно, несвесело!... Тяжелый день провелъ я нынѣ. Теперь (12 часовъ вечера) на дворѣ «бушуетъ вѣтеръ, злится буря, свиститъ и воетъ и бурлитъ», и это довольно близко къ состоянію души моей. Я не сдѣлалъ нынѣ ничего добраго и полезнаго. Встрѣчая новый годъ, не хотѣлъ я спать всю ночь, но въ два часа «легъ полежать», — не больше, — и задремалъ и уснулъ.... А свѣча осталась на столѣ непогашенная, а книга лежала раскрытая. Къ счастью, огарокъ былъ невеликъ, и, вѣроятно, скоро догорѣлъ и погасъ самъ собой. Впрочемъ, можетъ быть погасила и няня. Я не говорилъ объ этомъ ни слова, но цѣлое утро былъ въ какомъ-то смущеніи. Надѣлалъ-было я дѣла.—подумалъ я проснувшись, и прямо бросился въ другую комнату къ столу, свѣчѣ и книгѣ, и нашелъ все въ цѣлости, не мало былъ удивленъ и еще болѣе обрадованъ.... Потомъ я поздно пришелъ къ обѣднѣ, простоялъ у порога, сконфузился при исполненіи нелѣпой фантазіи, пришедшей мнѣ въ голову—поздравить въ церкви А. Н. Ник..., которая мнѣ только кивнула на мое привѣтствіе, и ушелъ, не достоявъ молебна. Потомъ вздумалось мнѣ идти поздравить мать крестную—Л. В. П.; я пошелъ, встрѣтилъ сухой пріемъ, проскучалъ лишніе полчаса въ жизни, былъ раздосадованъ

¹⁾ Весь онъ состоитъ изъ шести тетрадокъ, въ каждой по 8 страницъ: мы выпускаемъ изъ 48 страницъ около 14. Имена и фамилии, напечатанныя здѣсь только одними начальными буквами, такъ и написаны у Н. А., конечно, только потому, что не было надобности писать вполне имена, слишкомъ знакомыя. Ряды точекъ не обозначаютъ пропусковъ, сдѣланныхъ нами или находящихся въ самомъ дневникѣ: это просто привычка Н. А. ставить ряды точекъ въ отрывистой рѣчи. Съ такими безпрестанными рядами точекъ написаны всѣ его статьи, и теперь мы видимъ, что манера писать такъ явилась у него очень рано. Пропуски, дѣйствительно сдѣланные нами, мы обозначимъ на своихъ мѣстахъ особыми оговорками.

невниманіемъ къ себѣ, получилъ порученіе, которое потомъ позабылъ исполнить, и не знаю еще—какъ отдѣляюсь!... Дома оскорбилъ маменьку, но вскорѣ помирился. Въ половинѣ 6-го пошелъ къ одному изъ товарищей, хорошему знакомому В. В. Л..., просидѣлъ тамъ часа два ни скучно, ни весело, хотя смѣялся очень много.... Оттуда мнѣ чрезвычайно хотѣлось, необыкновенно хотѣлось побывать у постояльцевъ нашихъ Щ... и поиграть тамъ съ ихъ прекрасными дѣтьми... особенно одна.... Тамъ было бы такъ весело!... Все это думалъ я дорогой; но дома ждало меня достойное заключеніе этого чуднаго дня.... Нужно было случиться, чтобъ у насъ въ этотъ день сбѣжала со двора наша корова.... Паленька и такъ нынѣ былъ довольно въ худомъ расположеніи духа, но нѣкоторымъ обстоятельствамъ; но когда сказали ему объ этомъ, онъ окончательно разстроился; и пришедши домой, я засталъ его въ крайне-мрачномъ расположеніи, особенно потому, что это случилось въ новый годъ, и слѣдовательно предвѣщало несчастья въ будущемъ,—предразсудокъ, оказавшій однако сильное вліяніе на папашу. Къ вѣщающему несчастью, мамаша съ старшей моей сестрой уѣхали къ А. И. Н. на вечеръ, папаша былъ одинъ, и я долженъ былъ подвергнуться непріятностямъ. Сначала папаша пожалѣлъ о коровѣ, побранилъ заочно работницу,—за дѣло!—и принялся писать свои дѣла.... Я подумалъ, что ждать мнѣ больше нечего, взялъ свѣчу и пошелъ къ себѣ въ комнату. Но папаша позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что «еслибъ я мало-маленьки радѣлъ отцу, жалѣлъ его, еслибы у меня хотя немного было 'мозгу въ головѣ, то я занялся бы этимъ дѣломъ, а не оставилъ его безъ вниманія, будто мнѣ все равно, хоть все гори, все распропади».... Послѣ этого нечего было ждать ласковаго слова. Я-таки испугался предстоящей сцены, и поспорѣе, по приказанію папашы, сошелъ въ кухню и спросилъ кухарку объ успѣхахъ ея поисковъ, которые были совсѣмъ безуспѣшны. Узнавши это, я въ точности донесъ папашѣ. Онъ сталъ что-то говорить, и вдругъ, Богъ-вѣсть-какъ, разговоръ перешелъ ко мнѣ, и тутъ-то я долженъ былъ выслушать множество вещей, которыхъ теперь и не припомню въ подробности. Но только главный смыслъ ихъ былъ таковъ: «ты негодяй; ты не радѣешь отцу, не смотришь ни за чѣмъ; не любишь и не жалѣешь отца; мучишь меня и не понимаешь того, какъ я тружусь для васъ. не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Ты дуракъ, изъ тебя толку не много выйдетъ; ты ученъ, хорошо сочиняешь, но все это вздоръ. Ты дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешь и не хочешь дѣлать. Вы меня не слушаете, вы меня мучите; когда нибудь вспомните, что я говорилъ, да будетъ поздно. Можетъ, я не долго ужъ проживу. Отъ такихъ безпокойствъ, тревогъ и непріятностей поневолѣ захочешь умереть; лучше прямо въ могилу, чѣмъ такъ жить. Ничего въ свѣтѣ нѣтъ для меня радостнаго; нигдѣ не найду отрады; весь свѣтъ—подлецъ; всѣ твои науки никуда не годятся, если не будешь умѣть жить. Умѣй беречь деньги; безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; деньги,—охъ!—трудно достаются: надо умѣть, да и умѣть приобретать ихъ; какъ меня не будетъ, вы съ голоду всѣ умрете; никакія твои сочиненія тебѣ не помогутъ!... Изъ тебя ничего хорошаго не выйдетъ; хило-гнило, хило-гнило; не много въ тебѣ мозгу; а еще умнымъ считаешься».—Все это, на разные манеры повторяемое, я слушалъ отъ 8 до 11 часовъ,—ровно три часа.... Каково это вынести? Не въ первый и не въ послѣдній разъ слышалъ я эти упреки, но нынѣ они особенно были тяжелы для меня. Они продолжались три часа; произносились не съ сердцемъ, не въ гнѣвѣ, но очень спокойно, только въ необыкновенно мрачномъ и грустномъ тонѣ. Я не видѣлъ никакого повода къ такому обороту разговора, хотя большею частью и сознавалъ относительную справедливость высказываемыхъ замѣчаній. Но все это ничего-бы: особенно поразили меня упреки въ нелюбви, нерадѣніи къ отцу, пророческія слова о томъ, что изъ меня ничего не выйдетъ; всего же болѣе эти жалобы на свои труды и безпокойства, на то, что не долго ему остается жить. Чуть не плачу и теперь, припоминая это. Однако мнѣ не хочется вѣрять, и я не смѣю вѣрять этимъ словамъ. Но когда папаша говорилъ, я не смѣлъ, я не могъ произнести ни одного слова, если онъ самъ не спрашивалъ меня: «такъ ли?»—на что я отвѣчалъ только: такъ-съ.... Я бы нашелся, что сказать; но у меня недоставало духу говорить... Не понимаю, что это такое. А папашѣ это видимо непріятно.... Но что же дѣлать? Не такъ, не такъ надо со мной говорить и обращаться, чтобы

достигнуть того, чего ему хочется. Нужно прежде разрушить эту робость, побѣдить это чувство приличія предъ роднымъ отцомъ, будто съ чужимъ, смирить эту недовѣрчивость, и тогда уже явится эта младенческая искренность и простота.... Впрочемъ, что винить папашу?—я виноватъ, одинъ я причиной этого. Должно быть я гордъ, и изъ этого источника происходитъ весь мой гадкій характеръ. Это впрочемъ, кажется, у насъ естественное качество, хотя въ довольно благородномъ значеніи.... Однако чудный денекъ! Всѣ такъ встрѣчаютъ новый годъ? Не правда ли?... Можно повеселиться!...

«8 января, 4 часа утра».

«Вотъ недѣля прошла новаго года, а я еще только разъ открывалъ мой дневникъ. А все эта неотразимая лѣнь, сильная своей «энергіей слабости». Она даже увѣрила меня, что въ эти дни нечего было записывать, и еще когда нибудь увѣрить, что въ моей ничтожной жизни вовсе нечего записывать, и потому дневникъ мой надобно прекратить... Но прежде. чѣмъ сдѣлать это, я спѣшу,—тѣмъ болѣе, что опоздалъ—извиниться передъ новымъ годомъ за мои несправедливыя нареканія, которыя я дѣлалъ ему и въ стихахъ и въ прозѣ. Право, онъ вовсе недурень, для начала. Годъ какъ годъ. Ничего особенно страшнаго. Немпожко, правда, холоденъ: градусовъ 20, и выше съ 2 или 3 числа, стоитъ постоянно; но это еще не великая бѣда. Однако не мѣшаетъ припомнить что нибудь по порядку.

«2 числа, въ среду, корова нашлась. Папаша успокоился, былъ очень веселъ. но за обѣдомъ все-таки, не помню по какому поводу, повторено мнѣ было извлеченіе изъ вчерашняго правоученія, съ особеннымъ удареніемъ на то, что во мнѣ мозгу нѣтъ, и съ приполненіемъ таковымъ, что, дескать, напрасно я написалъ огромную задачу, гдѣ напоролъ множество чухи, а между тѣмъ своего дѣла не знаю. Нужно сказать здѣсь, что передъ Рождествомъ я написалъ сочиненіе о мужахъ апостольскихъ, листовъ въ 35, опустилъ при этомъ нѣсколько казенныхъ задачъ и уже нѣсколько разъ мнѣ доставалось за это... Въ этотъ день вечеромъ ходить я къ Ник., относилъ книгу—«Письма Святогорца», взялъ 2-ю часть ихъ же; слышалъ тамъ, что у нихъ въ тотъ день былъ преосвященный. Я спрашивалъ, не говорилъ ли онъ чего о папашѣ, но сказали, что ничего не поминать. Когда я, пришедши домой, сказалъ объ этомъ папашѣ, онъ сказалъ: «ну, ужъ отъ Ник. не жди добра, опять чего нибудь напутаютъ, наговорятъ. Все зло, сжали я что получилъ, такъ отъ нихъ»... Вотъ подозрительность! Вотъ преувеличеніе! Жаль, что пишу я эти слова... У Н. видѣлъ я, между прочимъ, madame, приставленную къ дѣтямъ Н. Л. Наз. Это что-то новое для меня. По романамъ я представлялъ гувернантку именно такимъ несчастнымъ существомъ, какъ ее описываютъ; но это совершенно другое дѣло! Она жеманится, важничаетъ, жалуется на угаръ, сердится, говоритъ: «я не могу», «я не хочу»; а ей все смотреть въ глаза, все за ней ухаживаетъ, все ей кланяется. Мнѣ кажется, она весь домъ заберетъ скоро въ свои руки, если ужъ не забрала ¹⁾).

«3 января. Въ четвертокъ была у насъ—«Ангель мой! Христосъ съ вами! Душка мой! Ангель мой!..»—К. П. З.—Странная женщина!.. Нѣжна до приторности, чувствительна до обидчивости и слезливости, деликатна до сантиментальности. «Словечка въ простотѣ не скажетъ: все съ ужимкой»... Разъ я игралъ съ ней въ карты... Возможности нѣтъ; только и слышишь: «позвольте мнѣ спашевать», или: «Николичка! ангель мой! Будьте такъ добры,—передайте мнѣ прикупку»... или: «а мнѣ повисовать позволите?»... И все съ такой раздражающей душу приторно-жеманной гримасой, такимъ разсыпающимся нѣжнымъ голосомъ, съ такой кисло-сладкой улыбкой, что я едва удерживался, чтобъ не воскликнуть: «прошу тебя: не мучь меня!..» Часто она пишетъ письма къ папашѣ, такія же, какъ она сама; такъ и вѣтъ отъ нихъ К. П.—вою, какъ отъ аптеки лекарствами. Признаюсь, и впечатлѣніе они на меня производятъ такое же, какъ апте-

¹⁾ Здѣсь выпущено нами нѣсколько строкъ, говорящихъ о женитбѣ одного изъ родственниковъ Н. А.

«16 января».

«(Вот как я лѣнив! Когда я дописалъ тотъ листъ, подъ рукой не было другого—я полѣнился встать и вынуть его, и такимъ образомъ провелъ больше недѣли!.. Каково?..)»

ка. Начинаетъ она обыкновенно очень романически, напримѣръ: «Хижина въ селѣ Борцовѣ»,—такъ называетъ она свой господскій домъ. Папашу обыкновенно зоветъ она въ письмахъ, вмѣсто—милостивый государь такой-то—«Всегда благородный и никогда незабвенный духовникъ мой!..» или: «Всегда мнѣ милый! Благодѣтель мой!..» Кромѣ того въ концѣ или въ началѣ каждаго письма нишетъ: «цалую драгоцѣннѣйшія ручки ваши, и дѣтей ангеловъ цалую». Весьма пріятная и образованная женщина!.. Впрочемъ мнѣ еще придется поговорить о ней!.. Она обѣщала прислать мнѣ книгу «Апостолы», по духу очень похожую на нее. На другой день я получилъ эту книгу и прочиталъ уже. Дрянная книжонка какого-то г. Яковлева, впрочемъ очень хорошая для подобныхъ К. П. З. Можетъ быть авторъ на нихъ и разсчитывалъ».

Биографическая важность разсказа, относящагося къ 1 и 2-му января, видна сама собою. Разсказъ, относящійся къ 3-му января, показался намъ интересенъ потому, что онъ показываетъ, какъ зорко подмѣчалъ 16-лѣтній семинаристъ пошлость въ людяхъ, кажущихся идеаломъ изящества для другихъ юношей того круга, въ которомъ воспитывался Н. А.—Вслѣдъ затѣмъ идетъ мѣсто, разсказывающее намъ первый случай, или одинъ изъ первыхъ случаевъ, проявленія мечты объ университетѣ; судя по тону разсказа, надобно полагать, Н. А. уже и прежде думалъ объ этомъ, но еще не говорилъ ни съ кѣмъ:

«4 былъ я у Л. Ив. С. Заговорили о Н. А. В., отправившемся въ нынѣшнемъ году въ университетъ, и Л. И. сказалъ, что онъ пишетъ къ нему, что экзаменъ сдалъ хорошо и легко, что заниматься тамъ легче, чѣмъ даже въ семинаріи. А ужъ чего легче заниматься въ семинаріи. Я нисколько не занимаюсь, и все-таки изъ первыхъ не выхожу. Я сказалъ, что и мнѣ хотѣлось бы поступить туда же. Л. И. даже обрадовался этому, очень охотно сталъ со мной говорить объ этомъ, самъ вызвался написать къ Н. А. о моемъ желаніи и сказалъ даже, что «онъ (то есть Н. А.) и программой можетъ послужить». Кромѣ того онъ давалъ мнѣ нѣсколько совѣтовъ, какъ вести себя въ семинаріи, чтобъ успѣть приготовиться и чтобы меня не стали удерживать въ семинаріи, и еще сказалъ: «нѣтъ ли изъ вашихъ прихожанъ когонибудь знакомаго съ Погодинымъ? Онъ можетъ однимъ благосклоннымъ словомъ сдѣлать для васъ многое». Это надо принять къ свѣдѣнію. Мы разошлись, и Л. И. сказалъ, что мы еще объ этомъ потолкуемъ... Но послѣ я былъ у него раза два и намъ еще «потолковать» не удавалось... Впрочемъ съ тѣхъ поръ я началъ серьезно объ этомъ подумывать. Главное затрудненіе теперь въ томъ, что я плохо знаю языки: латинскій довольно хорошо, греческій плохо, нѣмецкій еще хуже, а французскаго вовсе не знаю. А учителя для меня теперь нельзя нанять, потому что я учусь на фортепиано, а платить двумъ учителямъ вдругъ тяжело... Впрочемъ, изъ чего можно, я готовлюсь».

Послѣ этого я пропускаю 11 страницъ, не заключающихъ въ себѣ ничего интереснаго ¹⁾. Послѣднія изъ этихъ выпущенныхъ страницъ писаны 22 февраля и содержатъ окончаніе разсказа о поѣздкѣ съ отцомъ въ гости къ дядѣ, бывшей 16 января, и о томъ, что 17 января Н. А. ходилъ смотрѣть съ хоръ залы благороднаго собранія на происходившіе тогда дворянскіе выборы. Это писано, какъ мы замѣтили, 22 февраля,—такимъ образомъ, Н. А. отсталъ слишкомъ на мѣсяцъ въ записываніи своихъ воспоминаній, и послѣ того на

¹⁾ Далѣе выброшена по той же причинѣ одна страница между тѣмъ, что написано 24 января и 15 марта 1853 г.

четыре мѣсяца бросилъ записываніе. Прямо за строками о 17-мъ января, писанными 22 февраля, слѣдуетъ:

«17 іюня».

«Пора возобновить забытый мой дневникъ, излить въ немъ новыя живыя впечатлѣнія, которыя я нынѣ получилъ. Да,—это стоитъ того, чтобы записать, и я займусь этимъ теперь же, пока еще не прошелъ первый пылъ моего восторга, который, надо замѣтить, проходитъ необыкновенно скоро. Оставлю всѣ свои воспоминанія и замѣтки: теперь не до нихъ, когда нибудь въ другое время. Я слишкомъ занятъ настоящимъ. Нынѣшній день я познакомился съ Иваномъ Максимовичемъ Сладкопѣвцевымъ¹⁾,—давнишнее мое желаніе и цѣль, къ которой я стремился съ пламенной ревностью, но которая никогда бы не была, вѣроятно, достигнута безъ особенно счастливаго стеченія обстоятельствъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Иванъ Максимовичъ послѣ пасхи нынѣшней сталъ учить у насъ нѣмецкому языку, вмѣсто П. А., который отказался по случаю опредѣленія своего въ попу къ Покрову. По этому случаю Иванъ Максимовичъ немного узналъ меня, особенно потому, что онъ уже познакомился съ панашей на свадьбѣ у Лебед... Потомъ женился товарищъ и бывшій другъ Ивана Максимовича, А. А. К., взявъ дочь Гордѣевского священника, въ которой-то степени родственницу моей тетускѣ, В. В. К.—Иванъ Максимовичъ былъ шаферомъ; тетуска была на свадьбѣ: они познакомились. Послѣ того, какъ-то Иванъ Максимовичъ былъ и у нихъ, то есть у моего дядюшки Л. П. К. съ тетускою В. В., и тутъ-то и былъ разговоръ обо мнѣ. Тетенька, которой я уши прожужжалъ Иваномъ Максимовичемъ, сказала ему о моей чрезвычайной привязанности къ нему; Ив. Максимовичъ очень ловко отклонилъ отъ себя это довольно щекотливое обстоятельство, похвалилъ меня, заговорилъ о моихъ занятіяхъ, и сказалъ даже, что онъ бы желалъ со мною познакомиться. Все это было довольно давно; но онъ съ тѣхъ поръ не перемѣнилъ своего обращенія со мною, и на нѣмецкихъ классахъ не подавалъ ни малѣйшаго вида, что отпичаетъ меня отъ другихъ. Поэтому я боялся или, лучше совѣстился—ни съ того, ни съ сего идти къ нему, и ожидалъ все, не представится ли случай обратиться къ нему, какъ къ наставнику. Но *таковаго* не представилось, и я все не былъ знакомъ съ нимъ, хотя и *пламенно* желалъ этого, то есть такъ *пламенно*, какъ только могу я желать; а у меня натура довольно холодная. Наконецъ представился довольно благовидный предлогъ, подъ которымъ я могъ явиться къ Ивану Максимовичу и по крайней мѣрѣ посмотрѣть, что изъ этого будетъ. Я спрашивалъ въ семинарской библіотекѣ книгу; мнѣ сказали, что она у Ивана Максимовича, что онъ взялъ ее очень давно и что я могу попросить эту книгу у него. Въ самомъ дѣлѣ—не было ничего проще, и къ кому нибудь другому я бы ни минуты не задумавшись сходилъ и взялъ. Но при мысли что нужно идти къ Ивану Максимовичу, мнѣ было, какъ-то неловко, какъ-то боязно, и я все не могъ рѣшиться сходить къ нему и вѣроятно не пошелъ бы вовсе, если бы не помогли тутъ особенныя счастливыя обстоятельства, которыя какъ-то вообще довольно ко мнѣ благосклонны, особенно во всемъ, что касается внѣшности. Въ самое время моего глубокаго раздумья, которое обыкновенно начиналось во мнѣ всякій разъ, какъ мнѣ было нечего больше думать,—моя тетуска сообщила мнѣ о своемъ разговорѣ съ Иваномъ Максимовичемъ. Дядюшка сказалъ мнѣ о желаніи его, чтобы я пришелъ къ нему; а съ другой стороны И. А. В. какъ-то сообщилъ мнѣ, что идти къ наставнику и выпросить книгу, взятую имъ изъ семинарской библіотеки, нѣтъ ничего легче, что это дѣлается очень часто и вообще всѣмъ принимается какъ вещь самая обыкновенная. Я наконецъ рѣшился (надо замѣтить, что г. П. А. Ж. прежде отговаривалъ меня отъ этого, представляя, что это неловко); но рѣшившись, просбирался съ недѣлю и наконецъ нынѣ зашелъ къ нему почти нечаянно, почти не думая идти къ нему. Вотъ судьба! Впрочемъ некогда, некогда—спрятать скорѣе, завтра окончу разсказъ о своихъ похожденияхъ.

¹⁾ Это имя у Н. А. написано сокращено, мы печатаемъ его вполнѣ. Мы не знаемъ, живъ ли г. Сладкопѣвецъ; но если онъ живъ, пусть онъ знаетъ, какую привязанностью платилъ ему бывшій его ученикъ за то, что онъ обращался съ семинаристами по-человѣчески и не скрывалъ своихъ честныхъ мнѣній отъ молодыхъ людей, искавшихъ истины.

«11 ноября».

«Вотъ и завтра!.. Оно продолжалось до сихъ поръ, и теперь уже поздно опясывать подробности моего знакомства съ нимъ, когда оно такъ неожиданно прерывается. Да, я съ нимъ познакомился, и даже наши отношенія достигли нѣкоторой короткости, но я былъ недостойнъ этого счастья, и оно улетѣло отъ меня. Теперь не будетъ вокругъ меня ни одной души, къ которой я чувствовалъ бы сердечную привязанность (исключая, разумѣется, ближайшихъ родныхъ—отца и матери), съ которой могъ бы отдохнуть въ веселомъ или уномъ разговорѣ отъ пустоты моей жизни... Боже мой! Люди пристращаются—къ красотамъ природы, къ картинамъ, статуямъ, деньгамъ, и они не имѣютъ пренятствій для наслажденія ими. Всѣ эти вещи могутъ принадлежать имъ, быть ихъ неотъемлемной собственностью, если только не принадлежать всѣмъ, что также не мѣшаетъ всякому наслаждаться ими... Чѣмъ же виноватъ я, что привязываюсь къ человѣку, превосходящему творенію Божію? Чѣмъ я несчастливъ, что моя душа не любитъ ничего въ мірѣ, кромѣ такой же души? Ужели преступленіе то, что я инстинктивно отгадываю умъ, благородство, доброту человѣка, и, отгадавши, всѣми силами души моей привязываюсь къ нему? И за что же наказывать меня, за что отнимать у меня мое счастье, когда оно такъ чисто, невинно и благородно? Сколько ни имѣлъ я привязанностей, всегда злая судьба умчѣтъ отъ меня далекого любимый предметъ, и въ душѣ—тоскливое воспоминаніе и горькое сознаніе своего отчаянія... Я рожденъ съ чрезвычайно симпатическимъ сердцемъ: слезы сострадательности чаще всѣхъ вытекали бывало изъ глазъ моихъ. Я никогда не могъ жить безъ любви, безъ привязанности къ кому бы то ни было. Это было такъ, что я себя ни запомню. Но эта постоянная насмѣшка судьбы, по которой всѣ мои надежды и мечты обыкновенно разлетались прахомъ, постоянно сушить и охлаждать мое сердце, и нѣтъ ничего мудреннаго, что скоро оно будетъ и твердо и холодно, какъ камень. Вотъ хоть бы и теперь—что вдругъ понадобилось Ивану Максимовичу въ Тамбовѣ? Чѣмъ ему нехорошо здѣсь? Что за обстоятельства?.. А между тѣмъ я страдаю, и еще какъ страдаю—тѣмъ болѣе, что мнѣ этого ни передъ кѣмъ нельзя выказывать: всѣ станутъ смѣяться. Я бѣжусь только внутренно, и произношу тысячу проклятій.—Но какія проклятія, какія слова выразить то, что я чувствую теперь въ глубинѣ души моей! Я пробовалъ всѣ энергическія восклицанія русскаго народа, которыми онъ выражаетъ свои сильныя ощущенія, но все, что я знаю,—слабо, не выражается... и я по прежнему взволнованъ, и по прежнему въ душѣ моей кипитъ и бурлитъ страшное безпокойство. Я теперь надѣялся бы чортъ-знаетъ что, весь міръ перевернуть бы вверхъ дномъ, выпарапалъ бы глаза, откусилъ бы пальцы тому... ¹⁾ который подписалъ увольненіе Ивана Максимовича. Но, увы! это ни къ чему не поведетъ, и мнѣ остается только стараться смирить свои бѣшеные порывы... И еще считаютъ меня за человѣка малокровнаго, чуть не флегматика!.. Тогда какъ самыя пламенные чувства, самыя неистовыя страсти скрываются подъ этой духовной оболочкой всегдѣшняго равнодушія. Если бы мнѣ вдругъ сказали, что меня исключаютъ изъ семинаріи, это не поразило бы меня такъ, какъ извѣстіе объ отъѣздѣ Ивана Максимовича. О, какъ огромно это бѣдствие, какъ незамѣнима моя потеря! Съ кѣмъ теперь могу я провести вечеръ такъ незамѣтно, такъ счастливо, какъ съ нимъ? Въ чьемъ разговорѣ могу отвести я душу, забыться отъ этихъ легкихъ неудовольствій, составляющихъ несчастье моей жизни? Я никогда не повѣрялъ ему сердечныхъ тайнъ, не имѣлъ даже надлежащей свободы въ разговорѣ съ нимъ; но при всемъ томъ, одна мысль—быть съ нимъ—дѣлала меня счастливымъ, и послѣ свиданія съ нимъ, и особенно послѣ вечера, проведеннаго съ нимъ наединѣ, я долго-долго наслаждался воспоминаніемъ и долго былъ подъ влияніемъ обаятельнаго голоса и обращенія. Что-то особенно прввлекало меня къ нему, возбуждало во мнѣ болѣе, нежели просто привязанность—какое-то благоговѣніе къ нему. При всей короткости нашихъ отношеній, я уважалъ его, какъ не уважалъ ни одного профессора, ни самаго ректора или архіерея, словомъ,—какъ не уважалъ ни одного начальника. Ни

¹⁾ Здѣсь выпущено нами нѣсколько словъ.

однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не рѣшился бы я оскорбить его; просьбу его я считалъ для себя закономъ. Вадумалъ бы онъ публично наказать меня, я послушался бы, перенесъ наказаніе, и мое расположеніе къ нему нисколько бы оттого не уменьшилось... Какъ собака я былъ привязанъ къ нему, и для него я готовъ былъ сдѣлать все, не разсуждая о послѣдствіяхъ. За него я стоялъ горой, и готовъ былъ возненавидѣть человѣка, который сталъ бы доказывать, что Иванъ Максимовичъ нехорошій человѣкъ. Но къ счастью этого никогда не случалось: его любили и хвалили всѣ. Его душа, благородная и высокая, во всѣхъ болѣе или менѣе возбуждала чувство любви и уваженія. Но, конечно, никто не любилъ его болѣе меня... Я слѣдилъ за каждымъ движеніемъ, подмѣчалъ каждое измѣненіе его голоса, и все въ немъ казалось мнѣ совершеннымъ, превосходнымъ... и вдругъ, о Боже мой!! лишиться всего этого, лишиться такъ внезапно, такъ неожиданно! Какъ хотите—это жестоко, невыносимо... «О жизнь, жизнь», говорилъ онъ,—«чего-то въ ней не случается, куда-то не кидаютъ насъ обстоятельства!» Но онъ ѣдетъ на родину, къ друзьямъ и знакомымъ, онъ не оставляетъ здѣсь ничего, чтобы ему было особенно дорого—что ему? Побудеть тамъ мѣсяць-другой, и позабудетъ всѣхъ нижегородцевъ, съ которыми онъ не успѣлъ еще сродниться. Да и что могло представиться ему интереснаго, достойнаго его вниманія? Все пошло, глупо, мелко, ничто не удовлетворяетъ порывовъ высокаго ума, глубоко чувствующаго сердца. Но я остаюсь безъ него, какъ въ пустынѣ безъ проводника и товарища, отъ меня онъ уноситъ лучшую половину души моей, также какъ уноситъ мои лучшія надежды и желанія. Нынѣшній вечеръ сидѣлъ я у него, и чудныя, непонятныя желанія томили меня... Голова моя горѣла; мнѣ хотѣлось—то расплакаться, то разбить себѣ черепъ, то броситься къ нему на шею, разцаловать его, разцаловать его руки, припасть къ ногамъ его. Съ грустнымъ отчаяніемъ смотрѣлъ я на него, наглядываясь, можетъ быть, въ послѣдній разъ, и никогда еще, казалось мнѣ, черные волосы его не лежали такъ хорошо въ чудномъ безпорядкѣ на головѣ его, никогда смуглое, мужественное лицо его не было такъ привлекательно, никогда въ темно-голубыхъ глазахъ его не отражалось столько ума, благородства, добродушія, и этого огня и блеска, въ которомъ высказывалась сильная и могучая душа его. Я мысленно прощался съ нимъ, и сердце мое надрывалось. И вотъ жизнь наша: были знакомые, въ хорошихъ отношеніяхъ, души наши сроднились нѣсколько, и вдругъ—нѣсколько сотъ верстъ разстоянія раздѣляютъ насъ, и мы ничего не знаемъ другъ о другѣ, и мы чужіе одинъ-другому, и шѣтъ между нами ничего общаго. Я даже не могу имѣть и послѣдняго утѣшенія разлучающихся—не могу просить отъ него тѣхъ «нѣсколькихъ строкъ», которыя такъ жадно получилъ бы я отъ него! Не знаю даже, станеть ли у меня духу высказать ему, какъ я былъ привязанъ къ нему, высказать хоть сотую долю истины? Господи! Неужели же мы разстанемся, какъ простые знакомые, которые случайно сошлись и должны разойтись также случайно? О не дай Господи! Даруй мнѣ силу открыть ему мое сердце, и ему вниманіе—выслушать меня, и благосклонно принять мои признанія не съ легкимъ смѣхомъ, но хоть съ легкимъ чувствомъ!..

«19 ноября 1852 года».

«Онъ, наконецъ, окончательно простился со мной, кумиръ души моей, мой идеалъ, мой добрый гений!... Коротко и неожиданно было для меня наше прощаніе, и я не успѣлъ высказать многого, что хотѣлъ сказать, и только едва успѣлъ выпросить у него позволенія—писать къ нему. Нынѣ послѣ класса я зашелъ къ нему,—вѣтъ дома. Посидѣвъ у подлѣкаря въ больницѣ, я опять пошелъ къ нему, опять не засталъ, походилъ и побылъ еще въ больницѣ, и наконецъ нашелъ его дома. Онъ былъ нѣсколько разстроенъ, занимался сборами, на меня обращалъ очень мало вниманія, и наконецъ напившись чаю, онъ собрался идти на именины къ А. Е., въ послѣдній разъ провести вечеръ въ кругу нижегородскихъ знакомыхъ. Я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ; дорога была очень неровная и скользкая, ночь очень темная, разговаривать было очень неловко. Однакоже я началъ-было что-то, надѣясь высказать ему очень многое, но вдругъ онъ сказалъ, что надо взять извозчика, крикнулъ: «извозчикъ», тотчасъ же явился какой-то,

и только успѣлъ я сказать ему, «прощайте же, Иванъ Максимовичъ», онъ пожалъ мнѣ крѣпко руку, поцаловалъ трижды, пожелалъ быть счастливымъ, но не такъ, какъ онъ, и сѣлъ въ сани. Тутъ я просилъ позволенія писать къ нему, хоть не отсюда, а изъ другаго мѣста. Онъ сказалъ, что ему «будетъ очень пріятно, и что отсюда ему будетъ еще интереснѣе, а ужъ если вы будете въ академии, то разумѣется»... Потомъ онъ еще разъ сказалъ мнѣ: прощайте, пожалъ мнѣ руку, и скрылся изъ глазъ моихъ въ темнотѣ ночи.—Вотъ и прощанье наше! Мнѣ чрезвычайно грустно и какъ-то тяжело на сердцѣ, особенно потому, что я ему не высказалъ всего, что хотѣлъ высказать, и разстался съ нимъ просто, безъ всякихъ особенныхъ объясненій. Но я напишу къ нему.—Подожду мѣсяцъ, увѣрюсь окончательно, что мое теперешнее чувство не порывъ разгоряченнаго воображенія, не пустая фантазія, не обманъ сердца, и тогда выскажу ему все, что волнуетъ душу мою. Но чтобы навсегда была драгоценна для меня память его, я даю обѣщаніе предъ своею совѣстью ¹⁾... я рѣшительно хочу оградиться этимъ воспоминаніемъ, какъ щитомъ и покровомъ... Да и отъ какой низости и не удержитъ образъ этого благороднаго, мужественнаго, добраго и вполнѣ умнаго человѣка?.. Во мнѣ всегда мысль о его достоинствахъ возбуждала благородное чувство и стремленіе къ подражанію, и я съ новой силой, съ новой энергіей принимался за дѣло, и умъ мой какъ будто прояснялся и терпѣніе возрастало, и все существо мое оживлялось и возвышалось, и какое-то священное одушевленіе разливалось во мнѣ и поддерживало меня въ моихъ занятіяхъ. О, какъ жаль, что я теперь могу жить однимъ воспоминаніемъ, и что не можетъ теперь уже повториться вліяніе его на меня, столько благотворное для меня и дѣлавшее меня такъ счастливымъ, такъ веселымъ, такъ довольнымъ... Прощай—все!..».

Приостанавливаемся тутъ, потому что въ бумагахъ, оставшихся послѣ Н. А., нашелся отрывокъ, который надобно помѣстить здѣсь, въ дополненіе къ этой части дневника.

Нижній-Новгородъ,
31 дек. 1852 г.

М. Г.

II. М.

«Давно уже хотѣлось мнѣ злоупотребить даннымъ вами позволеніемъ—писать къ вамъ. Но меня все удерживала мысль, что я долженъ купить это удовольствіе цѣною вашей скуки. Долго я не рѣшался; наконецъ придумалъ средство—удовлетворить потребности сердца, не докучая вамъ. Я рѣшился писать, и потомъ оставлять у себя написанное. Когда нибудь, можетъ быть чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ и черезъ нѣсколько лѣтъ, я передамъ вотъ эту тетрадку, и вы заразъ отдѣляетесь отъ всей этой скуки, если, разумѣется, захотите прочитать это писаніе. По крайней мѣрѣ я выскажу на бумагѣ то, чего никогда не рѣшался сказать вамъ на словахъ. А много еще, много хотѣлъ бы я сказать вамъ, много собирался открыть заветныхъ мыслей—обо мнѣ и о васъ... Судьба судила иначе, и я разстался съ вами, не успѣвъ, съ обыкновенной робостью моей, въ пять мѣсяцевъ знакомства съ вами, высказать даже того, сколько я былъ къ вамъ привязанъ. Но вы сами замѣтили это, и болѣе, нежели слишкомъ вознаградили меня: иначе, чему же приписать мнѣ ваше благосклонное вниманіе, ваше сближеніе со мною, который дорожилъ каждымъ вашимъ словомъ, старался подмѣчать каждый взглядъ вашъ?.. Благодарю васъ за все,—вотъ что только могу я сказать теперь; но что же вамъ моя благодарность, что моя привязанность? Вы не можете быть увѣрены, подобно мнѣ, что никто не любилъ и не уважалъ васъ столько, какъ я. Другіе, можетъ быть, умѣли сказать вамъ это прежде, а я рѣшаюсь говорить только теперь, когда не вижу васъ передъ собою, когда вы не видите пылающаго лица

¹⁾ Здѣсь мы выбрасываемъ восемь строкъ, заключающихъ въ себѣ домашнія тайны, о которыхъ и не нужно и не интересно было бы знать публикѣ.

моего, не слышите дрожащего моего голоса... А какъ, бывало, хотѣлось иногда поговорить съ вами откровенно, со всѣмъ увлеченіемъ юношескаго сердца, со всѣми порывами, которые я такъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ! Иногда я даже заводилъ подобный разговоръ и дѣлалъ нѣсколько неясныхъ намековъ,—оставалось произнести нѣсколько рѣшительныхъ словъ, послѣ которыхъ рѣшимо подлились бы признанія,—но этого-то я и не могъ... Со мною случалось то, что говорить Огаревъ въ «песновѣди»,

«Что только лишь сказать хочу,
Какъ вдругъ въ лицѣ весь вспыхну,
Займется духъ, и я молчу
И головой поникну...».

Конечно, можетъ быть мои признанія навели бы на васъ скуку; но за то сколько былъ бы счастливъ я, счастливъ въ эти минуты тѣмъ эгоистическимъ счастьемъ, которое занимается только собою и не обращаетъ вниманія на другихъ, даже виновниковъ этого счастья. Но за то хотъ теперь позволяю мнѣ разсказать вамъ отрывокъ изъ моей душевной жизни, именно о знакомствѣ съ вами. Простите мнѣ,—я знаю, что для васъ нисколько неинтересно знать, что думалъ и говорилъ о васъ одинъ мальчикъ изъ вашихъ бывшихъ учениковъ, который не имѣетъ теперь къ вамъ никакого отношенія; но говорю вамъ, что я пишу собственно для своего удовольствія, чтобы удовлетворить неодолимому желанію сердца, а не для того, чтобы сколько нибудь занять васъ. Еще разъ простите меня, пожалуй не читайте дальше; но я не могу не писать, не могу допустить мысли, что мы теперь совершенно чужды другъ-другу и что всѣ сношенія наши прерваны. Мнѣ стыдно, мнѣ жалко своего ничтожества предъ вами, я вполнѣ чувствую, что беспокою васъ, надоедаю вамъ своимъ вздоромъ; но при всемъ томъ, что-то чудное, для меня самого неразгаданное, заставляетъ меня докучать вамъ. Иванъ Максимовичъ! будьте снисходительны ко мнѣ, какъ прежде, и простите юношеское увлечене, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше было отъ всѣхъ скрываемо!

И такъ:—какъ теперь помню я первую вѣсть и первый отзывъ о васъ, когда вы только еще пріѣхали въ нижегородскую семинарію. Въ двѣнадцать часовъ, шедши изъ класса, услышалъ я отъ одного изъ вашихъ тогдашнихъ учениковъ, что у нихъ въ классѣ былъ новый профессоръ—Сладкопѣвцевъ. При этомъ, не знаю почему, я тотчасъ спросилъ: да какъ же его зовутъ?—«Иванъ Максимовичъ», отвѣчали мнѣ.—Ну, что же, каковъ?—«Молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ: и уменъ, и благороденъ».—Изъ петербургской академіи?—«Изъ петербургской».—Надобно будетъ познакомиться. Каковъ онъ собой-то?—«Черенъ только очень, а то хорошъ».—Какъ нибудь надо увидеть... Мы разошлись, и этимъ разговоръ кончился. И послѣ этого, повидимому, пустого разговора, я уже не могъ успокоиться. Смутно я постигалъ что-то прекрасное въ этомъ соединеніи понятій: брюнетъ, изъ петербургской академіи, молодой, благородный и умный... Не говоря уже объ умѣ и благородствѣ, надо замѣтить, что я особенно люблю брюнетовъ, чрезвычайно уважаю петербургскую академію, и молодыхъ профессоровъ предпочитаю старымъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда увижу васъ, и во все это время я чувствовалъ что-то особенное... Чего ищешь, то обыкновенно скоро находишь: на слѣдующій же день я съ полчаса прогуливался по нижнему корридору, и дождался-таки васъ. Правду сказать, при моей близорукости, я не могъ хорошо разсмотрѣть вашей фізіономіи; но и одинъ бѣглый взглядъ на васъ достаточенъ былъ, чтобы произвести во мнѣ самое выгодное впечатлѣніе. Я люблю эти гордые, энергическія фізіономіи, въ которыхъ выражается столько отваги, ума и мужества. Признаюсь, я нѣсколько ошибся тогда, признавши васъ существомъ гордымъ и недоступнымъ; но это было тогда полезно мнѣ тѣмъ, что я сталъ съ того времени считать васъ чѣмъ-то высшимъ, неприступнымъ, предъ чѣмъ я долженъ только благоговѣть и смиренно поглядывать вслѣдъ, жалѣя, что не могу взглянуть прямо въ глаза. И тѣмъ пріятнѣе было мнѣ послѣ разузнаться, и тѣмъ совершеннѣе было мое счастье... Вскорѣ послѣ того разнеслась вѣсть о нашемъ постоикѣ съ учениками В. и С. Много было тогда шума, много толковъ по всей семинаріи... Боже мой! Сколько пересудовъ, сколько брани, сколько ожесточенныхъ угрозъ посыпалось на вашу голову! Я не могъ

терпѣть этого: горой всталъ я за васъ, ссорился со всѣми, кто только могъ со мной ссориться, спорилъ, бросалъ на вашъ поступокъ взгляды философскіе, разсматривалъ его на основаніи закона христіанскаго, и рѣшительно не могъ найти въ немъ ничего предосудительнаго. И одинъ только голосъ отозвался вначалѣ на мои крики, голосъ Ив. Злат., извѣстнаго вамъ ученика вашего. Всѣ прочіе называли насъ подлецами; а одинъ, считавшій себя моимъ другомъ, говорилъ даже мнѣ: «что ты, дескать, больно по новомъ-то ревнуешь? Противъ него теперь просто всѣ озлоблены; смотри, не попадись!»... Пожалуйста не безпокойся, говорилъ я ему; вотъ, посмотри, пройдетъ какой нибудь мѣсяцъ, и всѣ станутъ говорить то же, что я.—что лучше Ивана Максимовича не бывало профессора въ нашей семинаріи.—И дѣйствительно скоро всѣ заговорили иначе: вы умѣли привлечь къ себѣ этихъ озлобленныхъ учениковъ, отъ которыхъ ваша жизнь могла быть въ опасности, какъ увѣрялъ Л. Ив!.. Такова сила душевнаго превосходства надъ самыми грубыми людьми, каковы наши бурсакъ!

«6 января 1853 года».

«Съ тѣхъ поръ три дня особенно замѣтилъ я въ своей памяти до дѣйствительнаго знакомства съ вами: 29 ноября 1851 и 23 января и 7 февраля 1852 года. Въ первый изъ этихъ дней вы приходили къ намъ на нѣмецкій классъ вмѣсто П. А., и спрашивали меня. Сколько мечтаній пробудилось тогда во мнѣ! Сколько надеждъ пріятно ласкали меня еще въ то время, когда я шелъ въ классъ! Теперь припоминаю я подобное нетерпѣніе и ожиданіе въ то время, когда, за годъ слишкомъ передъ тѣмъ, ждали въ Нижній великихъ князей Николая Николаевича съ Михаиломъ Николаевичемъ. Но то ожиданіе было ничто въ сравненіи съ нетерпѣніемъ, съ которымъ я ждалъ вашего прихода въ классъ!—Наконецъ вы явились ¹⁾ меня, заставили переводить; мы переводили о крестовыхъ походахъ; спросили кстати, въ которомъ вѣкѣ жилъ Григорій VII? Я не зналъ тогда этого и сказалъ, что въ XIII. Вы замѣтили мнѣ, что нѣтъ, и я сконфузился и покраснѣлъ, какъ сказавшій ужасную глупость и заслужившій отъ васъ невыгодное мнѣніе. Долго горѣлъ я отъ стыда, что показалъ предъ вами свое незнаніе, и только тогда немного успокоился, когда справившись увидѣлъ, что Григорій жилъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка. «Ну, еще это ничего» подумалъ я: «Иванъ Максимовичъ подумаетъ, что я какъ нибудь ненарочно смѣшалъ, одно столѣтіе ничего не значитъ». Такимъ образомъ, хоть ложными аргументами, я на этотъ разъ успокоился.

Въ другой разъ приходили вы къ намъ на латинскій классъ, 23 января 1852 г. Въ этотъ разъ вы также спрашивали меня переводить и замѣтили, что не нужно очень скоро читать, и что не въ этомъ состоитъ достоинство хорошаго чтенія. Это было для меня очень чувствительно, потому что дѣйствительно до этого времени я полагалъ, по крайней мѣрѣ частію, и въ этомъ достоинство хорошаго чтенія. Но латинъ я зналъ хорошо, и перевелъ тогда не дурно, но все-таки не отличился. А отличиться чѣмъ нибудъ въ вашихъ глазахъ было необходимою потребностью души моей. Но отличиться было нечѣмъ. Тщетно искалъ я случая и возможности, тщетно придумывалъ разные глупыя средства. Здравый смыслъ всегда меня удерживалъ при однихъ предположеніяхъ. За то случай какъ-то представился самъ: я встрѣтился съ вами въ четвергъ на масляницѣ, 7 февраля 1852 г., въ корридорѣ. Не знаю, слышали ли вы что нибудъ обо мнѣ, знали ли моего папеньку, или просто такъ заговорили со мной, но вы заговорили, и я вдругъ исполнился какого-то восторга и, кажется, чрезвычайно погрузилъ и растаялъ.—Я снялъ фуражку предъ вами въ почтительномъ отдаленіи ²⁾, едва отвѣчая на вашъ вопросъ о томъ, гдѣ собрались ученики философіи. Вы замѣтили мнѣ, чтобъ я надѣлъ фуражку; но мнѣ казалось это нестерпимою дерзостью, и я продолжалъ

¹⁾ Здѣсь оторванъ уголокъ листа, и мы не можемъ разобрать слова, первая половина котораго отрывалась; вѣроятно, что нибудъ въ родѣ: «вызвали».

²⁾ Для незнающихъ семинарскаго быта замѣтимъ, что таково правило, котораго нарушать не дозволяется.

стоять безъ фуражки. ничего не отвѣчая, такъ что вы усомнились, есть ли со мной фуражка, и спросили меня объ этомъ. Наконецъ я рѣшился послушаться васъ въ этомъ случаѣ, — и это, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаевъ, когда бы я не послушался васъ съ перваго слова. Потомъ вы начали говорить со мной такъ хорошо, но главное такъ ласково и откровенно, что я рѣшительно былъ въ себя отъ радости, и удовольствіе слушать васъ смѣшалось во мнѣ съ гордостью и самодовольствіемъ, оттого что я былъ и говорливъ съ вами. Это были счастливыя минуты для меня.

«15 января 1853 г.».

«Но это была только заря благодатнаго дня. Послѣ этого слишкомъ четыре мѣсяца я не имѣлъ съ вами никакихъ отношеній, и не знали вы, проходя тогда мимо меня, съ какою любовью глядѣлъ я на васъ, какимъ участіемъ къ вамъ было наполнено это сердце. Я принималъ близко къ сердцу всякую перемену въ вашемъ положеніи, всякую, даже ничтожную вѣсть о васъ. Я, напримѣръ, страшился за васъ, когда слышалъ о вашемъ будто бы близкомъ знакомствѣ съ А. А. К., когда говорили мнѣ, что драгоценный нашъ О. П. невыгодно отзывался о васъ предъ архіереемъ, и т. п., радовался слыша о васъ хорошіе отзывы, когда, напримѣръ, васъ расхваливали всѣ ученики за первый экзаменъ, на которомъ вы были; когда моя тетюшка Варвара Васильевна восхищалась вашимъ умомъ и образованіемъ. Но особенно беспокоился я о васъ во время вашей двукратной болѣзни, когда такъ хорошо заставили васъ, еще не совершенно здороваго, явиться на небывалый экзаменъ передъ Рождествомъ. На святкахъ, я нѣсколько разъ приходилъ въ семинарію, чтобы спросить поддѣкаря Соколъ. о вашемъ здоровьѣ, и не могъ довольно нарадоваться, когда узналъ, что вы выздоровѣли. Но что же было со мной, когда наконецъ я сошелся съ вами ближе?.. Но я не могу утерпѣть, чтобы не припомнить нѣкоторыхъ, скучныхъ для васъ, но интересныхъ собственно для меня, подробностей.

«Дѣло было такимъ образомъ. Мнѣ нужна была одна книжка «Христіанскаго чтенія» 1847 года, и я пошелъ въ библіотеку. Хозяинъ библіотеки Е. Понятовскій сказалъ мнѣ, что эта книга у васъ. Это представляло мнѣ прекрасный случай по крайней мѣрѣ побывать у васъ, и я рѣшился имъ воспользоваться. Но—увы!—рѣшительность моя тотчасъ исчезла, какъ только я пошелъ къ вамъ. Мнѣ представлялось это почему-то неловкимъ, дерзкимъ; я думалъ, что это можетъ быть неприятно для васъ. Съ половины дороги воротился я, и потомъ больше недѣли собирался сходить къ вамъ. Однажды встрѣтились вы мнѣ въ корридорѣ и я хотѣлъ спросить о книгѣ; но тотчасъ представилось мнѣ, что, «если Н. М. скажетъ, что книги нѣтъ у него,—и только, то случай быть въ его квартирѣ опять потерянь для меня, и можетъ быть невозвратно». И хорошо, что не спросилъ я тогда. Наконецъ 17 юня я рѣшился... Съ какимъ трепетомъ отворилъ я заветную дверь; какъ билось мое сердце, когда, вошедши въ прихожую, услышалъ я шаги ваши въ смежной комнатѣ!.. Чуть слышнымъ дрожащимъ голосомъ объяснилъ я вамъ причину своего прихода и покраснѣлъ, когда вы сказали: нѣтъ... Съ смущеніемъ и сожалѣніемъ хотѣлъ уже я уйти, какъ вдругъ,—не скажу неожиданно, но вопреки всѣмъ моимъ расчетамъ,—вы пригласили меня посидѣть у васъ. Я давно уже мечталъ о знакомствѣ съ вами, и это была одна изъ любимѣйшихъ думъ моихъ; но я всегда я оставлялъ ее какъ мечту, несбыточную въ настоящемъ моемъ положеніи. Никакъ не полагалъ я, чтобы вы были столько снисходительны. Поэтому хотя ваше приглашеніе отвѣчало тайной мысли моего сердца, однако я съ удивленіемъ услышалъ ваши пріятныя слова, смѣшался еще болѣе, а счастье было такъ полно, что я не имѣлъ силъ притвориться, и остался у васъ, хотя самъ не понимая хорошенько, что же изъ этого выйдетъ... Напрасно старался бы я описать весь тогдашній восторгъ мой, все счастье, которымъ я наслаждался, слушая васъ и смотря на благородныя черты лица вашего вблизи, такъ, что въ первый разъ тогда я хорошо разсмотрѣлъ васъ. Совершенно забывшись, въ себя отъ восторга, я часа четыре пробылъ у васъ, и уходя, не позаботился даже извиниться, даже не подумалъ, что я утомилъ васъ: я думалъ только о себѣ. Какъ великому счастью, какъ великой милости

судьбы, радовался я тому, что могъ услужить вамъ, оставивши у васъ книжку «Современника». Притомъ, это открывало мнѣ возможность продолжать вперед свои посѣщенія... Давно не радовался я такъ искренно и полно, какъ въ тотъ день.

«Къ сожалѣнію я недолго пользовался своимъ счастьемъ: черезъ мѣсяцъ наступили вакаціи, и вы уѣхали. Но прежде этого случилось еще одно обстоятельство, которое также надолго останется для меня памятнымъ. Это было на экзаменѣ. Спрашивали по вашему предмету: сидѣли вы и Андрей Егорычъ. Вызвали меня, и досталось мнѣ читать по психологіи о памяти: статья очень знакомая и простая сама по себѣ, но очень запутанная и отрывчатая въ нашихъ лекціяхъ. Я сталъ читать, остановился, снова принялся, опять всталъ и сбился. А. Е. сидѣлъ какъ пенъ и что-то отыскивалъ въ конспектѣ. Вы мнѣ и давали вопросы и возраженія, и поправляли и выручали меня. Но о. ректоръ замѣтилъ, что я не твердо читаю, и спросилъ А. Е.: есть ли у меня память. При всемъ томъ, что я былъ въ довольно непріятномъ положеніи, не могъ я не улыбнуться, когда А. Е. вдругъ всталъ, вытаращилъ глаза на ректора, потомъ на меня, закинулся и высунулъ языкъ... Такъ онъ и простоялъ, да промывчалъ что-то; вы же замѣтили, что у меня болѣе развитъ разсудокъ. Не знаю, хотѣли вы только выручить меня, или въ самомъ дѣлѣ подмѣтили во мнѣ эту черту, но только вы сказали правду, и я въ ту же самую минуту пожелалъ только, чтобы ваши слова были искренни.—Въ этотъ же день вы еще разъ показали свою внимательность ко мнѣ, когда меня спросили изъ латинскаго языка. Изъ нашего отдѣленія меня вызвали первого, а между тѣмъ ректоръ хотѣлъ продолжать то же, что переводили ученики перваго отдѣленія. Я не могъ найти мѣста, о. ректоръ разсердился и хотѣлъ отослать меня, не спросивши; А. Е. забился куда то въ уголь; къ счастью, вы были тутъ: тотчасъ дали вы мнѣ въ руки свою книгу, указали мѣсто, и я сталъ переводить вмѣстѣ съ вами. За этотъ разъ я благодаренъ былъ вамъ, чуть ли не больше, чѣмъ за первый: тамъ не такъ досадно было срѣзаться, потому что уроковъ я дѣйствительно не училъ; но не отвѣтить изъ латинскаго языка, при хорошемъ знаніи его, было бы уже особенно досадно. Не смотря на ваше заступленіе, я былъ очень недоволенъ этимъ экзаменомъ и особенно сокрушался о томъ, что вы будете уже нехорошаго мнѣнія о моихъ познаніяхъ... Но и эта мысль на другой же день была почти совсѣмъ уничтожена вами: вы такъ снисходительно отозвались о моемъ отвѣтѣ такъ хорошо успѣли оправдать меня, что я совершенно успокоился на этотъ счетъ...

«Не удалось мнѣ проводить васъ въ іюлѣ мѣсяцѣ на родину... Черезъ нѣсколько минутъ послѣ вашего отъѣзда вошелъ я въ вашу опустѣлую квартиру, пожалѣлъ, что не засталъ уже васъ, поговорилъ о васъ подлѣкаремъ Соколовымъ, отъ всего сердца пожелалъ вамъ мысленно счастливаго пути и благополучнаго возвращенія, и грустно пошелъ домой, раздумывая, что лучше было бы, если бы вы здѣсь остались... Да, лучше было бы!.. Лучше,—можетъ быть вы и сами съ этимъ согласитесь»...

Теперь, милостивые государи, называвшіе нашего друга человѣкомъ безъ души и сердца,—теперь честь имѣю обратиться къ вамъ, и отъ имени моего, отъ имени каждаго прочитавшаго эти страницы, въ томъ числѣ и отъ вашего собственнаго имени,—да, и вы сами повторяете себѣ то, что я говорю вамъ,—теперь имѣю честь назвать васъ тупоумными глупцами. Вызываю васъ явиться, дрянные пошляки,—поддерживайте же ваше прежнее мнѣніе, вызываю васъ...

Вы смущены? Вижу, вижу, какъ вы пятитесь.

Помните же, милые мои, что напечатать имена ваши въ моей волѣ и что съ трудомъ удерживаю я себя отъ этого.

Продолжается. дневникъ Николая Александровича:

«24 января 1853 года».

«Сегодня минуло мнѣ 17 лѣтъ, и потому я хочу написать что нибудь въ моихъ запискахъ, или *memoires* какъ я называлъ ихъ годъ тому назадъ. Не знаю, что мнѣ писать здѣсь, но, по обыкновенію моему, думаю заняться разсмотрѣніемъ прошедшаго года въ отношеніи ко мнѣ. Но для этого надобно подумать, а я ничего не помышлялъ объ этомъ до сего часа... Начну съ этихъ записокъ. Хотя передо мной и нѣтъ теперь первыхъ листовъ ихъ за прошлый годъ, но я помню ясно, что въ тотъ годъ я хуже писалъ: нынче у меня рука тверже, и какъ-то размашистѣ пишу я. Во-вторыхъ, я припоминаю, что въ началѣ прошлаго года я записалъ споръ свой и поражение В. С. ¹⁾; теперь я иначе смотрю на это, и мнѣ стыдно, что обратилъ вниманіе на подобную мелочь. Нынче подобныхъ вещей со мной было уже съ десятокъ, но я не внесу ихъ сюда. Вотъ другое пріобрѣтеніе, довольно важное.—Потомъ, тогда я все собирался ѣхать въ университетъ и между тѣмъ ничего не дѣлалъ; нынче мои предположенія опредѣленнѣе, и я готовлюсь ихъ выполнять. Тогда мнѣ представлялось, что въ университетѣ лучше учиться, чѣмъ въ академіи. Но я считалъ тогда совершенно излишнимъ думать о томъ, что будетъ по окончаніи курса; теперь я подумалъ объ этомъ и нашелъ, что разница между тѣмъ и другимъ самая малая, а между тѣмъ бережется въ 4 года около 1000 р. сер.—вещь немаловажная. Кромѣ того замѣтно даже мнѣ самому (впрочемъ это не диво: я люблю наблюдать за собой), что я сдѣлался гораздо серьезнѣе, положителнѣе, чѣмъ прежде. Бывало, я хотѣлъ все исчислить, все понять и узнать; науки казались мнѣ лучше всего, и моей *страстью къ книгамъ* я хотѣлъ доказывать.—для себя самого,—безкорыстное служеніе и природное призваніе къ наукамъ. Нынѣ я въ своихъ мечтахъ не забываю и деньги и, рассчитывая на славу, рассчитываю вмѣстѣ и на барыши, хотя еще не могу отказаться отъ плана—употребить ихъ опять такъ для пріобрѣтенія новой славы. Страсть мою къ книгамъ я не называю нынче влеченіемъ къ наукамъ, а настоящимъ ея именемъ, и вижу въ ней только признакъ того, что я большой библіофилъ, потому что я люблю книги, какого бы рода онѣ ни были, и стараю желаніемъ, увидя книгу, не узнать то, что въ ней написано, но только узнать, что это за книга, какова и проч. Самому чтенію какой бы то ни было книги я большею частію предаюсь только для удовольствія сказать себѣ: я читалъ то и то; эта, и другая, и третья, и десятая книга мнѣ извѣстны... Поэтому-то я такъ люблю нынѣ читать журналы и преимущественно отдѣлъ библіографіи и журнальныя замѣтки. Недавно присоединилось сюда и другое побужденіе: я читаю иное для того, что это пригодится на пріемномъ экзаменѣ. Далѣе пока я не простираюсь. Литературныя цѣли мои достигаются пока только записываніемъ, списываніемъ и писаніемъ. Кстати замѣчу, что въ декабрѣ прошлаго года послалъ я 12 стихотвореній своихъ въ редакцію «Сына Отечества», принявъ поэтическое имя Владиміра Ленскаго. Нынче я уже не объявлялъ никакихъ требованій,—не то что въ ноябрѣ 1850 г., когда я просилъ отъ редакціи «Москвитянина» 100 рублей, обѣщая прислать 40 плохихъ стихотвореній. Это давно лежитъ у меня на совѣсти; и если когда нибудь выведутъ на чистую воду, то я не знаю, что еще можетъ быть для меня стыднѣе этого?.. Писалъ я также три статейки для Нижегородскихъ Вѣдомостей; но одну цензоръ не пропустилъ,—невиннѣйшую статью—о погодѣ; другія двѣ, кажется, сгубилъ у редактора, по крайней мѣрѣ я доселѣ остаюсь для нихъ, т. е. онѣ для меня остаются во мракѣ невѣстности. Но это все пока вздоръ; гораздо важнѣе для меня пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ положительныхъ познаній, кой-какой навыкъ—малый—въ нѣмецкомъ языкѣ и большая установленность или твердость взгляда и убѣжденій. Въ началѣ прошлаго года, я какъ-то все сбивался: хотѣлъ походить на Печорина и Тамарина, хотѣлъ толковать, какъ Чацкій, а между тѣмъ представлялся какимъ-то Вихляевымъ и особенно похожъ былъ на Шамилова.

¹⁾ Этотъ споръ дѣйствительно записанъ былъ подъ 9 января 1852 г., на стр. 16 дневника; но онъ не интересенъ и потому мы его не напечатали.

Изображеніе этого человѣка глубоко укололо мое самолюбіе, я устыдился, и если не тотчасъ принялся за дѣло, то по крайней мѣрѣ созналъ потребность труда, пересталъ заноситься въ высшія сферы, и мало по малу исправляюсь теперь. Конечно, много здѣсь подѣйствовало на меня и время, но не могу не сознать, что и чтеніе «Богатаго жениха» также способствовало этому. Оно пробудило и опредѣлило для меня давно спавшую во мнѣ и смутно понимаемую мною мысль о необходимости труда, и показало все безобразіе, пустоту и несчастіе Шамиловыхъ. Я отъ души поблагодарилъ Писемскаго. Кто знаетъ,—можетъ быть онъ помогъ мнѣ, чтобы я со временемъ лучше могъ поблагодарить его!?. Нужно замѣтить еще одно пріятное пріобрѣтеніе: я освободился наконецъ отъ вліянія В. Л.—аго. Вообще, степенью моего уваженія и расположенія къ этому человѣку я измѣряю мои нравственные и умственные успѣхи. Было время, я какъ-то боялся его: замѣчалъ каждое его слово, которое могло имѣть отношеніе ко мнѣ, не смѣлъ противорѣчить его мнѣніямъ, любилъ выставить себя предъ нимъ съ хорошей стороны и пр. Нынѣ я уже не имѣю къ нему столько уваженія, не смѣюсь его остроумію, свободно могу высказывать при немъ свое мнѣніе, не боюсь показывать ему свои сочиненія, говорить съ нимъ о томъ, что я дѣлаю, смѣяться надъ тѣмъ, чѣмъ онъ восхищается, и уважать то, надъ чѣмъ онъ смѣется. Только еще, какъ памятникъ давно прошедшаго, осталось во мнѣ желаніе говорить съ нимъ о моей душевной жизни, и удовольствіе—пересказывать ему все, что встрѣтится мнѣ смѣшнаго. Но надѣюсь скоро избавиться и отъ этого. Чудное дѣло, какъ подумать, что значить школьный товарищъ. Не сойдись бы я съ нимъ,—я увѣренъ, что мое развитіе пошло бы совершенно иначе. Я-то на него, конечно, не имѣлъ вліянія; но онъ на меня—довольно значительное. Не могу еще рѣшиться, хорошо или худо было это вліяніе, но оно состояло вотъ въ чемъ: онъ научилъ меня, по природѣ серьезнаго, смѣяться надъ всѣмъ, что только попадется на глаза; онъ заставилъ меня, человѣка довольно основательнаго и медленнаго, смотрѣть на предметы поверхностно, произносить о нихъ сужденіе, посмотрѣвши только форму и не касаясь содержанія; изъ ума моего онъ сдѣлалъ остроуміе, изъ презрѣнія ко многому—насмѣшку надъ этимъ многимъ, изъ внимательности—находчивость. Быть можетъ, это мнѣ и пригодится; но теперь это дурно, не говоря уже о томъ, что отъ этого страдаетъ теперь мое необъятное самолюбіе. Но довольно о немъ; обратюсь къ другому человѣку, другому знакомому прошлаго года, который успѣлъ оставить во мнѣ самое чистое, самое сладостное воспоминаніе. Это—Иванъ Максимычъ! Я уже писалъ здѣсь о моей къ нему привязанности. Теперь могу только прибавить, что она не уничтожается съ теченіемъ времени, какъ я опасался, а продолжается все такъ же, какъ и прежде. Даже теперь я какъ будто все болѣе и болѣе начинаю понимать его, какъ будто въ отдаленіи онъ представляется мнѣ въ большемъ свѣтѣ, и я лучше могу рассмотреть превосходныя черты великой души его. Положа руку на сердце, говорю, что я не знаю никого лучше Ивана Максимыча, безъ всякихъ исключеній. Великость моей къ нему привязанности я могу выразить вотъ чѣмъ. Отъ природы добрый, но нестерпимо гордый, я не отвѣчаю обыкновенно на оскорбленія (разумѣется, дѣйствительное оскорбленіе, а не на шутку какуюнибудь или неосторожное слово) но мое молчаніе продолжается очень надолго, если не навсегда. Точно также,—если я замѣчу, что меня принимаютъ слишкомъ сухо и презрительно, я перестаю туда ходить и послѣ того не внимаю первому зову. Это у меня случается даже съ родными. Но въ отношеніи къ Ивану Максимычу, я чувствую совершенно не то. И смѣло говорю, что еслибъ онъ меня обидѣлъ,—еслибъ случилось такое несчастіе,—то я заплакалъ бы отъ досады на себя, надѣлалъ бы кучу непріятностей другимъ; но ничего худаго не подумалъ бы объ Иванѣ Максимычѣ. Напротивъ, я постарался бы заслужить отъ него прощеніе въ томъ, что могъ заслужить отъ него упрекъ, могъ довести его до оскорбленія,—его, который такъ великодушенъ, такъ высоко—благороденъ. Если бы онъ не захотѣлъ принимать меня, то я, отложивъ гордость въ сторону, пришелъ бы къ нему со слезами умолять его, чтобы онъ позволилъ мнѣ снова наслаждаться его бесѣдой... Многие не поймутъ въ этомъ ничего; но человѣкъ, имѣющій въ себѣ гордость, пойметъ изъ этого всю великость моей привязанности. А что я не лгу—свидѣтель въ этомъ совѣсть моя. Что я не обманываюсь—свидѣтель

мой разумъ, который, кажется, довольно уже окрѣпъ и довольно ясно различаетъ ложь отъ истины, по крайней мѣрѣ въ своей душѣ.—Я хотѣлъ еще записать кое-что; но это воспоминаніе такъ хорошо, этотъ предметъ такъ прекрасенъ для меня, что на немъ хочу я окончить нынѣшній день, съ желаніемъ, чтобъ и ночью посѣтило меня во снѣ мое прелестное видѣніе, мой идеалъ въ образѣ Ив. Максимыча.

«15 марта 1853 года».

«Совершились желанія. Давно задуманное и жданное исполнено! что же я такъ равнодушенъ, что же такъ холодно принялъ извѣстіе объ окончаніи моего дѣла? Или я привыкъ уже къ этой мысли, или сомнѣніе, все еще тревожащее меня, пренебрежетъ мнѣ радоваться внонѣ? Или я даже разочаровался?.. Не знаю; я еще не разберу хорошенко своихъ чувствъ и мыслей касательно этого предмета. Вѣрно только то, что чувствъ, мнѣ кажется, совсѣмъ нѣтъ, а мыслей, непосредственно сюда относящихся, также немного... Однако замѣчу здѣсь все, что нужно, и расскажу исторію моего дѣла.

Августъ и сентябрь прошлаго года были бурны для моей душевной жизни. Во мнѣ происходила борьба, тѣмъ болѣе тяжелая, что ни одинъ человекъ не зналъ о ней во всей ея силѣ. Конечно,—я не проводилъ ночей безъ сна, не проливалъ ведрами слезъ, не стоналъ и не жаловался, даже не молился; потому что подобныя выходки не въ моемъ характерѣ, а молиться—сердце мое черство и холодно къ религін, а я тогда даже и не заботился согрѣть его теплотой молитвы. Это самое, вѣроятно, дѣлало еще тяжеле борьбу мою. Я совершенно опустился, ничего не дѣлалъ, не писалъ, мало даже читалъ... Что-то такое тяготило меня и, указывая на всю суету мірскую, говорило: къ чему? Что тебя здѣсь ожидаетъ? Тебѣ суждено пройти незамѣченнымъ въ твоей жизни. и при первой попыткѣ выдвинуться изъ толпы, обстоятельства какъ ничтожнаго червя раздавятъ тебя... И ничего ты не сдѣлаешь, ничего не можешь ты сдѣлать, несмотря на всю твою самонадѣянность. и припоминался мнѣ жолчный стихъ Лермонтова:

«Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!..»

«А между тѣмъ все дѣло было очень просто, причины такого состоянія очень нехитрыя.—Мнѣ непремѣнно хотѣлось поступить въ университетъ. Папенька не хотѣлъ этого, потому что при его средствахъ это было невозможно. Но онъ не говорилъ мнѣ этого, и представлялъ только невыгоды университетскаго воспитанія, и превосходство академическаго. Тогда этого рода доказательствами меня невозможно было убѣдить: я былъ непоколебимо увѣренъ, что если могу гдѣ нибудь учиться въ высшемъ заведеніи, то это только въ университетѣ. Но между тѣмъ я видѣлъ ясно, что для моего отца дѣйствительно очень трудно, почти невозможно было содержать меня въ университетѣ. Конечно, будь я порѣшительнѣе. я бы объяснилъ, что хочу этого, и что проживу тамъ на 50 рѣковыхъ въ годъ, только бы учиться въ университетѣ. Но я не хотѣлъ и не могъ этого; рѣшительнаго объясненія не было, а во мнѣ кровь кипѣла, воображеніе работало, разумъ едва сдерживалъ порывы страсти. Счастье или несчастье мое, что у меня нѣтъ крѣпкой воли!.. А то бы надѣлалъ я дѣла. Теперь же случилось такъ, что, по пословицѣ—«сила есть. да воли нѣтъ»,—и все дѣло окончилось тѣмъ, что я раза три поговорилъ съ родными, такъ грустно и жалобно, съ такимъ отчаяннымъ видомъ,—который однакожъ никого не тронулъ,—походилъ нѣсколько времени, повѣсясь, помурлыкая по себя Кольцова:

«Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить?..»

да

«Путь широкий давно...»

да изъ Лермонтова:

«Не вѣрь себѣ...»

«Въ минуту жизни трудную...»

да еще изъ Баратынского:

«Напрасно мы, Дельвицъ, мечтаемъ найти...»

«Жутко было мнѣ тогда; но наконецъ папенька сказалъ, что мое желаніе выполнить невозможно, что тысячу рублей ассигнаціями въ годъ онъ мнѣ опредѣлить не можетъ, а меньше нельзя. Больше онъ слушать ничего не хотѣлъ, какъ ни увѣрялъ я его, что половины этой суммы для меня слишкомъ достаточно. И какъ только сказали, что этого нельзя, я успокоился, потому что добиваться невозможнаго я никогда не стараюсь. И стихи Гёте:

«Невозможное возможно

Человѣку одному...»

не для меня писаны.

«Но при всемъ томъ, я не могъ помуриться съ мыслью—остаться еще на два года въ семинаріи, гдѣ ученье было очень незавидное.—Благородный отзывъ Ивана Максимовича о петербургской академіи рѣшилъ дѣло: ему первому сообщилъ я мысль отправиться туда; онъ сказалъ: «хорошо», и его одобренія было для меня очень довольно, чтобъ начать дѣло. На это дѣло папенька согласился легче; не было возраженій о трудности учиться. ни о возможности поступить туда; сказано было только нѣсколько словъ о моей молодости, но я представилъ, что молодому еще легче учиться, и дѣло было слажено. До отъѣзда еще Ивана Максимовича, я могъ уже (въ началѣ ноября) сообщить ему, что я рѣшился непремѣнно ѣхать въ петербургскую академию. Превосходный этотъ человѣкъ съ участіемъ принялъ мои слова, далъ нѣсколько совѣтовъ и даже проговорилъ прошеніе, которое я долженъ былъ подать графу Протасову, такъ что я написалъ теперь прошеніе почти съ его словъ. Въ декабрѣ началъ приставать уже къ папенькѣ, чтобы сходилъ къ нашему о. ректору и спросилъ его. Но въ декабрѣ не собрались, а въ январѣ начали уже возникать сомнѣнія насчетъ выгодъ и пользы ученія въ петербургской академіи. Думали и сомнѣвались, рѣшались и передумывали, ходили къ ректору, не заставляли его дома и опять раздумывали цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ 3-го февраля папенька сходилъ къ ректору, тотъ одобрилъ и мое желаніе, и меня самого. Въ этотъ же вечеръ написалъ я просьбу къ графу Протасову, оберъ-прокурору святѣйшаго синода; но долго еще лежала она безъ употребленія; наконецъ получилъ я приказаніе переписать ее, и 18 февраля папенька снова ходилъ къ о. ректору, показалъ просьбу и ректоръ нѣсколько поправилъ ее. 19 февраля папенька пошелъ къ архіерею, и просилъ также его благословенія на это дѣло. Преосвященный Іеремія принялъ даже участіе въ этомъ дѣлѣ и приказалъ принести къ нему просьбу, обѣщая послать ее отъ себя. 24 февраля папенька принесъ къ преосвященному мое прошеніе, онъ посмотрѣлъ и сказалъ: «хорошо; подавайте».—Папенька удивился такому обороту дѣла и сказалъ: «ваше преосвященство! эта просьба написана на имя графа; не прикажете ли перемѣнить и написать на ваше имя?» Тогда преосвященный еще посмотрѣлъ прошеніе и сказалъ, что «если ужъ такъ, то нужно подать просьбу еще на мое имя. Вы уже подайте отъ своего имени». 26 числа, въ четвертокъ, на масляницѣ, папенька подалъ преосвященному просьбу къ нему о моемъ желаніи, приложивъ и мое прошеніе къ оберъ-прокурору. Въ это время былъ у преосвященнаго и отецъ-ректоръ семинаріи, они поговорили между собой, и преосвященный сказалъ моему отцу: «ваше желаніе будетъ исполнено». 27 числа, на другой день, архіерей сдалъ мое дѣло въ семинарское правленіе съ резолюціей: «представить мнѣ семинарское правленіе справку о его поведеніи и успѣхахъ обстоятельную». На первой недѣлѣ дѣлами преосвященный не занимался и потому эта справка, состоящая изъ моего аттестата, подана была ему уже 9 марта. 10 онъ сдалъ все дѣло въ консисторію, чтобы тамъ нѣкто Городковъ заготовилъ отъ него письмо обо мнѣ къ графу.

Въ этотъ же день вечеромъ моя просьба была еще разъ переписана, потому что нашлась въ ней ошибка и каплюшка саломъ. 11 марта черновое письмо подано къ преосвященному, и онъ, исправивъ его, снова далъ въ консисторію переписать. 12 марта переписалъ и подалъ ему, 13 отослалъ съ отходящей почтой въ С.-Петербургъ. Вотъ моя исторія, не длинная и не важная. По окончаніи дѣла мнѣ бы слѣдовало радоваться, а я очень равнодушенъ. Правду сказать, я и теперь еще не увѣренъ въ превосходствѣ академическаго образованія, и мысль поступить въ университетъ не оставляетъ меня. Впрочемъ это по обстоятельствамъ. Главнымъ образомъ соблазняетъ меня авторство, и если мнѣ хочется въ Петербургъ, то не по желанію видѣть сѣверную Пальмиру, не по расчетамъ на превосходство столичнаго образованія: это все на второмъ планѣ, это только средство. На первомъ же планѣ стоитъ удобство сообщенія съ журналистами и литераторами. Прежде я безотчетно увлекался этой мыслью, а теперь начинаю подумывать, что

«То кровь кипить, то слъ избытокъ...»

Надежда на журналистовъ для меня очень плоха, потому что, не доучившись годъ въ семинаріи, я въ академіи долженъ буду заниматься очень сильно, и времени празднаго у меня не будетъ, и притомъ я не знаю новыхъ языковъ, слѣдовательно переводное дѣло уже не по моей части, а иначе какъ начать?.. Подумаешь, подумаешь, пишешь стихотвореніе:

«Мучать сомнѣнія душу тревожную...»

и потомъ опять какая-то апатія нападаетъ на душу, какъ будто это до меня и не касается. Одна надежда на премудрый промыслъ поддерживаетъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ благодѣтельная увѣренность въ благодати и неусыпной заботливости о насъ Божіей посѣтила меня, мнѣ кажется, что я даже несравненно легче спесу, если меня и прогонятъ назадъ въ Нижній изъ академіи. Этого я также имѣю причины опасаться, хотя и не теряю надежды сдать хоть кое-какъ пріемный экзамень. Много теперь нужно мнѣ трудиться, необычайная энергія требуется, чтобы поддержать себя, а между тѣмъ я какъ будто и не думаю объ этомъ, и едва-едва, потихоньку, принимаюсь готовиться. А тутъ еще классные уроки, задачи и пуще всего надобѣдающіе классы, особенно о. П., драгоцѣннаго моего инспектора и бездѣннаго преподавателя догматическаго богословія, присловьями Цицерона и Квинтиліана, съ анекдотами Суворова и Балакирева, съ допотопными понятіями о наукѣ и литературѣ, и при всемъ этомъ съ совершеннымъ отсутствіемъ здраваго смысла, съ пустѣйшей головой, съ отвратительной претензіей на подлое (плебейское) остроуміе и наконецъ съ положительной бездарностью преподаванія!.. Скоро ли-то я избавлюсь отъ этого педанта, глушца изъ глушцовъ?.. А что, ежели придется воротиться къ нему?..»

Этими словами кончается послѣдняя страница мемуаровъ, начатыхъ 1 января 1852 года.

О поступленіи Н. А. въ Педагогическій институтъ и объ институтской его жизни прислалъ въ редакцію «Современника» слѣдующую статью г. Радонежскій, бывшій товарищемъ Николая Александровича:

«Въ августѣ 1853 года, за Обводнымъ каваломъ въ Петербургъ, противъ зданія духовной академіи, въ бѣдномъ трехъоконномъ домикѣ служителя Александро-Невской лавры, встрѣтилъ я въ первый разъ Николая Александровича на его квартирѣ, какъ теперь помню, съ исторіею Смарагова въ рукахъ. Какъ онъ, такъ и я, и много другихъ семинаристовъ только-что пріѣхали въ Петербургъ, съ цѣлю поступить въ духовную академию...

«Въ то время, о которомъ я говорю, въ квартирѣ Добролюбова было человѣкъ пять такихъ кандидатовъ на академиківъ... Семинаристы во всей неприкосновенности...

въ столицѣ... предъ рѣшительными днями вступительныхъ экзаменовъ, имѣвшихъ рѣшить наше: «быть или не быть»—поддержать или уронить предъ академическимъ трибуналомъ честь своихъ семинарій, въ лицѣ нашемъ пославшихъ, каждая изъ своего разсадника, по одному лучшему экземпляру изъ своихъ развитыхъ растений, на окончательную пробу,—всѣ мы, еще незнакомые между собою, собранные во едино волею начальства, робко выражали другъ-другу свои надежды и опасенія, говорили о томъ, когда какой экзаменъ, по какому предмету, строгъ ли тотъ или другой экзаменаторъ, и въ то же время каждый изъ насъ читалъ пытливымъ глазомъ на лицахъ товарищей-соперниковъ степень ума, развитія, подготовленности, жадно вслушиваясь въ каждое слово другаго... Что до меня,—я съ перваго взгляда на свѣжее, молодое (Добролюбову въ то время было семнадцать лѣтъ) слегка румяное лицо Николая Александровича,—на очки, придававшіе его умной, строгой фizioноміи какую-то оригинальную смѣлость, отличилъ его отъ прочихъ... Особенно мнѣ бросились въ глаза очки на носу семинариста, по моему тогдашнему убѣжденію, такъ дерзко нарушавшіе законы скромной семинарской, а тѣмъ болѣе академической моды,—законы, по духу которыхъ ношеніе очковъ, пальто, сюртуковъ и панталоновъ, сшитыхъ не по казенной мѣркѣ семинарской, означало либерализмъ, заподозривало въ тенденціяхъ свѣтскихъ ¹⁾, далеко несогласныхъ съ идеаломъ истиннаго воспитанника семинаріи и тѣмъ болѣе воспитанника, избраннаго быть впоследствии, по выходѣ изъ академіи, наставникомъ духовнаго юношества...

«Впечатлѣніе на первый разъ Добролюбовъ произвелъ на меня *особенное*, нежели всѣ другіе, видѣнныя также въ первый разъ, будущіе мои товарищи.—«Какая умненькая фizioномія!.. не даромъ очки носить (не знаю, почему *очки это* доказывали)... еще такой молоденькой... Ужели и *онъ* въ академію?..» размышлялъ я. И мнѣ тотчасъ же захотѣлось познакомиться съ очками...

«— Вы изъ какой семинаріи?

«— Изъ нижегородской...

«— Ваша фамилія—позвольте?

«— Добролюбовъ.

«— Надѣюсь, также въ академію? пыталъ я.

«— Да... отвѣчалъ мнѣ какъ-то неохотно Добролюбовъ. Потомъ онъ повернулся къ окну, взглянулъ за каналъ на фасадъ академическаго зданія, какъ разъ противъ оконъ его квартиры.—«Смотрите», прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ мало скрытою ироніею и указывая глазами на академію: «въ академіи *тринадцать оконъ*, это что-то плохой знакъ... Я едва ли буду держать экзаменъ тамъ... Боюсь...

«И дѣйствительно, Добролюбовъ экзамена въ академіи не держалъ. Онъ могъ это сдѣлать; потому что прѣхалъ на свой счетъ и потому жилъ на своей квартирѣ. Я и многіе другіе, присланные на казенный счетъ и потому жившіе уже въ академіи, должны были сдавать страшные экзамены... Въ то время, когда мы держали экзамены, въ академіи пронесся слухъ, что нижегородскій студентъ (претенденты на академиковъ звались уже тогда студентами) держитъ отлично экзаменъ въ Педагогическомъ институтѣ. Черезъ нѣсколько времени и самъ Добролюбовъ зашелъ въ академію къ намъ, уже испытаннымъ неудобства затворнической жизни (прежде чѣмъ мы получили права ея адептовъ), и объявилъ, что онъ удачно кончилъ свои экзамены въ институтѣ... Я вмѣстѣ съ другими, не обольщенными прелестями предстоявшей намъ жизни и карьеры, помню, отъ души позавидовали счастью Добролюбова...

«Наконецъ и наши экзамены въ академіи кончились. Перекликаны были имена *избранныхъ*, потомъ имена *только* званныхъ. Въ числѣ, кажется, пятнадцати именъ послѣднихъ, я скоро услышалъ и свое...

«Тогда же четверо изъ насъ «попавшихъ назадъ академиковъ», какъ тогда мы себя и насъ называли другіе, отправились на квартиру къ Добролюбову...

¹⁾ «Эти *наружныя* тенденціи были причиною непоступленія многихъ въ число академическихъ студентовъ въ наше время...» Л. Р.

— «И прекрасно, господа,—поступайте въ институтъ, утѣшала насъ Добролюбовъ.—И тамъ не сладко, но по крайней мѣрѣ не будемъ сидѣть за 13 окнами...

«Въ тотъ же день мы, оскорбленные и униженные, поѣхали искать счастья въ институтъ...

«Насъ тамъ, сравнительно съ строгимъ академическимъ приѣмомъ, очень вѣжливо и ласково встрѣтилъ бывший тогда инспекторъ института А. Н. Тихомандритскій, поговорилъ съ каждымъ изъ насъ, далъ намъ необходимыя инструкціи, какъ приступить къ *новому*, еще болѣе рѣшительному экзамену... На другой день мы экзаменовались въ институтѣ, а черезъ нѣсколько времени намъ было объявлено, что мы приняты—мы спасены...

«Горькія, отчаянныя чувства убитости, униженія, испытанныя многими очень незаслуженно, отъ своей alma mater—академіи духовной, въ насъ быстро пачезли передъ восторгомъ отъ сознанія возстановленнаго самолюбія судомъ *святѣйшимъ*,—судомъ людей, которые въ глазахъ нашихъ стояли много выше, по своему образованію, нашихъ прежнихъ экзаменаторовъ. О радость! мы—студенты института,—мы, отверженные, неизвѣстно за что, нашею матерью! ¹⁾).

«Правда, много горя мы испытали и въ институтѣ; но что это горе въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало, если бы мы вернулись опять въ семинарію?!

«Вскорѣ по приѣмѣ въ институтъ, студентовъ, вновь принятыхъ, размѣстили по камерамъ. Насъ, «попеченныхъ академиковъ», какъ тогда насъ называли другіе студенты, записавшихся на одинъ филологическій факультетъ, помѣстили всѣхъ въ одну камеру, гдѣ къ великому моему удовольствію я прочелъ въ спискѣ студентовъ этой камеры, повѣшенномъ на стѣнѣ, и имя Н. Добролюбова, подчеркнутое рукою директора. А противъ фамиліи Добролюбова написано: «старшій»—тою же рукою. Старшимъ Добролюбова у насъ сдѣлали потому, что онъ отлично держалъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ, исключая математики и физики и французскаго языка. Съ французскимъ языкомъ Добролюбовъ уже познакомился въ институтѣ на второмъ году совершенно основательно по роману: *Mystères de Paris*. Цѣлыхъ два мѣсяца, не выпуская изъ рукъ, носился онъ съ «Парижскими Тайнами» и наконецъ-таки одолѣлъ многотомный романъ.

«Съ перваго дня нашей институтской жизни и до послѣдняго, я въ камерѣ сидѣлъ рядомъ за однимъ столомъ съ Николаемъ Александрычемъ. Миѣ было интересно слѣдить за ходомъ занятій его, скоро пріобрѣвшаго надъ своими товарищами большое вліяніе... Скоро всѣ товарищи Добролюбова убѣдились въ его превосходствѣ надъ собою. Какъ у словесниковъ, у насъ часто заходили споры о литературѣ. Въ этихъ спорахъ скоро Добролюбовъ показалъ и свою начитанность, какую было трудно представить въ семинаристѣ, и силу горячаго убѣжденія, и недовѣрчивость къ словамъ съ каедръ... Все это дало намъ возможность замѣтить въ Добролюбовѣ раннюю самостоятельность. Помню, всѣ мы какъ-то неохотно приступали къ славянской филологіи... Добролюбовъ съ первой же лекціи Н. И. Срезневскаго полюбилъ и предметъ и профессора. Профессоръ впоследствии самъ горячо полюбилъ своего слушателя и, не въ примѣръ прочимъ, иногда звалъ его на лекціи по имени и отчеству ²⁾).

«Добролюбовъ владелъ особеннымъ искусствомъ на лету схватывать мысль профессора, и записывалъ такъ, что записки его по всѣмъ предметамъ, въ продолженіе всего курса служили источникомъ, откуда каждый студентъ, обязанный поочередно составлять лекціи профессору, бралъ все необходимое. Черезъ годъ Добролюбовъ дошелъ до такого умѣнья записывать профессорскія лекціи, что не опускалъ въ нихъ ничего существенно важнаго, успѣвалъ еще пародировать иную лекцію. Эти пародіи иногда со смѣхомъ читались въ аудиторіяхъ и дортуарахъ...

¹⁾ «Въ академіи балловъ, полученныхъ нами на пріемномъ экзаменѣ, не читали, и намъ доселѣ неизвѣстно, почему такъ рѣшили нашу судьбу».

²⁾ Въ институтскомъ дневникѣ Н. А. есть много теплыхъ словъ о г. Срезневскомъ, у котораго былъ онъ принятъ, какъ домашній, въ послѣднее время институтскаго курса. Н. Ч.

«Если не всё любили Добролюбова, не всё соглашались съ нимъ, то положительно говорю—всё его уважали. Смѣло можно сказать: всё мы, его товарищи, обязаны многимъ и многимъ Николаю Александровичу, какъ студенту, откликавшемуся на все, за всѣмъ современнымъ слѣдившему. Большая часть изъ насъ у него искала разъясненія на многие вопросы, съ которыми не могли сами совладѣть. Много было рѣзкаго въ его приговорахъ; но эти убѣждения *его* были *свои*,—этотъ пылъ, эта искренняя откровенность—были всегдашнею неизмѣнною принадлежностью благородной натуры незабвеннаго Добролюбова, горячо оскорблявшагося всѣмъ, что, по его убѣжденію, не было добро и правда...

«Какъ-то вечеромъ, часовъ въ десять послѣ ужина, сидѣли мы въ своей камерѣ за столомъ: Добролюбовъ, я, и еще три студента. Добролюбовъ читалъ что-то, сдвинувши на лобъ очки. Является отъ знакомыхъ одинъ студентъ нѣкто N, считавшій себя аристократомъ между нами голышамъ, какъ помѣщикъ... N сталъ разсказывать одному студенту новостъ; будто бы носятся слухи объ освобожденіи крестьянъ (это было въ началѣ 1857 года). Передавая этотъ слухъ, N выразилъ откровенное неудовольствіе, какъ помѣщикъ... Добролюбовъ, не переставая читать, доселѣ довольно покойно слушалъ разсказъ N. Но когда N сказалъ что подобная реформа еще не довольно современна для Россіи, и что интересъ его личный, интересъ помѣщичій, черезъ это пострадаетъ,—Добролюбовъ поблѣднѣлъ, вскочилъ съ своего мѣста и неистовымъ голосомъ, каковаго я никогда не слыхалъ отъ него, умѣвшаго владѣть собою, закричалъ: «господа, гоните этого подлеца вонъ! Вонъ, бездѣльники! Вонъ, безчестье нашей камеры!..» И выраженіямъ страсти своей и гнѣва Добролюбовъ далъ полную волю...

«Добролюбовъ, при отличныхъ способностяхъ, владѣлъ какимъ-то особеннымъ тактомъ въ занятіяхъ. Довольствуясь записываніемъ лекцій въ аудиторію, онъ никогда не терялъ времени на «черную» работу, т. е. на переписку, на составленіе лекцій, на репетиціи, какъ большая часть студентовъ. Онъ читалъ, читалъ всегда и вездѣ, по временамъ внося содержаніе прочитаннаго (хотя онъ и безъ того хорошо помнилъ) въ имѣвшуюся у него толстую въ алфавитномъ порядкѣ писателей библиографическую тетрадь. Въ столѣ у него было столько разнаго рода замѣтокъ, рѣдкихъ рукописей, тетрадей, корректуръ, держа которыя въ первое время онъ зарабатывалъ себѣ копѣйку,—въ шкапѣ столько книгъ, что и ящикъ въ столѣ и полки въ шкапѣ ломились... Но что бы Добролюбовъ ни дѣлалъ, какими бы серьезными и срочными трудомъ ни занимался, всегда онъ съ удовольствіемъ оставлялъ занятіе для живаго разговора, откровенной бесѣды, которыя при его участіи, начинаясь литературою или профессорскими лекціями, всегда сводились на вопросы житейскіе... Онъ еще и тогда относился къ этимъ послѣднимъ слишкомъ строго для 17-тилѣтняго юноши... Направленіе таланта Добролюбова, впоследствии такъ ярко обнаруженное имъ въ напечатанныхъ статьяхъ, прорывалось еще очень рано.

«Если не ошибаюсь, въ февралѣ 1855 года я отправился въ лазаретъ. Въ лазаретѣ я нашелъ Добролюбова здоровымъ. Онъ по вечерамъ тамъ что-то писалъ и записывался иногда далеко за полночь. Я полюбопытствовалъ спросить: «что ты пишешь, Николай?..»

«— А вотъ слушай. И онъ мнѣ прочелъ отрывокъ изъ предполагаемаго романа. Отрывокъ этотъ составлялъ первыя главы. Въ нихъ, помню, дѣло шло о *воспитаніи* двухъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ аристократенокъ—маменькинъ сынокъ, другой пріемышъ—соединенный братъ, служившій компаньономъ барченку. Мнѣ особенно памятны тѣ страницы, гдѣ авторъ говорилъ о деспотическихъ отношеніяхъ перваго къ послѣднему,—и сцена, гдѣ мальчикъ пріемышъ-сирота однажды отдалъ встрѣченной имъ на улицѣ дѣвушкѣ-нищей, босой, съ окровавленными ногами, свои сапоги, за что барыня-мать больно высѣкла своего пріемнаго сына... Я долго слушалъ этотъ разсказъ, полнымъ горячаго сочувствія къ сиротѣ, и читанный Добролюбовымъ съ большимъ одушевленіемъ... На глазахъ у меня навернулись слезы... Потомъ эти мальчики были отданы въ одно заведеніе учебное, вмѣстѣ учились, кончили курсъ удачно.—Барченокъ жилъ и учился съ протекціей... Сирота—самъ собою, безъ помощи, всегда въ борьбѣ

съ нуждою и людьми, подъ вліяніемъ чего характеръ послѣдняго выработался симпатичный, твердый, самостоятельный. Чтеніе, помню, конечно было (тутъ же былъ и конецъ рукописи будущаго большаго романа) на томъ мѣстѣ, когда эти два героя начинаютъ служебную карьеру, какъ и слѣдовало ожидать, различными путями. Маленькинъ сыночекъ поступаетъ подъ крыло какого-то директора департамента, а сирота самъ гдѣ-то находитъ для себя мѣсто... Заглавія этого романа мнѣ тогда Добролюбовъ не сказалъ, вѣроятно и самъ еще не зналъ, какъ его назвать; но замѣтилъ мнѣ, что пишется легко, что вовсе не такой трудъ, какъ онъ прежде думалъ, писать повѣсти... Кажется, этой повѣсти или романа покойный Добролюбовъ такъ и не кончилъ.

«Когда Добролюбовъ кончилъ чтеніе, я спросилъ: «ужели ты, Николай, способенъ писать романы? Я считалъ тебя болѣе серьезнымъ...»

«— Недаромъ у меня ничего и не выходитъ. «Воображенія» у меня вовсе нѣтъ. Я, замѣчаешь, резонерствую, а это скверно... Впрочемъ, покажу Чернышевскому, что онъ скажетъ,—отвѣчалъ мнѣ Добролюбовъ.

«На той же недѣлѣ онъ отправился, кажется, съ неоконченною повѣстью къ Чернышевскому. Послѣ того, онъ мнѣ передалъ результатъ литературнаго консилиума. «Чернышевскій мнѣ положительно сказалъ, чтобы я не совался въ беллетристику, что я пишу не повѣсть, а *критику* на сцены, мною *придуманная*...» Это слова буквально-подлинныя Добролюбова.

«Сейчасъ приведенный фактъ очень важенъ въ жизни Добролюбова, какъ рѣшительный толчокъ, давшій литературному призванію его окончательное направленіе критическое...

«Первые два года пребыванія въ институтѣ у Добролюбова были отравлены двойнымъ ужаснымъ горемъ. Изъ частной переписки его въ то время съ родными, и особенно съ матерью, видно было, что онъ питалъ къ ней нѣжнѣйшую привязанность. Родители, въ свою очередь, до старости любили своего перваго сына и баловали его, какъ ребенка. Часто, бывало, Добролюбовъ получалъ съ почты присылаемые изъ дому, изъ Нижняго-Новгорода, конфеты отъ матери, которыми онъ послѣ ужина угощалъ своихъ товарищей. Однажды, вечеромъ, Добролюбовъ получаетъ отъ отца письмо за черною печатью, извѣщающее о смерти любимой имъ матери, которая скончалась отъ родовъ. Это ужасное извѣстіе такъ сильно подѣйствовало на Добролюбова, что всѣ товарищи приняли участіе въ его горѣ, и, кажется, этотъ ударъ много имѣлъ вліянія на самыя завышныя убѣжденія дорогаго нашего товарища...

«— За что такъ строга судьба? сказалъ онъ мнѣ однажды, перечитывая печальное письмо.—Матушка моя была такъ религіозна... такъ набожна... и такъ необходима малолѣтней семьѣ нашей... Зачѣмъ было отнимать ее у насъ?.. Поневоля задумаешься...

«Не успѣла еще зажить, да едва ли и зажила когда эта рана въ сердцѣ Добролюбова, какъ новая, не менѣе глубокая, нанесена была судьбою его любящему сердцу.

«Въ 1854 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ экзаменовъ, мы втроемъ отправились на каникулы по желѣзной дорогѣ, *«вмѣстѣ съ волгами»*, какъ выразился Добролюбовъ,—т. е. на тяжеломъ поѣздѣ, до Твери. Въ Твери мы сѣли на пароходъ, съ тѣмъ, чтобы отправиться по Волгѣ: я въ Ярославль, еще товарищъ въ Кострому, а Добролюбовъ—въ Нижний. Всю дорогу нашъ Николай Александровичъ былъ какъ-то особенно печаленъ. Къ тому же, онъ помѣстился на палубѣ, и его буквально испекло жаркимъ юньскимъ солнцемъ. На пароходѣ съ нами ѣхали два болгарскихъ монаха; онъ съ ними всю дорогу проговорилъ о болгарскомъ языкѣ, о жизни болгаръ... Оттого ли, что у Добролюбова не было денегъ, или онъ не хотѣлъ ихъ тратить, или ему наскучила дорога, или не былъ хорошо здоровъ, или его томило недоброе предчувствіе—не знаю; но онъ всю дорогу грустилъ, ничего почти не ѣлъ и не пилъ въ продолженіе двухъ сутокъ... Послѣдствія оправдали его чуткую грусть; дома на этихъ каникулахъ постигло его семью новое горе.

Въ концѣ августа, на обратномъ пути изъ дома въ Петербургъ, я встрѣтилъ Добролюбова на желѣзной дорогѣ, уже ѣхавшаго на этотъ разъ съ какимъ-то бариньимъ-земляномъ во II классѣ.

— Что новаго у васъ, Николай, въ Нижнемъ?

«— Отецъ умеръ, отвѣчалъ онъ.

«Въ холодномъ тонѣ отвѣта, сказаннаго Добролюбовымъ съ язвительною улыбкою, мнѣ послышалось проклятіе, посланное судьбѣ... Да, онъ смѣялся, сообщая мнѣ эту грустную новость, но такъ смѣялся, что меня покорило.

«Эти грустные семейныя обстоятельства, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, имѣли сильное вліяніе на Николая Александровича. Съ этой минуты его душа навсегда простилась съ мечтами... и жизни, жизнь со всею ея реальностію стала предметомъ его изученія.

«Я, помню, восхищался при покойномъ только-что тогда напечатаннымъ въ «Современникѣ» «Нахаремъ» Григоровича. Добролюбовъ съ жаромъ принялся доказывать всю несостоятельность повѣсти, съ особеннымъ напоромъ указывая на идеализацію, съ которою авторъ описалъ послѣднія минуты умирающаго нахара...

«Я любилъ стихи, иногда напѣвалъ романсы... Однажды, въ минуту пѣвучаго настроенія, я запѣлъ, въ присутствіи Добролюбова, какой-то романсъ...

«Радонежскій! перестанешь ли ты сердочные романсы напѣвать? Ужели ты не имѣешь въ запасѣ для пѣнія чего нибудь получше? На вотъ пой...» И Добролюбовъ сунулъ мнѣ стихотворенія Некрасова.—«Оставь, пожалуйста, любовь и цвѣты, пой «жизнь»—или плачь: это одно и то же,—ну, свищи!.. Пѣсни, иногда пѣтая мною: «Не слышно шуму городского», особенно правилась Добролюбову, и онъ, вообще нелюбившій пѣнія, очень часто просилъ меня ее пѣть и всегда слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ.

«Покойный Николай Александровичъ не любилъ мишуры нигдѣ и ни въ чемъ, не любилъ рисоваться и всегда ратовалъ противъ наряднаго черезъ-чуръ мундира, особенно ловкаго поклона, заискивающаго разговора, подобострастнаго отношенія къ кому бы то ни было... На танцклассѣ, куда онъ являлся въ четыре года можетъ быть пять разъ, смѣшилъ танцмейстера своею неловкостію, и мудростей кадрили французской не постигъ...

«Во время коронаціи, студентамъ института были присланы двѣ ложки даровыи въ Александринскомъ театрѣ. Бросили жребій, кому изъ студентовъ ѣхать. Добролюбову и мнѣ достались также мѣста. Давали «Парашу Сибирячку» и еще что-то. Въ одной изъ нихъ игралъ покойный Максимовъ. Во время дѣйствія, за нѣкоторые монологи, вызывали Максимова послѣ того, какъ онъ кончалъ свое явленіе. Максимовъ имѣлъ привычку выходить раскланиваясь и, разумѣется, своимъ выходомъ нарушалъ художественную иллюзію... Въ то время, когда всѣ хлопали явившемуся на вызовъ Максиму, хотя, по ходу дѣйствія, явленіе его не слѣдовало,—Добролюбовъ вставалъ съ своего мѣста и, высунувшись изъ ложи, кричалъ громко: «невѣжа, лакей!»—шикалъ и свисталъ. (То же было съ Добролюбовымъ, когда Максимовъ въ другой разъ при немъ игралъ Чацкаго). И всегда потомъ, если заходила рѣчь объ Александринскомъ театрѣ, онъ ругалъ Максимова...

«Добролюбовъ не скрывалъ никогда и ни къ кому своей антипатіи. Въ выраженіяхъ о нелюбимомъ лицѣ, и всегда нелюбимомъ за что нибудь особенно, по его убѣжденію, дурное, онъ не стѣснялся ничѣмъ. Тамъ, гдѣ дѣло шло о правдѣ, объ интересахъ студентовъ,—онъ первый бралъ на себя отвѣтственность протеста, рискуя потерять многое для себя...

«При выпускѣ Добролюбовъ не получилъ золотой медали...

«За то иная медаль, съ изображеніемъ покойнаго нашего общаго друга, осталась вычеканенною въ сердцѣ каждаго товарища его... Не знаю, что жизнь сдѣлала съ Добролюбовымъ послѣ, выѣзда изъ института... Но студенческое имя Николая Добролюбова для его товарищей, такъ его любившихъ, и прежде было, и долго будетъ самымъ свѣтлымъ, задушевнымъ, ободряющимъ, путеводнымъ голосомъ... Немалую долю въ вынесенныхъ изъ студенческой жизни добрыхъ началахъ товарищи Николая Александровича заняли изъ его прекрасной, даровитой, любимой нами всѣми до страсти, благородной души. Не берусь рѣшить, что потеряла литература въ —боваъ, но мы, товарищи по инст-

туту съ Николаемъ Александровичемъ Добролюбовымъ потеряли много смѣлыхъ надеждъ, много свѣтлыхъ уюваній. потеряли красу и честь нашего молодого студенческаго кружка. гордость и утѣшеніе нашего курса».

Отъ времени институтской жизни Н. А. сохранилась тетрадь дневника, начатаго 1 января и доведеннаго до 11 февраля 1857 г. На этотъ разъ Н. А. записывалъ совершенно послѣдовательно, не пропуская ни одного дня, и очень подробно: 42 дни занимаютъ 88 страницъ въ 4-ю д. л., исписанныхъ плотно, такъ что если бы напечатать весь дневникъ, онъ занялъ бы около 75 страницъ; на внутренней сторонѣ обертки тетради написано:

«Прошу всѣхъ, кому попадется въ руки эта тетрадь, положить ее на мѣсто, не читая, потому что въ ней записалъ я нѣсколько тайнъ, не принадлежащихъ мнѣ и частью даже угаданныхъ мною».

По причинѣ, указываемой этою надписью, большая часть дневника должна пока остаться ненапечатанною, и только нѣкоторые, немногіе отрывки можно сообщить публикѣ теперь.

Сцена съ товарищемъ по случаю слуха объ освобожденіи крестьянъ разсказана въ дневникѣ Н. А. такъ:

«9 января. Въ теперешнемъ моемъ настроеніи я радъ всякой живой душѣ, которой могъ бы говорить о своихъ душевныхъ тревогахъ... Чувства мои рвутся наружу съ страшной силой. И что, если я встрѣчу сочувствіе?.. А между прочимъ, тревожное состояніе души моею выразилось вчера очень оригинальнымъ образомъ. Еще съ утра, на лекціи Срезневскаго, по поводу какого-то слова, совершенно ничтожнаго, у меня вдругъ родился цѣлый рядъ идей о томъ, какъ можно бы и какъ хорошо бы уничтожить это неравенство состояній, дѣлающее всѣхъ столь несчастными, или, по крайней мѣрѣ, повернуть все вверхъ дномъ: *авось* потомъ *какъ нибудь* получше установится все. Этотъ странный порывъ, конечно, скоро былъ успокоенъ холоднымъ разсужденіемъ, доказавшимъ, что подобное намѣреніе глупо. Но все-таки въ душѣ осталось чувство. что надо же дѣлать, если дѣлать, что нечего сидѣть, сложа руки. Въ такомъ настроеніи былъ я, когда получилъ слѣдующее извѣстіе. Въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» напечатанъ былъ указъ, въ которомъ говорилось что-то о крѣпостныхъ. Вѣсть объ этомъ распространилась по городу, и извозчики, дворники, мастеровые и т. п. толпами бросились въ сенатскую лавку—покупать себѣ *вольныхъ*... Произошла давка. шумъ, смятеніе. Указы перестали продавать. К. ходилъ вчера въ сенатскую лавку. Чиновникъ отвѣтилъ на его вопросъ объ указѣ касательно крѣпостныхъ: нѣтъ и не было... Но тутъ же и въ тѣ минуты, которыя К. пробылъ въ лавкѣ и возлѣ, человекъ 15 разнаго званія приходили спрашивать объ этомъ указѣ, и всѣмъ тотъ же отвѣтъ. Говорятъ, что многіе извозчики оставили своихъ хозяевъ, расчитавъ, что теперь имъ оброку платить не нужно, и слѣдовательно отъ себя работать можно, что гораздо выгоднѣе. С. встрѣтилъ третьяго дня вечеромъ двухъ пьяныхъ мужиковъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ, что мы, дескать, вольные съ новаго года, а другой ему возразилъ: врешь, съ перваго числа.—Это меня возбудило и настроило какъ-то напряженно. Вечеромъ заговорили опять объ этомъ указѣ, и Н., думая съострить, самодовольно замѣтилъ, что для студентовъ эта новость не можетъ быть интересной, потому что у нихъ нѣтъ крестьянъ. У. сталъ, по обычаю, очень тупо острить на этотъ счетъ, и я, видя, что дѣло, святое для меня, такъ пошло трактуется этими господами, я горячо замѣтилъ Н. неприличіе его выходки. Онъ хотѣлъ что-то отвѣчать, и, по обычаю, закинулся, и, стоя предо мной, только производилъ непріятное трещаніе горломъ. Я сказалъ, что его острота обидна для всѣхъ, имѣющихъ несчастье считать его своимъ товарищемъ, и что между нами много есть людей, которымъ интересы русскаго народа гораздо ближе къ сердцу, нежели какой нибудь чухонской свинѣ. Выговоривши это слово, я уже почувствовалъ что сдѣлалъ глупость, обративши

внимание на слова пошлаго мальчишки; но начало было съѣдено. Н. сказалъ мнѣ самъ какую-то грубость. и я продолжалъ ругаться съ нимъ, пока не заставилъ его замолчать грознымъ движеніемъ, которое можно было растолковать, какъ намѣреніе прибить Н. Движеніе это было уже не искренно, а просто разсчитано. Черезъ пять минутъ я со-всѣмъ эту исторію позабылъ, увлекшись теченіемъ мыслей—
—въ одной изъ статей первой книжки «Современника», которую сталъ читать, чтобы успокоиться.

Вотъ еще два отрывка, въ которыхъ высказывается сужденіе Николая Александровича о своемъ характерѣ и отчасти опредѣляются его тогдашнія убѣжденія и стремленія. 12 января, рассказывая о восстановленіи хорошихъ отношеній своихъ съ однимъ изъ товарищей, съ которымъ прежде былъ дру-женъ, потомъ на нѣкоторое время расходился, Н. А. говоритъ, что примире-ніемъ съ этимъ товарищемъ онъ доволенъ, но прежняя дружба между ними не восстановится, и продолжаетъ:

«Каждая вещь, которую мы дѣлаемъ, основывается конечно на эгоизмѣ.—тѣмъ болѣе такая вещь, какъ дружба. Пріятно быть дружнымъ съ тѣмъ, кто намъ сочув-ствуетъ, кто можетъ понимать насъ, кто волнуется тѣми же интересами, какъ и мы. Въ этомъ случаѣ, мое самолюбіе удовлетворяется, когда я нахожу одобреніе моихъ мнѣній, уваженіе того, что я уважаю, и т. п. Но съ Z¹⁾ у насъ общаго только честность стремленій, да и то немногихъ: въ послѣднихъ цѣляхъ мы расходимся. Я—отчаянный социалистъ, хоть сейчасъ готовый вступить въ небогатое общество съ рав-ными правами и общимъ имуществомъ всѣхъ членовъ; а онъ признаетъ неравенство правъ и состояній даже въ высшемъ идеалѣ человѣчества... Я полонъ какой-то безот-четной, безпечной любви къ человѣчеству и уже привыкъ давно думать, что всякую гадость люди дѣлаютъ *по глупости*, и слѣдовательно нужно жалѣть ихъ, а не сер-диться; противодѣйствуя подлостямъ, я дѣлаю это безъ гнѣва, безъ возмѣщенія²⁾, а просто по сознанію надобности и обязанности дать щелчокъ дураку. Z, напротивъ, отличается страстностью дѣйствій. и потому они принимаютъ у него всегда личный характеръ; все, затѣянное имъ, начиналось съ него и къ нему непосредственно от-носилось; все, затѣянное мной, касалось меня менѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ; потому что лично я никогда ничѣмъ не былъ обиженъ отъ нашего начальства.

«...Я болѣе люблю Поржницкаго³⁾, котораго 10 числа проводилъ въ Казань. Это благородный человѣкъ, съ энергическимъ, ностояннымъ желаніемъ добра и уча-стіемъ къ бѣднымъ ближнимъ; онъ ужасно много потерялъ, и приобрѣлъ энергію и опы-тность, какихъ мнѣ, можетъ быть, никогда не удастся приобрести. Страшно подумать, какъ мало во мнѣ жизни, какъ мало страсти! Хорошо еще, что попалъ я на благо-родныя, честныя убѣжденія... Отсутствіемъ живаго начала въ моей натурѣ объясняю я и то, что разлука съ Поржницкимъ произвела на меня очень слабое впечатлѣніе, до того слабое, что на другой день я позабылъ о ней и не вписалъ даже ея въ свою тетрадь. А между тѣмъ мое уваженіе и любовь къ этому человѣку совершенно искренни,—и былъ горячъ поцѣлуй нашъ прощальный, крѣпко было пожатіе рукъ».

25 января, замѣчая у другаго институтскаго товарища сходство съ собою по характеру, Н. А. продолжаетъ:

«Для него вопросы социальные—вопросы внутренніе. стремленія души его, а никакъ не внѣшнія, навязанныя обстоятельствами увлеченія, какъ у большей части другихъ изъ намъ извѣстныхъ. Только у него натура ужасно слабая и способная къ увлеченіямъ, и я боюсь, что попавши въ дурной кружокъ, онъ легко распростится съ своими убѣжденіями. Этого бояться даже за самого себя я имѣю основаніе; но

¹⁾ Имъ товарища, о которомъ идетъ рѣчь.

²⁾ То есть надобно подразумѣвать: «душевнаго, а съ хладнокровіемъ».

³⁾ Г. Поржницкій былъ тогда студентомъ медикохирургической академіи и долженъ былъ уѣхать въ Казань по неувольствію начальства...

какъ же не сознаться—хоть и себѣ самому,—что во мнѣ (что ни говори Z) ¹⁾ внутреннихъ силъ гораздо больше, презрѣніе къ людскимъ авторитетамъ и къ житейскимъ выгодамъ гораздо сильнѣе, и что къ высшимъ вопросамъ, къ послѣднимъ рѣшеніямъ я подошелъ гораздо ближе, гораздо смѣлѣе взглянулъ имъ въ лицо, нежели N? Меня своротить съ моей дороги ужасно трудно, тѣмъ болѣе, что я до сихъ поръ не тратилъ своихъ силъ на серьезную внѣшнюю борьбу, и въ случаѣ нужды могу явиться смѣлымъ и свѣжимъ бойцомъ. Кромѣ того, у меня есть еще шансъ: я уже успѣлъ себя очень хорошо поставить между людьми, которыхъ уваженіе мнѣ дорого. Если я сгибну, то они обо мнѣ искренно пожалѣютъ, и передъ концомъ меня не будетъ мучить мысль, что вотъ были у меня силы, да не успѣлъ я ихъ высказать и умираю безвѣстнымъ, безъ шума и слѣда».

Тутъ мы видимъ, между прочимъ, повтореніе обычной укоризны Н. А. себѣ за холодность и безчувственность. Но теперь читатель уже знаетъ его натуру настолько, чтобы видѣть совершенноую неосновательность его недовольства собою съ этой стороны. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно впечатлительный, страстный, и чувства его были очень порывисты, глубоки, пылки. — Мнѣ довольно часто попадались люди, мучащіеся мыслью, что въ нихъ недостаетъ именно тѣхъ способностей или качествъ, которыя очень сильно развиты у нихъ. Напримѣръ, покойный И. И. Введенскій ужасно мучился тѣмъ, что у него слаба память. Но кромѣ общихъ впечатлѣній моихъ, свидѣтельствовавшихъ противное, я имѣлъ положительный случай видѣть, что память у него чрезвычайно сильна: когда онъ готовился къ магистерскому экзамену, онъ занялся при моемъ содѣйствіи славянскими нарѣчіями, о которыхъ не имѣлъ никакого понятія, и я видѣлъ замѣчательную быстроту и прочность, съ какою врывалось у него въ память все, начиная отъ грамматическихъ мелочей до тонкаго подбора фактовъ для общихъ научныхъ соображеній. Точно такъ же находилъ довольно слабой свою память и Н. А., имѣвшій изумительную память. Разумѣется, мнимою слабостью своей памяти онъ не огорчался, потому что важность дѣла не въ томъ, какова память. Но подобно ему, большая часть встрѣчавшихся мнѣ людей замѣчательно твердаго характера были мучимы недовольствомъ собою за безхарактерность. — Переходя отъ ложнаго недовольства собою за мнимые недостатки хорошаго къ подобнымъ примѣрамъ недовольства мнимымъ недостаткомъ дурнаго, каждый читатель можетъ припомнить, какъ много встрѣчалъ онъ людей изворотливаго и фальшиваго характера, недовольныхъ собою за мнимый недостатокъ изворотливости. — Только очень немногіе негодяи считаютъ себя негодьями; огромное большинство людей этого разряда приписываетъ всѣ свои неудачи въ жизни только недостатку подлости въ своемъ характерѣ. — Эта иллюзія относительно собственныхъ качествъ объясняется очень просто. Человѣкъ, у котораго есть сильная способность къ чему нибудь, имѣетъ очень ясное представленіе о томъ, что такое значить сила этой способности; онъ очень живо и рельефно представляетъ себѣ идеаль ея, а передъ идеаломъ фактъ дѣйствительно не удовлетворителенъ; и вотъ онъ считаетъ себя слабымъ именно въ томъ, въ чемъ гораздо сильнѣе другихъ людей. — Разумѣется, такіе люди только въ этомъ послѣднемъ отношеніи ошибаются, — только въ томъ, что прилагаютъ къ себѣ мѣрку отвлеченнаго совершенства, пренебрегая мѣрять себя безпристрастнымъ сравненіемъ съ другими людьми по качеству, недостат-

¹⁾ Имя товарища, о которомъ шла рѣчь въ предидущемъ отрывкѣ.

комъ котораго въ себѣ сокрушаются. Если они умны, то не трудно заставить ихъ сознаваться въ этой ошибкѣ, указывая въ томъ, что качествомъ, за недостатокъ котораго они порицаютъ себя, они одарены сильнѣе, чѣмъ люди, признанные за богато одаренныхъ тѣмъ же самымъ качествомъ. Такъ, бывало, дѣлаешь съ Н. А., когда онъ начнетъ слишкомъ печалиться своею «безчувственностью» или «безхарактерностью». — «Ну, вотъ возьмите г. Н или г. NN, — они извѣстны какъ люди впечатлительные, живые» или «какъ люди твердые; ну, что же, какъ вы думаете объ вашихъ качествахъ сравнительно съ ними?» — «Еще бы сравнительно съ ними не казался я вамъ человѣкомъ живымъ и твердымъ. Разумѣется, я подтвержу ихъ, и чувства у меня посильнѣе». — «Ну, за что же вы браните себя въ такомъ случаѣ?» — «Да какое мнѣ утѣшеніе въ томъ, что другіе хуже меня? Я хотѣлъ бы быть такимъ, какимъ самъ хочу быть, какимъ мнѣ нужно быть для довольства собою.»

Но кромѣ этого общаго повода къ иллюзіямъ подобнаго рода, было у Н. А. другое, частное основаніе воображать себя холоднымъ и безчувственнымъ. Онъ имѣлъ чрезвычайно сильный характеръ. По обыкновенію людей, одаренныхъ такимъ характеромъ, онъ считалъ себя лишеннымъ твердой воли и, какъ я уже говорилъ, сильно мучился этимъ. Но какимъ бы ни считалъ онъ себя, я расскажу современемъ множество дѣлъ, доказывающихъ удивительную силу его характера, а теперь пока укажу на одинъ фактъ, извѣстный всей публикѣ: никто никогда не дѣйствовалъ съ такою полною независимостью отъ всѣхъ окружавшихъ, какъ онъ. Никакія личныя отношенія не могли колебать его, когда онъ считалъ нужнымъ поступить такъ или иначе. Напримѣръ, ему извѣстно было, что я одобрялъ устройство диспута въ Пассажѣ между гг. Смирновымъ и Перрозио. Онъ очень хорошо зналъ, какъ непріятно мнѣ будетъ обнаруженіе глупости этого дѣла, въ которомъ разыгралъ и самую жалкую роль. Публика могла не знать, но мы съ нимъ оба очень хорошо понимали, что его статья «Любопытный пассажъ» убійственнѣе для меня, нежели для кого бы-то ни было другаго. Перечитайте же эту статью, — смягчалась ли въ ней насмѣшка привязанностью ко мнѣ? А между тѣмъ онъ любилъ меня, я имѣю на это доказательства. — Но что указывать частные случаи? — Литературный міръ знаетъ, какъ неизмѣнно выдерживалъ онъ принципъ: не сближаться ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ не стоило сближаться по его убѣжденію. Тутъ напрасны были всякія просьбы. При этой твердости характера и при ранней привычкѣ къ обдуманному дѣйствованію, Н. А. очень рано приобрѣлъ очень замѣчательную силу сдерживать внѣшнія проявленія своихъ чувствъ. Напримѣръ, въ теченіе четырехъ лѣтъ безпрестанныхъ свиданій съ нимъ (съ лѣта 1856 г. до отъезда за границу) я только три раза былъ причиною или свидѣтелемъ того, что онъ измѣнялся въ лицѣ, вѣсывалъ и возвышалъ голосъ; а разумѣется, были десятки случаевъ, въ которыхъ онъ сильно досадовалъ на тотъ или другой мой поступокъ, и были сотни случаевъ, когда разговоръ нашъ шелъ о предметахъ, волновавшихъ его. Кромѣ трехъ случаевъ (изъ которыхъ два уже рассказаны г. Пятковскимъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ»), я никогда не видѣлъ его теряющимъ власть надъ голосомъ, ни разу не видѣлъ дѣлающимъ тревожныя движенія. Эту сдержанность онъ принималъ за холодность, между тѣмъ какъ она только свидѣтельствовала о силѣ его воли.

Читатель видѣлъ страстность натуры Н. А. въ двухъ направленіяхъ чувства,—въ любви къ матери, и въ дружеской привязанности. Дневникъ, веденный въ Педагогическомъ институтѣ, заключаетъ въ себѣ много страницъ, относящихся къ собственно такъ-называемой любви. Разумѣется, мы не имѣемъ права печатать этихъ его воспоминаній, хотя въ нихъ нѣтъ ровно ничего предосудительнаго съ какой бы то ни было стороны для лицъ, которыя въ нихъ являются. Но надъ понятіями общества объ этихъ вопросахъ еще господствуетъ пошлость, требующая тайны. Тѣ отрывки институтскаго дневника, которые говорятъ о тогдашней любви Н. А., должны оставаться не напечатанными до той поры, когда никто не найдетъ ихъ обнародованіе нарушеніемъ общественныхъ условій, и мы печатаемъ только тѣ страницы, которыя показываютъ, какъ пробуждалась въ Н. А. жажда любви.

3 января, рассказавъ, что былъ въ театрѣ на «Ревизорѣ», Н. А. продолжаетъ:

«За ревизоромъ шла пьеса «Уѣдетъ или нѣтъ», дрянъ какая-то гр. Ростопчиной, пьеса, которой бы никто смотрѣть не сталъ, если бы ее не играла Н., на которую все время наведены были всѣ имѣвшіеся въ театрѣ бинокли. Она, дѣйствительно, очень хороша собой.—Странное дѣло: нѣсколько дней тому назадъ я почувствовалъ въ себѣ возможность влюбиться; а вчера, ни съ того, ни съ сего, вдругъ мнѣ пришла охота учиться танцовать.—Чортъ знаетъ, что это такое. Какъ бы то ни было, а это означаетъ во мнѣ начало примиренія съ обществомъ ¹⁾. Но я надѣюсь, что не поддамся такому настроенію: чтобы сдѣлать что нибудь, я долженъ не убаюкивать себя, не дѣлать уступки обществу, а напротивъ держаться отъ него дальше, питать жолчь свою. При этомъ разумѣется, конечно, что я не буду дѣлать себѣ насилія, а стану ругаться только до тѣхъ поръ, пока это будетъ занимать меня и доставлять мнѣ удовольствіе. Дѣлать то, что мнѣ противно, я не люблю. Если даже разумъ убѣдитъ меня, что то, къ чему имѣю я отвращеніе, благородно и нужно,—и тогда я сначала стараюсь пріучить себя къ мысли объ этомъ, придать болѣе интереса для себя этому дѣлу,—словомъ, развить себя до того, чтобы поступки мои, будучи согласны съ абсолютной справедливостью, не были противны и моему личному чувству. Иначе, если я примусь за дѣло, для котораго я еще недовольно развить, и слѣдовательно не гожусь, то — во-первыхъ, выйдетъ изъ него — «не дѣло, только мука», а во-вторыхъ, никогда не найдешь въ своемъ отвлеченномъ разумѣ столько силъ, чтобы до конца выдержать пожертвованіе собственною личностью отвлеченному попятію, за которое бьешься.»

(8 января) за обѣдомъ въ одномъ семействѣ, гдѣ давалъ уроки Н. А., зашла рѣчь объ убійствѣ Сибура Вержесомъ, — случаѣ, надѣлавшемъ тогда много шума на цѣлую Европу. Ужаснѣ всего казалось, что Вержесъ совершилъ убійство открыто, въ публичномъ мѣстѣ, среди многочисленной толпы. Собесѣдники Н. А. говорили въ этомъ тонѣ.

«Я сказалъ, что оправдывать убійство вообще нельзя, но не нужно и такъ строго обвинять (Вержеса) только за то, что оно совершено открыто и честно, а не подло и скрытно. Отсюда разговоръ легко перешелъ, конечно, къ ослиной добродѣтели, которой Н. П. произнесла панегирикъ, а я захохоталъ. Смѣхъ мой ее озадачилъ и даже нѣсколько оскорбилъ. Начался споръ, въ которомъ я доказывалъ, что честный и благородный человѣкъ не можетъ и даже не имѣть права терпѣть гадостей и злоупотребленій, а обязанъ прямо и всѣми своими силами возставать противъ нихъ. Въ-есто всякаго отвѣта на мою диссертацию въ этомъ смыслѣ, Н. П. только руками всплес-

¹⁾ Точнѣе выразился бы Н. А., если бы сказалъ: „начало того, что я вовлекаюсь въ жизнь“.

нула: ахъ, какой онъ вольнодумецъ, Господи Боже мой! Скоро однако же она согласилась, что вольнодумство это очень благородно, но прибавила, что оно можетъ быть гибельно. Въ этомъ я съ нею согласился...

«В. А. стала просить меня прочесть что нибудь. Но читать было нечего. Обратились къ старымъ книжкамъ «Современника». С. П. сказалъ, что очень хороши «Записки Учителя Музыки», и В. А., вмѣстѣ съ Н. П., стали меня просить прочесть ихъ. Отказаться было нельзя; но я ихъ читалъ прежде, повторять не хотѣлось, и я озлился. Мгновенно сталъ я мраченъ, въ сердцѣ была какая-то ярость, тяжело было, и чортъ знаетъ какое скверное расположеніе духа пришло при мысли о необходимости читать для другихъ то, чего бы я самъ не хотѣлъ читать. Я все старался оттянуть чтеніе... Къ счастью, судьба бросила подъ руку В. А. первый томъ «Легкаго Чтенія»; я вызвался прочесть для нихъ «Дневникъ Лишняго Человѣка». Онѣ согласились, и въ ту же минуту дурное расположеніе мое прошло, мнѣ стало легко и спокойно. Но какъ я страдалъ, пріятно страдалъ, читая первую половину разсказа, никѣмъ не тревожимый и не прерываемый!.. На половинѣ намъ помѣшали, и впечатлѣнія раздвоились. Пришелъ М. — fils, а потомъ М. — père; стали толковать о родовой чести, о потерѣ которой онъ очень сожалѣлъ, чѣмъ возбудилъ во мнѣ жолчный смѣхъ. Потомъ Н. П. отправилась дѣлать чай, и чтеніе на время прекратилось. Мы остались вдвоемъ съ В. А., и я сталъ ей говорить совершенно беззащитно о своей застѣнчивости, неловкости, незнаніи свѣтскихъ приличій, неумѣни держать себя въ обществѣ и т. п. Она согласилась, что я дѣйствительно не боекъ, но утѣшала меня тѣмъ, что всѣ означенныя достоинства находятся во мнѣ не въ столь высокой степени, какъ я думаю. А въ самомъ дѣлѣ, какое-то ужасающее сходство нашелъ я въ себѣ съ Чулкатуринымъ. Я былъ внѣ себя, читая разсказъ; сердце мое билось сильнѣе, къ глазамъ подступали слезы, и мнѣ такъ и казалось, что со мной непременно случится рано или поздно подобная исторія. Чувства же, подобныя чувствамъ Чулкатурина на балѣ, мнѣ приходилось не разъ испытывать. Вообще, съ нѣкотораго времени какое-то странное, совершенно новое, невѣдомое мнѣ прежде расположеніе души постигло меня. Я томлюсь, ищу чего-то. по пятидесяти разъ на день повторяю стихи Веневитинова:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣсню отвѣчай.

«Жизнь меня тянетъ къ себѣ, тянетъ неотразимо. Бѣда, если я встрѣчу теперь хорошенькую дѣвушку, съ которой близко сойдуся,—влюблюсь непременно и сойду съ ума на нѣкоторое время...

«Итакъ вотъ она начинается, жизнь-то... Вотъ время для разгула и власти страстей... А я, дурачокъ, думалъ въ своей педагогической и метафизической отвлеченности, въ своей книжной сосредоточенности, что уже я «пережилъ свои желанья» и «разлюбилъ свои мечты»... Я думалъ, что выйду на поприще общественной дѣятельности чѣмъ-то въ родѣ Катона безстрастнаго или Зенона Стоика. Но вѣрно жизнь возьметъ свое. И какъ странно началось во мнѣ это тревожное движеніе сердца! Въ первый разъ шевельнулось оно во мнѣ, когда я услышалъ отъ В. К., что ки. Трубецкая, очень бѣдная дѣвушка, выходила за Морни. Не могу опредѣленно вспомнить своихъ чувствъ въ ту минуту, но знаю положительно, что съ тѣхъ поръ я не знаю покоя, и социальные вопросы переплелись въ моей головѣ съ мыслями объ отношеніяхъ моихъ къ обществу, въ которомъ мнѣ именно суждено жить. Вмѣсто теоретическихъ стремленій начинается какая-то лихорадочная жажда дѣятельности,—и дѣятельности живой, личной, а не книжной, неопредѣленно-безличной и отвлеченной. Что-то будетъ?... Можетъ быть конецъ моихъ учебныхъ подвиговъ совершенно испортится теперешимъ моимъ расположеніемъ, но противиться ему я не въ силахъ...»

29 января, записать, что былъ въ театрѣ на представленіи «Горе отъ ума» и что пьеса шла дурно, Н. А. продолжаетъ:

«При всемъ томъ, я доволенъ, что видѣлъ «Горе», хотя въ другой разъ уже не пойду смотрѣть его, — развѣ для того, чтобы любоваться Н. Она въ самомъ дѣлѣ поразительно-хороша, и ея красота именно въ моемъ родѣ: я всегда воображалъ себѣ такую мою будущую *bien-aimée*... Эти тонкія, прозрачныя черты лица, эти живые, огненные, умные глаза, эти роскошныя волосы, эта грація во всѣхъ движеніяхъ и неотразимое обаяніе въ каждомъ малѣйшемъ измѣненіи фizioноміи—все это до сихъ поръ не выходитъ у меня изъ памяти. — Но впечатлѣніе, произведенное на меня Н. именно подходитъ къ тѣмъ, которыя Пушкинъ называетъ «благоговѣньемъ богомольнымъ передъ святыней красоты». (Смотрѣть на нее, слѣдить за чудными передвиженіями ея лица и игрою глазъ — есть уже для меня достаточное наслажденіе. Совсѣмъ другаго рода чувства волновали меня, когда танцевала Жебелова съ Богдановымъ мазуречку...

«30 января. Нѣсколько дней уже я ношусь съ Гейне и все восхищаюсь имъ. Ни одинъ поэтъ еще никогда не производилъ на меня такого полного, глубокаго, сердечнаго впечатлѣнія. Лермонтова, Кольцова и Н. читалъ я съ сочувствіемъ; но это было, во-первыхъ, скорѣе *согласіе*, нежели сочувствіе, а во-вторыхъ, тамъ возбуждались все отрицательныя... чувства, жолчь разливалась, кровь кипѣла враждой и злобой, сердце поворачивалось отъ негодованія и тоскливаго, безсильнаго бѣшенства: таково было общее впечатлѣніе. Гейне не то: чтеніе его какъ-то расширяетъ міръ души, его нѣтъ отдается въ сердце сладкой, тихой, задумчивой тоской... У Гейне есть и... страшныя, иронически отчаянныя, насмѣшливо-безотрадные пьесы... но теперь не эти пьесы особенно поразили меня. Теперь съ особеннымъ мучительнымъ наслажденіемъ читалъ и перечитывалъ я *intermezzo*. Вѣрно я мнѣ пришла серьезно пора жизни — полной, живой, съ любовью и отчаяніемъ, со всѣми ея радостями и горестями. Сердце мое бьется особенно сильно при мысли объ этомъ; я чего-то жду страстно и пламенно, и даже нахожу особенное удовольствіе въ томъ, чтобы себя экзальтировать.

«Сегодня утромъ я подумалъ о NN ¹⁾ и удивился, что сталъ такъ холоденъ къ ней. Вотъ что значитъ посмотрѣть на лучшее ²⁾, послѣ котораго не нравится уже хорошее. «Ни одна не станетъ въ спорѣ красота съ тобой» — вотъ чего бы я хотѣлъ для моей *bien-aimée*. Дождусь ли когда нибудь такого счастья?...

«31 января. Впечатлѣнія смѣняются впечатлѣніями и зовутъ меня жить, бороться, наслаждаться...

«Два часа спустя я сидѣлъ у ZZ ³⁾, и въ комнату вошли мать и сестра А. Я въ первый разъ увидѣлъ его сестру при свѣтѣ. Какъ-то разъ прежде я ее встрѣтилъ въ комнатѣ, но тогда было темно и еще не было подано свѣчей. Теперь я разглядѣлъ ее близко и хорошо... Это чудо, что такое! Ей должно быть лѣтъ 15 или 17. Она — великолѣпная брюнетка, небольшого роста, съ чрезвычайно выразительными чертами лица. Если я ея никогда больше не увижу, я никогда не забуду этого лица. Я былъ въ какомъ-то дикомъ опьяненіи восторга послѣ того, какъ она чрезъ три минуты вышла изъ комнаты. Она не сказала ни одного слова, она посмотрѣла на меня съ видомъ небрежнаго покровительства, но я не досадовалъ за это, потому что она съ-разу стала въ моемъ сердцѣ выше всякой досады. Впрочемъ, несмотря на всю силу моего очарованія, я довольно спокойно и разсудительно продолжалъ потомъ толковать съ А.»

¹⁾ Имя дѣвушки, съ которой онъ былъ тогда въ дружбѣ.

²⁾ Это выраженіе надобно относить къ впечатлѣнію, оставленному наканунѣ театромъ.

³⁾ Въ домѣ ZZ Ник. Александровичъ былъ уже нѣсколько разъ; но только официальнымъ образомъ, не будучи еще принятъ въ домашній кругъ.

Останавливаюсь пока на этомъ.

Ко всѣмъ бывшимъ товарищамъ Николая Александровича и къ его друзьямъ, обращаюсь я съ просьбою: сообщать мнѣ свои воспоминанія о немъ и передать мнѣ на время тѣ его письма и бумаги, которые сохранились у нихъ.

Смѣю увѣрить, что всѣми сообщаемыми мнѣ воспоминаніями и документами я буду пользоваться для печати лишь настолько, насколько мнѣ будетъ разрѣшено лицомъ, сообщившимъ этотъ матеріалъ. Едва ли надобно прибавлять, что всѣ бумаги, доставленныя мнѣ, будутъ мною бережно сохранены и возвращены по желанію доставившаго. Письма и посылки прошу прислать на мое имя по слѣдующему адресу: въ Петербургъ, близъ Владимірской церкви, въ домъ Есауловой, Николаю Гавриловичу Чернышевскому.

Посмертныя стихотворенія Н. А. Добролюбова.

Мм. гг.,¹⁾

Намѣреваясь занять вниманіе ваше стихотвореніями Н. А. Добролюбова, я прежде всего долженъ напомнить, что стихотворенія эти стояли далеко не на первомъ планѣ въ дѣятельности покойнаго. Добролюбова должно изучать въ его критическихъ и полемическихъ статьяхъ, къ чему публика получитъ возможность только съ изданіемъ его сочиненій, къ которому уже приступлено. Тогда станетъ ясно для каждаго, какъ много, съ небольшимъ въ четыре года, успѣлъ сдѣлать этотъ даровитый юноша, соединявшій съ силою таланта глубокое чувство гражданскаго долга, составлявшее основную, отличительную черту покойнаго и какъ писателя, и какъ человѣка. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, сожалѣя объ иллюзіяхъ молодости, разлетѣвшихся при строгомъ анализѣ мысли, Добролюбовъ между прочимъ говоритъ:

Но безъ надеждъ и упованій
Я гордо снесъ мою печаль.
И безъ наивныхъ ожиданій
Смотря на жизненную даль,
На битву жизни вышелъ смѣло,
И жизнь свободно потекла,
И дѣлалъ я благое дѣло
Среди царяющаго зла...

Вся литературная дѣятельность Добролюбова служитъ подтвержденіемъ этихъ словъ. Можно сказать болѣе, не рискуя впасть въ преувеличеніе: ихъ подтверждаетъ вся его жизнь. Онъ сознательно берегъ себя для дѣла; онъ, какъ говорится тоже въ одномъ изъ его стихотвореній: «не связалъ судьбы своей ни единымъ пристрастіемъ», устоялъ «передъ соблазномъ жизни» и остался «полнымъ господиномъ своего сердца», — все для того, чтобы ничто не мѣшало ему служить своему призванію, нести себя всецѣло на жертву долга, какъ онъ понималъ его. — Вотъ изъ какого свѣтлаго источника вытекала дѣятельность Добролюбова, вотъ почему онъ такъ сгнѣшилъ работать, такъ много успѣлъ

¹⁾ Читано въ залѣ 1-й гимназіи. въ пользу бѣдныхъ студентовъ, 2 января 1862 года.

сдѣлать! Ничто виѣ этой дѣятельности не существовало для него, ничто *не должно было существовать*, по его убѣжденіямъ. Мы нашли у него недоконченное стихотвореніе, гдѣ замѣчательны слѣдующія строки:

... Для блага общаго назначенный служить,
Я смѣю чувствовать лишь сердцемъ гражданина,
Инстинкты юные я долженъ подавить...

Даже въ частной жизни, въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми, Добролюбовъ представлялъ между нами, русскими, нѣчто особенное. Съ дѣтства прививается къ намъ множество дурныхъ привычекъ, извѣстныхъ подъ именемъ: *умныя жить*. Мы отъ лѣтви говоримъ «да» тамъ, гдѣ слѣдовало бы отвѣчать «нѣтъ»; улыбаемся, по слабодушію, тамъ, гдѣ слѣдовало бы браниться; прикидываемся внимательными къ какому нибудь вздору, на который слѣдовало бы отвѣчать смѣхомъ или даже негодованіемъ. Ничего подобнаго въ Добролюбовѣ не было. Онъ смѣялся въ лицо глупцу, рѣзко отворачивался отъ негодяя, онъ соглашался только съ тѣмъ, что не противорѣчило его убѣжденіямъ. Если къ этому прибавимъ, что онъ не только не занесивалъ у авторитетовъ, но даже избѣгалъ встрѣчъ съ ними, да припомнимъ ту независимость, съ которою онъ высказывался печатно, то поймемъ, почему въ литературѣ его немногіе любили. Сила таланта и честной правды, впрочемъ, начинала уже брать свое: въ последнее время чаще и чаще стало слышаться мнѣніе, что этотъ человекъ *не безъ права* сталъ въ главѣ современнаго литературнаго движенія. Кто — по крайней мѣрѣ теперь — не согласится, что нуженъ былъ этотъ рѣзкій, независимый, отрезвляющій, на дѣло зовущій голосъ?

О, погоди еще! желанная, святая!
Помедли приходить въ нашъ боязливый кругъ!
Теперь на твой призывъ отвѣтитъ тишь нѣмая,

.....

Уже съ предчувствіемъ смерти въ груди, написалъ эти строки Добролюбовъ. Смерть, разумѣется, не подождала. Такова уже судьба русскаго народа: неживучи его лучшіе дѣятели...

Что касается до стихотвореній Николая Александровича (понятно, что я говорю здѣсь не о стихотвореніяхъ юмористическихъ, которыми Добролюбовъ помѣщалъ въ «Свѣткѣ»), то онъ писалъ ихъ весьма рѣдко, урывками, и самъ не придавалъ имъ вовсе никакого значенія. Большая часть ихъ написана до начала журнальной дѣятельности Николая Александровича; стало быть тогда, когда ему было не болѣе двадцати лѣтъ. Увидавъ у него однажды случайно тетрадку, гдѣ онъ записывалъ свои стихотворенія, я съ трудомъ уговорилъ его напечатать что нибудь изъ нихъ. Мы выбрали десять пьесъ; лучшія четыре въ печать тогда не попали, а шесть помѣщены въ «Современникѣ» 1858 г., въ № IX, подъ псевдонимомъ: Волгинъ. Приступаю къ чтенію самихъ стихотвореній:

(Далѣе были помѣщены слѣдующія стихотворенія, вошедшія въ собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова).

1.

Жалоба ребенка.

2.

Когда, среди зимы холодной,

3.

С о н ъ.

4.

Въ церкви.

5.

С о л о в е й.

6.

Сила слова.

7.

Нала ты, какъ травка полевая,

8.

Не диво доброе влеченье

9.

Дорожная пѣсня.

10.

Б ѣ д н я к у.

11.

Очарованіе.

12.

На смерть особы.

13.

14.

П о э т у.

15.

Тихій ангелъ.

16.

* * *

Еще недавно я неистовой сатирой

17.

Напрасно ты отъ вѣтренницы милой

18.

Памяти отца.

19.

Д о р о г о й.

20.

Н а п р а с н о !

21.

Р е ф л е к с і я.

22.

Мы не можемъ сказать, съ котораго года своей жизни Добролюбовъ началъ писать стихи; но знаемъ, что стихотворенія, сейчасъ прочтенныя нами, писаны до осени 1858 года. Съ конца 1858 года Николай Александровичъ сталъ писать стихотворенія юмористическія; онъ тогда вообще работалъ такъ

много, что для лирических пѣсенъ не оставалось у него времени, и по всей вѣроятности онъ уже не писалъ ихъ, пока не перешелъ за границу, въ 1860 г. Такимъ образомъ слѣдующія четыре стихотворенія должно отнести къ 1860 и 1861 годамъ: писаны они частью за границей, частью на возвратномъ пути и частью уже опять въ Россіи, передъ самой смертью. Мы прочтемъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они по всей вѣроятности написались. Слѣдующая пѣса дастъ намъ понятіе о томъ, какія думы занимали Николая Александровича вдали отъ родины.

23.

Нѣтъ, мнѣ не миль и онъ. нашъ сѣверъ величавый...

А вотъ пѣса, написанная на возвратномъ пути:

24.

Необозримой, ровной степью
Поспѣшно я держу мой путь.

Къ тому же періоду принадлежитъ слѣдующая пѣса:

25.

Еще работы въ жизни много,

Наконецъ, вотъ и еще предсмертное стихотвореніе Добролюбова, — надо думать послѣднее.

26.

Пускай умру—печали мало,

Р. S. Къ этому, по возможности, полному собранію стихотвореній Николая Александровича Добролюбова считаю не излишнимъ присоединить для читателей «Современника» слѣдующіе переводы его изъ Гейне.

ПѢСНИ ГЕЙНЕ.

1.

Къ груди твоей бѣлоснѣжной
Я голову тихо прижалъ,

2!

Отъ насъ выступаютъ гусары...

3.

Богъ вѣсть, гдѣ она сокрылась,
Сумасбродная моя!

4.

У тебя есть алмазы и жемчугъ,

5.

Будто въ самомъ дѣлѣ ты такъ разсердилась?

6.

Пѣсни мои ядовиты:

7.

Живыя чувства раздвѣтають

8.

О, перестань, мое сердце, крушиться;

9.

Какъ горестный Атлантъ, я долженъ міръ носить:

10.

В о п р о с ъ

11.

Въ мракѣ жизненномъ когда-то
Чудный образъ мнѣ свѣтилъ;

12.

Подождите терпѣливо:

13.

Когда я вамъ ввѣрялъ души моей мучени,

14.

Милая дѣвушка! Губки пурпурныя,

15.

Пусть на землю снѣгъ валится,

16.

Солнце уже поднялось надъ горами,

17.

Другъ любезный! Ты влюбился...

18.

Стоялъ я въ забытѣ тяжеломъ,

19.

Грустно вошелъ я въ густую аллею,

20.

Кастраты все бранили
Меня за нѣсень мою.

Теперь читателю извѣстно все, написанное и переведенное Добролюбовымъ стихами,—все, кромѣ нѣсколькихъ пьесъ, которыя могутъ явиться въ печати только впоследствии. Напомнимъ снова, что большая часть этихъ поэтическихъ опытовъ писана тогда, когда автору не было еще и двадцати лѣтъ, и что многія пьесы напечатаны нами съ черновыхъ листковъ, ожидавшихъ переработки и обдѣлки. Можетъ быть, мы лучше сдѣлали бы, еслибъ исключили пьесы, слишкомъ не совершенныя по формѣ: впечатлѣніе было бы цѣльнѣе, но зато ускользнули бы отъ читателя нѣкоторыя черты, характеризующія личность покойнаго. А мы именно желали бы дать читателю возможность какъ можно ближе узнать эту личность, послѣ чего она уже сама собою запечатлѣлась бы

въ его сердцѣ. Съ этой стороны нельзя не порадоваться появленію «Матеріаловъ для біографіи Н. А. Добролюбова» (см. эту же книжку современника»). Рекомендуемъ эти матеріалы читателямъ, рекомендуемъ ихъ особенно тѣмъ, которые называли Добролюбова человѣкомъ безъ сердца—да устыдятся! Что касается до насъ, то мы во всю нашу жизнь не встрѣчали русскаго юношу столь чистаго, безстрашнаго духомъ, самоотверженнаго! Наше сожалѣніе о немъ не имѣетъ границъ, и едва ли когда изгладится. Еще не было дня съ его смерти, чтобъ онъ не являлся нашему воображенію, то умирающій, то уже мертвый, опускаемый въ могилу нашими собственными руками. Мы ушли съ этой могилы, но мысль наша осталась тамъ, и поминутно зоветъ насъ туда и поминутно рисуетъ намъ одинъ и тотъ же неотразимый образъ...

Ты схороненъ въ морозы трескучіе,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо, черезъ щели гробовыя,
Проступить не успѣла вода.
Ты лежишь, какъ сейчасъ похороненный,
Только словно длиннѣй и бѣлѣй
Пальцы рукъ, на груди твоей сложенныхъ,
Да сквозь землю проникнувшимъ инеемъ
Убѣлилъ твои кудри морозъ,
Да слѣды наложили чутъ видные
Поцѣлуй суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутыя
И на выпалыя очи твои...

2 янв. 1862 г.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Этюды. Популярныя чтенія Шлейдена. *Переводъ съ нѣмецкаго, профессора московскаго университета Калиновскаго. Москва. 1861.*

Шлейденъ пріобрѣлъ себѣ пзвѣстность въ ученомъ мірѣ своими трудами и открытіями по части ботаники и растительной фізіологіи; а публікѣ неученой онъ пзвѣстенъ, какъ авторъ популярнаго сочиненія «Растеніе и его жизнь». Ботаника, какъ видите, это его спеціальность; ею онъ занимался съ успѣхомъ, пріобрѣлъ себѣ порядочную репутацію, какъ знатокъ своего дѣла, отлично владѣлъ микроскопомъ и анатомическимъ ножичкомъ, умѣлъ слѣдить за растительною пылью и плодотворными крупинками, — кажется, чего же больше? И слѣдовало бы ему всегда подвизаться на этомъ поприщѣ, гдѣ онъ былъ какъ дома, какъ въ своей тарелкѣ; такъ нѣтъ же, область ботаники показалась ему тѣсною, онъ рванулся въ другія сферы, воображая, что и здѣсь ему будетъ такъ же прівольно какъ въ ботаникѣ, и здѣсь онъ не скомпрометируетъ себя, сдѣлается мастеромъ дѣла. Слѣдствіемъ такого порыва и были многія неботаническія статьи Шлейдена, нѣсколько скандализировавшія его ученость, въ томъ числѣ и настоящіе «Этюды». Содержаніе ихъ самое разнообразное: душа растений, мечтаніе естествоиспытателя въ лунную ночь, Валленштейнъ и астрологія, волшебство и суевѣріе, природа звуковъ и звуки въ природѣ и т. д. Но самый интересный этюдъ, это — Сведенборгъ и суевѣріе; уже одно имя Сведенборга невольно тянетъ вниманіе къ этому этюду.

Сведенборгъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный по своей странной судьбѣ и по тому перевороту, который случился въ его головѣ. Въ свое время онъ былъ знаменитымъ, первокласснымъ ученымъ, отлично зналъ математику, астрономію, фізику и другія естественныя науки; не одна теоретическая сторона этихъ наукъ занимала его: онъ трудился надъ ихъ практическимъ примѣненіемъ, писалъ практическія и техническія сочиненія, сдѣлалъ много разныхъ улучшеній въ пропзводствахъ и промышленности, усовершенствовалъ и почти совершенно преобразовалъ горное дѣло въ своемъ отечествѣ, Швеціи. Никакъ нельзя было ожидать отъ такого практическаго человѣка какихъ нибудь мечтательныхъ странностей. И вдругъ въ 1747 году онъ удалился отъ всѣхъ дѣловыхъ занятій, сталъ часто уединяться и увѣрилъ всѣхъ, что душа и духовное тѣло его иногда отрѣшаются отъ естественной плоти. Въ этомъ состояніи онъ будто бы могъ путешествовать по планетамъ и другимъ небеснымъ

тѣламъ, могъ видѣть и слышать все, что тамъ дѣлается. Онъ издавалъ описанія своихъ путешествій и въ нихъ разсказывалъ свои наблюденія; говорилъ, что духи на небесахъ ведутъ ученые диспуты о предметахъ, занимающихъ и насъ земнородныхъ, что на нѣкоторыхъ планетахъ живутъ существа, непохожія на людей, имѣющія шарообразную форму, а на другихъ совершенно схожія съ людьми, но только неумѣющія произносить буквъ «п» и «е»; вѣдалъ онъ тамъ и умершихъ людей, ихъ занятія, образъ жизни и развлеченія, толковалъ съ ними, бесѣдовалъ съ Лютеромъ, Магометомъ и другими. Какъ ни странны были его разсказы и увѣренія, однакожь нашлись люди, которые отъ всей души повѣрили имъ, признали Сведенборга за духовидца и человѣка необыкновеннаго, и образовали большую секту, которая существуетъ и до сихъ поръ, твердо вѣруя въ истину словъ Сведенборга, и которая, говорятъ, въ послѣднее время даже сильно стала увеличиваться.—Сведенборгъ не единственное явленіе въ своемъ родѣ; исторія представляетъ много личностей, подобныхъ ему, которыя тоже выдавали за истину разныя сказки и несбыточные фантазіи, говорили то, что совершенно противно здравому смыслу и всей природѣ человѣка. Имъ тоже вѣрили, и многіе изъ нихъ приобрѣтали многочисленныя секты послѣдователей. Что же это за личности такія, и что имъ за охота была проповѣдывать разныя небылицы и увѣрять людей въ очевидныхъ нелѣпостяхъ? «При размышленіи о Сведенборгѣ», говоритъ Шлейденъ, «невольна рождается вопросъ: былъ ли онъ плутъ, трунившій надъ простотою легковѣрныхъ читателей, былъ ли обманщикъ, подъ личиною религіознаго мечтательства набравшій послѣдователей для корыстныхъ цѣлей? На это мы отвѣчаемъ, съ полною увѣренностью: нѣтъ, онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ.» Въ доказательство онъ указываетъ на честный и благородный характеръ Сведенборга и на все его поведеніе. То же самое можно сказать и о всѣхъ другихъ мечтателяхъ, имѣвшихъ послѣдователей, подобно Сведенборгу; они не были ни обманщиками, ни плутами, отличались строгостію жизни, честнымъ характеромъ и безукоризненнымъ поведеніемъ. Но этого мало; если бы Сведенборгъ и ему подобные дѣйствовали обманомъ, они бы не имѣли послѣдователей. Человѣкъ, говорящій нескрѣпно, если и можетъ увлечь кого нибудь, то, во всякомъ случаѣ не надолго; сѣти обмана очень непрочны; кто нибудь изъ обманутыхъ можетъ рано или поздно замѣтить ихъ и образумить другихъ, и тогда горе обманщику, довѣріе къ нему теряется навсегда. Легковѣріе удобно поддается обману, но также удобно и оставляетъ его. Только искренность убѣжденія даетъ человѣку силу, покоряющую умъ и сердце другаго. «Кто же былъ Сведенборгъ?» спрашиваетъ Шлейденъ. «Скажемъ (отвѣчаетъ онъ же) категорически: помѣшанный, но добродушный и совершенно безвредный. Если бы онъ и клялся всѣмъ для него священнымъ, что онъ подлинно видѣлъ и слышалъ все, о чемъ разсказываетъ, то это нисколько не мѣшаетъ ему оставаться въ то же время вполне честнымъ и правдивымъ человѣкомъ». Это вполне можетъ быть примѣнимо и къ другимъ восторженнымъ мечтателямъ въ родѣ Сведенборга. Они твердо были убѣждены въ томъ, что проповѣдывали, и говорили то, что хотя и было въ существѣ дѣла нелѣпостью и вздоромъ, но имъ казалось истинной вслѣдствіе ихъ умственного разстройства; всѣ необыкновенные случаи, происходившіе только въ ихъ разстроеномъ воображеніи, представлялись имъ, по

той же причинѣ, дѣйствительными фактами. Поэтому они твердо стояли за свою истину, готовы были жертвовать для нея всею, даже самую жизнь; это-то и сообщало ихъ словамъ убѣдительность и силу, которой трудно было противиться. Но эта истина есть истина для нихъ, людей нездоровыхъ умомъ; а для другихъ, для здраваго ума, она есть ложь, которой не слѣдуетъ вѣрить, несмотря на все ихъ клятвы и жертвы, такъ соблазнительно дѣйствующія на сердце. Строго говоря, они обманывали другихъ, потому что обманывались сами, и такимъ образомъ, вмѣсто истины, или вмѣстѣ съ частицей истины, распространяли въ большомъ количествѣ ложь и неправду, которая соблазняла и губила многихъ, такъ какъ она противорѣчила основнымъ началамъ здраваго смысла. Поэтому ихъ никакъ нельзя назвать «безвредными»; они стѣсняли чело-вѣческій разумъ и колебали его довѣріе къ своимъ силамъ. Разумъ видѣлъ въ ихъ словахъ противорѣчіе своимъ законамъ и не могъ принять ихъ положеній; но чувство, увлеченное пекренностію проповѣди, невольно влекло и его къ принятію этихъ положеній; онъ начиналъ сомнѣваться въ вѣрности своихъ законовъ, наконецъ совершенно отказывался отъ нихъ, подчиняясь чувству, и нерѣдко приходилъ къ такому заключенію, что законы и требованія чувства вѣрнѣе и обязательнѣе законовъ и требованій ума даже въ той области, которая исключительно принадлежитъ уму. Все это должно было чрезвычайно замедлить развитіе ума.—Отчего же происходитъ то, что мечтатели несуществующіе предметы признаютъ дѣйствительными, и откуда у нихъ самихъ беретъ увѣренность въ дѣйствительномъ бытіи этихъ предметовъ? На это Шлейденъ отвѣчаетъ такъ:

«Велѣдствіе болѣзненнаго состоянія (въ чемъ бы оно ни заключалось, положимъ даже въ одномъ только нарушеніи равновѣсія нервной силы въ отдѣльных частяхъ нервной системы, что легко можетъ произойти отъ односторонняго упражненія извѣстныхъ группъ нервныхъ волоконъ) дѣятельность мозговыхъ волоконъ, обуславливающая представленіе опредѣленнаго предмета, можетъ быть до того жива, что распространяется на зрительный нервъ и, какъ скоро это случилось, челоуѣкъ теряетъ единственную возможность отличать мысленныя изображенія отъ дѣйствительныхъ. Тогда происходитъ то, что научно называютъ галлюцинаціями, или обманами чувствъ. Челоуѣкъ видитъ несуществующіе передъ нимъ предметы такъ ясно и отчетливо, какъ дѣйствительные, слышитъ голоса тамъ, гдѣ никто не говоритъ, а самого себя почитаетъ въ тоже время лишь пассивнымъ зрителемъ всей этой фантазмагоріи.

«Это-то и было съ Сведенборгомъ. Получивши уже въ ранней молодости ложное направленіе, по своей юношеской впечатлительности и потому, что отецъ его тоже имѣлъ большую наклонность къ мистической теософіи, Сведенборгъ поддерживалъ это направленіе, предавался непомѣрнымъ богословскимъ занятіямъ, и неосторожно углублялся въ философскія изслѣдованія. Усиленный трудъ, ночныя занятія, постоянное умственное напряженіе должны были произвести, даже и въ его желѣзномъ организмѣ, нѣкоторыя разстройства; навѣрно рассказанная имъ самимъ комическая сцена перваго видѣнія наводитъ насъ на причину умственнаго его разстройства, заключавшуюся въ брюшныхъ завалахъ. Поужинавъ плотно поздно вечеромъ въ одномъ лондонскомъ трактирѣ, къ концу ужина онъ увидѣлъ передъ собою облако, а вокругъ комнаты ползающихъ отвратительныхъ пресмыкающихся, змѣй и жабы. Вскорѣ затѣмъ этотъ мракъ разсѣялся, и тогда, въ углу комнаты, посреди яснаго блестящаго свѣта, онъ увидѣлъ челоуѣка, который страннымъ голосомъ закричалъ ему: «не ѣшь такъ много». Этими явными признаками сильныхъ приливовъ крови къ головѣ, повторявшихся потомъ при всѣхъ его видѣніяхъ, началось его помѣшательство; оно продолжалось цѣлыя 27 лѣтъ, составляя въполномъ смыслѣ слова счастье его жизни. Велѣдствіе этого особеннаго

вида умственного разстройства, онъ невольно принималъ результаты пытливыхъ своихъ изслѣдованій и собственного здраваго разума за сообщенія постороннихъ, имъ самымъ созданныхъ образовъ; а потому онъ твердо вѣрилъ во все чудесное и невѣроятное.»

Это объясненіе совершенно справедливо и въ приложеніи ко всѣмъ мечтателямъ, принимавшимъ свои фантазіи за истину. Если бы намъ извѣстна была жизнь каждаго изъ нихъ съ такими исторически вѣрными подробностями, какія мы знаемъ о Сведенборгѣ, то мы могли бы найти объясненіе ихъ фантазій въ разныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ ихъ жизни, могли бы прослѣдить, какъ они постепенно все болѣе и болѣе увлекались своими мечтами и какъ наконецъ дошли до того, что эти мечты имъ показались дѣйствительностью.

Но Сведенборгъ представляетъ еще одну особенность, отличающую его отъ другихъ подобныхъ ему мечтателей. Всѣ они были совершенно помѣшанные, разстройство ихъ умственныхъ способностей было полное, они рѣшительно на все смотрѣли съ своей фантастической точки зрѣнія; тогда какъ Сведенборгъ разсуждалъ совершенно здраво, если дѣло не касалось специальныхъ предметовъ его помѣшательства. Описывая свои путешествія по планетамъ, онъ сообщалъ совершенно вѣрно тѣ научные факты, которые извѣстны были астрономіи въ его время, и говорилъ въ этихъ случаяхъ такъ, какъ сказалъ бы самый ученый и здравомыслящій астрономъ того времени; и за тѣмъ уже передавалъ бредъ своей больной фантазіи. Эта особенность Сведенборга тоже нерѣдкость, ее часто можно замѣчать у самыхъ ученыхъ людей. Иной ученый объ одномъ предметѣ разсуждаетъ вѣрно и судитъ здраво, но за то о другихъ предметахъ говоритъ точно помѣшанный, высказываетъ нелѣпости похуже бредней Сведенборга. Шлейденъ говоритъ: «всѣмъ извѣстно распространенное явленіе, что люди въ нѣкоторыхъ, даже можетъ быть во многихъ, отношеніяхъ весьма умные о другихъ предметахъ судятъ не особенно здраво, даже быть можетъ нелѣпо. Гуго-Гроціи и Ньютонъ долго ломали себѣ голову надъ объясненіемъ звѣря въ апокалипсесѣ. Тихо де-Браге смѣло измѣрялъ системы небесныхъ тѣлъ, но робко возвращался домой, когда заяцъ перебѣгалъ ему дорогу». Стало быть ученый Шлейденъ не можетъ оскорбиться, и мы нисколько не унизимъ его ученыхъ заслугъ, если скажемъ, что и самъ онъ принадлежитъ къ разряду подобныхъ людей, и много смахиваетъ на Сведенборга. Въ области ботаники онъ умный человѣкъ, о ботаническихъ вещахъ онъ судитъ вѣрно и здраво; но какъ только коснется другихъ предметовъ, сейчасъ же пускается въ такіа фантазіи, въ которыхъ замѣчается совершенно отсутствіе здраваго смысла. Читая его этюды о сусвѣрии или о душѣ растений, никакъ не хочешь вѣрить, чтобы ихъ написалъ Шлейденъ, авторъ сочиненія «Растеніе и его жизнь». Въ этихъ этюдахъ онъ пускается въ какую-то странную мистику, повидимому что-то успивается сказать, а между тѣмъ изъ его словъ рѣшительно ничего не выходитъ. Мы увѣрены, что даже переводчикъ его, г. профессоръ Калиновскій, самъ не понималъ этихъ этюдовъ. Шлейденъ какъ будто вооружается противъ сусвѣрія, но потомъ защищаетъ его, старается найти какую-то разницу между сусвѣріемъ вѣрнымъ и невѣрнымъ; отвергаетъ «столовыхъ» духовъ, но горячо стоитъ за другихъ духовъ, вызываемыхъ магіей, хотя и вооружается въ то же время противъ волшебства; говоритъ, что наука естествовѣдѣнія не разрушаетъ сусвѣрія и не можетъ его

разрушить, а потому самъ же соглашается, что изученіе законовъ природы разогнало цѣлый облакъ суевѣрій. Вотъ на пробу нѣсколько мѣстъ изъ «Этюдъ» Шлейдена:

«Я придаю большое значеніе естествознанію, но говорю съ полнымъ убѣжденіемъ, что естественныя науки не избавили и никогда не избавятъ насъ отъ суевѣрія. — Мало того, я смѣю прибавляю, что суевѣріе неизбѣжно въ каждомъ хорошемъ человѣкѣ, и только совершенно бездушный, углубляясь въ себя, могъ бы сказать, что совершенно свободенъ отъ суевѣрія» (стр. 173).

«Вѣра живетъ неизгладимо въ каждомъ изъ насъ; она принадлежитъ къ условіямъ существованія человѣка, чтобъ онъ могъ чувствовать не мертвую вещественность, но духовную жизнь. — Не вѣра въ безсмертіе въ томъ мірѣ, съ своимъ духовъ, возвышаетъ человѣка надъ окружающею его безчувственною борьбою мертвыхъ массъ и силъ, а убѣжденіе, что лучезарный небесный міръ нѣсколько не отличенъ отъ окружающаго насъ міра, но кажется различнымъ только вслѣдствіе ограниченныхъ понятій человѣка» (это что-то въ родѣ Сведенборга). «Но безсмертіе и свободное общеніе съ духами, все это остается для человѣка вѣчно непостижимымъ. И какъ душа его чувствуетъ потребность сознать присутствіе этого непостижимаго, говорить о немъ, то человѣкъ долженъ употреблять условные знаки, которые образно объясняютъ ему непостижимое. Побужденіе нашего сердца заставляетъ насъ въ каждомъ явленіи природы видѣть высшее значеніе, искать за ней чего-то лучшаго, нежели разумную законность природы» (стр. 175).

«Понятіе о предопредѣленіи сильно и живо поддерживаетъ моральное наше чувство въ жизни, составляетъ твердую самостоятельную основу нашего благочестія.

«Для удержанія этого чувства во всей его чистотѣ, мы нуждаемся въ подчиненіи себя закону изящнаго; всякій символъ, слѣдовательно и въ моральномъ смыслѣ слова, имѣетъ эстетическое значеніе. Поэтому, можно назвать нелѣпымъ суевѣріемъ всякое отвратительное, нелѣное выраженіе нашихъ высокихъ убѣжденій. Въ ворожбѣ и толкованіи знаменій высказывается одно только убѣжденіе, что мы постоянно находимся подъ эгидою всемогущей любви, которая все сочетала и устроила для нашего блага; но противно думать, что мы ищемъ и полагаемъ найти предостереженіе, одобреніе и т. п. предсказанія въ кофейной гущѣ, въ ничего незначущихъ формахъ расцвѣтшаго свища или въ заселенныхъ картахъ оборванной нищенки, хотя астрологія заслуживаетъ съ этой стороны уже меньшаго порицанія. Когда простосердечный селянинъ, въ молчаливомъ кружкѣ своей семьи, рано утромъ, снявъ съ сѣдыхъ волосъ шапочку, набожно читаетъ: «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь», то каждый разсудительный человѣкъ сочувствуетъ такой живой вѣрѣ. Читая же въ жизни *Стимлинга* исторію о томъ, какъ докторъ, погрябшій по уши въ долгахъ отъ безнормальнаго домохозяйства, нападъ съ женою на колѣни, просить небо, какъ потомъ, получивъ съ почты нежданнаго деньга, онъ приписываетъ это непосредственному дѣйствію своей молитвы, — мы отвращаемся съ отвращеніемъ отъ такого суевѣрія» (стр. 179—80).

«Мы можемъ дѣлать различіе между неизвинительнымъ и извинительнымъ между грубымъ и утонченнымъ суевѣріемъ; но мы не можемъ освободиться отъ него вовсе, если не хотимъ отказаться отъ всей силы моральныхъ идей» (стр. 286). «Мы видимъ постоянно въ исторіи, что по мѣрѣ возрастающихъ человѣческихъ знаній, мало по малу распадается и превращается въ прахъ фантастическое громадное знаніе суевѣрія» (значитъ, наука разрушаетъ суевѣрія). «Но вообще я сомнѣваюсь, чтобъ въ настоящее время наука могла имѣть вліяніе на подобныя вещи (?). Но не существовало еще привидѣніе, которое бы устояло противъ полицейской власти, какъ скоро она преслѣдовала его неподкупно. Я, съ своей стороны, отдѣлался бы отъ докучливаго привидѣнія, проси помощи не у заклинателей духовъ и философовъ, но у современныхъ Фуше (то есть министровъ полиціи: стр. 311)».

Отчего же происходитъ такая странность у людей ученыхъ и умныхъ вообще, отчего они о нѣкоторыхъ предметахъ разсуждаютъ умно и здраво, а

о другихъ совершенно безтолково и нелѣпо? На этотъ вопросъ Шлейденъ отвѣчаетъ такъ:

«Ни одна часть нашего тѣла не имѣетъ такого сложнаго устройства и такой чувствительности, какъ нервная система. Сотни тысячъ волоконъ, составляющихъ нервную систему, можетъ быть не болѣе одного раза въ течение тысячелѣтія имѣютъ такое совершенное строеніе и развитіе у человѣка, что всѣ вмѣстѣ служатъ одинаково и превосходно для отправленій духа. Большею частію большія или меньшія партіи ихъ остаются недоразвитыми; вслѣдствіе этого духъ не можетъ, сообразно высшему своему развитію, проявляться нормально въ соотвѣтственныхъ частяхъ; можетъ случиться, что это явленіе будетъ еще замѣтнѣе, чѣмъ болѣе развиты другія части къ большому ущербу общей гармоніи. На этомъ основывается общеизвѣстное явленіе, что люди умные о нѣкоторыхъ предметахъ судятъ не здраво, даже нелѣпо».

Этимъ можно объяснить и странности самого Шлейдена; видно у него меньшія ботаническія партіи нервовъ развиты хорошо, а большія, такъ сказать философскія, остались недоразвитыми; вслѣдствіе чего онъ и запутался во мракѣ суевѣрія и даже считъ его необходимымъ.

Свѣдѣнія о числѣ подписчиковъ на «Современникъ» 1861 г.

По примѣру двухъ прошлыхъ лѣтъ мы представимъ цифры о числѣ подписчиковъ на «Современникъ» по губерніямъ и уѣздамъ въ истекшемъ году и, сравнивъ эти данныя съ цифрами двухъ прежнихъ нашихъ отчетовъ, повторимъ тѣ изъ прошлогоднихъ выводовъ которые подтвердился новыми свѣдѣніями.

Въ прошедшій разъ мы замѣтили, что число подписчиковъ на «Современникъ» въ 1860 г. очень значительно возрасло сравнительно съ предыдущимъ 1859 годомъ, и что такое возрастаніе постоянно шло съ 1855 года. Намъ нельзя сказать того же самого сравнивая 1861 г. съ 1860: тутъ прибавка была ничтожна. Въ 1860 г. расходилось 6,598 экземпляровъ «Современника», въ 1861 г. 6,658: все увеличеніе составляетъ только 60 экземпляровъ, — ничтожная цифра сравнительно съ числомъ 1,098 экземпляровъ, составившихъ увеличеніе за 1860 годъ.

Въ прошлый разъ, говоря объ этомъ значительномъ увеличеніи числа экземпляровъ за 1860 годъ, мы имѣли добросовѣстность не ставить этого факта въ восхваленіе собственно нашему журналу; мы приобрѣли тѣмъ право требовать довѣрія публики и къ объясненію, какое мы представимъ для неблестательнаго результата нашихъ трудовъ за прошлый годъ.

Разсматривая значительное увеличеніе числа подписчиковъ на «Современникъ» въ 1860 г., мы говорили: «Чему приписывать это главнымъ образомъ? Увеличенію ли публикѣ любви собственно къ нашему журналу? Самолюбіе конечно заставляло бы насъ приписывать важнѣйшее вліяніе этому обстоятельству; но мы имѣемъ основаніе полагать, что общее число печатаемыхъ экземпляровъ всѣхъ журналовъ и газетъ въ сложности значительно возросло въ 1860 г. сравнительно съ 1859 г., какъ и въ 1859 сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, и такое возрастаніе постоянно идетъ съ 1855 г. Поэтому мы готовы часть увеличенія числа читателей нашего журнала отнести къ дѣйствию общаго хода литературы, которая постепенно становилась въ послѣдніе годы болѣе и болѣе достойною вниманія публики, и вслѣдствіе того находила для себя все большіи и большій кругъ публики».

Теперь съ такою же прямою скажемъ: мы имѣемъ основаніе полагать, что общее число печатаемыхъ экземпляровъ всѣхъ журналовъ и газетъ въ сложности въ 1861 г. не возрасло сравнительно съ 1860, а, напротивъ,

довольно значительно уменьшилось. Возрастаніе, постоянно шедшее съ 1855 г. до 1860, остановилось и даже произошелъ очень замѣтный упадокъ общей суммы. «Современникъ» былъ еще на столько счастливъ, что до него не коснулось въ прошломъ году общее пониженіе, и только очень немногіе журналы, подобно «Современнику», составили такое исключеніе. Они вмѣстѣ съ нами должны сказать, что общій упадокъ отразился на нихъ уменьшеніемъ той прибавки къ прежнему числу подписчиковъ, какой они должны были бы ожидать, если бы цифра итога, общаго для всей журналистики, возрастала попрежнему. Прежнее увеличеніе числа читателей нашего журнала мы относили къ дѣйствію общаго хода литературы. Фактъ, обнаружившійся въ прошломъ году, точно также долженъ быть отнесенъ къ дѣйствію общаго хода литературы, и надобно сказать прямо: съ прошлаго года перестала публика находить, что литература становится все болѣе и болѣе достойною ея вниманія, публика нашла противное и вслѣдствіе того стала меньше прежняго читать журналы. Дѣйствительно, каждый изъ нашихъ сотоварищей по литературѣ и каждый изъ читателей замѣчалъ по разговорамъ въ обществѣ въ два послѣдніе года, что публикѣ начинаетъ надоедать безплодность хлопотъ нашей литературы. Прежде, читая журналы, она ждала, что выйдетъ какая нибудь польза для жизни изъ того, что пишутъ журналы. Обманувшись въ своемъ предположеніи, справедливо начала терять охоту къ занятію этой напрасной болтовней.

Неизвѣстно, каковъ будетъ окончательный результатъ этого измѣненія мыслей публики о степени важности и занимательности литературы въ нынѣшнемъ ея видѣ. Можно дѣлать предположенія разнаго рода, и самымъ вѣроятнымъ изъ нихъ представляется то, что увеличившаяся требовательность публики дастъ литературѣ возможность приобрести болѣе полезное вліяніе въ жизни. Но это предположеніе не больше какъ правдоподобное ожиданіе, а вовсе еще не фактъ. Фактъ до сихъ поръ остается еще совершенно пной: недовольство публики литературою еще не получило того опредѣленнаго направленія, которое придадо бы литературѣ новое достоинство для жизни.

Этотъ упадокъ подписки на журналы и упадокъ всей книжной торговли, замѣтно обнаружившійся въ прошломъ году и усиливающійся въ нынѣшнемъ, обыкновенно приписываютъ общему безденежью; но само оно есть не болѣе какъ одинъ изъ результатовъ той болѣе глубокой причины, которую характеризовали мы словами «недостатокъ вліянія литературы на жизнь».

Въ прошлый разъ²⁾ мы дѣлали опытъ соединенія губерній и областей въ нѣсколько большихъ группъ, сообразно ихъ отношенію къ литературѣ, и тогда же замѣчали, что вѣроятно окажется надобность нѣсколько измѣнить группировку, сдѣланную нами въ видѣ опыта. Цифры прошедшаго года, подтверждая догадки, внушенныя цифрами 1860 года, показываютъ основательность предположеній, высказанныхъ нами тогда. Губерніи Волынская и Каменецъ-Подольская дѣйствительно имѣютъ къ русской литературѣ точно такое же

¹⁾ Даже идетъ таблица, не помѣщаемая нынѣ какъ утратившая уже свой специальный интересъ. Цифры этой таблицы повторяются ниже въ текстѣ.

²⁾ См. т. VIII настоящаго изданія, стр. 67—75.

отношеніе, какъ литовскія губерніи, и оказываются совершенно различны отъ остальныхъ четырехъ малорусскихъ губерній характеромъ умственной жизни образованнаго класса: на Волыни и въ Подоліи русская литература распространена несравненно меньше, чѣмъ въ губерніяхъ Киевской, Полтавской, Харьковской и Черниговской.

Губерніи, лежащія между Малороссією и нижнимъ Поволжьемъ, дѣйствительно не имѣютъ одинаковаго характера и каждая изъ нихъ обнаруживаетъ сходство съ тѣмъ краемъ, къ которому примыкаетъ: Курская и Воронежская похожи на Харьковскую и Полтавскую, Земля Войска Донскаго—на Новороссію, Орловская губернія на подмосковныя губерніи, Пензенская и Тамбовская на губерніи нижняго Поволжья. Сдѣлавъ распредѣленіе, сообразно этимъ даннымъ, мы получимъ слѣдующій рядъ округовъ (беремъ цифры экземпляровъ только за 1860 и 1861 гг., потому что списокъ 1859 г., составленный нѣсколько иначе, не годится для точнаго сравненія, какъ мы уже и замѣчали прошлый разъ).

I. Сѣверо-западный Великорусскій край.

Губерніи: Новгородская, Олонеккая, Псковская, Петербургская (за исключеніе города С.-Петербурга) и Смоленская:

1860	1861	населеніе
272	277	3.650,000

II и III. Литва и Волынь съ Подолією.

Губерніи: Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская:

1860	1861	населеніе
224	226	8,675,000

IV. Малороссія (кроме Волыни съ Подолією) и прилежащія губерніи.

Губерніи: Воронежская, Киевская, Курская, Полтавская, Харьковская, Черниговская:

1860	1861	населеніе
927	880	10,550,000

V. Новороссія и Крымъ съ прилежащими землями.

Область Бессарабская, Земля Войска Оонскаго, губерніи: Екатеринославская, Ставропольская, Таврическая, Херсонская:

1860	1861	населеніе
904	857	5,475,000

VI. Подмосковная область.

Губерніи: Владимірская, Калужская, Костромская, Московская (за исключеніемъ города Москвы), Орловская, Рязанская, Тверская, Тульская, Ярославская:

1860	1861	населеніе
794	803	11,100,000

VII. Южная половина Восточнаго края.

Губерніи: Астраханская, Казанская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская:

1860	1861	населеніе
601	645	10,500,000

VIII. Сѣверо-восточный край.

Губерніи: Архангельская, Вологодская, Вятская, Оренбургская, Пермская, Земля Войска Уральскаго:

1860	1861	населеніе
259	289	7,400,000

IX. Сибирь.

1860	1861	населеніе
221	250	3,400,000

X. Кавказъ и Закавказье.

1860	1861
158	161

XI, XII, XIII и XIV. Царство Польское, Остзейскія губерніи, Финляндія и заграничныя земли.

1860	1861
122	119

Цифры, относящіяся къ округамъ литовскому и кавказскому, губерніямъ Волынской и Подольской, служатъ мѣркою развитія любви къ чтенію въ этихъ мѣстностяхъ, по причинамъ, которыя указывали мы въ прошлый разъ. Точно также по цифрамъ, относящимся къ петербургскому журналу, нельзя сравнивать сѣверозападнаго края, въ которомъ, конечно, болѣе петербургская журналистика, съ подмосковными, въ которомъ, конечно, преобладаетъ московская журналистика. Разсмотримъ же пропорцію между населеніемъ и числомъ экземпляровъ въ другихъ русскихъ округахъ. (Цифры населенія у насъ взяты изъ мѣсяцеслова за прошлый годъ; а цифры экземпляровъ за оба года мы слагаемъ и дѣлимъ на 2, чтобы получить среднее число за оба года).

	Среднее число экземпляровъ «Современни- ка», получав- шихся за 1860 и 1861 годовъ.	Число населенія.	На 1 миллионъ населенія по- лучилось эк- земпляровъ.
Новороссія (V)	880	5,475,000	161
Малороссія (IV)	904	10,550,000	86
Сибирь (IX)	236	3,400,000	70
Юговосточный край (VII)	623	10,600,000	59
Сѣверовосточный край (VIII) . .	274	7,400,000	39

Порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ эти округа, остается тотъ же самый, какой мы получили изъ цифръ, относившихся къ одному 1860 г., и мы можемъ повторить замѣчаніе, сдѣланное въ прошлый разъ.

«Мы видимъ въ этой таблицѣ правильное возрастаніе любви къ чтенію съ сѣверовостока Европейской Россіи на югозападъ.

«По особенностямъ своей исторической судьбы, Сибирь, никогда не знавшая крѣпостнаго права, получавшая изъ Россіи постоянный приливъ самаго энергическаго и часто самаго развитаго населенія, издавна пользуется славой, что стоитъ въ умственномъ отношеніи выше Европейской Россіи,—по нашимъ цифрамъ это подтверждается, если слишкомъ общее выраженіе — Европейской Россіи мы замѣнимъ болѣе опредѣлительнымъ именемъ — Великобританія».

Разовьемъ подробнѣе замѣтки о другихъ округахъ, слишкомъ кратко сдѣланныя въ первый разъ.

Огромный перевѣсъ Новороссіи надъ Малороссією надобно, по всей вѣроятности, приписывать собственно тому обстоятельству, что Новороссійскій край пользуется большимъ благосостояніемъ, чѣмъ Малороссія.

Въ свою очередь, Малороссія зажиточнѣе юговосточнаго Вѣлкорусскаго края, а онъ зажиточнѣе сѣверовосточнаго.

Конечно, довѣріе къ этимъ выводамъ совершенно завлечетъ отъ вѣрности дѣлаемаго нами предположенія, что пропорція распространенности другихъ журналовъ и газетъ, по названнымъ нами краямъ, сходна съ пропорціей, представляемою «Современникомъ».

С В И С Т О К Ъ.

ОПЫТЫ ОТКРЫТІЙ И ИЗОБРѢТЕНІЙ.

«Оборотни не должны быть смѣшиваемы съ упырями, хотя тѣ и другіе вредны. Оборотнями называются люди, превращающіеся въ животныхъ, обыкновенно нечестныхъ; упыри же, сохраняя человѣческій видъ, сосутъ кровь изъ беззащитныхъ людей. Противъ оборотни достаточно зачураться; противъ упырей столь легкое средство недостаточно; отъ нихъ можно избавиться не иначе, какъ» и т. д.

«Сказаніе Русскаго Народа», Н. Сахарова.

При отмысливой остротѣ ума, я обогатилъ умственную и матеріальную жизнь рода человѣческаго многими важными открытіями. Но, по несчастной судьбѣ моей, всегда оказывалось, что въ каждомъ сдѣланномъ мною изобрѣтеніи уже предупредилъ меня кто-нибудь другой. Человѣчество нимало не терило отъ этого роковаго для меня обстоятельства; людямъ было гораздо выгоднѣе, что ходъ усовершенствованій подвигался впередъ, не дожидаясь моей изобрѣтательности. Но каково было видѣть мнѣ себя лишшающимся признательности и славы, какими награждаются благодѣтели рода человѣческаго и творцы новыхъ эпохъ въ наукахъ? Каково было видѣть мнѣ, что предвосхищенъ кѣмъ нибудь каждый изъ безчисленныхъ лавровыхъ вѣнковъ, заслуженныхъ мною? Отъ этого развивалась во мнѣ хандра. По природѣ человѣкъ веселый, я съ утра до ночи хохочу: самые угрюмые люди увлекаются заразительнымъ, добродушнымъ моимъ смѣхомъ. Меня даже не выпускаютъ въ тѣ семейства, гдѣ есть грудныя малютки, ибо раскаты моего смѣха не даютъ имъ спать, и трое младенцевъ уже подверглись падучей болѣзни, будучи внезапно пробуждены громогласными взрывами моей веселости. Но не знаютъ люди, что ракъ скорби пожираетъ сердце мнѣмаго весельчака. Я мучусь день и ночь вышеупомянутымъ убійственнымъ обстоятельствомъ.

Рядъ предвосхищеній моей славы начался съ самой ранней юности, когда я открылъ металлическій термометръ; черезъ три мѣсяца я прочелъ, что это изобрѣтеніе гораздо раньше меня сдѣлалъ Врегетъ. Я проклялъ злонамѣреннаго часовщика, сунувшагося не въ свое дѣло, какъ будто нарочно съ цѣлью напакостить мнѣ. По изобрѣтеніи металлическаго термометра, я обратилъ свою

мысль отъ физики къ математикѣ, и открылъ Ньютонъ биномъ; но черезъ двѣ недѣли узналъ, что открытый мною биномъ есть Ньютонъ. Занившись черезъ нѣсколько времени русскою исторіею, я открылъ геніальность и благотворность въ дѣйствіяхъ Іоанна IV Васильевича, а потомъ размысливъ о политической экономіи, постигъ необходимость не допускать привоза машинъ изъ-за границы въ Россію. Но оказалось, что первое открытіе предвосхищено у меня знаменитымъ нашимъ историкомъ г. Соловьевымъ, а второе отпечатано въ журналѣ, редакторомъ котораго былъ глубокоуважаемый мною Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, также профессоръ московскаго университета. Съ ними обоими сходилъ я въ мысляхъ неоднократно, особенно въ мысляхъ о томъ, какъ надобно расправляться съ молодежью. Тревожитъ меня только то, что я не увѣренъ—раздѣляютъ ли мнѣніе мое, г. Соловьева и г. Бабста, во всей силѣ его, молодые ученые профессора московскаго университета, г. Θ. Дмитріевъ и г. Чичеринъ? Въ г. Леонтьевѣ я увѣренъ; но достигла ли молодая пара той опредѣленности послѣдняго вывода, какою гордимся мы, ученые вполне зрѣлые (я, г. Соловьевъ и г. Бабстъ)? Принципъ г. Чичерина основателенъ: наука сама по себѣ, жизнь сама по себѣ, и науки нѣтъ до нея дѣла. Изъ этого конечно слѣдуетъ, что если не только учащагося юношу, но хотя бы и вполне ученаго мужа стали мы сѣчь, это не мало не помѣшало бы его успѣхамъ въ наукахъ: вѣдь сѣченіе—дѣло жизни, а не науки, и розга ни мало не прикасается къ благороднымъ, скрытымъ подъ черепомъ органамъ, которыми познается научная истина: ученый, раздѣляющій принципы гг. Θ. Дмитріева и Чичерина, можетъ безмятежно мыслить о *leges barbarorum* и областныхъ учрежденіяхъ, несмотря ни на какія соприкосновенія извѣстныхъ предметовъ растительнаго царства съ органами его организма, не занимающимися мышленіемъ. Такъ, я льщу себя надеждой, что г. Θ. Дмитріевъ увлечетъ за собою къ этому положенію своихъ друзей англійскаго московскаго клуба, а г. Чичеринъ приметъ его среди аудиторіи. Но я только льщу себя надеждой, а полной увѣренности у меня еще нѣтъ.

Мои открытія не ограничивались общими научными истинами: я глубоко прозрѣвалъ и конкретные факты. Напримѣръ, при появленіи «Очерковъ Англіи и Франціи» г. Чичерина, я прозрѣвалъ философскимъ взоромъ, что молодой ученый скоро будетъ понимать обязанности полицейскаго служителя въ совершенствѣ, какого не достигаютъ сами полицейскіе чиновники. Но и это открытіе предвосхитилъ у меня нѣкто, написавшій еще въ 1859 году:

«Г. Чичеринъ не замедлитъ сдѣлаться мертвымъ схоластикомъ, и будетъ философскими построеніями доказывать историческую необходимость каждаго предписанія земской полиціи, сообразно теоріи безпристрастія. Потомъ историческая необходимость можетъ обратиться у него и въ разумность» («Соврем.» 1859 г. № 5. Критика, стр. 58).

Я могъ бы безконечно продолжать перечень открытій, предвосхищенныхъ у меня отчасти современниками, отчасти предками. Чтобы говорить только о современникахъ, скажу, что кромѣ одного только человѣка,—котораго я за то и любилъ,—кромѣ Конрада Лиліеншвагера, не было ни одного извѣстнаго писателя, который не предвосхитилъ бы у меня какихъ нибудь хорошихъ мыслей. Напримѣръ:

ИМЯ ПРЕДВОСХИТИВШАГО.

ПРЕДВОСХИЩЕННАЯ ИМЪ У МЕНЯ МЫСЛЬ.

- Г. Альбертини Письмо изъ Турина, напечатанное въ № 3 «Совр.» 1861 г., проникнуто ненавистью къ національной независимости и пропитано гнуснымъ обскурантизмомъ, уничижающимъ до омерзительной клеветы.
- Г. Ив. Аксаковъ Безумные поляки... Намъ не нужно суда присяжныхъ.
- Г. Громека Благоразумный человекъ можетъ желать только того, чтобы наказаніе виновному было уменьшено, а не того, чтобы онъ былъ признанъ виновнымъ.
- Г. Буслаевъ Суевѣріе полезно.
- Г. Дудышкинъ Кто пишетъ ясно, тотъ плохой писатель.
- Г. Леонтьевъ Римъ погибъ оттого, что плебеи имѣли землю; мужику земля не нужна.
- Г. Катковъ Съ учащагося надо брать штрафъ за то, что онъ учится.
- Г. Н. Костомаровъ Не должно подчиняться деспотизму уличной толпы.
- Г. Кавелинъ Буду сотрудникомъ «Нашего Времени», издаваемого Н. Ф. Павловымъ.
- Г. Чернышевскій Сталь состоитъ изъ желѣза съ примѣсью кислорода.
- Гг. Достоевскіе Мы оторвались отъ почвы.
- Г. Лонгиновъ Бѣльскій принесъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Остановлюсь. Въ другой разъ dokonчу этотъ едва начатый списокъ. Тогда пожалуй въ десять разъ больше именъ, и противъ каждаго человека выставлю по десятку и больше мыслей, предвосхищенныхъ имъ у меня. Теперь довольно данныхъ приведено для моей цѣли. Цѣль состоитъ въ томъ, чтобы объяснить публикѣ причину, заставившую меня приняться за дѣло, объясняемое далѣе:

Убѣждаясь десятками и сотнями опытовъ, что напрасно мнѣ самому добиваться славы изобрѣтателя хорошихъ мыслей, что вслѣдствіе всякое мое открытіе будетъ предвосхищено другимъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ пламенѣя желаніемъ приносить моему отечеству пользу и честь благими изобрѣтеніями, и усматривая въ то же время, сколь многія такія изобрѣтенія, проходя незамѣченными, остаются непринесшими надлежащаго блага, я посвящаю себя безкорыстной заботѣ о доставленіи хотя другимъ изобрѣтателямъ той заслуженной извѣстности, которой столь долго и напрасно искалъ я для себя. Судьба не дозволяетъ мнѣ раздѣлять прекрасную репутацію г. Байета, г. Чиперина; попробую искать хвалы болѣе скромной, но все-таки пріятной: пусть скажутъ обо мнѣ: «лишенный злымъ рокомъ всякаго случая блистать собственнымъ

талантомъ, онъ по крайней мѣрѣ раскрывалъ своему милому отечеству глаза, чтобы восхищалось оно блескомъ талантовъ въ другихъ»; хочу, чтобы могъ я сказать о себѣ, подражая пѣвцу Руслана и Людмилы:

« И долго буду я народу тѣмъ любезенъ
Что мысли дивныя въ писакахъ открывалъ,
Что ловкостью живыхъ намековъ былъ полезенъ
И нивость чувствъ изобличалъ ».

Итакъ, идемъ на поискъ.

Я началъ поиски свои чтеніемъ статей по университетскому вопросу и въ каждой попадалось мнѣ замѣчательное открытіе. Вотъ списокъ лучшихъ.

Но нѣтъ, я не сообщу его. Я не въ силахъ превозмочь въ себѣ порывъ тщеславія, внушающаго мнѣ, будто бы, отыскивая чужія открытія, самъ я сдѣлалъ открытіе, несравненно болѣе важное. Умолчу же о другихъ, выставлю только себя. Вотъ оно, мое собственное.

Окончательное открытіе по университетскому вопросу, никѣмъ у меня не предвосхищенное.

Объ университетскомъ вопросѣ напечатано было въ теченіе четырехъ послѣднихъ мѣсяцевъ 4,444 статьи; ни одна изъ нихъ даже и не упоминала о существенной сторонѣ дѣла, о которой толковали 500,000 человѣкъ въ Петербургѣ, 400,000 въ Москвѣ, 75,000 въ Одессѣ, 70,000 въ Саратовѣ и т. д. (см. списокъ городовъ Россійской имперіи въ «Мѣсяцесловѣ» на 1862 годъ).

Вотъ такъ открытіе! Сплетайте мнѣ вѣнокъ изъ того самаго лавроваго листа, который продается въ овощной лавкѣ Бабикова (на Литейной близъ Невскаго) и изъ котораго былъ сплетенъ вѣнокъ, недавно возложенный на юную главу г. А. Майкова!

— Грозное видѣніе! кто ты, и чего отъ меня хочешь?—вопрошаю я въ трепетѣ, видя представшее предо мной существо, форму котораго не могъ я разсмотрѣть отъ страха.

— Ты ошибаешься, отвѣчала мнѣ тѣнь: я не имѣю формы, тебя страшящей; я не болѣе, не менѣе, какъ душа г. Лонгинова (пользующагося, впрочемъ добрымъ здоровьемъ); онъ спитъ теперь, а я воспользовалась свободными часами, чтобы прогуляться,—и вотъ явилась предъ тобою, чтобы уличить тебя въ грубомъ невѣжествѣ, происходящемъ отъ незнакомства съ трудами твоихъ предшественниковъ въ русской литературѣ. Возьми и читай.

Тѣнь подала мнѣ книгу, я прочелъ:

«Вы радуетесь на вашу литературу, будто-бы она въ самомъ дѣлѣ занимается чѣмъ нибудь полезнымъ: желаю вамъ радоваться. Какую пользу можно извлечь изъ вашихъ смутныхъ разсужденій, искажающихъ до микроскопическаго размѣра все, чего касается ваша рѣчь? Одно тутъ можетъ быть вліяніе: мельчаютъ понятія, мельчаютъ и надежды тѣхъ, кто вздумаетъ искать въ вашихъ разсужденіяхъ отвѣта на занимающіе его вопросы.—Если говорить правду, люди, довольные нашею литературою, не имѣютъ

понятии о томъ, что такое литература, достойная этого имени.—Кто захотѣлъ бы слѣдить по нашей литературѣ, за тѣмъ, что происходитъ въ нашей жизни, тотъ зналъ бы одинъ, да и то самый ничтожный изъ 1,000 фактовъ, о которыхъ будетъ говорить исторія, да и этотъ фактъ показывать литература вамъ въ искаженномъ видѣ».

Тѣнь произнесла торжественнымъ голосомъ: «это напечатано въ XII кн. «Современника» за 1857 г. въ «Современномъ обозрѣніи» на стр. 305—308, *passim*. Твое открытіе запоздало слишкомъ пятью годами».

Тѣнь исчезла, оставивъ по себѣ запахъ прѣлой бумаги.

Что жъ такое? подумалъ я про себя: изъ этого можно вывести новое открытіе, которое будетъ удачливѣе.

Второе открытіе, самое окончательное.

Въ пять лѣтъ литература наша не подвинулась ни на одинъ шагъ; а такъ какъ литература служить отраженіемъ жизни, то значить, что ни на шагъ не подвинулась и наша жизнь.

Но едва мелькнула эта мысль въ моей головѣ, какъ застыла кровь въ моихъ жилахъ отъ ужаса: что скажетъ о такомъ бездушномъ скептицизмѣ пламенный г. Громека! Да еще хорошо бы, если бы вознегодовалъ только г. Громека! Есть публицистъ, несравненно болѣе знаменитый и гораздо болѣе пылкій, который такъ и крикнетъ: *very dangerous!* и назоветъ меня «окаменѣлымъ титулярнымъ совѣтникомъ», или «ископаемымъ кандидатомъ»¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, какая безразсудная забывчивость бездушнаго скептицизма! какъ могъ я забыть, что въ эти пять лѣтъ совершенно освобождены крестьянъ!

Другой на моемъ мѣстѣ окончательно растерялся бы, будучи уличенъ въ томъ, что не замѣтилъ такого факта. Но человѣку, имѣющему *idée fixe*, каковъ я, все нишечемъ: съ нимъ что ни случилось, онъ все гнетъ къ пункту своего помѣшательства; всякій фактъ, всякое слово обращается для него только въ средство къ удовлетворенію его неразумной страсти. Такъ г. Майковъ на все смотритъ, какъ на предлогъ для написанія нынѣшнихъ стиховъ: ѣдетъ кто нибудь въ коляскѣ,—онъ сейчасъ напишетъ стихи въ честь проѣзжему; объявятъ рекрутскій наборъ,—онъ напишетъ стихи въ честь рекрутскаго набора; полагаю, что если бы случилось землетрясеніе (отъ котораго спаси насъ Богъ! но опять-таки: всѣ мы подъ Богомъ ходимъ),—онъ написалъ бы стихи въ честь землетрясенія. Такъ вотъ и я: мнѣ что ни попадѣсь на глаза, о чемъ ни подумай я, все обращается въ поводъ писать открытія. Какъ только подвернулась мнѣ мысль объ освобожденіи крестьянъ, такъ вотъ и подмываетъ сдѣлать какое-нибудь открытіе по этому вопросу. И что же вы думаете? Вѣдь не замедлить сдѣлать открытіе. Но важность его требуетъ отдѣльной статьи съ особымъ заглавіемъ.

¹⁾ Намекъ на Герцена. См. Былое 1906 г. № 4. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго, стр. 154.

Г. МАГИСТРЪ Н. БЕЗОБРАЗОВЪ-ПСЕВДОНИМЪ!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ!!

(Посвящается нѣмецкому философу Фихте и русскому библиографу М. Н. Лонгинову).

Благодарная Россія съ глубокимъ сочувствіемъ читала изданную нѣкогда за границею брошюру, въ которой предлагался очень легкій способъ совершить начинавшееся тогда дѣло освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. По мнѣнію брошюры, не нужно было измѣнять никакихъ дѣйствительныхъ отношеній, — достаточно было замѣнить названіе «крѣпостныхъ крестьянъ» именемъ «крестьянъ, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ», и затѣмъ уже болѣе ничего не требовалось: барщина, оброкъ, вотчинная власть оставались бы въ прежнемъ видѣ, а крестьяне все-таки могли бы называться освобожденными, и были бы совершенно довольны.

Столь остроумное содержаніе брошюры заставило всѣхъ разузнавать о ея авторѣ, который подписался именемъ магистра Н. Безобразова. Оказалось, что магистръ такого имени дѣйствительно существуетъ; нашлись люди, утверждавшіе, что они знакомы съ нимъ; черезъ нѣсколько времени, многіе жители Петербурга встрѣчались съ нимъ въ обществѣ или видѣли его на улицѣ; потомъ такіе же факты повторялись въ Москвѣ. Словомъ сказать, подлинность существованія г. Николая Безобразова являлась непоколебимо подтвержденною свидѣтельствомъ виѣшнихъ чувствъ.

Но, — просвѣщенный читатель знаетъ, что знаменитѣйшіе философы отвергали достовѣрность показаній нашихъ виѣшнихъ чувствъ. Съ особенною убѣдительною изложено это такъ-называемое идеалистическое ученіе нѣмецкимъ мыслителемъ Фихте. Исходя отъ положенія

$$Я = Я,$$

то есть, въ примѣненіи къ индивидуальному случаю, насъ занимающему:

г. магистръ Н. Безобразовъ есть г. магистръ Н. Безобразовъ,

Фихте рядомъ неопровержимыхъ логическихъ выводовъ доказываетъ, что

$$Я = \text{не} — Я,$$

то-есть, въ примѣненіи къ тому же индивидууму:

г. магистръ Н. Безобразовъ есть не г. магистръ Н. Безобразовъ, а нѣкто другой.

Рождался вопросъ: кто же этотъ нѣкто другой, который тождественъ съ г. магистромъ Н. Безобразовымъ?

Долго всѣ изслѣдованія оставались напрасны. Сначала повели розыски философскимъ путемъ; но г. Страховъ успѣлъ только доказать (въ статьѣ о жителяхъ планетъ, «Время» 1861 г., № 1), что на лунѣ есть существа, по физиологическому строенію очень близкія къ г. магистру Н. Безобразову; но дѣйствительно ли кто либо изъ нихъ есть подлинный вышеупомянутый магистръ, этого не могъ рѣшить г. Страховъ.

Философія сдѣлала свое дѣло: разрушила заблужденіе, возбудила къ изслѣдованію истины, показала ее въ общемъ, неопредѣленномъ очертаніи, но до реальной истины довести не могла. Убѣдившись въ необходимости прибѣгнуть къ помощи опытныхъ наукъ, прежде всего поручили разъясненіе вопроса нашимъ знаменитымъ историкамъ. Г. Чичеринъ не могъ разъяснить ничего, потому что самъ оказался относящимся къ временамъ хазарскимъ и половецкимъ, далѣе которыхъ ничего не въ состояніи видѣть, а вопросъ о брошюрѣ и ея авторѣ принадлежитъ второй половинѣ XIX столѣтія. Итакъ, оставались г. Костомаровъ и г. Соловьевъ. Они разошлись между собою во взглядѣ на предметъ.

Г. Костомаровъ доказывалъ, что люди, имѣющіе образъ мыслей г. магистра Н. Безобразова, называются въ лѣтописяхъ нашихъ варягами. Этого никто не могъ оспорить. Но далѣе слѣдоваль вопросъ: какой же варягъ г. Н. Безобразовъ?—Г. Костомаровъ, находя въ литовскомъ лексиконѣ Нессельмана слова: *sin*, предлогъ, *безъ*; *eus* существ. женск. рода, = *рожа, лицо, образъ*,—принималъ г. магистра Н. Безобразова за Синеуса ¹⁾. Но г. Соловьевъ принимаетъ имя «магистръ Н. Безобразовъ» не болѣе, какъ прозваніемъ Іоанна IV Грознаго, основываясь на словахъ лѣтописца: «царь же Иванъ (IV) образомъ бѣ нелѣпенъ»,—дѣйствительно, «образомъ бѣ нелѣпъ» и «Безобразовъ»—одно и то же.

Противъ той и другой догадки были важныя возраженія: о Синеусѣ лѣтопись не упоминаетъ, чтобы онъ печаталъ какія либо брошюры за границу; слѣдовательно, надобно еще доказать этотъ фактъ какими нибудь другими данными; что же касается мнѣнія г. Соловьева, то при всемъ своемъ остроуміи оно совершенно неосновательно: мы положительно знаемъ, что при Іоаннѣ IV Васильевичѣ въ Россіи знали только одного магистра ²⁾, и слѣдовательно въ имени г. магистра Н. Безобразова не могла бы явиться приставка «магистръ», если бы подъ этимъ именемъ разумѣлся Иванъ IV Грозный.

Видя, что исторія только запутываетъ дѣло, мы прибѣгли къ бібліографіи, стали рыться въ журналахъ, въ газетахъ, и скоро блеснулъ намъ лучъ истины. Въ 7-мъ номерѣ газеты «День» мы нашли статью «Уставная грамота»,—статью, съ которой стоитъ познакомиться поближе. Написана она въ формѣ разговора между какимъ-то «княземъ» ³⁾ и «Тверитиновымъ». «Князь» затрудняется составленіемъ уставной грамоты, потому что «крестьяне не поддаются на его предложенія», хотя онъ «не употреблялъ во зло своей власти» (читатель вспомнитъ, что лѣтописецъ также не винитъ Синеуса ни въ какихъ злоупотребленіяхъ власти. Догадка о Синеусѣ сильно подтверждается). Тверитиновъ говоритъ: если крестьяне не хотятъ подписывать уставную грамоту, то можно обойтись и безъ ихъ согласія.—Такъ вотъ что-съ, г. Тверитиновъ: можно обходиться и безъ согласія крестьянъ, по вашему-то?—Замѣчаемъ, замѣчаемъ, ушко-то чье выглядываетъ изъ-подъ вашей маски, г. Тверитиновъ.

¹⁾ Sin—eus, Синеусъ, Безобразовъ. Дѣйствительно, сходство поразительное.

²⁾ Именно, великаго магистра ливонскаго ордена.

³⁾ Просвѣщенный читатель помнитъ, что Синеусъ былъ князь; догадка г. Костомарова пріобрѣтаетъ новую довольно твердую опору.

А вѣдь подъ маскою Тверитинова скрывается авторъ статьи,—такъ всѣ газеты и журналы объявили¹⁾.

Кому нибудь другому было бы извинительно говорить такія вещи; но г. Тверитиновъ не убаюкиваетъ себя объясненіями, заимствуемыми изъ второстепенныхъ побочныхъ обстоятельствъ: изъ безграмотности, изъ невѣжества, изъ боязни письменныхъ документовъ и т. п.—изъ вещей, которыми обыкновенно довольствуются при разсужденіяхъ о несогласіи крестьянъ подписывать уставныя грамоты; г. Тверитиновъ смотритъ, по прекрасному правилу Кузьмы Пруткова, «въ корень».—Корень оказывается очень толстый и крѣпкій. Вотъ подлинныя слова Тверитинова. На замѣчаніе князя (Синеуса?), что «сколько онъ ни толковать крестьянамъ, они попрежнему ни на что не соглашаются», г. Д. Самаринъ устами Тверитинова отвѣчаетъ:

«Тверитиновъ. Да, объ этомъ несогласіи слышно со всѣхъ сторонъ; но именно, потому, что это явленіе общее во всей Россіи, полезно бы винкнуть въ причину этого глухого, пассивнаго... несогласія. Вѣдь вамъ извѣстно, что крестьяне подъ волею понимаютъ: *освобожденіе ихъ отъ барщины и отъ оброка*».

На важность послѣднихъ словъ напираетъ самъ г. Самаринъ, печатая ихъ особеннымъ шрифтомъ. Вопросъ въ такой откровенной постановкѣ долженъ бы казаться очень затруднителенъ для господъ, подобныхъ Тверитинову, желающему, чтобы князь продолжалъ получать съ крестьянъ прежній доходъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сдѣлать, чтобы люди, не желающіе платить, стали платить съ удовольствіемъ? Но для такого умнаго человѣка, какъ авторъ статьи, г. Д. Самаринъ, ничего не стоитъ разрѣшить задачу какъ нельзя лучше, Тверитиновъ говоритъ:

«По моему мнѣнію, желательно было бы, чтобы повинности, оставаясь въ томъ же размѣрѣ, переставъ быть повинностями за пользование землею, вносились не помѣщику, а въ казну, какъ подать, и вмѣстѣ съ податью: а помѣщика вознаградите изъ казны ежегодною рентою. Тогда вопросъ рѣшится весьма легко: пужно, чтобы оброкъ, платимый крестьянами, проходя чрезъ казну, какъ бы измѣнился въ самомъ принципѣ своемъ, хотя на самомъ дѣлѣ измѣненія въ размѣрѣ никакого нѣтъ».

Ура! ура! искомое найдено, совершенно мною открытіе, надъ которымъ напрасно ломали голову г. Страховъ, г. Костомаровъ и г. Соловьевъ: подлинный г. магистръ Н. Безобразовъ найденъ! Да, это онъ, г. Д. Самаринъ! Абсолютное тождество этихъ двухъ именъ очевидно.

Въ самомъ дѣлѣ: разницы между ними нѣтъ никакой.

Г. магистръ Н. Безобразовъ говоритъ: недовольство мужиковъ крѣпостнымъ правомъ весьма легко устранить одною перемѣною имени: надобно только переименовать крѣпостныхъ въ поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, оставивъ ихъ отношенія къ помѣщику въ прежнемъ видѣ; вотъ и будетъ псечерпанъ весь вопросъ о крѣпостномъ правѣ.

¹⁾ Друзья автора закричатъ: «клевета! г. Д. Самаринъ никогда не могъ предложить, чтобы устройство крестьянскаго быта совершалось безъ согласія крестьянъ!» Нѣтъ-съ, извините: г. Д. Самаринъ прямо говоритъ это. Вотъ подлинныя слова:

«Князь. Они (крестьяне) не соглашаются подписать уставной грамоты.

«Тверитиновъ. Мнѣ кажется, что и незачѣмъ этого слишкомъ добиваться.

Князь. Я съ вами согласенъ, что можно обойтись и безъ ихъ подписей».

Тверитиновъ не отвѣчаетъ, что князь неправильно понялъ его мнѣніе.

Г. Д. Самаринъ говоритъ: недовольство мужиковъ оброкомъ весьма легко устранить одною переменною именъ: надобно только переименовать оброкъ въ подать, оставивъ его въ прежнемъ размѣрѣ; вотъ и будетъ исчерпанъ весь вопросъ объ оброкахъ.

Не было на землѣ двухъ Аристотелей; не можетъ быть въ Россіи двухъ людей, способныхъ къ изобрѣтенію такихъ гениальныхъ рѣшеній. Никто, кромѣ Ньютона, не могъ открыть законъ всеобщаго тяготѣнія; никто кромѣ г. Д. Самарина, не могъ изобрѣсти мысль, высказанную въ брошюрѣ г. магистра Н. Безобразова.

Какое торжество моей проницательности! какое торжество и для философіи! Аналитическимъ методомъ, путемъ многотруднаго опытнаго изслѣдованія подтверждена безусловная истина двухъ основныхъ формулъ философіи Фихте:

$$Я = Я,$$

то есть, г. магистръ Н. Безобразовъ есть г. магистръ Н. Безобразовъ,

и

$$Я = \text{не } Я,$$

то есть, г. магистръ Н. Безобразовъ есть не г. магистръ Н. Безобразовъ, а есть г. Д. Самаринъ.

Предлагаю дать достойныя награды всѣмъ активнымъ и пассивнымъ участникамъ этого великаго событія:

1) Награда нѣмецкому философу Фихте. Предлагаю постановить, чтобы ему, а по вослѣдовавшей его смерти, его законнымъ наслѣдникамъ получать отъ г. Д. Самарина оброкъ подѣ именемъ подати.

2) Награда мнѣ. Подносится въ подарокъ полное собраніе сочиненій г. магистра Николая Безобразова (г. Д. Самарина тоже), переплетенныхъ въ одну книгу, съ изображеніемъ на переплетѣ оной книги двойнаго портрета, золотымъ тисненіемъ: г. Д. Самаринъ, изображенный въ видѣ г. магистра Николая Безобразова, и г. магистръ Н. Безобразовъ, изображенный въ видѣ г. Д. Самарина.

3) Г. Д. Самарину. Переименовать его въ магистра Николая Безобразова.

4) Г. магистру Николаю Безобразову. Переименовать его въ г. Д. Самарина.

Возгордившись такимъ великимъ открытіемъ, какъ абсолютное тожество г. Д. Самарина и г. магистра Николая Безобразова, я отдыхаю на лаврахъ, услаждаясь созерцаніемъ дивной мысли г. Д. Самарина, и ея величіе растетъ, растетъ въ моихъ глазахъ:

«Оставаясь въ томъ же размѣрѣ, оброкъ измѣняется въ самомъ принципѣ своемъ, хотя на самомъ дѣлѣ измѣненія въ размѣрѣ никакого нѣтъ»!

«Оставаясь въ томъ же размѣрѣ, оброкъ измѣняется въ самомъ принципѣ своемъ, хотя на самомъ дѣлѣ измѣненія въ размѣрѣ никакого нѣтъ»!

«ОСТАВАЯСЬ ВЪ ТОМЪ ЖЕ РАЗМѢРѢ, ОБРОКЪ ИЗМѢНЯЕТСЯ ВЪ САМОМЪ ПРИНЦИПѢ СВОЕМЪ, ХОТЯ НА САМОМЪ ДѢЛѢ ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ РАЗМѢРѢ НИКАКОГО НѢТЪ»!

Ну, наконецъ-таки удалось мнѣ сдѣлать открытіе, котораго никто у меня не предвосхитилъ и не предвосхититъ.

Г. магистръ Николай Безобразовъ есть псевдонимъ г. Д. Самарина.

Слава мнѣ! Преклоняйте предо мною колѣна, изумленные соотечественники!

Но тотъ, кто долго былъ злополученъ, становится недовѣрчивъ, мнительнъ; а какъ проникло въ душу сомнѣніе—уже нѣтъ возможности безмятежнаго наслажденія блаженствомъ, и счастье исчезаетъ. Такъ было и со мною. «Но дѣйствительно ли достоинъ я того, чтобы преклонялись предо мною соотечественники»? сталъ думать я не дальше какъ черезъ полчаса:—«точно ли сдѣлалъ я открытіе»? Отъ сомнѣнія до отрицанія одинъ шагъ. Самъ г. Д. Самаринъ еще требуетъ новаго изслѣдованія. Другое дѣло, если бы отыскалъ я подъ псевдонимомъ г. магистра Николая Безобразова какое-нибудь знаменитое подлинное лицо,—напримѣръ г. И. Аксакова,—тогда дѣло было бы кончено. Конечно я могу сдѣлать эту догадку: г. И. Аксаковъ—редакторъ газеты, въ которой помѣщена статья, подписанная именемъ «Д. Самаринъ». Аргументъ сильный. Но съ другой стороны несомнѣнно, что г. И. Аксаковъ тождественъ не со всѣми лицами, именами которыхъ подписаны статьи его газеты, слѣдовательно полнаго доказательства для моей догадки еще нѣтъ. Я доказалъ только тожество г. магистра Николая Безобразова съ г. Самаринымъ. Но кто такой самъ г. Д. Самаринъ? Быть можетъ онъ также псевдонимъ?—это даже несомнѣнно по принципу Фихте, нами принятому. Станемъ же продолжать изслѣдованіе.

По формулѣ

$$Я = \text{не } Я$$

очевидно, что

Г. Д. Самаринъ не есть г. Д. Самаринъ, а есть нѣкто другой.

Намъ должно узнать, что за человѣкъ этотъ нѣкто. Но чтобы узнать этотъ предметъ, должно анализировать его отличительныя свойства. Станемъ анализировать свойства лица, скрывающагося подъ псевдонимомъ г. Д. Самарина.

Первое свойство. Г. Д. Самаринъ говоритъ, что думаетъ о благѣ народа.

Второе свойство. Г. Д. Самаринъ во всемъ соглашается съ понятіями князя (Спенеуса?) и хлопочетъ о сохраненіи его интересовъ.

Свойство третье. Онъ толкуетъ объ устройствѣ крестьянскаго дѣла только потому, что князь находится въ затруднительномъ положеніи.

Соединивъ эти три свойства, мы получаемъ четвертое качество: польза народа служить г. Д. Самарину только прикрытіемъ хлопотъ о пользѣ князя. Изъ этого легко открывается:

Пятое свойство. Интересъ крестьянъ онъ приносить въ жертву выгодамъ князя.

Вотъ пять отличительныхъ признаковъ, по которымъ долженъ быть узнанъ «нѣкто», скрывающійся подъ псевдонимомъ г. «Д. Самарина». Въ комъ найдутся эти признаки, тотъ и есть искомый нами «нѣкто».

Боже мой, что я надѣлалъ надъ собою! я отнять у себя всякую возможность опредѣленно указать на одно какое-либо лицо, какъ на имѣющее исключительныя права быть узнану подъ псевдонимомъ г. Д. Самарина. Десятки, сотни, тысячи людей толкующихъ и хлопочащихъ объ устройствѣ крестьянскаго дѣла представляются мнѣ, и за исключеніемъ двухъ, трехъ между ними, всѣ остальные обнаруживаютъ свойства, соответствующія псевдониму г. Д. Самарина. Что жъ я за несчастливецъ послѣ этого: можно ли назвать раскрытіемъ псевдонима, когда находишь, что онъ принадлежитъ не одному человеку, а тысячамъ людей?..

ЭПИЛОГЪ.

О РОСПИСИ

ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВЪ И ДОХОДОВЪ.

Роспись доходовъ — то же самое, что перечень пожертвованій, требуемыхъ съ населенія страны для поддержанія государственнаго организма. Читатель знаетъ, что у насъ кромѣ денежныхъ пожертвованій или собственно такъ-называемыхъ податей и налоговъ существуютъ въ очень значительныхъ размѣрахъ такъ-называемыя натуральныя повинности. Изъ нихъ самыя большія: военная служба, постоянная повинность, подводная повинность, дорожная повинность. Мы говоримъ здѣсь только о повинностяхъ, распространяющихся на всю страну, не упоминая о повинностяхъ, лежащихъ только на крестьянахъ той или другой особенной мѣстности, потому что эти мѣстныя повинности имѣютъ болѣе характеръ крѣпостнаго права, чѣмъ налога, и правительство уже приступило къ ихъ отмѣненію, напримѣръ, къ освобожденію крестьянъ, приписанныхъ къ казеннымъ заводамъ, отъ обязательной заводской работы, и т. д. — Возвращаясь къ натуральнымъ повинностямъ, соотвѣтствующимъ не крѣпостному праву, а налогу, взимаемому натурою, мы должны сказать, что этотъ невыгодный способъ удовлетворенія государственныхъ надобностей до сихъ поръ сохраняется у насъ огромные размѣры. Въ какую денежную сумму надобно оцѣнить пожертвованія, требуемыя натуральными повинностями, этого никто не можетъ опредѣлить съ точностію. Но мы останемся гораздо ниже дѣйствительныхъ величинъ, если остановимся на слѣдующей приблизительно оцѣнкѣ.

Военная повинность. Работникъ пріобрѣтаетъ въ годъ среднимъ числомъ конечно гораздо болѣе 50 р. сер.; но положимъ только 50 р. сер. Въ 1859 г. считалось въ русскихъ войскахъ 1,271,660 человекъ нижнихъ чиновъ. Считая по 50 р. въ годъ на человѣка дохода, отъ пріобрѣтенія котораго отвлекаетъ его служба, мы должны сказать, что съ этой стороны военная повинность обходится странѣ болѣе чѣмъ въ 63,500,000 р. сер. Если съ 1859 г. численность войскъ уменьшена, то надобно помнить, что оцѣнка заработка въ 50 р. принята у насъ слишкомъ низкая; поэтому оцѣнка стоимости всей повинности, не смотря на уменьшеніе арміи, все-таки не будетъ въ дѣйствительности ниже цифры, принятой у насъ.

Эта цифра 63,500,000 не имѣетъ никакой претензіи на точность, имѣя только одно основательное право считаться погрѣшающею противъ дѣйствительной величины не тѣмъ, чтооъ была выше, а развѣ тѣмъ, что ниже ея. Еще труднѣе оцѣнить приблизительную величину пожертвованія, возлагаемаго на страну постоянной повинностью. Положивъ, что третья часть войска имѣетъ свое собственное помѣщеніе, а двѣ трети получаютъ его чрезъ повинность отъ населенія, и оцѣнивъ квартиру солдата въ 10 р. сер., офицера и генерала въ 50 р., мы получили бы слѣдующія цифры:

Изъ 1,271,660 нижнихъ чиновъ двѣ трети составляютъ около 850,000; по 10 р. на человѣка, будетъ 8,500,000. — Изъ 35,103 офицеровъ и генераловъ двѣ трети составляютъ около 24,000; по 50 р.—1,200,000 р. Итого 9,700,000 р.

Читателю извѣстно, что по приблизительнымъ смѣтамъ постоянная повинность оцѣнивается вдвое выше цифры, принимаемой нами: полагаютъ, что величина пожертвованія, ею возлагаемаго на страну, простирается до 20 милліоновъ р. Это можетъ служить доказательствомъ тому, до какой чрезмѣрности низки принимаемыя нами оцѣнки повинности.

Подводная повинность по общему впечатлѣнію, производимому ею на населеніе страны, составляетъ пожертвованіе не меньшее, чѣмъ постоянная повинность; и такъ оцѣнимъ ее такъ же въ сумму, около 10 милл. рублей.

Дорожную повинность вмѣстѣ съ разными мелкими повинностями оцѣнимъ также въ эту сумму.

Такимъ образомъ положимъ, что всѣ повинности вмѣстѣ съ воинскою составляютъ около 90 милл. р. сер.

Эта цифра должна быть гораздо ниже дѣйствительной, какъ мы видѣли изъ примѣра, относящагося къ постоянной повинности. Есть еще другой фактъ, убѣждающій въ томъ же самомъ. Въ 1850 г. та часть натуральныхъ повинностей, которая замѣнена денежными сборами, оцѣнивалась въ 21,202,234 р. 59 к. Тутъ вовсе не считалась воинская повинность, такъ что сумма эта составлялась только изъ частей остальныхъ повинностей (постоянной, подводной, дорожной и другихъ болѣе мелкихъ); а всѣ эти повинности вошли въ нашъ итогъ только суммою около 27 милл. р. Но каждому извѣстно, что только меньшая половина ихъ обращена въ денежные сборы; и если эта меньшая половина составляла болѣе 21 милл. рублей, то вся сумма должна составлять не 27 милл., какъ принято въ нашемъ итогѣ, а болѣе 40 милл. рублей.

Все это мы говоримъ къ тому, что цифра государственныхъ доходовъ, вошедшая въ обнародованную таблицу, представляетъ собою не всю сумму пожертвованій, дѣлаемыхъ страной на общественныя надобности.

Притомъ, изъ самаго заглавія обнародованной Россіи видно, что она не заключаетъ въ себѣ и полного перечисленія всѣхъ денежныхъ доходовъ и расходовъ по всѣмъ частямъ общаго правительственнаго устройства. Почти каждое вѣдомство имѣетъ у насъ свои собственные источники доходовъ, которые не поступали до сихъ поръ въ государственное казначейство, а оставались въ распоряженіи самихъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Эти доходы и производимые изъ нихъ расходы вѣроятно не вошли въ обнародованную Россіи, какъ видно, по сдѣланному нами замѣчанію, изъ самаго ея заглавія: «табеля доходовъ и

расходовъ *государственнаго казначейства*. Въ подтвержденіе этого объясненія приведемъ два примѣра. Духовное вѣдомство получаетъ довольно значительный доходъ отъ продажи восковыхъ свѣчъ въ церквахъ. Этотъ доходъ не составляетъ мѣстнаго дохода самыхъ церквей или епархій, а представляется ими въ центральное управленіе духовнаго вѣдомства и остается въ его непосредственномъ распоряженіи, не поступая въ государственное казначейство. Поэтому и не вошелъ онъ въ обнародованную роспись доходовъ. Точно также не вошли въ обнародованную роспись расходы покрываемыя преимущественно этимъ такъ-называемымъ свѣчнымъ сборомъ издержки по содержанію учебныхъ заведеній православнаго исповѣданія въ великороссійскихъ, малороссійскихъ и сибирскихъ губерніяхъ. По этой статьѣ внесены въ роспись расходовъ только 29,269 р. «на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній въ западныхъ губерніяхъ»,—то есть, только часть расходовъ, на которую отпускается сумма изъ государственнаго казначейства. Точно также изъ податей, взимаемыхъ съ удѣльныхъ крестьянъ, внесена въ роспись прихода только «подушная подать» по 1 рублю съ каждаго лица. При подробномъ разсмотрѣніи надобно было бы перечислить очень много подобныхъ отраслей прихода и расхода не мѣстнаго, а общаго государственнаго, не вошедшихъ въ Роспись собственно потому, что не входили они доселѣ въ счета государственнаго казначейства.

Такимъ образомъ мы видимъ теперь, что кромѣ цифръ, вошедшихъ въ обнародованную Роспись, существуютъ три главные разряда не вошедшихъ въ нее сборовъ, повинностей и другаго рода доходовъ, взимаемыхъ съ страны на общественныя потребности.

1. Натуральныя повинности для общихъ государственныхъ надобностей.
2. Частныя источники доходовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ общаго государственнаго управленія.
3. Мѣстные налоги, сборы и повинности на надобности мѣстнаго управленія и устройства.

Если бы мы захотѣли составить себѣ приблизительное понятіе о суммѣ всѣхъ этихъ трехъ разрядовъ государственнаго и мѣстнаго дохода, не внесенныхъ въ обнародованную Роспись, мы могли бы найти только слѣдующую, конечно вовсе не точную опору для сравненія.

Въ 1858 г. сумма всѣхъ доходовъ, полученныхъ съ государственныхъ имуществъ, простиралась до 45,412,886 руб.; изъ нихъ въ государственное казначейство поступило 32,656,063 руб. Такимъ образомъ остались невошедшими въ Роспись доходовъ государственнаго казначейства 12,756,823 руб. Это значитъ, что по вѣдомству государственныхъ имуществъ, на каждый рубль дохода, внесеннаго въ Роспись государственнаго казначейства, приходилось еще 39 к. дохода, не внесеннаго въ нее. Сдѣлавъ, конечно вовсе неточное, заключеніе, что и по другимъ вѣдомствамъ пропорція этихъ двухъ частей дохода была такова же, мы получили бы слѣдующій выводъ:

Итогъ дохода, доставленнаго налогами и другими сборами, обозначенъ въ Росписи государственнаго казначейства цифрою 295,861,839 руб. На эту цифру 39% составляютъ 115,386,117 рублей.

Эта добавочная цифра 115,386,117 р. представляла бы собою ту часть невошедшихъ въ государственную роспись суммъ общихъ государственныхъ и

мѣстныхъ сборовъ и повинностей, которая взимается деньгами. А тѣ натуральныя повинности, которыя не переведены на денежный счетъ, все-таки остались бы невошедшими въ нее. Изъ этихъ повинностей одна воинская должна быть оцѣнена не меньше какъ въ 60 милл. руб. Вотъ уже составляется сумма болѣе чѣмъ 175 милл. руб. Она должна быть дополнена частями другихъ натуральныхъ повинностей, не переведенными въ денежные сборы.

Мы очень хорошо понимаемъ, какъ неточно основаніе, принятое нами для выводовъ о величинѣ платежей и повинностей, не вошедшихъ въ обнародованную Роспись. Но мы можемъ утверждать три слѣдующія замѣтки какъ факты достовѣрные.

Во-первыхъ, точнаго исчисленія этой суммы, которая дополняетъ собою обнародованную Роспись, никто не въ состояніи нынѣ представить. Общее финансовое управленіе государства не имѣетъ точныхъ свѣдѣній о величинѣ этой суммы. Отдѣльныя вѣдомства имѣютъ точныя свѣдѣнія такъ же только о нѣкоторыхъ частяхъ своего отдѣльнаго дохода, не поступающаго въ государственное казначейство, а не обо всѣхъ частяхъ его. Наконецъ важная половина этого дохода, состоящая въ повинностяхъ, отправляемыхъ натурою, вовсе и не можетъ быть оцѣнена съ точностію.

Во-вторыхъ, отлагая всякую претензію на точность, можно однако же составить себѣ приблизительное понятіе о величинѣ этой дополнительной суммы, руководясь впечатлѣніемъ, какое производитъ она въ населеніи страны. Общее впечатлѣніе то, что натуральныя повинности и денежные сборы, не вошедшіе въ Роспись государственнаго казначейства, служатъ для населенія страны причиною расхода или пожертвованія, не слишкомъ многимъ меньшаго, чѣмъ подати и налоги, вошедшіе въ Роспись государственнаго казначейства. А эти подати и налоги составляютъ около 300 милл. рублей; потому сборы и повинности, не вошедшія въ Роспись, должны быть считаемы приблизительно въ 200 милл. руб., или нѣсколько больше, и такимъ образомъ надобно полагать, что весь бюджетъ налоговъ и повинностей, взимаемыхъ теперь какъ на общіе государственные, такъ и на мѣстные общественные расходы, составляетъ сумму около 500 милл. рублей.

Третье. Изъ огромной суммы повинностей и сборовъ, не вошедшихъ въ Роспись государственнаго казначейства, только меньшая половина имѣетъ или такую форму взиманія, или такую форму употребленія, которая давала бы хотя нѣкоторую соразмѣрность достигаемаго результата съ дѣлаемымъ пожертвованіемъ. Что же касается до наибольшей половины этихъ сборовъ и повинностей, они составляютъ пожертвованіе, несоразмѣрное достигаемому результату. Мы говоримъ тутъ не о злоупотребленіяхъ, не о томъ, напримѣръ, что нѣкоторые чиновники пользуются иногда подводною повинностію для развѣздовъ по частнымъ надобностямъ, или лѣсною повинностію для насажденія частныхъ садовъ или обработки частныхъ полей; — эти вещи должно назвать пустяками, которые можетъ выставлять на первый планъ только такая жалкая литература, какъ наша. Мы хотимъ говорить не о злоупотребленіяхъ, а о правильномъ взиманіи или отправленіи этихъ сборовъ и повинностей, не вошедшихъ въ Роспись государственнаго казначейства, и о правильномъ ихъ употребленіи.

Напримѣръ, если бы постройка или наемъ помѣщеній для войска произ-

водились хотя съ тою невысокою степенью расчетливости и добросовѣстности, какая обыкновенна у насъ въ подобныхъ дѣлахъ, если бы, напримѣръ, нанимались помѣщенія дѣйствительно стоящія 12 тыс. руб., когда достаточно было бы помѣщеній на 10 тысячъ рублей, и за эти помѣщенія, дѣйствительно стоящія 12 тыс., платилось 15 тысячъ, — все-таки помѣщенія войскъ въ построенныхъ, купленныхъ или нанятыхъ для того зданіяхъ, стало бы обременять страну втрое меньше того, чѣмъ нынѣ обременяетъ постоянная повинность. Извѣстно, что она въ нѣкоторыхъ городахъ и селлахъ даже отвращаетъ населеніе отъ постройки домовъ. Не говоримъ уже о томъ, какое разстройство хозяйства и семейнаго быта производится тѣмъ, что въ одной комнатѣ съ семействомъ хозяевъ помѣщается, безъ ихъ желанія и выбора, посторонній человѣкъ.

То же надобно сказать о подводной повинности. Каковы бы ни были злоупотребленія по вытребованію прогоновъ и путевыхъ суммъ въ излишнемъ количествѣ противъ дѣйствительныхъ издержекъ на разѣзды и передвиженія, дѣйствительно нужны, все же покрывать эти требованія общимъ налогомъ было бы для страны въ пять разъ легче разстройства, происходящаго отъ подводной повинности.

Полная безуспѣшность дорожной повинности очевидна для всѣхъ.

Извѣстно также, что отдѣльныя вѣдомства принуждены бывають дѣйствовать гораздо экономнѣе, когда должны требовать на извѣстный расходъ деньги изъ государственнаго казначейства, чѣмъ тогда, когда могутъ употребить на этотъ расходъ свои собственныя средства, не передаваемые въ государственное казначейство. Каждому изъ насъ знакомо, какъ легко расходуются такъ-называемыя «экономическія суммы».

Словомъ сказать, тѣ изъ обращаемыхъ на общія государственныя надобности суммъ и повинностей, которыя не внесены въ обнародованную Россію, во многихъ случаяхъ не приносятъ государству и той пользы, какую получаетъ оно отъ расходовъ, внесенныхъ въ эту Россію, такъ что неполнота ея невыгодна для страны.

Устраненіе этой неполноты, протекавшей изъ формальной особенности счетоводства, доселѣ существовавшаго, составлять, если мы не ошибаемся, предметъ заботы самого правительства при томъ преобразованіи порядка отчетности, о которомъ говорится и въ официальномъ предисловіи, предшествующемъ обнародованной Россіи. Вотъ подлинныя слова предисловія:

«По извѣстному уже публикѣ преобразованію порядка отчетности по государственному контролю, между прочими предположеніями, находится и измѣненіе образа составленія смѣты министерствъ и главныхъ управленій, съ болѣе подробнымъ и яснымъ изложеніемъ всѣхъ статей расходовъ, каковой порядокъ и будетъ введенъ съ будущаго 1863 года.»

Предполагаемое введеніе большей подробности также будетъ очень полезнымъ улучшеніемъ. Въ Россіи, обнародованной нынѣ, нѣкоторыя статьи образованы изъ соединенія нѣсколькихъ различныхъ частей. Напримѣръ, соединены въ одну сумму доходы отъ подушной подати «съ мѣщанъ, цеховыхъ и другихъ городскихъ жителей, платящихъ подать по разнымъ окладамъ отъ 22 к. до 2 р. 50 к.»; дагѣ встрѣчаемъ также соединенными въ одну сумму

разные оклады подушной подати отъ 15 к. до 2 р. 67 к. съ слѣдующихъ разнородныхъ классовъ сельскаго населенія: «государственныхъ крестьянъ сибирскихъ губерній, поселенъ приписныхъ къ фабрикамъ и заводамъ, вольныхъ людей, евреевъ-земледѣльцевъ, малороссійскихъ козаковъ, юговскихъ, еменныхъ и крымскихъ татаръ». Такихъ примѣровъ находится еще нѣсколько въ росписи прихода. — Статьи въ росписи расходовъ имѣютъ наружный составъ менѣе сложный. Но и въ нихъ встрѣчаются соединенія разнородныхъ частей. Напримѣръ, «пеней военнымъ и гражданскимъ чинамъ» показаны одною суммою. Другія статьи, хотя и не соединяютъ расходовъ по разнымъ вѣдомствамъ, много выиграютъ точностью, когда будутъ раздѣлены по различію предметовъ расхода: напримѣръ: въ расходахъ «по военному вѣдомству» важно было бы различить суммы комиссаріатскаго расхода, провіантскаго расхода, жалованья и т. д. Къ тому или другому изъ этихъ двухъ разрядовъ принадлежатъ почти все главные статьи росписи расхода.

Обращаясь отъ формы росписи къ сущности дѣла, мы видимъ, что общія сумма прихода по государственному казначейству показана въ 310,619,739 р.; въ томъ числѣ 14,757,899 р. 72 к. должны быть взяты изъ «чрезвычайныхъ суммъ по послѣднему 4¹/₂0/0 займу», и затѣмъ собственно доходовъ остается 295,861,839 р. 27 к. (доли копѣекъ мы пропускаемъ). Въ этой суммѣ важнѣйшія части таковы:

1) Съ податныхъ сословій: подушной подати 28,258,861 р. 90 к.; оброчной подати 25,256,733 р. 26 к.; разныхъ сборовъ 1,740,333 р. 52 к.; всего 55,255,928 р. 68 к.

2) Изъ «доходовъ экономическихъ» къ тому же разряду относится слѣдующія статьи: съ арендныхъ имѣній 2,655,702 р. 40 к.; отъ добычи на казенныхъ горныхъ заводахъ металловъ (потому что этотъ доходъ получается посредствомъ обязательнаго труда, замѣняющаго оброкъ) 2,108,844 р. 30 к.; въ сложности обѣ статьи составляютъ 4,764,546 р. 70 к.

Соединяя обѣ суммы, мы видимъ, что прямая подати съ податныхъ сословій доставляютъ государственному казначейству 60,020,475 р. 38 к.

Это впрочемъ не вся сумма, доставляемая податными, лежащими на податныхъ сословіяхъ. Къ ней надобно было бы отнести нѣкоторыя доли изъ другихъ статей, поставленныя подъ рубрику «доходовъ экономическихъ»: напримѣръ: изъ статьи «съ бывшихъ иезуитскихъ фундушовыхъ имѣній и капиталовъ оныхъ»; но по невозможности отдѣлать въ этой статьѣ часть, получаемую съ капиталовъ, отъ части, получаемой прямо съ имѣній, мы не можемъ ввести въ счетъ эту статью; по той же причинѣ не считаемъ и нѣкоторыхъ другихъ, которыя по-настоящему должны были бы увеличить собою сумму доходовъ, доставляемыхъ прямыми налогами на податныя сословія.

Изъ числа пошлинъ, винный акцизъ доставляетъ слѣдующія суммы: отъ штейнныхъ, откупныхъ, акцизныхъ, чарочныхъ и пр. пошлинъ по губерніямъ великороссійскимъ, Ставропольской, сибирскимъ западнымъ, малороссійскимъ, новороссійскимъ и Бессарабской области, тремъ острѣвскимъ и г. Нарвѣ — 123,022,580 р. 75 к.; отъ свидѣтельствъ на шинки въ привилегированныхъ губерніяхъ — 1,272,000; итого 124,294,580 р. 73 к.

Отъ распродажи по государству соли 9,500,000 р.; съ паспортовъ 1,943,000 р.

Изъ «доходовъ, поступающихъ изъ разныхъ источниковъ на опредѣленные предметы» тотъ же характеръ имѣютъ: за вино, отпускаемое откупщикамъ сверхъ опредѣленной порціи по заготовительной цѣнѣ 7,377,107 р.; пошлинъ съ иностранной соли, привозимой въ Царство Польское, и акциза на соль цехопинскаго завода 1,135,000 р.;—итого 8,512,107 р.

Слагая эти суммы, мы видимъ, что доходы, собираемые исключительно съ податныхъ сословій (какъ подушная и оброчная подати) или почти исключительно съ нихъ (какъ паспортная пошлина, винный акцизъ), доставляютъ государственному казначейству 204,270,163 р. 11 к.

Сумма эта, какъ мы говорили, еще не полна; къ ней надобно было бы прибавить нѣкоторыя части изъ нѣкоторыхъ другихъ статей; но и останавливаясь на томъ, что уже сосчитано нами, и принимая для облегченія сравненій круглыя цифры, мы видимъ, что изъ 296,000,000 р. всего дохода, съ податныхъ сословій собирается 204 мил., то есть около $\frac{1}{10}$ частей всего государственнаго дохода.

Это въ значительной степени объясняетъ намъ нужду, замѣчаемую въ массѣ нашего населенія, и вполне объясняетъ малую сумму доходовъ, получаемыхъ государствомъ. Главная масса платежей на покрытіе государственныхъ издержекъ требуется съ людей, еще не успѣвшихъ едѣлаться зажиточными, и великость уплатъ, требуемыхъ съ нихъ, не допускаетъ ихъ дѣлаться зажиточными. А съ людей бѣдныхъ нельзя получить много, какъ бы требовательны ни были сборы съ нихъ. Потому въ итогѣ получается сумма незначительная. Исправить это неудовлетворительное для самой казны положеніе дѣлъ можно не иначе, какъ измѣнивъ самое распредѣленіе количества требованій съ разныхъ классовъ. Если бѣдные будутъ платить меньше, они скорѣе могутъ стать зажиточными; если съ зажиточныхъ и богатыхъ будетъ требоваться больше, то и доходъ казны будетъ обильнѣе. Достичь удовлетворительнаго для самой казны бюджета доходовъ можно только перенесеніемъ главной тяжести налоговъ съ сословій, доселѣ платившихъ слишкомъ много, на сословія, платившія слишкомъ мало. Измѣненія же только въ способѣ взиманія налоговъ нѣсколько не приведутъ къ этой цѣли; достичь ее можно только отмѣною однихъ налоговъ, уменьшеніемъ размѣра другихъ, возвышеніемъ третьихъ и установленіемъ новыхъ, падающихъ на предметы и классы, доселѣ не дававшие казнѣ ничего или почти ничего. Общая сумма государственнаго прихода увеличится только тогда, когда будетъ едѣлано, чтобы вовсе исчезли изъ бюджета или потеряли важность въ немъ налоги, бывшіе до сихъ поръ главными, и заняли главнѣйшія мѣста въ немъ налоги новые или не бывшіе важными.

Скажемъ нѣсколько словъ о переменнахъ, произведенныхъ или производимыхъ въ двухъ главныхъ нашихъ налогахъ — подушномъ и винномъ.

Официальнымъ образомъ подушная подать состоитъ изъ двухъ частей: собственнаго такъ-называемаго подушнаго оклада и поземельнаго оброка. То, что правительство находитъ существенную разницу между этими двумя частями, подтверждаютъ, между прочимъ, слѣдующіе два факта: оброкъ взимается только съ крестьянъ, поселенныхъ на государственной землѣ; бывшіе крѣпостные

крестьяне, поселенные не на государственной землѣ, платять только подушный окладъ, а того оклада, который называется казеннымъ оброкомъ, они не платять. Но само населеніе не знаетъ разницы между этими двумя частями подати: государственные крестьяне всю платимую ими въ казну сумму называютъ подушнымъ окладомъ. Разницу въ величинѣ своихъ платежей въ казну и платежей, требуемыхъ казною съ крѣпостныхъ крестьянъ, они приписываютъ только тому обстоятельству, что, не будучи обязаны повинностями помѣщику, они въ состояніи заплатить казнѣ больше, чѣмъ можетъ она получить съ помѣщичьихъ крестьянъ, съ которыхъ требуетъ она меньше только потому, что не могутъ они платить столько, какъ государственные крестьяне.

Дѣйствительно, государственныя потребности должны привести къ установленію такого порядка, при которомъ не будетъ никакой разницы въ отношеніяхъ земли къ налогамъ, какъ бы ни называлась земля. Напримѣръ, до сихъ поръ дворянская земля не платила или ничего, или почти ничего въ государственную казну. Но теперь само дворянство начинаетъ находить, что эта привилегія должна быть отмѣнена.

По винному акцизу взиманіе налога посредствомъ откуповъ замѣняется прямымъ взиманіемъ налога черезъ государственныхъ чиновниковъ. Но при этомъ хотѣли сохранить казнѣ всю ту сумму дохода, какую получала она отъ этого налога черезъ государственныхъ чиновниковъ. Но при этомъ хотѣли сохранить казнѣ всю ту сумму дохода, какую получала она отъ этого налога при откупѣ. Единственнымъ средствомъ къ достиженію этого результата было найдено установить акцизъ такой высоты, что онъ много превышаетъ цѣну, въ какую обходится производителю самый продуктъ. А при такой величинѣ акциза офиціальный надзоръ едва ли въ состояніи будетъ предотвратить очень сильное развитіе корчемства, выгода отъ котораго будетъ чрезвычайно велика. Вся прибыль, получаемая контрабандистами по тайному провозу товаровъ изъ-за границы, совершенно ничтожна предъ громадными суммами, какія можно будетъ получать черезъ тайную продажу водки. Поэтому мы опасаемся, что расчетъ, которымъ руководились при установленіи акциза, окажется не вѣренъ. Казна будетъ введена въ чувствительный недочетъ контрабандою, и обнаружится надобность сдѣлать одно изъ двухъ: или понизить акцизъ, или возвратиться къ системѣ откуповъ. Нечего и говорить о томъ, что первый исходъ гораздо лучше для государства. Но едва ли можно ожидать, что казна получитъ 125 милліоновъ рублей съ вина отъ такой величины акциза, которая не вызывала бы слишкомъ сильной контрабанды при казенномъ управленіи, и не принуждала бы снова прибѣгнуть къ откупамъ. Потому мы думаемъ, что надобно теперь же заняться установленіемъ налоговъ для замѣны уменьшенія въ доходахъ отъ виннаго акциза.

Самый легкій и самый справедливый источникъ для покрытія этого недочета представляетъ подоходный налогъ, на основаніяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія онъ имѣетъ въ Англіи. При совершенной неразработанности вопроса о величинѣ доходовъ частныхъ лицъ въ Россіи, трудно сказать о цифрахъ, какія можетъ онъ дать, что-нибудь опредѣлительнѣе вывода, основаннаго только на видимомъ впечатлѣніи и на оцѣнкѣ слишкомъ валовой. Представимъ же хотя эти приблизительныя соображенія, не имѣющія никакой претензіи на точность.

По общему принципу всякаго подоходнаго налога, отъ него должны быть свободны доходы, не достигающіе извѣстной величины, едва достаточной для сноснаго содержанія семейства. Въ Англіи этотъ мѣнімумъ принятъ въ 100 ф., около 600 рублей. У насъ деньги дороже, чѣмъ въ Англіи, потому надобно принять за мѣнімумъ меньшую сумму—положимъ рублей 300.

Въ Англіи количество доходовъ, подлежащихъ налогу, далеко превышаетъ 1,500 милл. рублей серебромъ.

Если предположить, что русское населеніе, даже въ 4 раза бѣднѣе англійскаго, — пропорція конечно уже слишкомъ низкая, — то все-таки Россія, имѣя слишкомъ вдвое больше населенія чѣмъ Англія, представляла бы основаніемъ для налога сумму доходовъ только вдвое меньшую, чѣмъ Англія. Можно полагать, поэтому, что количество доходовъ, подлежащихъ налогу, оказалось бы у насъ отъ 800 до 1000 милл. рублей. Налогъ въ 5 к. съ рубля далъ бы отъ 40 до 50 милл.

(Только же затруднительно по неразработанности данныхъ сказать, какую часть ренты понадобилось бы брать налогомъ для замѣны суммъ, доставляемыхъ нынѣ разными видами подушной подати подъ разными именами. Но судя опять только по приблизительному впечатлѣнію, надобно думать, что средняя величина ренты съ земель, занятыхъ пашнями и лугами, составляетъ не менѣе 1 руб. 50 коп. съ десятины. Такихъ земель считаютъ болѣе 100 милл. десятинъ (мы говоримъ исключительно о Европейской Россіи). Прибавивъ сюда ренту, даваемую лѣсами и другими угодьями, мы увидимъ, что общую сумму ренты не слѣдуетъ предполагать меньше 200 милл. руб. серебромъ; по всей вѣроятности она гораздо больше. Но если и не больше, то все-таки налогъ, берущій только отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ части ренты, давалъ бы около 50 милл. рублей.

Установленіе этихъ двухъ налоговъ, спеціальнаго налога съ ренты и общаго подоходнаго налога,—которые вмѣстѣ давали бы около 100 милл. руб. сер., открыло бы возможность отмѣнить подушную и такъ называемую оброчную подать и понизить винный акцизъ до величины, которая не была бы обременительна и не порождала бы корчемства. А такая реформа открыла бы путь къ быстрому улучшенію матеріальнаго быта массы, то есть и къ увеличенію доходности налоговъ, лежащихъ на промышленной и коммерческой дѣятельности.

Таковъ по нашему мнѣнію самый вѣрный или, лучше сказать, единственный вѣрный путь къ увеличенію государственнаго дохода: установленіе налога съ ренты и подоходнаго налога, съ отмѣненіемъ подушной подати во всѣхъ ея видахъ и названіяхъ, съ пониженіемъ виннаго акциза и, по замѣчанію, сдѣланному нами выше, съ замѣненіемъ повинностей денежными сборами.

Мы нимало не скрываемъ отъ себя, что проведеніе подобной реформы въ системѣ налоговъ, при всей своей простотѣ, требовало бы очень большой твердости и послѣдовательности. До какой степени осуществимо это условіе, которое одно только и нужно было бы для успѣха дѣла, могутъ судить лица, знающія положеніе дѣла.

Въ росписи расходовъ мы займемся только двумя статьями, самыми большими и представляющими наиболѣе возможности къ огромнымъ сбереженіямъ.

Платежи по внутреннимъ и внѣшнимъ долгамъ составляютъ 54.296,187 р.

91 к. Почти всё они дѣлаются по 5⁰/₀-мъ займамъ. Если бы фонды наши поднялись до такой степени, чтобы можно было замѣнить 5⁰/₀-я облигаціи 4⁰/₀-ми, ежегодные расходы по платежу процентовъ уменьшились слишкомъ на 10 милл. р. с. Нельзя сказать, что цѣль эта недостижима, и притомъ въ довольно короткое время,—лѣтъ въ пять фонды могли бы подняться до высокаго курса, нужнаго для подобнаго оборота. Но кредитъ возвышается только экономностью и прогрессивностью общаго управленія государствомъ. Возможность сбереженія по процентамъ государственныхъ долговъ зависитъ отъ сбереженій и реформъ по другимъ частямъ бюджета.

Изъ нихъ самая важная — военные расходы.

Расходы по военной части показаны въ слѣдующихъ статьяхъ: по военному министерству—106,575,892 р. 39 к.; по главному управленію военно-учебныхъ заведеній 3,535,959 р. 7 к.; по эмеритальной кассѣ военнаго вѣдомства 1,527,730 р. 19 к. Итого—111,639,581 р. 65 к.

По морскому министерству — 20,589,830 р. 74 к.; сюда же должна быть отнесена большая часть превышающей 2 милл. р. сер. статьи «помильная плата» пароходнымъ обществамъ; на долю Русскаго Общества пароходства и торговли приходится тутъ гораздо болѣе милліона. Итого около 22,000,000 р.

Къ расходамъ по содержанію военныхъ силъ принадлежитъ и значительная часть превышающей 13 милл. статьи «пенсіи военнымъ и гражданскимъ чинамъ»; но не зная, сколько тутъ приходится на долю военныхъ чиновъ, не будемъ вовсе считать этой статьи; уже и безъ нея изъ двухъ прежнихъ суммъ составляется итогъ—слишкомъ 133 милл. руб. — Весь итогъ расходовъ на военные силы еще значительнѣе, какъ показываетъ уже одна статья о пенсіяхъ; кромѣ нея къ тому же итогу должно было бы причислить значительныя доли нѣкоторыхъ другихъ статей, напримѣръ арендныхъ выдачъ (1,461,509 р. 6 к.) и строительныхъ расходовъ (9,128,213 р. 84 к.); изъ этихъ статей къ расходамъ по военному вѣдомству принадлежатъ: аренды военнымъ чинамъ, расходы по крѣпостямъ, казармамъ и т. п. Соображая все это, надобно полагать, что общая сумма всѣхъ расходовъ государственнаго казначейства по содержанію военныхъ силъ простирается до 145 милл., или больше.

За вычетомъ суммы около 55 милліоновъ, идущей на уплату процентовъ по долгамъ, остается изъ бюджета расходовъ около 255 милл. расхода, производимаго по текущимъ дѣламъ; 145 милл. расхода по содержанію военныхъ силъ составляютъ около трехъ пятыхъ частей этой цифры.

Вотъ предметъ, самый удобный для заботъ объ облегченіи бюджета и обобщающій самыя крупныя сбереженія.

Если бы расходы по военнымъ силамъ могли быть сокращены на одну третью часть, это дало бы около 50 милл. руб. сбереженія. При одномъ этомъ сбереженіи не было бы уже никакихъ слѣдовъ дефицита, и оставалось бы много денегъ въ казнѣ на всякія дѣйствительно полезныя дѣла.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Руководство къ сравнительной статистикѣ. *Г. Ф. Кольба.* Переведено и дополнено подъ редакціею *А. Корсака.* Изданіе *Николая Тиблена.* Томъ I. Спб. 1862 г.

Въ послѣдніе годы стали являться у насъ издатели, какихъ прежде не было: люди по своимъ знаніямъ могущіе вполне судить о достоинствѣ издаваемыхъ ими книгъ и притомъ совершенно добросовѣстные въ выборѣ книгъ для изданія. Перваго изъ такихъ издателей нашла литература въ г. Тибленѣ. Нѣтъ надобности говорить какую пользу книжному дѣлу приноситъ издательская предприимчивость, когда находится въ соединеніи съ такими качествами. Напримѣръ, достаточно просмотрѣть списокъ изданій г. Тиблена, чтобы убѣдиться въ серьезности и дѣльности книгъ, на которыхъ останавливается его выборъ. Онъ напечаталъ или печатаетъ: «Исторію цивилизаціи» Гизо, «Курсы Политической Экономіи» Молиаріи и Курсель Сенѣлля, «Полное собраніе сочиненій Маколей», біографію Маколей г. Вызинскаго, «Гражданское Право Мейера», «Повѣсти Марка Вовчка» на малорусскомъ языкѣ, «Очеркъ торговли московскаго государства» г. Костомарова, «Исторію новой философіи» Куно Фишера; онъ готовитъ къ печати «Исторію французской литературы» Юліана Шмидта, «о представительномъ правленіи» Милля, «Исторію цивилизаціи въ Англіи», Бокля. За исключеніемъ одного Молиаріи, да еще Куно Фишера, тутъ нѣтъ ни одной книги, о которой не слѣдовало бы сказать, что она принадлежитъ къ числу сочиненій, изданіе которыхъ заслуживаетъ безусловнаго одобренія. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ бесспорное классическое достоинство; другія все-таки—самыя лучшія по своей части изъ сочиненій, могущихъ быть издаваемыми у насъ.— Въ свое время мы высказывали недостатки нѣкоторыхъ книгъ, издаваемыхъ г. Тибленомъ, напримѣръ указывали односторонность историческихъ и политическихъ убѣжденій Гизо и Маколей,—но, какъ бы ни думалъ кто о направленіи такихъ писателей, всякій понимаетъ, какъ нужно и полезно существовать имъ въ русскомъ переводѣ. Вообще же, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ, г. Тибленъ выбираетъ для изданія такія книги, которыя заслуживаютъ полнаго одобренія не только по достоинству своего изложенія или по фактическому богатству своего содержанія, но и по истинности своего направленія.

Къ этому послѣднему разряду принадлежитъ «Статистика» Кольба, смотрищаго на вещи съ самой вѣрной точки зрѣнія. Г. Корсакъ, извѣстный своими добросовѣстными трудами по части политической экономіи и статистики, принявъ на себя редакцію перевода, значительно увеличилъ достоинство книги тѣмъ, что присоединилъ къ статьѣ Кольба о Россіи свой собственный статистическій очеркъ, гораздо болѣе обширный. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ Кольба статья о Россіи занимаетъ только 27 страницъ; при столь значительномъ ея расширеніи въ русскомъ изданіи г. Тибленъ долженъ былъ раздѣлить на два тома книгу, составляющую въ нѣмецкомъ изданіи одинъ томъ. Въ первой вышедшей теперь части русскаго изданія находится статистика пяти европейскихъ великихъ державъ. Но мало того, что статья г. Корсака обширна: она очень дѣльна, такъ что этотъ трудъ г. Корсака надобно назвать самымъ лучшимъ и полнымъ сборникомъ общихъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи.

Свой добросовѣстный и обширный трудъ г. Корсакъ начинаетъ замѣчаніемъ, что «статистика Россіи представляетъ самыя шаткія данныя. Одни изъ ея фактовъ не опредѣлены пока даже приблизительно вѣрно, другіе недоступны для науки. Къ числу первыхъ можно отнести даже свѣдѣнія о пространствѣ и населеніи». Неудивительно были бы неточность свѣдѣній о пространствѣ азіатскихъ пустынь, считающихся нашими владѣніями; но даже пространство Европейской Россіи опредѣляется разными источниками очень неодинаково. Въ перечисленіяхъ населенія точно также находится очень большая разница между свѣдѣніями, изданными отъ министерства финансовъ и отъ Центрального Статистическаго комитета, который насчитываетъ въ Русской имперіи на 1,826,000 чело-
вѣкъ больше, чѣмъ министерство финансовъ.

Но каково бы то ни было неизвѣстное намъ съ точностью пространство нашей Имперіи и число ея населенія, мы можемъ весьма основательно радоваться тому, что со второй половины прошлаго вѣка чрезвычайно расширили свои границы на западѣ. Вотъ очень любопытная таблица разстоянія нашихъ границъ отъ нѣкоторыхъ городовъ Западной Европы нынѣ и 90 лѣтъ тому назадъ

	1772 г.	нынѣ
отъ Стокгольма	32 миль	18 миль.
» Кёнигсберга	50 »	20 »
» Берлина	202 »	43 »
» Бреславля	174 »	11 »
» Дрездена	207 »	44 »
» Праги	208 »	45 »
» Вѣны	228 »	64 »
» Мюнхена	252 »	89 »
» Франкфурта	268 »	105 »
» Парижа	337 »	174 »
» Лондона	330 »	171 »

Неудивительно, что при сличеніи этихъ цифръ, западныя державы чувствуютъ безпокойство и недовѣріе. Вѣдь еслибы дѣло продолжало идти такимъ же путемъ, то черезъ 20 лѣтъ наша граница достигла бы Праги, черезъ

30—Вѣны, черезъ 35—Мюнхена, черезъ 40—Франкфурта, а еще черезъ 20 или 30 лѣтъ даже Парижа и самого Лондона. Та партія рьяныхъ славянофиловъ, которая вмѣстѣ съ г. В. Ламанскимъ хлопочетъ объ отысканіи намъ вотчинныхъ правъ на Севилью и Кордову, псконные славянскіе города,— и вообще о «присканіи новыхъ земель» вдобавокъ къ нынѣшнимъ нашимъ землямъ,—эта партія имѣетъ за себя и факты исторіи послѣдняго столѣтія точно также, какъ находитъ аргументы для себя въ первыхъ временахъ Среднихъ вѣковъ, когда, по свидѣтельству покойнаго Савельева-Ростиславича, мы, русскіе, подъ именемъ вандаловъ и готовъ завоевали Италію, подъ именемъ саксовъ завоевали Британію.

Но кромѣ шутокъ. Политика Россіи до недавняго времени была болѣе всего обращена на расширеніе границъ, и дѣлю это, шедшее съ большимъ успѣхомъ, развлекало силы нашего кореннаго русскаго населенія. Мы не могли обзавестись у себя ни образованностью, ни даже хотя бы порядочнымъ частнымъ хозяйствомъ, потому что некогда намъ было ни о чемъ своемъ домашнемъ подумать, да и не оставалось у насъ никакихъ средствъ на домашнія дѣла: мы постоянно исполняли въ обратномъ смыслѣ знаменитое предсказаніе, которымъ всегда характеризовалась возможность благосостоянія: «перекуютъ мечи въ плуги и копыя въ серпы»; у насъ постоянно ковались мечи и копыя изъ желѣза, которому слѣдовало бы идти на плуги и серпы; потому-то намъ до сихъ поръ нечѣмъ пахать землю.

Это прежнее направленіе всѣхъ нашихъ общественныхъ мыслей и силъ къ расширенію границъ напрасно было бы приписывать исключительно или преимущественно прежнимъ правительствамъ въ отдѣльности отъ общества. Само общество вызвало и поддерживало такое направленіе правительственной дѣятельности. Нечего говорить о старыхъ временахъ, когда общество было заражено этимъ завоевательствомъ еще больше нынѣшняго. Вспомнимъ, какъ при началѣ восточной войны изъ ста такъ-называемыхъ образованныхъ людей девяносто девять ликовали при мысли, что мы скоро овладѣемъ Константинополемъ. Зачѣмъ имъ нуженъ былъ Константинополь? Квартальными надзирателями что ли рассчитывали они быть въ немъ, получить исправническія должности въ Румелии, Тессалии, Албани? Сдѣлаться пашами адрианопольскими, филиппопольскими, салоникскими, янинскими? Хотъ бы этотъ расчетъ былъ у нихъ, ликовавшихъ господъ,—оно было бы понятно, хотя и низко было бы желать новаго обремененія отечеству для полученія выгодныхъ должностей себѣ. Но нѣтъ, они ликовали совершенно безкорыстно, идеально, такъ сказать научно: ихъ просто восхищала мысль, что вотъ на ландкартахъ весь турецкій полуостровъ будетъ обведенъ тою же краскою, которая идетъ отъ Торнео черезъ Полангенъ, Калишъ, Броды и т. д.; что въ академическомъ мѣселесловѣ къ прежнимъ двумъ странницамъ въ списокъ губерній прибавится третья съ неслышанными именами какихъ нибудь губерній Шумлянскои, Шпатовскои, Киркъ-Килиссейскои, Ушкубскои, Ларисскои, Елбассанскои и т. д. О томъ, что надобно будетъ и по окончаніи войны содержать на Балканскомъ полуостровѣ лишнихъ двѣсти тысячъ войска, о томъ, что на содержаніе этого войска нужно будетъ лишнихъ 50 милл.,— о томъ, что заботы о сохраненіи нашей власти надъ Балканскимъ полуостровомъ еще меньше прежняго оставятъ намъ времени устроить свои дѣла,—о

томъ, что мы обѣднѣмъ отъ новаго завоеванія, — объ этомъ наше общество и не думало. Помилуйте, мы будемъ владѣть Константинополемъ, Босфоромъ, Дарданеллами, Балканами, чуть ли не Парнассомъ и Олимпомъ, Адриатическимъ побережьемъ, быть можетъ островомъ Теаки, древнюю Итакою отечествомъ Улисса, — восторгъ, восторгъ! Подумайте только: тогда Вѣна будетъ съ трехъ сторонъ окружена нашими владѣніями, наша флотилія будетъ плавать по Савѣ и всегда готова войти въ Драву и Мораву, — вѣдь это восхитительно. Я васъ спрошу: что тогда будетъ дѣлать Вѣна? чуть что нибудь не по нашему, — собираются пять корпусовъ русской арміи въ Вѣлградѣ и двигаются они вверхъ по долинѣ Дуная прямо на Вѣну; а тутъ съ другой стороны собираются пять корпусовъ русской арміи около Вспелицы и Стобницы и двигаются съ другой стороны тоже на Вѣну. Обѣ арміи соединяются между Вѣною и Пресбургомъ. Вѣна отрѣзана отъ восточной половины Австрійской имперіи. Подъ Люксембургомъ происходитъ рѣшительная битва: австрійцы вывели 200 тыс. человекъ, а мы 400 тысячъ; австрійцы обойдены съ праваго фланга, отгнаны отъ Вѣны, хотятъ отступать къ Гренцу; но Сербскія дефиле уже заняты нашими войсками и — остатки австрійской арміи кладутъ оружіе, — въ томъ родѣ, помните, какъ было подъ Арадомъ съ венграми, — а Вѣна уже за два дня передъ тѣмъ, на утро послѣ битвы, выслала ключи побѣдителямъ и т. д... Словомъ сказать, «жизнь наша течетъ въ эмпряхъ, музыка играетъ, штандартъ скачетъ», и... «и въ ту же минуту по улицамъ (покоренной Вѣны) курьеры, курьеры (изъ Берлина, Гаги, Брюсселя, Парижа, Мадрита, Лиссабона), курьеры... можете представить себѣ, тридцать тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? — Иванъ Александровичъ, — то бишь Владиміръ Ивановичъ съ товарищами — ступайте управлять департаментомъ, — то бишь, всею Европою». Вѣднѣй г. В. Ламанскій, милый бывший нашъ собесѣдникъ, за что мы нападаемъ на васъ, человека невиннаго и неважнаго, ученаго и почтеннаго? Вы съ неменѣе почтеннымъ г. И. Аксаковымъ не больше многихъ любезныхъ нашихъ соотечественниковъ наклонны къ завоевательной хлестаковщинѣ, — то есть, они наклонны къ ней не меньше васъ, — а мы выводимъ на посмѣшище только васъ двохъ, не смягчаясь даже тѣмъ, что вы, при всей географической свѣрѣстности, добродушнѣйшіе люди въ мірѣ, благонамѣреннѣйшіе сыны отечества... Но вѣдь и то сказать: если смягчаться надъ вами за то, что вы говорите вздоръ только по крайней напвности, а не по злому умыслу, такъ и ни на кого изъ сыновъ нашего отечества нельзя претендовать за то, что Россія была двѣсти лѣтъ занята псканіемъ «новыхъ землицъ». А надобно же на комъ нибудь сорвать злобу, и мы срываемъ ее на васъ, добродушнѣйшій изъ смертныхъ.

О государственныхъ доходахъ и расходахъ помѣщена въ этой книжкѣ «Современника» отдѣльная статья, въ которой мы много пользовались цифрами, представленными въ изслѣдованіи г. Корсака. А здѣсь мы приведемъ изъ его очерка статью о государственномъ долгѣ. Сказавъ, что къ 1 января 1860 г. консолидированный государственный долгъ считался въ 555,012, 127 р. сер., и что увеличеніе этой цифры передъ долгомъ, бывшимъ въ 1858 г., равняется 39,024,115 р. сер., г. Корсакъ продолжаетъ:

Кромѣ консолидированнаго долга существуетъ долгъ, не внесенный въ государ-

ственную долговую книгу и соответствующий тому, что во Франціи называютъ *dette flottante* (текущій долгъ); къ 1 января 1859 г. онъ былъ въ слѣдующемъ видѣ:

Долги срочные.

Разныя серіи билетовъ государств. казначейства.	93,000,000
Долгъ заемному банку	325,000,000

Долгъ безсрочный:

Кредитные билеты (ассигнаціи)	644,648,719
---	-------------

Итогъ . 1,062,648,819

А съ консолидированнымъ долгомъ == 515,988,012

Составится 1,568,636,731

За вычетомъ же резерва, обезпечивающаго ассигнаціи, и суммъ, назначенныхъ для уплаты долговъ всего . .	115,028,197
--	-------------

Останется къ 1 января 1859 г. всего долга. 1,463,608,534

«Въ 1860 г., какъ мы уже видѣли, консолидированный долгъ умножился въ 39,024,115 р. Что же касается до текущаго долга, то опредѣлить его довольно трудно; можно только сказать, насколько умножилась къ этому времени сумма кредитныхъ билетовъ:—она возросла на 35,229,134 руб. Все приращеніе долга этихъ двухъ рядовъ составляло слѣдовательно 74,253,249 руб., которые увеличатъ послѣдній итогъ до 1,537,861,783 руб., или круглымъ числомъ до 1½ миллиардовъ».

«Происхожденіе государственнаго долга и состояніе его въ послѣднее время. Главное основаніе государственному долгу положено было *ассигнаціями*; военныя и другія потребности заставили прибѣгнуть къ нимъ въ царствованіе Екатерины II; съ тѣхъ поръ они сдѣлались обыкновеннымъ способомъ покрывать расходы. По смерти Екатерины ассигнацій находилось въ обращеніи около 200 милл. руб., и курсъ ассигнаціоннаго рубля еще не падалъ значительно. Впослѣдствіи, съ умноженіемъ расходовъ, особенно во время войнъ французской революціи, русское правительство все чаще и чаще прибѣгало къ выпуску бумажныхъ денегъ. Отсюда—постоянный и быстрый упадокъ ихъ курса, такъ что наконецъ серебрянный рубль сталъ равняться 4 руб. ассигнаціями. Мѣдная монета имѣла одинаковую цѣнность съ бумагой, служа для ея размѣна. Въ 1810 г. русскіе финансы находились въ чрезвычайно разстроенномъ состояніи. Бюджетъ представлялъ дефицитъ болѣе чѣмъ въ 105 милл. руб. и ассигнаціонный рубль утратилъ ³/₄ своей первоначальной цѣнности. Новые выпуски ассигнацій казались уже невозможными: правительство рѣшилось прекратить ихъ. Устроена была коммиссія погашенія, которая постановила продать часть государственныхъ имуществъ, и съ помощью вырученной суммы уменьшить массу ассигнацій. Съ этихъ поръ правительство было намѣрено сдѣлать серебрянную монету главнымъ орудіемъ мѣны. Но наступила война 1812 г., и исполненіе реформы приостановлено. Съ 1812 г. до исхода 1814 г. курсъ ассигнацій все болѣе и болѣе падалъ, такъ что въ 1815 г. серебрянный рубль равнялся 4 р. 18 коп. асс.

«Послѣ всеобщаго мира, внесенный въ государственную долговую книгу долгъ Россіи не превышалъ 125 милл. руб. сер. Правительство постановило правиломъ не дѣлать новыхъ выпусковъ ассигнацій и принялось затѣмъ уменьшать ихъ количество. Для этого оно предпочло сдѣлать заемъ и на соответствующую ему сумму сжечь ассигнацій. Это былъ первый заграничный заемъ (подписка открыта въ Амстердамѣ). Такимъ образомъ въ 1819 году 118 милл. ассигнацій было извлечено изъ обращенія; въ то же время монетный дворъ приготовилъ на 26 мил. звонкой монеты.

«Въ 1820 г. открыть новый заемъ въ 40 милл. руб. въ Англіи и Голландіи, при посредствѣ Беринга и Гоппе. Ассигнаціи продолжали извлекаться изъ обращенія,

но курсъ ихъ поднимался медленно. Съ 418 коп. (въ 1815 г.) онъ постепенно доходилъ до 403 (1816), 383 (1817), 379 (1818) и 373 к. (въ 1819 и 1820 г.). Въ 1821 г. ассигнацій находилось въ обращеніи на 639,460,220 руб. Однако съ извлеченіемъ старыхъ, на покрытіе государственныхъ расходовъ дѣлались постоянно новые выпуски.

«Процентный долгъ также увеличился, и въ 1821 г. его было до 49,100,000 голландск. гульденами до 25 милл. руб. звонкою монетою и 286,624,121 банковыми билетами. Долгъ этотъ раздѣлялся на три категоріи: 1) долги, предшествовавшіе 1817 году; 2) долги, сдѣланные для уменьшенія массы бумажныхъ денегъ; 3) долги для расходовъ по разнымъ отраслямъ управленія.

«Коммиссія погашенія долговъ, основанная въ 1817 г., дѣйствовала энергически; но прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ процентный долгъ (въ 1822 г.) оказался на 62 милл. менѣе. Въ то же время уничтожено ассигнацій на 236 милл. и въ обращеніи ихъ находилось только на 596 милл. Хотя, по отчету министра финансовъ, Гурьева, положеніе кредитныхъ учрежденій было очень удовлетворительно, однако черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого отчета былъ заключенъ новый заемъ въ 35 милл. въ Лондонѣ, при посредствѣ дома Ротшильда. Въ 1823 г. въ управленіе министерствомъ финансовъ вступилъ графъ Канкринъ. Курсъ ассигнацій значительно улучшился; серебряный рубль стоилъ 3 р. 60 к. асс.; тѣмъ не менѣе масса ассигнацій оставалась на прежней цифрѣ 596 милл. Займы, сдѣланные до сихъ поръ для извлеченія бумажныхъ денегъ, соединялись съ жертвами, не соответствовавшими цѣли; изъ обращенія извлечено было, правда, на 236 милл. ассигнацій, но взаменъ этого прибавилась значительная масса долговъ, на 5 и 6⁰/₁₀ и по низкимъ курсамъ. Кредиторы сверхъ того выговорили условіе, чтобы первоначальные проценты никогда не понижались. Улучшеніе курса ассигнацій не выкупалось этой жертвой, и, вмѣсто безпроцентнаго долга, явился другой долгъ, обременяющій государство процентами. Бумажныя деньги и мелкая разнѣнная монета оставалась единственными орудіями обращенія. Совѣтъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій, по внушенію графа Канкрина, рѣшилъ въ 1824 г. приостановить уничтоженіе ассигнацій. Суммы которыя назначались до сихъ поръ на этотъ предметъ, положено обратить на погашеніе консолидированнаго долга. Эта операція погашенія быстро подыала русскіе фонды. Долгъ, внесенный въ государственную долговую книгу, простирался круглымъ числомъ до 175 милл. руб. сер. Канкринъ употреблялъ при этомъ всѣ средства, чтобы внести экономію и порядокъ въ финансы. Дѣйствительно, въ теченіе 1823—25 г. не было сдѣлано ни одного займа, а уменьшеніе расходовъ дало экономіи 160,300,000 тогдашнихъ рублей (49,933,750 р. с.).

«Финансы, казалось, находились въ цвѣтущемъ состояніи. Несмотря на содержаніе большихъ военныхъ силъ, правительство не прибѣгло къ новымъ налогамъ; оно заключило только заемъ съ домомъ Гоппе въ Амстердамѣ въ 42 милл. флориновъ и еще на 24 милл. къ концу 1829 г. между тѣмъ какъ Адрианопольскій трактатъ доставилъ казначейству обильный источникъ военной контрибуціи. Сумма процентнаго государственнаго долга простиралась до 221¹/₂ милл., а ассигнацій въ обращеніи находилось на 186 милл. (всего 407¹/₂ милл. р. с.).

«Съ 1820 по 1832 г. холера, неурожай и польская революція потребовали большихъ расходовъ, новый заемъ въ 20 милл. р. заключенъ былъ съ домомъ Гоппе.

«Наконецъ, 1 іюля 1839 г., правительство объявило, что отнынѣ основной монетой государства становится серебряная и что курсъ серебрянаго рубля принимается постоянный въ 350 к. асс., что всѣ расчеты производятся на серебро, но платежи дѣлаются безразлично—звонкой монетою и ассигнаціями по постоянному курсу, принимая рубль золотомъ 3-мя процентами выше серебрянаго рубля.

«Вслѣдъ за этимъ при коммерческомъ банкѣ учрежденъ *депозитный* банкъ, который долженъ былъ принимать на сохраненіе отъ частныхъ лицъ суммы серебряною монетою. Серебро, принимаемое на сохраненіе, служило разнѣннымъ фондомъ билетовъ. Вмѣсто вкладовъ, банкъ выдавалъ вкладчикамъ билеты, называемые билетами депозитнаго банка. Они были въ 3, 5, 10 и 25 р. с. Впослѣдствіи банку разрѣшено

было выпускать билеты въ 50 и 100 р. с. Билеты депозитнаго банка ходили наравнѣ съ серебряною монетою во всей имперіи и размѣнивались по предъявленіи на звонкую монету.

«Цѣль этой мѣры была та, чтобы устранить колебаніе курса ассигнацій. Новыя бумаги, какъ размѣнные знаки, не подвергались колебаніямъ курса и ходили наравнѣ съ звонкой монетою.

«Съ тѣхъ поръ правительство занялось составленіемъ достаточнаго резерва драгоценными металлами для обезпеченія бумажныхъ денегъ. Этому содѣйствовала особенно разработка уральскихъ рудниковъ, которая годъ-отъ-году усиливалась. Такъ въ 1884 г. въ Петропавловскую крѣпость доставлено было 70,750,000 р. с. резерва.

«Въ сентябрѣ 1845 г. умеръ графъ Канкринъ. Финансовое положеніе Россіи было недурно. На Западѣ между тѣмъ (въ 1847 г.) свирѣпствовали неурожаи, монетный и коммерческій кризисъ. Вслѣдствіе неурожаа, Франція, Англія и Германія должны были покупать огромныя количества хлѣба въ другихъ странахъ. На уплату этихъ покупокъ звонкая монета утекала съ необыкновенной быстротою, такъ что было время, когда во французскомъ банкѣ находилось только 71 милл. франковъ монетнаго резерва, между тѣмъ какъ уплаты достигали 368 милл. Возвышеніе учета не помогало.

«Въ этихъ обстоятельствахъ русское правительство предложило французскому банку продать ему рентъ государственнаго долга на 50 милл. франковъ, съ поставкой въ Петербургъ. Банкъ охотно принялъ это предложеніе. Вслѣдствіе такой мѣры, звонкая монета притекла къ Петербургу, такъ что резервъ крѣпости увеличился до 115 милл. р. сер. Кромѣ того французская торговля была поставлена въ необходимость дѣлать свои закупы хлѣба преимущественно въ Россіи. Французскій банкъ, какъ кредиторъ 50 милл. франковъ, дѣлалъ до этой суммы переводы на казенные банки Россіи, и большая часть его переводовъ служила средствомъ расплаты за хлѣбъ, купленный на счетъ французскихъ негоціантовъ.

«Вскорѣ послѣ покупки рентъ у французскаго банка, 21 марта 1847 г., вышелъ у насъ указъ объ обращеніи 30 милл. руб. с. въ англійскія консоли, голландскіе фонды и проч. Правительство доставило такимъ образомъ обширный сбытъ произведеніямъ почвы; оно само должно было уплачивать переводы по закупкамъ этихъ произведеній.

«Департаментъ экономіи государственнаго совѣта одобрилъ покупки рентъ, съ условіемъ, чтобы происходящія отсюда выгоды обрацаемы были на погашеніе разныхъ долговъ государства. Выгоды эти состояли въ томъ, что, если металлическій запасъ нѣсколько уменьшился, то исчезнувшая часть замѣнилась солидными бумагами, которыя давали постоянный доходъ, усиливали кредитъ государства и, въ случаѣ нужды, могли быть обращены въ звонкую монету, между тѣмъ оставшійся запасъ былъ все еще достаточенъ для безостановочнаго размѣна кредитныхъ билетовъ. Вслѣдствіе этой мѣры притокъ металлическихъ денегъ въ государственное казначейство былъ такъ великъ, что (1 іюня 1847 г.) въ кладовыя Петропавловской крѣпости перенесено золотой и серебряной монеты на 12,650,054 р. с.

«Такимъ образомъ въ теченіе 30 лѣтъ (1817—47) финансы Россіи постоянно улучшались; съ 1848 г. положеніе ихъ начало измѣняться.

«Февральская революція заставила увеличить военныя силы; это стоило 15 милл. р. с., которыми расходы 1848 г. превышали расходы предыдущаго года. Издержки 1849 г. были на 30 милл. выше издержекъ 1848 г. Причина заключалась въ венгерской войнѣ, въ занятіи Дунайскихъ княжествъ, въ сосредоточеніи войскъ въ Польшѣ. Къ этому присоединился скотскій падежъ, сдѣлавшій большія опустошенія на югѣ Россіи.

«На покрытіе расходовъ венгерской кампаніи надо было выпустить нѣсколько серій билетовъ казначейства, и ихъ выпущено на сумму болѣе 13 милл. р. сер.

«Съ другой стороны на окончаніе желѣзной дороги отъ Москвы до Петербурга былъ заключенъ $4\frac{1}{2}$ процентный заемъ въ 5,500,000 ф. стер., чрезъ посредство петербургскаго дома Штиглица и лондонскаго Беринга, съ 2 $\frac{1}{2}$ % погашенія.

«Въ началѣ 1850 г. въ обращеніи находилось кредитныхъ билетовъ на 300 милл. руб.; въ кладовыхъ крѣпости было монетою и слитками 99,763,361 р. с. Правитель-

ство разрешило вывозъ звонкой монеты, запрещенный въ 1848 г. Въ 1851 г. расходы опять превышали доходы; дефицитъ увеличивался. Восточный вопросъ еще болѣе затруднилъ финансовое положеніе. Уже въ 1853 г. стали дѣлаться приготовленія къ войнѣ, а вмѣстѣ съ этимъ послѣдовали новые выпуски кредитныхъ билетовъ. Въ 1853 г. въ обращеніи ихъ находилось болѣе 368 милл. р., билетовъ казначейства на 60 милл. Съ объявленіемъ войны съ Франціей и Англіей масса бумажныхъ денегъ дошла до 450 милл. руб. сер. При одномъ извѣстіи объ объявленіи войны, курсъ на Парижъ упалъ въ Петербургѣ до 308, то есть рубль, стоящій при нормальномъ курсѣ 4 франка, стоилъ только 3 фр. и 8 сант. Правительство сочло нужнымъ запретить вывозъ золота. Военные расходы были громадны. Надо было прибѣгнуть къ новымъ займамъ, и указомъ въ ноябрѣ 1855 г. разрѣшенъ заемъ въ 50 милл. руб., который заключенъ былъ за границей, при посредствѣ Штиглица и реализованъ на биржахъ Берлина, Гамбурга и Амстердама. Расходы увеличивались, долги и масса ассигнацій росли: кредитныхъ билетовъ къ 1 января 1858 г. находилось въ обращеніи на 735,297,006 р., а съ 1858 года размѣръ ихъ на звонкую монету прекращенъ.

«Но въ то же время (указомъ 18 апрѣля 1858 г.) 60 милл. руб., различными фондами, принадлежащими государственному казначейству, назначены на погашеніе равной суммы кредитныхъ билетовъ, которые и были преданы сожженію. Кромѣ того въ теченіе 1858 г. изъ обращенія извлечено ихъ размѣномъ на звонкую монету 41,312,790 р.; вновь выпущено на 11,671,503 руб., и къ 1 января 1859 г. было въ обращеніи на 644,648,719 р. сер. кредитныхъ билетовъ.

«Въ кассѣ было резерва: 1 января 1858 г.—119,140,921 р. монетой и слитками и 21,319,850 р. фондами; въ теченіе 1858 г. поступило 24,009,453 р. монетой, но израсходовано 43,811,631 руб. монетой и слитками и 10,846,110 фондами; такъ что къ 1 января 1859 г. оставалось въ кассѣ 99,338,743 р. монетой и слитками и 11,473,640 р. фондами,—всего 110,8 милл. Колебаніе валюты было чрезвычайно сильное: 16 января 1859 г. фунтъ стерлинговъ стоилъ въ Петербургѣ (по курсу 36¹⁵/₁₆ пенса за рубль) 6 р. 49 коп., а 1 мая (по курсу 31¹/₄ пенса) 7 руб. 68 к.; другими словами: кто 16 января получилъ изъ Лондона 10.000 фунт. ст., стоившихъ тогда 64,974 руб., тотъ 1 мая долженъ былъ уплатить за нихъ 76,800 р., т. е. терялъ 11,826 руб. Въ одной только Австріи можно найти примѣръ такого колебанія валюты. Въ 1859 г. цѣнность нашихъ ассигнацій составляла не болѣе 81% серебрянаго рубля¹⁾.

«Чтобы помочь затруднительному финансовому положенію, въ мартѣ 1859 г. правительство заключило съ англійскимъ домомъ Томсонъ, Бонаръ и К^о договоръ о займѣ въ 12 милл. ф. ст., по которому предполагалось выпустить 3-хъ процентныя облигаціи по курсу 66¹/₂. Но такъ какъ итальянская война (единственное вліяніе которой въ этомъ случаѣ оспаривается, впрочемъ, нѣкоторыми) уронила курсъ бумагъ ниже опредѣленной цифры, то договоръ былъ уничтоженъ, а уплаченные уже 15% займа возвращены. По заключеніи Виллафранкскаго мира, заемъ удался и помѣщенъ по 68, считая проценты съ 1 мая 1859 г., что понизило его до 66¹/₂. Извѣстное французское общество—*Société générale du crédit industriel et commercial* взялось помѣстить 40 милл. фр. во Франціи, въ чемъ и успѣло. Этимъ займомъ русскій долгъ увеличился въ теченіе 1859 г. на 7 милл. ф. ст., а по внесеніи всего займа онъ долженъ умножиться на 75 милл. рублей.

«Въ то же время текущій долгъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ началъ превращаться въ срочный консолидированный. Приступая къ преобразованію этихъ учрежденій, правительство сначала уменьшило платимыя ими на вклады проценты съ 4 на 3%, на томъ основаніи, что, составляя непроеводительный капиталъ, про-

¹⁾ Въ Берлинѣ 4¹/₁₆ май 1859 г. 100 руб. стоили только 87 талеровъ, изъ коихъ каждый заключалъ серебра около 93 к., такъ что 100 р. асс.=87 талеровъ;=87×93=80, 91 руб. сер. Такой курсъ бумажныя деньги имѣли въ 1781 и 1803 г.

центные вклады отягощают собою кредитныя учреждения. Между тѣмъ пониженіе процентовъ объявлено было тотчасъ послѣ основанія главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, акціямъ котораго правительство гарантировало 5⁰/. Вѣроятно, это имѣлось въ виду при вытѣсненіи капиталовъ изъ банковъ. Вслѣдствіе такой мѣры, изъ кредитныхъ учреждений деньги потекли на заграничныя биржи; а такъ какъ при предстоящемъ займѣ 12 милл. ф. ст., можно было ожидать еще большаго отлива, то ихъ старались удержать 4⁰/-ми непрерывно-доходными билетами ¹⁾, которые и были выпущены въ апрѣлѣ 1859 г.; на нихъ же обмѣнены капиталы, внесенные на вѣчное время въ разныя кредитныя учреждения. Но эти бумаги не были такъ выгодны, какъ прежнія, напр. 4⁰/- облигации и т. п., вслѣдствіе того онѣ и не имѣли большого успѣха. Вслѣдъ за тѣмъ, 10 сентября 1859 г., учреждены государственные 5⁰/- банковые билеты, также съ цѣлью консолидировать банковые вклады; они предложены въ обмѣнъ на прежніе билеты государственныхъ банковъ и на 4⁰/- непрерывно-доходные—и погашаются съ 1861 г. въ теченіе 37 лѣтъ по тиражу. вмѣстѣ съ тѣмъ вкладчикамъ предложено на выборъ, или оставить свои вклады въ кредитныхъ учрежденияхъ, или получить ихъ обратно; но съ 1 января 1860 г. имъ выдается вмѣсто 3⁰/- только 2⁰/-, а начисленіе сложныхъ процентовъ прекращается; то же примѣнено и къ будущимъ вкладамъ, которые поступать къ 1 января 1860 г. Капиталы, внесенные частными лицами на вѣчное время, дозволено обращать въ 4⁰/- непрерывно-доходные билеты; въ противномъ случаѣ они остаются на 2⁰/. Въ теченіе 1859 г. въ государственную долговую книгу было внесено такимъ образомъ изъ текущаго долга 22,863,658 р. 4-хъ процентными непрерывно-доходными билетами. Консолидированный долгъ увеличился съ 515,6 милл. до 555 мил.; а масса кредитныхъ билетовъ съ 644,6 милл. 679,877,853 руб. (Размѣнный фондъ уменьшился съ 110,812,483 до 96,241,618 р.) ²⁾.

«Въ 1860 г., при учрежденіи государственнаго банка, вмѣсто прежнихъ кредитныхъ учреждений, опредѣлено передать ему всѣ вклады, принятые этими учрежденіями, всѣ счета по 4⁰/- непрерывно-доходнымъ билетамъ, суммы вкладовъ обращенныхъ на 5⁰/- государственные банковые билеты, счета экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ и суммы, выданныя изъ кредитныхъ учреждений государственному казначейству. Это центральное учрежденіе сдѣлалось такимъ образомъ главнымъ орга-

¹⁾ «Отливъ дѣйствительно былъ огромный:

Количество вложенныхъ вкладовъ.	Взятыхъ обратно.
1855 г. 223.695,926 р.	191,475,357 р.
1856 » 286.685,983 »	239,182,889 »
Итого 510,381,909 р.	430,658,246 р.
1857 г. 288,650,735 »	299,950,425 »
1858 » 302,807,044 »	355,615,293 »
Итого 591,457,779 р.	655,565,718 р.

Въ 1855—56 г. вложено болѣе, чѣмъ взято на 79,723,663 р.

— 1857—58 г. взято болѣе, чѣмъ вложено на 64,107,939 »

²⁾ «Ассигнаціи находилось въ обращеніи:

Съ 1828 по 1839 г.	170,221,828
Къ 1 января 1850 г.	301,578,170
» » 1853 »	333,443,008
» » 1854 »	356,337,021
» » 1855 »	509,181,397
» » 1856 »	686,276,844
» » 1857 »	735,297,006

номъ по операциямъ консолидированія текущаго долга. Изъ его отчета за 1860 г. мы можемъ опредѣлить отчасти и величину самаго долга къ началу 1861 г. Изъ его отчета видно:

«1) Что къ 1 января 1861 г. кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи на 712,976,569 р., а размѣнный фондъ 92,884,431 р.; слѣдовательно безпроцентнаго долга по кредитнымъ билетамъ оставалось 620,092,137 р.

«2) Что сумма 5⁰/₁₀₀ билетовъ, причитавшаяся взамѣнъ процентныхъ вкладовъ, составляла 276,578,500 —

«3) Что сумма 4⁰/₁₀₀ непрерывно-доходныхъ билетовъ, отчасти уже занесенная въ государственную долговую книгу, отчасти еще незанесенная, простиралась до 168,922,827 —

«4) Что долги государственнаго казначейства по займамъ изъ кредитныхъ установленій, за вычетомъ уплаченныхъ вкладными билетами, принадлежащими казеннымъ мѣстамъ (болѣе 14 мил. руб.) и обращенныхъ на 4⁰/₁₀₀ непрерывно-доходные билеты, составляли. 103,898,428 —

«Кромѣ того, въ теченіе 1860 г. сдѣлано было нѣсколько новыхъ займовъ, отчасти уже употребленныхъ на расходы. Указъ 14 іюня уполномочилъ министра финансовъ не только объявить подписку на остальную сумму займа 12 мил. ф. ст., заключеннаго въ 1859 г., но и увеличить этотъ остатокъ съ 5 до 8 мил., превративъ первоначальныя 3¹/₂⁰/₁₀₀ облигаціи въ 4⁰/₁₀₀ ренты. Этотъ заемъ дѣйствительно состоялся въ Лондонѣ въ іюлѣ, и подписано было 5 м. ф. ст. (Подписчики, братья Берингъ въ Лондонѣ, Гонпе и К⁰ въ Амстердамѣ, получили разрѣшеніе остальные 3 мил. выпустить до конца года. Неизвѣстно, воспользовались ли они этимъ дозволеніемъ, или срокъ былъ продолженъ). Возьмемъ 5 мил. ф. ст. 31,250,000 —

«Черезъ нѣсколько дней послѣ предыдущаго, другой указъ (17 іюня) разрѣшилъ выпускъ пяти новыхъ серій билетовъ казначейства (LVI—LX), въ 3 мил. руб. каждая,—всего 15 мил., съ процентами по 4,32 на 100. Каждый билетъ въ 50 р. приносить 2 р. 16 к. въ годъ процентовъ. До исхода 1860 г. было два выпуска, которые дали ¹⁾. 10,791,700 —

«Прибавимъ сюда прежніе выпуски билетовъ казначейства, которые къ 1 января 1859 г. простирались до 93,000,000 —

«И консолидированный долгъ, къ 1860 г. составлявшій . . . 555,012,127 —

Итогъ . . 1,859,545,709 р.

«Къ 1860 г. состояло въ капиталѣ выкупа 60,262,008 руб.; предполагая, что вся эта сумма уйдетъ по назначенію 60,262,009 —

«Получимъ общую сумму госуд. долга къ 1861 г. 1,799,283,700 р.

¹⁾ «Подписка на первый выпускъ въ 4 мил. р. (30 сент.) простиралась до 36,674,700 р., такъ что надо было уменьшить до 8¹/₃⁰/₁₀₀ суммы, подписныя лицами, требовавшими болѣе 20 билетовъ (1,000 р.). Вторая подписка на 5 мил. руб. окончена 15 декабря и дошла до огромной цифры 306,760,600 р.; для удовлетворенія по возможности подписчиковъ, государственный банкъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, увеличилъ выпускную сумму на 1,791,700 р. Подписавшіеся на 16 билетовъ и менѣе получали полную сумму: всѣ же тѣ, которые подписались на большее количество билетовъ, получали 17».

«Накопецъ въ исходѣ 1860 г. (16 декабря) государственному банку разрѣшено выпустить на 100 милл. р. 4⁰/₀ металлическихъ билетовъ, въ 300 р. каждый, погашая ихъ въ теченіе 41 года. Какъ проценты, такъ и погашеніе платятся звонкой монетой; на погашеніе назначенъ 1⁰/₀. Два выпуска этихъ билетовъ уже состоялись (въ 1861 г.), каждый въ 12 милл. р.

Въ вышеопредѣленномъ итогѣ . . . 1,799,283,700 р. заключается:

Долговъ процентныхъ 1,179,191,563 »

» безпроцентныхъ 620,092,137 »

«Въ 1859 г. по процентному долгу въ 580,686,622 р. на погашеніе употреблено 30,113,295 р. и на уплату процентовъ положено 28,069,082 р.; всего 58,182,377 р., не считая текущихъ долговъ. На новые долги 1860 г. однихъ процентовъ можно считать 26,750,000 р., да на прежніе билеты казначейства около 4 милл.; итого процентовъ 54,8 милл.; изъ нихъ около 14 милл. по 5⁰/₀ банковымъ билетамъ обезпечены платежами дебиторовъ бывшихъ кредитныхъ учреждений.

«Считая только консолидированные долги собственно Россіи съ ассигнаціями, находимъ, что эти двѣ категоріи долговъ возрастали слѣдующимъ образомъ:

	1847	1853	1856	1860
Рубли	571,251,788	768,917,692	1,142,455,179	1,234,889,980».

За этими слѣдуетъ у г. Корсака статья о финансахъ и государственныхъ долгахъ Царства Польскаго; но до нихъ намъ нѣтъ дѣла. Говоря за тѣмъ о военныхъ силахъ нашего отечества, г. Корсакъ между прочимъ замѣчаетъ:

«Такъ называемые инспекторскіе смотры лежатъ на обязанности начальниковъ дивизіи и корпусныхъ командировъ, инспектирующихъ полки въ установленное время; а между тѣмъ эти лица суть прямые начальники инспектируемыхъ ими войскъ, слѣдовательно, совмѣщаютъ въ себѣ и распорядительную власть, и контроль надъ этими войсками.

«Въ 1858 г. по смѣтамъ на содержаніи провіантнаго вѣдомства находилось:

Людей . . . 1,099,305

Лошадей . . . 159,950

«На нихъ къ «непремѣнному» отпуску назначено было 39,474,141 р. Среднимъ числомъ причиталось на одного человѣка 24 р. 56 к., а на одну лошадь 64 р. 51 к. На довольствіи комиссаріата въ 1858 г. было 990,817 чел., въ томъ числѣ солдатъ 959,806, а расходовъ ассигновано 28,217,783 р. или 28 р. 47 к. на человѣка. Вообще продовольствіе войска на 1858 г. требовало: заготовки муки 2,088,843, крупъ 167,107¹/₂, овса 402,702 четвертей, всего на 10,353,225 р.

«Сила войскъ. Войска раздѣляются на регулярныя; первыя—на дѣйствующія и резервныя. Къ 1858 г. находилось по спискамъ на регулярныхъ войскахъ:

	Генераловъ, штабъ и об.- офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Дѣйствующихъ	28,289	841,522
Резервныхъ	2,655	85,570
Итогъ	31,944	827,091

«За измѣненіями, послѣдовавшими въ составѣ ихъ въ 1858 г., числительная сила *регулярныхъ* войскъ къ 1869 г. была по спискамъ:

	Генера- ловъ.	Штабъ и об.-оф.	Нижнихъ чиновъ.	Ору- дій.
Дѣйствующихъ .	334	26,997	783,352	744
Резервныхъ .	23	3,054	66,873	88
Итогъ .	357	30,051	850,225	832
Иррегулярныхъ .	30	4,665	421,435	248
Всего.	387	34,716	1,271,660	1,080

«Немедленно по окончаніи крымской войны, въ войскахъ сдѣланы были многія сокращенія: изъ рядовъ регулярныхъ, иррегулярныхъ войскъ и государственнаго ополченія уволено до милліона человѣкъ; но и съ этимъ сокращеніемъ армія представляла еще громадную цифру, превышающую милліонъ. Поэтому сдѣланы были новыя ограниченія, и регулярная армія, до войны представлявшая круглую цифру 1,140,000, уменьшилась къ 1859 г. на 290,000 и состояла только изъ 850,000 человѣкъ. Между прочимъ въ 1858 г. уволено изъ регулярныхъ войскъ въ безсрочный отпускъ около 19,500 человѣкъ и во временный 20,000. Вообще къ 1 января 1859 г. находилось въ губерніяхъ въ безсрочномъ и временномъ отпуску нижнихъ чиновъ 503,335 человѣкъ; въ этомъ числѣ было отпускныхъ сверхкомплектныхъ, предназначенныхъ на пополненіе обыкновенной убыли въ дѣйствующихъ и резервныхъ войскахъ, въ теченіе льготнаго времени отъ рекрутскихъ наборовъ—259,101, и ожидалось къ прибытію въ губерніи еще 4,989, такъ что весь фондъ для пополненія обыкновенной убыли простирался до 264,090 человѣкъ. Остальные 239,245 человѣкъ назначены для укомплектованія дѣйствующихъ и для сформированія резервныхъ войскъ на случай *военнаго времени*. Кромѣ временныхъ отпусковъ сокращенію военнаго сословія содѣйствовали слѣдующія важныя мѣры: указомъ 25 декабря 1856 г. велѣно исключить изъ военнаго вѣдомства и обратить въ свободныя податныя сословія всѣхъ солдатскихъ дѣтей (военныхъ кантонистовъ), и возвращено такимъ образомъ до 378,000 малолѣтнихъ въ ихъ семейства. Но съ цѣлью пристроить солдатскихъ дѣтей, оставшихся безъ пріюта, заведенія военныхъ кантонистовъ и учебныхъ стрѣлковыхъ полковъ преобразованы въ училища военнаго вѣдомства, число которыхъ предполагается сократить съ развитіемъ народныхъ школъ и съ распространеніемъ въ войскахъ грамотности. Во всѣхъ этихъ кантонистскихъ заведеніяхъ къ 1 января 1858 г. воспитанниковъ было 19,617 человѣкъ, а къ 1 января 1859 г. оставалось уже только 12,451 человѣкъ.

Въ то же время послѣдовало упраздненіе военныхъ поселеній, не имѣвшихъ никакого значенія въ составѣ военныхъ силъ, а между тѣмъ парализировавшихъ производительность и промышленность значительной части южнаго и югозападнаго края и губерній Новгородской, Витебской и Могилевской.

Далѣе начата замѣна казенной прислуги (нестроевыхъ командъ, комплектуемыхъ неспособными нижними чинами) вольнонаемными людьми. Эта мѣра избавить отъ обязательной службы до 62,000 человѣкъ. Сокращено число караульных нарядовъ, вслѣдствіе чего число постовъ уменьшилось до 2,000, а ежедневный расходъ людей сократился на 6000. Кромѣ того отмѣненъ нарядъ часовыхъ въ разныхъ заведеніяхъ, присутственныхъ мѣстахъ и заставахъ, что также сократило число постовъ на 1,500. Слѣдствіемъ сокращенія арміи предвидится уменьшеніе на 25% числа призываемыхъ на службу рекрутъ; оно уменьшило уже на $\frac{1}{2}$ квартирную и подводную повинность. Но взамѣнъ того сформированы на совершенно новыхъ основаніяхъ резервныя части арміи, изъ которыхъ могутъ пополняться дѣйствующія войска. Увеличено число стрѣлковыхъ частей въ арміи учрежденіемъ стрѣлковыхъ ротъ въ каждомъ батальонѣ и присоединеніемъ къ составу каждой пѣхотной дивизіи по одному стрѣлковому батальону.

Вводятся усовершенствованныя огнестрѣльные оружія (къ 1 января 1860 г. предполагалось имѣть въ войскахъ 80,554 шести-линейныхъ винтовокъ; вся пѣхота будетъ окончательно вооружена ими къ 1864 г.). Для обученія стрѣльбѣ учреждены три стрѣлковые школы съ учебными стрѣлковыми ротами; для кавалеріи — кавалерійское училище въ Елисаветградѣ.

«По хозяйственной части готовятся также нѣкоторыя преобразованія. Между прочимъ составлены проекты новыхъ табелей или росписаній разныхъ потребностей для войскъ. Не касаясь устарѣлыхъ формъ провіантской администраціи, замедляющей ходъ дѣлъ лишними инстанціями (вообще по военному министерству въ теченіе 1858 г. было бумагъ входящихъ 440,122 и исходящихъ 305,922, всего 746,044), сократили покуда провіантскій штатъ на 286 человекъ чиновниковъ и 870 нижнихъ чиновъ. Содержание солдатъ улучшено прибавкою такъ-называемыхъ приварочныхъ денегъ (стоимость содержанія каждаго солдата обошлась въ 1858 г. въ 72 р. 40 к., а въ 1859 г. 74 р. 39 к.); для офицеровъ учреждена эмеритальная касса и усилены оклады. Утвержденное уже измѣненіе въ гражданскомъ и полицейскомъ законодательствѣ тѣхъ постановленій, въ силу которыхъ армія наша считалась какъ бы мѣстомъ ссылки, и готовящійся новый уголовный уставъ, въ которомъ значительно смягчены наказанія (высшая мѣра тѣлеснаго наказанія за обыкновенныя преступленія — 1500 ударовъ вмѣсто 6000!) должны оказать полезное вліяніе на нравственное состояніе войскъ. Въ заключеніе всего, съ 1857 года обращено вниманіе на обученіе солдатъ грамотѣ.»

Этихъ реформъ нельзя не одобрить и есть основаніе полагать, что готовятся новыя преобразованія въ томъ же духѣ, отъ которыхъ улучшится положеніе солдата, армія пріобрѣтетъ большую дѣйствительную боевую силу, число безполезныхъ въ боевомъ отношеніи частей ея уменьшится, и поэтому рекрутская повинность облегчится, а съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ равномернѣе распредѣлено ея отправленіе. Если мы не ошибаемся, нынѣшній военный министръ дѣлаетъ все зависящее отъ него для осуществленія широкихъ и дѣйствительно полезныхъ реформъ по своей части. Вотъ извлеченіе изъ исторіи русскаго войска, сообщаемой г. Корсакомъ:

«Историческія замѣтки. Русское войско при Петрѣ I, въ 1712 г., состояло изъ 108,000 чел., въ годъ его смерти (1725) уже считалось 196,000 челов. Въ Семилѣтнюю войну, когда Россія въ первый разъ пришлось сражаться въ Средней Европѣ, у нея было регулярныхъ войскъ 162,750 чел., а именно: 30 полковъ кавалеріи (6 кирасирскихъ, 6 гренадерскихъ, 18 драгунскихъ) — 31,950 челов. и 50 полковъ пѣхоты (4 гренадерскихъ и 46 мушкетерскихъ) = 130,800. Къ этому можно бы причислить нѣсколько милиціонныхъ полковъ. Императрица Екатерина II значительно увеличила армію. Въ 1785 г. считалось уже до 360,000 челов. По подробному разсчету 1794 г. значилось:

53 полка и 19 бригадъ кавалеріи	81,200
72 » » 32 батальона пѣхоты	203,900
5 » » 2 роты артиллеріи	27,700

130 полковъ и проч. регулярныхъ войскъ 312,800

Сверхъ того иррегулярныя войска:

Казакъ, башкирцы и пр.	69,200
Гарнизонъ	60,000

Всего. . . . 442,000

«Одинъ списокъ, относящійся къ концу 1863 года, представляетъ слѣдующія данныя:

1) <i>Гвардія</i> :	Кавалеріи	3,300	} 12,600
	Пѣхоты	9,300	

2) <i>Полевые полки:</i>	Кавалерія	49,700	382,600
	Пѣхота	219,100	
	Артиллерія	42,900	
	Гарнизонъ	70,900	
Всего			395,200

«Со включеніемъ инвалидовъ и иррегулярныхъ войскъ, вся масса военныхъ силъ (на бумагѣ) простиралась до 506,700 чел.

«Въ оба похода 1805 и 1807 г. русскіе выставили въ Германію не болѣе 80—90,000 человекъ.

«Подъ Аустерлицомъ дѣйствительныя силы союзниковъ не составляли и 80,000; изъ нихъ 15,700 австрійцевъ. (Французы противопоставили имъ равное число).

«Что касается до великой войны 1812 г., то по поводу ея составлялись о числѣ войскъ вѣдомости, изъ которыхъ приводимъ слѣдующее краткое извлеченіе:

Регулярныхъ войскъ (въ томъ числѣ 98,000 гарниз. солдатъ и инвалидовъ)	539,400
Иррегулярныхъ войскъ	100,000
Народнаго ополченія	851,100
Всего	1,490,500

«Въ началѣ войны русская армія численностью далеко уступала французской; въ составъ ея входили:

Войска первой линіи:

<i>Первая западная армія</i>	104,150 чел.
<i>Вторая западная армія</i>	35,000 »
<i>Резервная армія</i>	36,000 »

Всего въ первой линіи по большей мѣрѣ . 175,000 чел.

регулярнаго войска и 938 орудій, не считая козаковъ, въ которыхъ въ началѣ кампаніи мало представлялось надобности. Противъ этого сравнительно слабаго войска Наполеонъ выступилъ болѣе чѣмъ съ 400,000 человекъ.

Во второй линіи у Сакена было 42,500 чел.

Изъ третьей линіи дѣйствующая армія всегда могла получить въ подкрѣпленіе 46,000 пѣхоты 9,300 конницы и рекрутъ. Сверхъ того въ Финляндіи стояло 30,000 подъ начальствомъ Штейнгеля и 53,000 на Дунаѣ.

«Трудности похода привели русское войско почти въ такое же разстройство, какъ и французское, и отозвались немного меньшимъ ущербомъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ истреблены были цѣлыя роты, отъ нѣкоторыхъ батальоновъ осталось по 2—3 человека (по удостовѣренію Бутурлина, адъютанта императора Александра); изъ 120,000 главной арміи, подъ начальствомъ Кутузова осталось 35,000; у Витгенштейна изъ 50,000 всего 15,000; отъ 10,000, посланныхъ изъ внутреннихъ губерній на подкрѣпленіе арміи, только 1,700 достигли театра войны у Вильно (по увѣренію англійскаго комиссара, сэра Роберта Вильсона). Въ запискахъ Толя находимъ слѣдующій расчетъ:

Обѣ западныя арміи (за вычетомъ 21 тысячнаго корпуса Витгенштейна): первая 83,000, вторая 35,000 составляли	118,000
Подкрѣпленій онѣ получили	91,800
Всего	209,800

Въ половинѣ декабря въ Вильно еще было въ строю 40,290

Слѣдоват. съ конца іюня до половины декабря убыло 169,510

«Въ лазаретахъ лежало 48,335 челов. Если бы большая часть этихъ больныхъ выздоровѣла, — чего впрочемъ, какъ достовѣрно извѣстно, не было, — то и тогда число убитыхъ людей превышало бы первоначальное число войска. Русская армія, преслѣдовавшая Наполеона въ январѣ 1813 г., составляла только 15,000 чел. (Толь).

«Въ походы 1813 и 1814 г. сила русскихъ войскъ никогда не превышала 150,000.

«Въ оба турецкіе похода 1828 и 1829 г. русскіе явились на Прутѣ въ числѣ 80,000, къ которымъ въ слѣдующемъ году выслано было еще около 40,000. Когда главный корпусъ прибылъ къ Андрианополю, въ немъ считалось едва 10 — 15,000 перешли обратно Прутѣ. Жюмни говоритъ, что русская армія въ эти два похода потеряла 115,000 чел., изъ коихъ 100,000 погибло отъ болѣзней. Уже первый походъ уничтожилъ 40,000 солдатъ съ мая 1828 до февраля 1829 г. 201,108 чел. лежало въ госпиталяхъ; съ особенною силою свирѣпствовала чума. Борьба съ Польшей въ 1831 г. снова требовала значительныхъ усилій. Съ тѣхъ поръ сознаніе была необходимость основательныхъ преобразованій; изъ нихъ многія уже сдѣланы, другія остались еще неисполненными. Въ венгерскомъ походѣ 1849 г., русская вспомогательная армія явилась къ австрійцамъ въ числѣ около 120,000 чел. *Крымская* война разомъ открыла существованіе многихъ злоупотребленій, особенно въ продовольствіи. Если уже до войны по официальнымъ свѣдѣніямъ у насъ считалось 1,200,000 войска (въ томъ числѣ 200,000 кантонистовъ), то тѣмъ замѣчательнѣе незначительность силъ, двинувшихся въ Дунайскія княжества. Для продолженія борьбы требовались необыкновенныя успія. Правда, что Россіи надо было заботиться и о защитѣ многихъ, весьма отдаленныхъ пунктовъ; но на главномъ театрѣ войны никогда не было въ дѣйствіи за разъ и 200,000 чел. Въ теченіе 20 мѣсяцевъ объявлены были слѣдующіе *наборы*:

указомъ	10 февраля	1854 г.,	9 чел.	съ 1,000	въ западныхъ губерніяхъ.
»	9 мая	»	9 »	» »	» восточныхъ »
»	7 сентября	»	10 »	» »	» западныхъ »
»	13 декабря	»	10 »	» »	» восточныхъ »
»	10 февраля	1855 г.,	13 »	» »	» 18 губерн. — <i>Ополченіе</i> .
»	31 мая	»	13 »	»	} прочія губерніяхъ.
»	12 августа	»			
»	7 октября	»			
»	6 мая	»	12 »	» »	» западныхъ губерніяхъ.
»	15 октября	»	10 »	» »	» во всѣхъ губ., искл. 7.

Ополченіе дало 372,000; оно было раздѣлено на 337 дружинъ; старые солдаты, поступившіе въ резервные батальоны, и новые наборы составили 267,000, — всего слѣдовательно 739,000 (по отчету министра внутреннихъ дѣлъ) число огромное, но все таки вдвое меньше того, какое можно набрать въ прочей Европѣ. Въ официальныхъ спискахъ число войскъ въ Крыму въ началѣ 1855 г. показывалось въ 250,000 съ 100,000 лошадей. Общее число солдатъ во всемъ государствѣ, состоящихъ на попеченіи комиссаріата, простиралось въ 1855 г. до 845,000 съ 187,360 лошадьми, а въ 1856 г. до 796,975 и 183,570. Такимъ образомъ въ послѣдній годъ было уже трудно держать военныя силы на прежней высотѣ. Потеря увеличивалась. По одному вычисленію, русская армія до конца 1854 года лишилась 111,132 человекъ, изъ коихъ 29,204 убитыми, 56,304 ранеными, 6,460 контуженными, 16,156 умершими отъ болѣзней. (Послѣдняя цифра очень низка; вѣроятно здѣсь считаются только солдаты, умершіе въ ближайшихъ къ мѣсту дѣйствія лазаретахъ); тутъ не приняты въ расчетъ потери кавказской арміи и иррегулярныхъ войскъ, козаковъ и пр. Въ одномъ Симферополѣ, главномъ госпиталѣ Севастополя, съ апрѣля 1855 до іюля 1856 г. умерло болѣе 40,000 человекъ; кромѣ того отсюда пошло до 300 транспортовъ почти съ 100,000 больныхъ въ другія сосѣднія мѣста. Почти то же можно сказать о Бахчисарѣ и Перекопѣ, бывшихъ также сборными мѣстами для больныхъ. Парижскій «*Pays*» вычислялъ потерю русской арміи въ 277,000 человекъ; сверхъ того, черно-

морскій флотъ изъ 38,400 человекъ потерялъ 23,000. — Приведемъ еще одинъ замѣчательный фактъ: по свѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, послѣ удаленія изъ Крыма непріятели, убрано и зарыто было въ землю для очищенія воздуха, около 200,000 остововъ скота, служившаго для перевозки тяжестей.»

Изъ отдѣла объ «общественныхъ, промышленныхъ и торговыхъ отношеніяхъ» мы извлечемъ слѣдующіе отрывки. Вотъ, по справедливымъ словамъ г. Корсака,—

«Цифры, которыя могутъ служить указателемъ того, въ какомъ положеніи находятся государственные крестьяне и въ чемъ они особенно пужаются. Въ 1858 году среднимъ числомъ у государственныхъ крестьянъ приходилось:

1 питейное заведеніе на	1,409	ч.	об.	п.
1 административное или судебное мѣсто	2,348	»	»	»
1 школа	7,994	»	»	»
1 вспомогательная касса	15,258	»	»	»
1 церковь	17,722	»	»	»
1 сберегательная касса	35,191	»	»	»
1 богадѣльня	54,037	»	»	»
1 больница	1,010,000	»	»	»
1 учащійся на	130	»	»	»
1 должностное лицо	218	»	»	»
1 духовное лицо или церковно-служитель	378	»	»	»
1 повивальная бабка	1,830	»	»	»
1 наставникъ или наставница	6,978	»	»	»
1 фельдшеръ	30,606	»	»	»
1 врачъ	101,508	»	»	»

Далѣе г. Корсакъ говоритъ о промышленномъ и торговомъ законодательствѣ:

«Промышленная и торговая дѣятельность связана множествомъ стѣснительныхъ учреждений которыя, въ послѣднее время, обратили на себя вниманіе правительства и составляютъ предметъ разсужденій специальныхъ комиссій. Изъ постановленій, не прямо касающихся промышленности и торговли, особенно тяжело отзываются на той и другой круговая порука при отправленіи рекрутской повинности и уплатѣ подушной, и паспортная система. Круговая порука, которая нисколько не предотвращаетъ недоборовъ въ податяхъ и не можетъ замѣнить хорошей системы налоговъ, служить только къ ограниченію свободы передвиженія и свободы приложенія труда къ производству. Паспортная система соединена съ огромной тратой времени и денегъ и даетъ только безчисленные поводы къ вмѣшательству чиновниковъ въ дѣла промышленника, къ штрафамъ, арестамъ и т. п. Объ откупной системѣ и вліяніи ея на промышленность было уже сказано. Здѣсь мы сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія о цехахъ, гильдіяхъ, о таможенномъ тарифѣ, какъ о предметахъ, прямо относящихся къ промышленному и торговому законодательству.

«Ремесленные постановленія въ Россіи (за исключеніемъ Остзейскихъ и отчасти западныхъ губерній) не имѣли исторической основы, а были почти дѣйlichemъ заимствованы у западныхъ государствъ еще въ прошломъ столѣтіи. Это учрежденіе имѣло можетъ быть (что впрочемъ весьма сомнительно), въ свое время полезное вліяніе на наши ремесленные сословія: но съ тѣхъ поръ какъ фабрично-ремесленное производство сдѣлало у насъ нѣкоторыя успѣхи, цеховыя учрежденія обратились прямо въ стѣсненія для промысловъ. На основаніи дѣйствующихъ постановленій, различіе между фабриками и ремеслами сопровождается важными различіями въ значеніи и правахъ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній. Содержатели фабрикъ и заводовъ должны быть записаны

въ гильдіи, но лица, вновь учреждающія фабрики и заводы, должны записываться въ извѣстный цехъ и обязаны подчиняться цеховымъ постановленіямъ. Къ этимъ двумъ главнымъ родамъ заведеній слѣдуетъ причислить такъ-называемыя *домашнія заведенія*, содержатели которыхъ (мѣщане и крестьяне) освобождаются и отъ гильдейскихъ платежей и отъ записки въ цеха. При такомъ различіи правъ и обязанностей этихъ заведеній, законодательство не опредѣляетъ точно ихъ взаимныхъ границъ; единственнымъ разграниченіемъ ремесль отъ фабрикъ онъ признаетъ ручную работу. Ремесленные управы, для усиленія ремесленныхъ сборовъ, простирали свои требованія о запискѣ въ цехъ не только на домашнія заведенія или малыя фабрики, содержатели которыхъ вовсе освобождены отъ взятія гильдейскихъ свидѣтельствъ, но и на фабричныя и заводскія заведенія, снабженныя льготными свидѣтельствами, и даже на признанныя фабрики, подъ тѣмъ предлогомъ, что на нихъ работа производится ручнымъ способомъ, и что есть цехи одинаковаго съ ними названія. Онѣ произвольно размножали число цеховъ и безъ разбора примѣняли къ нимъ нѣсколько не сходныя производства ¹⁾, не только ремесленные, но и фабричныя, стараясь включить въ кругъ своего вѣдѣнія всю мелкую фабричную и заводскую промышленность. Мелкій фабрикантъ, попавшій однажды въ цехъ, съ трудомъ уже можетъ выбраться изъ него и поступить на фабричное положеніе, расширивъ производство, тѣмъ болѣе, что полученіе свидѣтельства на званіе фабриканта или заводчика сопряжено съ сложными формальностями и потерю времени. Притомъ цеховыя формальности, отвлекая рабочихъ отъ дѣла, затрудняя хозяевъ, служатъ поводомъ къ явнымъ неудовольствіямъ и спорамъ. Коммиссія, назначенная въ 1860 г. для изслѣдованія этого вопроса, убѣдилась въ необходимости кореннаго измѣненія промышленныхъ постановленій, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ и уничтоженіе цеховъ.

«Гильдіи имѣютъ не только матеріальное, но и нравственно вредное вліяніе на торговлю и на торговцевъ. По крайней неравномѣрности налога, онѣ стѣсняютъ чрезмерно мелкихъ торговцевъ и чрезмерно облегчаютъ большихъ ко вреду малыхъ. Этотъ вопросъ также занимаетъ правительство. Какими стѣсненіями для торговли долженъ отзвѣтываться тарифъ, можно видѣть уже изъ того, что изъ 311 статей его, обложенныхъ привозною пошлиной, 99 дали въ 1859 г. 19,425,000 р. дохода или 87%₀ (всего получено по европейской торговлѣ 22,358,000), а 212 статей — 2,933,000, то есть 13%₀. Есть десятки статей, которыя доставляютъ дохода лишь по нѣсколькимъ копѣекъ въ годъ. Провозъ товаровъ черезъ таможи обставленъ не менѣе стѣснительными формальностями. Таможенное законодательство также преобразовывается.

«Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на многія сословныя и личныя привилегіи, на слабость и шаткость кредитнаго законодательства, которое дѣлаетъ чрезвычайно затруднительнымъ взисканіе по разнымъ обязательствамъ и этимъ сильно подрываетъ кредитъ, — и на безчисленные поводы къ вмѣшательству полиціи въ промышленныя и торговыя дѣла, которое уничтожаетъ возможность правильныхъ расчетовъ

¹⁾ „Въ 1850 г. въ числѣ 35 цеховъ, состоявшихъ при санктпетербургской ремесленной управѣ, между прочимъ поименованъ цехъ ситцепечатный, съ причисленіемъ къ нему производствъ: шпалернаго, клееночнаго и резиновыхъ вещей; въ цехъ малярный занесены табачное и сургучное производства; въ цехъ колбасный — помадное, горчичное и ваксальное производства; въ цехъ шорный — ватное и придильное. Въ 1857 г. въ числѣ 24 цеховъ, состоявшихъ при московской ремесленной управѣ, были: цехъ ленточный, къ которому отнесены заведенія красильныя и ткацкія, кумачный — съ крашеніемъ и чищеніемъ суконъ и матерій и ткачествомъ; въ цехъ мѣдный причислено дѣланіе оптическихъ инструментовъ, производство жестяное и оловянное; къ цеху каретному причислены: выдѣлка обручей, бочекъ, четвериковъ; къ цеху кузнечному — дѣланіе физическихъ и математическихъ инструментовъ“.

въ предприятияхъ, а многихъ лицъ совершенно удерживаетъ отъ промышленной дѣятельности. Эти поводы порождаются впрочемъ не однимъ только торговымъ и промышленнымъ законодательствомъ, но общимъ характеромъ администраціи, которая даетъ слишкомъ мало простора для частной дѣятельности. Въ этомъ случаѣ упрекъ, дѣлаемый Франціи за ея чрезмѣрную централизацию, чуть ли не въ большей степени прилагается къ намъ, особенно, если принять въ расчетъ различіе въ степени развитія и добросовѣстности исполнителей.

Изъ этихъ выписокъ читатель можетъ видѣть, какихъ трудовъ и хлопотъ должно было стоить собраніе и обнародованіе статистическихъ данныхъ, сообщаемыхъ русской публикѣ г. Корсакомъ, и какъ важна «Статистика» Кольба въ русскомъ переводѣ.

Въ изъявленіе признательности.

ПИСЬМО КЪ Г. З—НУ.

Прочитавъ статью вашу въ январской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», хотѣлъ я, милостивый государь, просить у васъ свиданія, чтобы въ частномъ разговорѣ раскрыть вамъ глаза на неловкость, сдѣланную вами въ этой статьѣ. Но скоро я передумалъ: вы отличились публично; стало быть публично надобно и показать вамъ, какъ вы отличились.

Вы имѣете на дѣятельность Добролюбова взглядъ, различный отъ нашего; это еще не заставило бы меня входить съ вами въ нренія: наше мнѣніе не такъ важно, чтобы кому нибудь стоило обращать на него вниманіе. Но есть въ вашей статьѣ нѣсколько строкъ, претендующихъ опредѣлить мое отношеніе къ Добролюбову, съ похвальными эпитетами мнѣ. Вы хотите засвидѣтельствовать для исторіи литературы фактъ, который былъ бы очень почетенъ для меня; если я оставлю ваши слова безъ отвѣта, то должно показаться, что я безъ возраженій принимаю ихъ за правду. Такую роль я не могу взять на себя.

На страницахъ 38 и 39 вашей статьи вы говорите, что въ литературномъ кругу, къ которому принадлежалъ Добролюбовъ, былъ человекъ, болѣе его замѣчательный по дарованіямъ; этого человека вы почитаете учителемъ Добролюбова; вы приписываете этому человеку энергію убѣжденія, гораздо большую той, какую находите въ Добролюбовѣ. На 34 стр. вы о томъ же человекѣ говорите: «мы совершенно искренно уважаемъ нѣкоторыхъ изъ друзей покойнаго—бова, въ особенности одного, о лицемѣрномъ непризнаніи заслугъ котораго, мы, кажется, первые сказали, что оно переступило мѣру». Очевидно, что вы тутъ упоминаете статью обо мнѣ, помѣщенную въ одной изъ осеннихъ книжекъ вашего журнала за прошлый годъ. Очевидно, что подъ человекомъ, который былъ учителемъ Добролюбова, превосходитъ его талантомъ и энергіею, вы разумѣете меня. Это принуждаетъ меня разъяснить вамъ мои отношенія къ развитію образа мыслей Добролюбова, сказать, какъ представляется мнѣ самому отношеніе моихъ силъ къ силамъ его и какая разница дѣйствительно существуетъ, по степени энергіи, между мною и имъ.

Учителемъ Добролюбова я не могъ быть, во-первыхъ, уже и потому, что не былъ его учителемъ никто изъ людей, писавшихъ по-русски. Довольно

много пользы принесли ему статьи Бѣлинскаго и другихъ людей того литературнаго круга. Но не подѣ ихъ главнымъ вліяніемъ сложился его образъ мыслей. Поступивъ въ Педагогическій институтъ лѣтомъ 1853 г. онъ скоро привыкъ читать книги по-французски, а съ нѣмецкими книгами началъ знакомиться еще до поступленія въ институтъ. Если же даровитый человѣкъ въ рѣшительные для своего развитія годы читаетъ книги нашихъ общихъ западныхъ великихъ учителей, то книги и статьи, писанныя по-русски, могутъ ему нравиться, могутъ восхищать его (какъ и Добролюбовъ восхищался тогда нѣкоторыми вещами, писанными по-русски), но ни въ какомъ случаѣ не могутъ уже онѣ служить для него важнѣйшимъ источникомъ тѣхъ занятій и понятій, которыя почерпаетъ онъ изъ чтенія. Что же касается вліянія моихъ статей на Добролюбова, этого вліянія не могло быть даже и въ той, не очень значительной степени, какую могли имѣть статьи Бѣлинскаго. Я не имѣлъ тогда важнаго вліянія въ литературѣ. Въ доказательство сошлюсь на «Современникъ» 1855 и 1856 гг. Пересмотрѣвъ эти годы журнала, вы увидите незначительность и неопредѣленность тогдашней моей роли. Когда же это успѣлъ я до появленія Добролюбова въ литературѣ пріобрѣсти такой замѣтный голосъ въ ней, чтобы могли тогда быть у меня ученики? Вѣдь Добролюбовъ началъ помѣщать статьи въ «Современникъ» съ половины того же 1856 г.

Для человѣка сообразительнаго было бы довольно фактовъ, отпечатанныхъ курсивными и заглавными шрифтами въ оглавленіяхъ тогдашняго «Современника». Но для васъ, милостивый государь, быть можетъ мало имѣть факты, къ которымъ самому надобно прилагать нѣкоторое соображеніе; быть можетъ вамъ необходимы готовыя пережеванные заключенія. Вы могли бы слышать ихъ отъ каждаго, имѣющаго близкія свѣдѣнія объ отношеніяхъ Добролюбова ко мнѣ. Число этихъ людей не такъ мало, чтобы не приводилось встрѣчаться съ ними каждому, находящемуся въ порядочномъ литературномъ кругу. Я долженъ заключить, милостивый государь, что или вы совершенно чужды ему, или не умѣете понимать разговоровъ, въ которыхъ участвуете. Но въ томъ и другомъ случаѣ все-таки остается неизвинительна ваша опрометчивость. Вы имѣли въ печати прямое мое свидѣтельство о фактѣ, который совершенно опровергаетъ вашу фантазію, будто я былъ учителемъ Добролюбова. Г. Пятковский вскорѣ по смерти Добролюбова напечаталъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ» его некрологъ, въ которомъ прямо говорилъ, что біографическія данныя о Добролюбовѣ получилъ отъ меня. Тутъ рассказываетъ онъ между прочимъ, что, когда Добролюбовъ познакомился со мною, его образъ мыслей уже былъ вполне установленный; стало быть съ этой стороны я не могъ имѣть на него вліянія. Всякому другому на вашемъ мѣстѣ, милостивый государь, было бы понятно, что въ этомъ случаѣ г. Пятковский основывается на моемъ собственномъ признаніи.

Вамъ не случилось знать или не удалось понять ничего этого; иначе не могла бы вамъ придти въ голову фантазія, будто я былъ учителемъ Добролюбова. Но вы оказываетесь незнающимъ и не умѣющимъ понимать уже не какихъ нибудь частныхъ фактовъ, а и ровно ничего, когда фантазируете объ отношеніяхъ моихъ дарованій къ дарованіямъ Добролюбова. Положимъ, вы не заглядывали въ «Современникъ» 1855—1856 годовъ, положимъ, вы не читали

того, что писалось о Добролюбовѣ по его смерти; положимъ, вамъ не случилось встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ людей порядочнаго литературнаго круга, — ни изъ «Отечественныхъ Записокъ» или «Русскаго Слова», ни изъ «Времени» или «Современника»; но все-таки вѣдь читали же вы какія-нибудь статьи Добролюбова и какія-нибудь мои статьи; вы сами говорите, что читали многія изъ нихъ. Какъ же могли вы не замѣтить, что слишкомъ смѣшно ставить написанное мною выше написаннаго имъ.

Съ той поры, какъ Добролюбовъ могъ безпрепятственно отдаться литературной дѣятельности до самаго отъѣзда его за границу, я не писалъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ писалъ онъ. Я уже не разбиралъ ни одной беллетристической книги и ни одной книги по предметамъ, имѣющимъ близкую связь съ русскою жизнью. Отчего это могло происходить? Неужели ни разу въ эти три съ половиною года не приходила мнѣ охота написать что нибудь по этой отрасли дѣла, по которой прежде писалъ я постоянно и иногда не безъ внутренняго влеченія къ такой работѣ? Нѣтъ, я просто понималъ, что для меня было бы невыгодно, если бы мои статьи могли быть сближаемы съ статьями Добролюбова для сравнительной оцѣнки насъ обоихъ. Поэтому я старался и вовсе не писать для отдѣла критики и библиографіи; а когда Добролюбовъ говорилъ мнѣ, что онъ не успѣетъ наполнить этихъ отдѣловъ въ какой нибудь книжкѣ журнала и что нужна для нихъ моя статья, я бралъ предметы, не входившіе въ кругъ его обыкновенныхъ работъ, писалъ, напримѣръ, объ Англіи и Франціи по поводу книги г. Чичерина, или о Тюрго по поводу диссертациі г. Муравьева. Даже въ первую половину прошлаго года, — когда онъ, оставаясь за границею, уже не имѣлъ подъ руками новыхъ русскихъ книгъ и потому необходимо стало мнѣ писать для отдѣла критики, — я все-таки не писалъ ничего о беллетристическихъ книгахъ и о сочиненіяхъ по тѣмъ отраслямъ литературы, которыми прежде занимался онъ. Я хотѣлъ избѣгать невыгоднаго для меня сравненія, надѣясь, что онъ возвратится къ намъ поправившись здоровьемъ, и возобновитъ свою дѣятельность.

Всѣмъ извѣстно, что черезъ годъ или меньше по началѣ своего постоянного сотрудничества, къ лѣту 1858 года, или даже нѣсколько раньше, Добролюбовъ имѣлъ ужъ преобладающее вліяніе въ журналѣ. Почему это могло быть, когда тутъ былъ и я? Я не могу объяснять этого ничѣмъ другимъ, кромѣ его превосходства. Слава-Богу, настолько-то все же есть у меня ума и добросовѣстности, чтобы понимать подобные факты.

Но, если вамъ мало моего собственнаго сужденія объ этомъ предметѣ, вы могли бы, милостивый государь, узнать то же самое отъ кого вамъ угодно изъ людей не совсѣмъ глупыхъ и не совсѣмъ ничего не знающихъ о «Современникѣ». Они рассказали бы вамъ слѣдующіе факты: когда Добролюбовъ только-что началъ писать въ «Современникѣ», его статьи приписывались мнѣ, — но съ прибавками, не лестными для моего самолюбія. «Изъ вашихъ статей въ нынѣшней книжкѣ самая удачная вотъ такая-то», говорилъ мнѣ какой нибудь знакомый и называлъ статью не мою, а Добролюбова. Но очень недолго было время, когда статьи Добролюбова смѣшивались съ моими. А въ концѣ 1858 и въ началѣ 1859 годовъ уже не было ни одного человѣка въ порядочныхъ литературныхъ кругахъ, который не выражался бы въ томъ смыслѣ, что Добролю-

бовъ—самый сильный талантъ въ «Современникѣ». Нашъ кругъ зналъ это и гораздо раньше. Изъ этого вы можете видѣть, милостивый государь, какъ не вѣрны ваши слова, будто бы мы считали его «меньшимъ изъ своихъ братіи, второстепеннымъ человѣкомъ своего кружка» (стр. 30) и будто бы «друзья покойнаго—бова ни при его жизни, ни послѣ его смерти, никогда не могли думать о—бовѣ, чтобы онъ былъ первымъ человѣкомъ между ними, или даже вторымъ, или даже третьимъ» (стр. 31). Мы не были, милостивый государь, такъ тупы и глупы, чтобы не считать его первымъ человѣкомъ въ своемъ кругу. Но вы можете не повѣрить моему свидѣтельству. Сообщу же вамъ два изъ многихъ случаевъ, бывшихъ со мной. Первый изъ нихъ относится къ концу 1858 г. Я сидѣлъ у г. Кавелина, въ домѣ котораго Добролюбовъ сталъ близкимъ человѣкомъ съ начала того года. «Странное дѣло», сказалъ мнѣ между прочимъ г. Кавелинъ—«я не могу чувствовать къ Добролюбову того мирнаго расположения, какъ, напримѣръ, къ вамъ. Отчего это? образъ мыслей у насъ, повидимому, одинаковъ; а какъ человѣкъ онъ—превосходнѣйшій человѣкъ; мое мнѣніе о его сердцѣ и характерѣ доказывается тѣмъ, что я допустилъ его совершенно овладѣть мыслями моего сына, чего не сдѣлалъ бы, еслибъ могъ считать что нибудь дурнымъ въ Добролюбовѣ. Но отчего же я чувствую, что онъ совершенно чуждъ мнѣ, между тѣмъ, какъ напримѣръ вы не вовсе чужды?»—Я сказалъ тогда: «это оттого, что въ Добролюбовѣ нѣтъ тѣхъ слабостей и шаткостей въ мысляхъ и характерѣ, которыя даютъ вамъ нѣкоторыя точки опоры, чтобы притягивать мой образъ мыслей и поступковъ въ нѣкоторое согласіе съ вашими требованіями. Взглядъ его тверже и яснѣе, чѣмъ у меня, потому не остается для васъ возможности понимать его въ вашемъ смыслѣ, какъ можете вы въ значительной степени дѣлать съ моимъ взглядомъ».—«Да», сказалъ г. Кавелинъ съ искренностью чувства, которое влечетъ къ нему, какъ къ человѣку, сколько бы ни желалъ иной разъ посердиться на него,—«да», сказалъ онъ, вотъ вы принадлежите къ поколѣнію, которое должно идти дальше нашего, а поколѣніе Добролюбова должно находиться въ такомъ же отношеніи къ вашему; между вами и нами есть связь; между вами и имъ тоже есть связь; а между нами и имъ видно уже нѣтъ связи. Чтожъ дѣлать? Это грустно для насъ; но такъ нужно для прогресса».—Сходный съ этимъ разговоръ имѣлъ я черезъ нѣсколько времени, въ началѣ 1860 г., съ г. Тургеневымъ. Это было на первомъ литературномъ чтеніи въ пользу «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Члены комитета этого общества и лица, участвовавшіе въ чтеніи, собрались въ галлереяхъ, окружающихъ залу Пассажа, гдѣ происходило чтеніе. Въ одной изъ нихъ случилось какъ-то остаться тремъ или четверымъ изъ насъ, въ томъ числѣ г. Тургеневу и мнѣ. Онъ былъ тогда недоволенъ одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе спора со мною о ней сказалъ: «васъ я могу еще переносить, но Добролюбова не могу».—«Это оттого, сказалъ я, что Добролюбовъ умнѣе и взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже».—«Да, отвѣчалъ онъ съ добродушной шутливостью, которая очень привлекательна въ немъ,—«да, вы—простая змѣя, а Добролюбовъ—очковая змѣя». Вотъ вамъ, милостивый государь, два случая, показывающіе, какъ понимались отношенія мои къ Добролюбову. Вы можете видѣть изъ нихъ, что онъ давно уже счи-

тался самым полным представителем того направления, которое далеко не съ такою опредѣленностью и силою выражалось во мнѣ.

Для совершенной точности опредѣленія долженъ я прибавить еще третье слово: и далеко не съ такою непреклонностью. Для объясненія этой прибавки слѣдуетъ коснуться личныхъ характеровъ Добролюбова и моего, насколько нужно для показанія вамъ, какъ смѣшна ваша догадка, будто Добролюбовъ уступалъ мнѣ энергіею натуры. У меня характеръ уклончивый до фальшивости; это свойство, сходное съ мягкостью въ личномъ обращеніи, можетъ очаровывать моихъ знакомыхъ; дѣйствительно ли очаровываетъ или возбуждаетъ въ нихъ нѣкоторую долю презрѣнія, я не знаю. Но какъ бы то ни было, вы согласитесь, что при такомъ изгибающемся, податливомъ характерѣ никакъ не могу я сравниваться энергіею чувства съ людьми прямого и, сказать безъ церемоній, честнаго характера. Въ Добролюбовѣ такого, какъ во мнѣ, недостатка рѣшительно не было.

Вотъ, милостивый государь, кончены мои объясненія для васъ, и остается начинать заключительную часть письма съ обычнымъ ея содержаніемъ,—изъявленіемъ чувствъ пишущаго къ получающему письмо.

Вы принудили меня въ опроверженіе вашихъ вздорныхъ соображеній выставить самому такіа черты моей литературной дѣятельности и моего личнаго характера, которыми не слишкомъ доволенъ я самъ. Человѣкъ, принужденный выставить свои слабости и недостатки, досадуетъ на того, кто принудилъ его къ этому.

Вы наговорили мнѣ комплиментовъ, очень пошло отзываясь о статьяхъ Добролюбова, которые лучше моихъ. Какое чувство должно было родиться во мнѣ отъ этого? «Вотъ господинъ, который не въ состояніи цѣнить дѣйствительно хорошаго; а мои статьи онъ высоко цѣнитъ. Что же это значитъ? Есть молодцы, которымъ не нравится Гоголь; эти молодцы хвалятъ повѣсти гр. Соллогуба и комедіи г. Львова: неужели отъ подобнаго свойства моихъ статей произошли похвалы имъ со стороны г. З—на?»—Это неизбежное впечатлѣніе отъ вашей статьи было для меня очень оскорбительно.

А вѣдь по всему видно, что вы вовсе не хотѣли оскорбить меня,—напротивъ, вы ждали, что я буду очень доволенъ. Вы не могли сообразить, въ какое положеніе меня ставите. Я проникаюсь состраданіемъ къ вашей умственной слабости.

Но состраданіе мое, смѣшанное съ досадою и чувствомъ обиды, соединяется,—извините это рѣзкое слово,—соединяется съ отвращеніемъ. Ругаясь надъ мертвымъ, лѣстить живому! Да впрочемъ понимали ли вы, что именно это вы дѣлаете?

Самозванные старѣйшины.

На дняхъ попалась мнѣ въ руки брошюра: «Къ сербамъ. Посланіе изъ Москвы». Подъ посланіемъ этимъ выставлены подписи: «Алексѣй Хомяковъ, Михаилъ Погодинъ, Александръ Кошелевъ, Иванъ Вѣляевъ, Николай Елагинъ, Юрій Самаринъ, Петръ Везоновъ, Константинъ Аксаковъ, Петръ Бартеневъ, Ѳедоръ Чпжовъ, Иванъ Аксаковъ»; на другой страницѣ тѣ же подписи выставлены въ сербской формѣ,—напримѣръ, «Георгіе Самаринъ, Іованъ Аксаковъ» и т. п.; посланіе напечатано на двухъ языкахъ,—въ русскомъ текстѣ и въ сербскомъ переводѣ. Наборъ подписей показываетъ, что брошюра хочетъ явиться передъ сербами выраженіемъ мнѣнія не отдѣльнаго лица, а цѣлой группы русскаго общества или и цѣлаго русскаго общества. Это заставляетъ насъ обратить на нее вниманіе.

Посланіе писано въ 1860 г. по поводу того, что въ сербскомъ княжествѣ народъ, прогнавъ прежняго князя, измѣнявшаго національнымъ интересамъ, возвратилъ власть Милошу, своему любимцу. Лица, подписавшія посланіе, поздравляютъ сербовъ съ этою переменою и говорятъ, что радуются за нихъ, какъ за своихъ кровныхъ братьевъ: «для насъ, сербы (говорятъ подписавшіяся лица), вы земные братья по роду и духовные братья по Христу. Намъ любезенъ языкъ, звучащій одинаково» и т. д.,—далѣе быть можетъ и все вѣрно, но въ приведенныхъ строкахъ есть странная вещь. Каждому извѣстно, что сербскій типъ вовсе не сходенъ съ русскимъ. Мы русскіе, то есть народъ, занимающій бассейны Волги и Оки съ прилежащими странами,—мы люди блѣдые, широколицые, а сербы—народъ смуглый, съ римскими носами. Сербъ больше похожъ лицомъ на итальянцевъ, чѣмъ на насъ; мы болѣе похожи лицомъ на финновъ или даже на нѣмцевъ, пожалуй хотъ на шведовъ или англичанъ, чѣмъ на сербовъ. Что мы съ сербами кровные братья, это правда; но зачѣмъ же подтверждать правду ссылкой на сходство по лицу, котораго нѣтъ?—По сочувствію къ вамъ, сербамъ, продолжаютъ подписавшіеся, «да будетъ позволено намъ, вашимъ братьямъ, любящимъ васъ любовью глубокою и искреннею, обратиться къ вамъ съ нѣкоторыми предостереженіями и совѣтами. Мы старше васъ въ дѣйствующей исторіи»,—здѣсь опять надо пріостановиться. Во-первыхъ, что это такое *дѣйствующая* исторія? По-русски понять нельзя,

справимся съ сербскимъ переводомъ; въ немъ сказано: «ми емо старѣи одъ васъ у исторіи», то есть просто: «мы старше васъ въ исторіи», ну это понятно. Однакоже, какъ это мы русскіе старше сербовъ въ исторіи? Вѣдь на самомъ-то дѣлѣ сербы являются въ исторіи нѣсколькими вѣками раньше, чѣмъ мы. Справьтесь-ко у Шафарика, когда начинаютъ упоминать о сербахъ византийцы? Не хорошо хвастаться старшинствомъ, когда самъ моложе. Или «глубина и искренность любви» состоитъ въ самохвальствѣ и въ желаніи сдѣлать младшимъ передъ нами того, кто старше насъ и кого мы увѣряемъ въ своей любви? Не прикрывается ли тутъ именемъ любви просто кичливость?

Итакъ подписавшіеся, неосновательно присвоивъ себѣ старшинство, начинаютъ давать сербамъ предостереженія и совѣты не какъ равные равнымъ, а какъ старшіе младшимъ. Посмотримъ, каковы эти предостереженія. Первое направлено противъ—чего бы вы думали?—противъ гордости. «Первая и величайшая опасность» для сербовъ, по мнѣнію подписавшихся старѣйшинъ, «заключается въ гордости». Для человѣка, какъ и для народа, возможны три вида гордости: гордость духовная, гордость умственная и гордость вѣншихъ успѣховъ и славы. «Во вѣхъ трехъ видахъ она можетъ быть причиною совершеннаго паденія человѣка или гибели народной, и въ три встрѣчаемъ мы въ исторіи и въ мірѣ современномъ». Вредъ гордости духовной можно видѣть на нынѣшнихъ грекахъ; отъ умственной гордости погибаютъ «всѣ западные народы: ослѣвленные своими успѣхами, они сдѣлались вполнѣ равнодушными къ высшему благу—вѣрѣ»—позвольте, здѣсь опять надобно остановить васъ, гг. старѣйшины. Какой же это пзъ западныхъ народовъ сдѣлался «вполнѣ равнодушнѣ» къ вѣрѣ: нѣмцы ли, у которыхъ протестантская часть въ своей массѣ такъ набожна, а католическая во всемъ слушается своего духовенства? въ Баваріи или въ Тиролѣ нашли вы равнодушіе къ вѣрѣ? или равнодушны къ вѣрѣ англичане или ирландцы? да и въ самой Франціи масса поселянъ развѣ не въ рукахъ клерикальной партіи? Нѣтъ, господа старѣйшины, слишкомъ еще рано вамъ говорить о равнодушіи къ вѣрѣ въ массахъ западныхъ народовъ. Скорѣе можно было бы находить и на западѣ въ массахъ излишекъ сектантской нетерпимости и еувѣрія. Напрасно вы рассказываете сербамъ неправду. Но слушаемъ далѣе: они (рѣчь идетъ о вѣхъ западныхъ народахъ) «сдѣлались врагами човѣчества»—да, именно такъ и напечатано на стр. 14. Это хорошо; но заглянемъ въ сербскій переводъ, такъ ли тамъ. «Они сѣ постави неприятельи човѣчанства»—да, и по-сербски то же самое. Вотъ это уже очень дурно. Говорить дикія пошлости въ своемъ домашнемъ русскомъ кругу,—это бы еще ничего: русскіе знаютъ, что думать о г. Погодинѣ и его товарищахъ; но что, если сербы, услышавъ отъ нихъ такую фразу, почтутъ ихъ за представителей русскаго образа мыслей? Вѣдь мы станемъ въ глазахъ сербовъ страннѣе китайцевъ. Продолжаемъ слушать самозванныхъ старѣйшинъ. «Горькій опытъ слишкомъ ясно доказалъ славянамъ», по словамъ старѣйшинъ, что всѣ западные народы враги човѣчества. Но итальянцы, португальцы, испанцы, французы, бельгійцы, англичане, шотландцы, ирландцы, датчане, норвежцы, вѣроятно, вѣдь тоже западные народы; когда же какой вредъ дѣлали они славянамъ? Умыслить тутъ былъ очевидно на однихъ нѣмцевъ; такъ зачѣмъ же было приплетать къ нимъ всѣ западные народы? Вѣдь эдакъ я, пожалуй, скажу, что всѣ азіатцы

говорять по-арабски или что вся Америка говорит по-испански. Что же за охота рассказывать пустяки.

Но охаявши всё западные народы, наши старѣйшины выпадаютъ въ раскаяніе: мы, говорятъ они, «не можемъ скрыть и своей вины»: мы гордились своею «вещественною силою, которою мы были отлечены передъ другими народами, и не думали о духовномъ усовершенствованіи»; но теперь, прибавляютъ они, «мы покаялись» и обратились къ «смирению». А если «обратились», такъ что же вы еуетесь къ другимъ съ своими совѣтами и предостереженіями? Развѣ покаянiе и смиренiе состоятъ въ томъ, чтобы напрашиваться въ совѣтники и руководители? «Нашимъ нечистымъ рукамъ не предоставитъ Богъ совершить чистое дѣло облегченiя участи» юговосточныхъ славянъ. Ну, коли руки у васъ не чисты, то не хватайте ими людей болѣе чистыхъ, каковы по вашему, да и по нашему мнѣнію—сербы. А коли и самъ Богъ не предоставляетъ вамъ хватать ихъ съ усѣхъомъ, такъ ужъ и бросьте эту заманку, за которую, по вашимъ же словамъ, «Богъ поразилъ» васъ.

Такъ вотъ, заключаютъ наши старѣйшины, не впадайте въ тройственную гордость, братіе наши сербы, и держитесь «братолюбiя». Что жъ, это хорошо. Только не стоило изъ-за этого писать посланіе на двухъ языкахъ. Сербы, пожалуй, ждали отъ васъ совѣта, имѣющаго близкое соотношеніе съ ихъ частными обстоятельствами; а вы имъ проповѣдуете пользу смиренiя и братолюбiя. Этакъ я, пожалуй, стану писать увѣщательныя посланiя къ какимъ хотите народамъ, напримѣръ: «милыя братья, бельгійцы! Будьте смиренны и братолюбивы»,—и, пожалуй, переводъ сдѣлаю на ихъ языкъ; точно также обращусь и къ чувашамъ, и къ англичанамъ, и къ бразильцамъ, и къ мадагаскарцамъ: «милые братья, будьте смиренны и братолюбивы». А написавши дюжину такихъ посланiй, обращусь къ нашимъ старѣйшинамъ и возглашу имъ: «милые братья! будьте братолюбивы; скажите мнѣ, прилично ли человѣку въ здоровомъ умѣ обращаться къ цѣлымъ народамъ съ нравоученіями, которыя у каждаго народа давно уже написаны въ его азбукахъ и изъ которыхъ нельзя выжать ничего живого»? Но слушаемъ далѣе: «милые братья сербы», говорятъ имъ наши московскіе старѣйшины: «сколько въ лѣтописяхъ вашихъ междоусобнаго кровопролитiя, братоубiйствъ и даже отцеубiйствъ, чѣмъ и язычники гнушаются!» А вѣдь это все «пороки»,—хорошъ «перокъ», отцеубiйство!—По русски-то говорить выучились бы вы, милые московскіе братья.—За такіе пороки «Господь Богъ наказываетъ», назидаютъ наши старѣйшины сербовъ.—Вотъ въ самомъ дѣлѣ новость-то сказали они сербамъ, что Господь Богъ не велитъ сыну убивать отца. А не мѣшало бы тоже объясниться относительно другихъ «пороковъ», что, дескать, и людоедство дѣло не хорошее, и идолопоклонство не хорошо;—да помилуйте, преданы ли сербы такимъ «порокамъ»? Развѣ они, въ самомъ дѣлѣ, имѣютъ что ли привычку рѣзать своихъ отцовъ, какъ барановъ, или занимаются междоусобіями? Вѣдь то, отъ чего вы предостерегаете сербовъ, было еще при Стефанѣ Душанѣ и до него, въ тѣ времена, какъ русскіе поклонялись «Хорсу, и Мокоши, и Симарглу, и Впямъ, и Берегынѣмъ!» Какое отношеніе подобная давнымъ-давно забытая народомъ старина имѣетъ къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ? «Это говоримъ мы» (то есть предостерегаемъ васъ, сербы, отъ порока отцеубiйства) «конечно не съ тѣмъ, чтобы оскорбить васъ,

нашихъ дорогихъ и уважаемыхъ братій, но съ тѣмъ, чтобы, уразумѣвъ свои виды, вы стремились впередъ ко всякой добродѣтели», заключаютъ наши самозванные старѣйшины. Ахъ, ты, Господи милостивый!—да вѣдь этакъ, пожалуй, они могутъ и на насъ съ вамп, читатель, накинуться за то, что Святополкъ окаянный убилъ Бориса и Глѣба, да еще прибавить, чтобы мы не обижались этимъ назиданіемъ, а стремились впередъ ко всякой добродѣтели. Но укоривъ сербовъ за замѣченную въ нихъ наклонность къ отцеубійствамъ, наши старѣйшины не лишаютъ ихъ и своего одобренія. «Вы все-таки, говорятъ они, народъ хорошій (съ наклонностью-то къ отцеубійству?) и счастливый: сами вы еще не знаете, какъ вы счастливы, и какъ велики ваши преимущества передъ другими народами»,—такъ буквально и сказано «преимущества»,—ну, какъ же это научить людей смиренію, толкуя имъ, что они преимуществуютъ передъ другими людьми?—Такъ вотъ, говорятъ, мы укажемъ вамъ ваши преимущества и блаженство.

«Первое важнѣйшее и неоцѣнимое счастье ваше, сербы,—это единство ваше въ православіи, то есть въ высшемъ знаніи и въ высшей истинѣ, въ корнѣ всякаго душевнаго» и т. д.,—это все хорошо, только вотъ въ чемъ дѣло: именно этого-то единства и нѣтъ въ сербскомъ народѣ. Наши самозванные старѣйшины и наставники сербовъ забыли, что въ Боснѣ есть очень много сербовъ-мусульманъ. А еще вотъ что: чѣмъ отличаются отъ сербовъ кроаты? Вѣдь они чистѣйшіе сербы и по языку и по всему, а разнятся отъ другихъ сербовъ только своимъ католическимъ исповѣданіемъ. Да вѣдь этакъ, пожалуй, я скажу, что все нѣмцы—протестанты; надобно только будетъ не считать нѣмцами тѣхъ племень нѣмецкаго народа, которые держатся католическаго исповѣданія. Точно такимъ способомъ наши старѣйшины достигаютъ возможности сказать сербамъ: «таково ваше единство въ вѣрѣ, что слова *сербъ* и *православный* кажутся однозначущими».

Слушайте же, что выходитъ изъ понятій, внушаемыхъ сербамъ самозванными русскими старѣйшинами: «здоровое общество гражданское основывается на понятіи его членовъ о братствѣ, правдѣ, судѣ и милосердіи: а эти понятія не могутъ быть одинаковыми при различныхъ вѣрахъ. И у христіанъ, кромѣ истинной православной церкви, нѣтъ ни исполнѣ яснаго понятія, ни исполнѣ искренняго чувства братства». Этого понятія не можетъ быть ни у панистовъ, ни у реформатовъ. «Оттого и славянинъ исполнѣ славянномъ внѣ православія быть не можетъ». Итакъ, не говоря уже о полякахъ, специально порицаемыхъ людьми подобнаго возрѣнія, лужичане, словаки, чехи, хорутане, кроаты не должны считаться исполнѣ славянами. Каково чувство славянской любви у господъ держащихся такого взгляда! Но они хороши тѣмъ, что не хотятъ оставлять своихъ прекрасныхъ чувствъ только безплодными чувствами,—они совѣтуютъ сербамъ устроить государственнй бытъ по этимъ понятіямъ, совершенно соответствующимъ духу паны Иннокентія III-го, такъ отлично понимавшаго отношенія альбгойцевъ къ другимъ французамъ. Кто не принадлежитъ къ православной церкви, говорятъ сербамъ наши старѣйшины, тотъ у васъ «да не будетъ уже ни законодательмъ, правительмъ, ни судьей, ни членомъ общественнаго схода: ибо пная совѣсть у него, пная у васъ. Поэтому иновѣрецъ не долженъ быть полноправнымъ гражданиномъ, или сыномъ великаго сербскаго дома, судящимъ съ братьями въ дѣлахъ общественныхъ».

Этими понятіями быть бы очень доволенъ герцогъ Альба; ими совершенно оправдывается Филиппъ II испанскій. Но въ нынѣшнее время они совершенно неудобопримѣнны. Возьмемъ самые простые случаи. Положимъ, у сербовъ война съ турками. Къ сербамъ являются храбрые волонтеры изъ Англіи, Франціи, изъ Чехіи: отвергнуть ли сербы готовность этихъ волонтеровъ умирать за святое дѣло сербской свободы? Неужели, напримѣръ, греки во время своей войны за независимость должны были отвергнуть Байрона и его друзей, которые вѣдь были не одного исповѣданія съ греками? А если иновѣрные волонтеры приняты на службу и находятся между ними отличные офицеры, то какъ же не дать имъ голоса въ военныхъ дѣлахъ? А вѣдь военныя дѣла связаны съ гражданскими дѣлами; стало быть и въ гражданскихъ дѣлахъ иновѣрные офицеры будутъ имѣть голосъ. Въ войскѣ необходимъ судъ. Кто офицеръ, тому въ военное время часто приходится играть роль судьи; слѣдовательно волонтеры будутъ и судьями. Нѣтъ, сербы не должны допускать этого по рѣшенію нашихъ старѣйшинъ; а не допустить этого нельзя иначе, какъ прогнавъ отъ себя волонтеровъ; и такъ волонтеры должны быть прогнаны. Любопытно было бы знать, какъ думаютъ наши старѣйшины о запорожскихъ козакахъ,—не отщепенцами ли отъ чистоты славянскихъ началъ, не врагами ли славянства представляются имъ запорожцы? Вѣдь запорожцы не разбирали, какой кто вѣры, лишь бы хотѣлъ онъ вѣрно стоять за козацкое дѣло: въ козацкихъ рядахъ бывали не только католики и реформаты, бывали даже соцініане.—Это о военныхъ дѣлахъ. Возьмемъ самый обыкновенный случай гражданского быта. Поселяется въ сербскомъ городѣ французскій или англійскій негоціантъ и покупаетъ себѣ домъ. Онъ не долженъ имѣть голоса въ городскихъ дѣлахъ. Другой случай: католикъ и католичка, живущіе въ сербскомъ городѣ, хотятъ повѣнчаться. Дозволенъ ли бракъ между ними, по законамъ католической церкви? Истолкователемъ католическихъ церковныхъ законовъ католическій священникъ долженъ имѣть православнаго судью или чиновника, потому что католики вѣдь не могутъ имѣть ни судебной, ни административной власти у сербовъ. Или, можетъ быть, и самая свадьба этихъ католиковъ по католическому обряду должна быть совершена православнымъ священникомъ? Оно по настоящему такъ и слѣдуетъ, изъ принципа нашихъ старѣйшинъ. Вѣдь бракъ есть актъ, касающійся гражданскихъ и общественныхъ отношеній; для его совершенія нужно лицо, власть котораго признавалась бы обществомъ; а сербское общество не должно признавать никакой власти ни за какимъ иновѣрцемъ. Да оно повидимому выходитъ такъ: крестить дѣтей католиковъ, вѣнчать католиковъ, хоронить ихъ долженъ будетъ православный священникъ. То же разумѣй и о всѣхъ другихъ иновѣрцахъ.

Трудная обязанность возлагалась бы на православнаго священника закономъ, составленнымъ по принципу нашихъ старѣйшинъ,—обязанность, которая противорѣчила бы его совѣсти: совершать обряды чуждыхъ ему исповѣданій,—католическаго, лютеранскаго, реформатскаго, совершать даже обряды мусульманскіе и языческіе. У насъ въ Россіи нѣтъ такого противоестественнаго требованія отъ нашихъ православныхъ священниковъ,—но по принципу нашихъ самозванныхъ старѣйшинъ это должно считаться одною изъ «нашихъ ошибокъ». Хотите ли знать другую нашу ошибку или, вѣрнѣе сказать, другое «наше

безуміе»? Извольте; это исторія длинная, но навѣрное она не будетъ скучна для васъ, потому что очень оригинальна.

«Извѣстно всѣмъ, что прежде императора Петра Перваго, берега Чернаго моря принадлежали Турціи, и только одно устье Днѣпра было въ рукахъ русскихъ казаковъ, нашихъ братьевъ запорожцевъ. Не было у нихъ кораблей, ни возможности строить корабли. На легкихъ челнокахъ, часто на одноподеревкахъ и душегубкахъ, пускались они въ бурное море, изстари страшное мореплавателямъ, страшное даже и теперь при всѣхъ усовершенствованіяхъ, и тысячами налетали на берега вѣчныхъ враговъ имени Христіанскаго. Отъ Батума до Цареграда гремѣла ихъ гроза. Трапезунтъ и Синопъ и самые замки Босфора дрожали передъ ними. Турецкіе флоты, смѣло гулявшіе по Средиземному морю, и не рѣдко грозившіе берегамъ Франціи, Италіи и Испаніи, прятались въ пристани предъ лодками запорожскими. Не изъ хвастливости, но по истинной правдѣ говоримъ мы: свидѣтелями намъ самыя турецкія лѣтописи и еще теперь незабытыя преданія. Не было въ цѣлой Европѣ ни одного народа, который могъ бы похвалиться такими дивными подвигами мужества на моряхъ,—и опять безъ хвастливости можемъ мы сказать, что люди сѣверные ничѣмъ не уступали своимъ южнымъ братьямъ. Не слѣдовало ли думать, что съ такими людьми русскій флотъ далеко превзойдетъ флоты другихъ народовъ, когда лодки замѣнятся могучими и сильно вооруженными судами? ¹⁾ Такой успѣхъ былъ вѣроятенъ. Смѣло скажемъ, онъ былъ несомнѣненъ, но ожиданія не сбылись ²⁾: въ этомъ должны мы признаться, не смотря на безспорное мужество нашихъ моряковъ. Отъ чего же такая неудача? отъ чего люди, далеко превосходившіе на морѣ всѣхъ своихъ соперниковъ, стали едва равными имъ? Причина весьма проста. Они стали не тѣми людьми, которыми были прежде. Императоръ Петръ началъ первый у насъ строить большія корабли по образцу голландскому (и за то ему честь и слава! : но къ разумному дѣлу онъ примѣшалъ страшное неразуміе. Названіе всѣхъ частей корабельныхъ, всѣ слова, относящіяся до мореходства, всѣ слова команды принялъ онъ также отъ голландцевъ. Какія же вышли послѣдствія? Этихъ нѣмецкихъ словъ, этихъ названій, вовсе бессмысленныхъ для русскаго уха и не представляющихъ ничего русскому уму, набрались тысячи. Теперь поступаетъ на корабль будущій морякъ, человекъ, котораго Богъ одарилъ и ловкостью и смѣлостью необычайною, человекъ, подобный тѣмъ, которые въ старые годы на узкихъ лодкахъ громили берега Чернаго моря, потрясали Царьградъ и уничтожали флоты турецкіе; но онъ теперь поступаетъ не въ моряки, а въ школьники. Ему надо твердить тысячи бессмысленныхъ и дико звучащихъ словъ,—и въ этомъ бессмысленномъ учепіи проходить года его горячей и живой молодости. Вмѣсто любви къ своему дѣлу, вмѣсто оытности моряка, онъ приобретаетъ равнодушіе, и даже какъ бы отвращеніе отъ своего занятія, отъ своего корабля, отъ самаго моря. Пройдутъ года, и морской богатырь обратится въ подумертвый нѣмецкій словарь. Правда, онъ будетъ исправлять свою обязанность, потому что онъ христіанинъ и русскій; но истинный морякъ уже погибъ въ немъ безвозвратно».

¹⁾ Милые братья русскіе, совѣтователи сербовъ! Неужели вы не понимаете, что изъ храбрости въ одномъ дѣлѣ никакъ не слѣдовало заключать объ успѣхахъ въ другомъ дѣлѣ, совершенно различномъ? Вѣдь плавать въ лодкахъ по побережью—это не имѣть ровно ничего сходнаго съ искусствомъ, какое нужно матросу большаго военного корабля. Понимаете ли вы, милые братья, что хороши ящики можетъ быть плохимъ машинистомъ, если его заставить возиться съ локомотивомъ. Милые братья, повѣрьте, что это очень можетъ случиться и что ничего удивительнаго тутъ не будетъ.

²⁾ Милые братья, да вѣдь кромѣ васъ никому никогда и въ голову не приходили такіа неосновательныя ожиданія, что казаки окажутся подготовлены къ матросскому искусству своими козачьими набѣгами. Иное дѣло бѣломорскіе рыбаки, къ которымъ вѣроятно относится упоминаніе о какихъ-то сѣверныхъ людяхъ, неуступавшихъ южнымъ: они хорошие моряки. Но, милые братья, вѣдь бѣломорскіе рыбаки составляютъ очень маленькую горсть людей. Если бы ихъ всѣхъ поголовно забрать въ матросы, то можетъ быть не набралось бы изъ нихъ полнаго экипажа на одинъ линейный корабль. Милые братья, постарались бы вы понять, что сотни людей недостаточны тамъ, гдѣ нужны десятки тысячъ.

Этотъ прекрасный эпизодъ совершенно измѣняетъ нашъ взглядъ на дѣло— не о русскомъ флотѣ, а о совѣтахъ, даваемыхъ есербамъ г. И. Аксаковымъ и компанію. Читая свирѣпыя совѣты отнять всѣ политическія права у пновѣрцевъ, читая фанатическое правило, что кто католикъ, тотъ уже не можетъ считаться настоящимъ славяниномъ, мы воображали, что слушаемъ изверговъ фанатизма, духовныхъ потомковъ Торквемады и герцога Альбы. Теперь обнаружилось, что дикую свирѣпость принимаютъ они на себя только по своему ребяческому непониманію вещей—самыхъ ясныхъ. Отчего русскій военный флотъ не такъ силенъ, какъ англійскій или французскій? Да откуда же можетъ взяться сильный военный флотъ, когда нѣтъ большаго коммерческаго флота? Вѣдь если нѣтъ коммерческаго флота у какой нибудь націи, это значитъ, что не развито у ней дѣло кораблестроенія, нѣтъ у ней множества опытныхъ моряковъ и хорошихъ матросовъ; а если нація не имѣетъ многочисленныхъ матросовъ и не умѣетъ строить кораблей, то какимъ же манеромъ будетъ силенъ у ней военный флотъ? Вѣдь это вопросы въ родѣ того, почему бываетъ плоха артиллерія у народа, плохо знакомаго съ литейнымъ искусствомъ, почему не подкованы лошади у народа скуднаго желѣзомъ, почему холодно зимою въ неотапленныхъ комнатахъ, почему нельзя рубить деревья въ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и т. д. п. т. д. Наши мудрые совѣтники вѣроятно отвѣчали бы на всѣ эти вопросы въ такомъ родѣ: въ безлѣсномъ мѣстѣ нельзя рубить деревья потому, что англійскіе купцы притѣсняютъ насъ; въ сумрачную погоду не свѣтитъ солнце оттого, что нѣмцы порицаютъ нашъ климатъ, какъ слишкомъ холодный; въ неотапленныхъ комнатахъ холодно оттого, что мы приняли чужую, нѣмецкую физику, а не выдумали свою собственную; не имѣя желѣза нельзя подковывать лошадей потому, что русская смѣтливость убита подражаніемъ Западу; а безъ хорошихъ литейщиковъ нельзя имѣть хорошей артиллеріи потому, что Петръ Великій одѣлъ нашихъ артиллеристовъ въ иностранные мундиры. Право, такъ отвѣчали бы наши умные совѣтники,—иначе не догадались бы они, что причиною всѣхъ недостатковъ нашего флота служить иностранная терминологія въ нашемъ кораблестроеніи. Какой ребяческій взглядъ на вещи!—Берутъ въ матросы на фрегатъ человѣка, который не видывалъ морскихъ судовъ. Ему надобно узнать тысячи вещей, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія; у каждой вещи есть имя,—вѣдь какое бы оно ни было, онъ пріучится понимать его лишь тогда, когда узнаетъ самую вещь. Вотъ напримѣръ, если мы съ вами не видывали, какъ плетутъ лапти, знаемъ ли мы, что такое за штука «кочедыкъ», которымъ плетутъ ихъ,—рѣшительно не знаемъ, хоть это слово и не голландское. А если бы мы вздумали научиться плести лапти, то измѣнились бы срокъ, нужный для достиженія мастерства въ этомъ занятіи, какимъ бы именемъ ни назывался кочедыкъ? А то вотъ еще: я не могу бить бѣлокъ въ глазъ, какъ долженъ бить хорошій охотникъ; отчего это пропеходитъ? Ужъ не оттого ли, что мудрены для меня слова—винтовка, порохъ, пуля, заряжать, стрѣлять? Назову винтовку ружьемъ, стану говорить «прикладываться» вмѣсто «прицѣливаться»,—и тогда навѣрное не дамъ ни одного промаха по бѣлкѣ, хотя съ роду не стрѣлялъ пзъ ружья! Надобно полагать, что и въ охотничьемъ дѣлѣ, и въ матросскомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, трудность состоитъ въ хорошемъ ознакомленіи съ самими вещами и въ достиженіи требуемаго иску-

ства обращаться съ ними, а не въ словахъ. Еслибъ не самое дѣло было трудно для матросовъ, а только слово, матросы навѣрное придумали бы легкія слова вмѣсто трудныхъ; а если не придумали, значитъ собственно словами-то они и не затрудняются.

Разгадка брошюры найдена: ребяческое непониманіе самыхъ простыхъ вещей. Перечитываемъ съ этою мыслью брошюру, дикость которой прежде вызвала у насъ строгое порицаніе лицамъ, написавшимъ и подписавшимъ ее, — и, пересматривая ее съ этой новой точки зрѣнія, мы уже чувствуемъ умиленіе; да и какъ не чувствовать его, читая слѣдующіе совѣты, обращенные къ цѣлому народу съ цѣлью наставить его на путь политической мудрости:

«Счастіе и благоденствіе пренеполнены соблазна, и многіе сохранившіе достоинство въ несчастіяхъ, предались искушеніямъ, когда видимое несчастье отъ нихъ удалилось».

«Гибельное сѣмя даетъ и гибельный плодъ».

«Гордость силъ вещественныхъ унижаетъ, чѣмъ гордость умственная и гордость душевная».

«Успѣхъ въ борьбѣ часто зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ самое отчаянное мужество побѣдить не можетъ».

«Тѣлесное здоровье есть одно изъ лучшихъ благъ для человѣка».

«Наука расширять предѣлы Богомъ даннаго намъ разума, уясняетъ наши понятія, просвѣтляетъ наши умственные взоры, раскрываетъ тайны міра божьяго и чудеса его творческой премудрости. Приобрѣтать науку не только необходимо для жизни общественной, но и обязательно для исполненія воли Божіей, давшей намъ разумъ какъ поле многоплодное, которое не должно лежать въ залежи и поросать терніями невѣжества и ложныхъ мнѣній, но украшаться жатвою знанія и истины».

«Приобрѣтеніе высшаго нравственнаго развитія есть высшая задача для человѣка».

«Гордость есть великій и гибельный порокъ».

«Честно и праведно сражаться за родину».

«Сохраниайте простоту своихъ нравовъ».

«Въ самыхъ почестяхъ и знакахъ отличія будьте осторожны».

«Общество отличаетъ и награждаетъ службу общественную, но это не должно подавать повода къ тщеславію».

«Презирайте роскошь».

«Не смѣшивайте предметовъ, служащихъ къ истинному удобству жизни съ предметами роскоши! Одни улучшаютъ жизнь, какъ напримѣръ лучшее освѣщеніе, крѣпкія и легкія ткани; а другія служатъ только къ нѣгѣ».

«Не употребляйте богатства на нѣгу и роскошь».

«Показывая уваженіе къ людямъ порочнымъ, общество дѣлается участникомъ ихъ пороковъ».

«Правда и милосердіе въ наказаніяхъ заключаются въ томъ, чтобы всякая ненужная жестокость была устранена, и чтобы невинный нисколько не страдалъ за виновнаго».

«Дайте совѣсти мѣсто въ судѣ гражданскомъ».

«Да будетъ у васъ правда выше всего».

«Всякая неправда—отъ лжи и темнаго духа».

«Обличайте неправду».

«Себялюбіе говорить о правѣ; братолюбіе говорить объ обязанности».

«Уважайте своихъ пастырей духовныхъ».

Такія назиданія очень хороши въ прописяхъ; употребительны и въ азбукахъ. Но напичкивать ими программу, которая составляется для руководства народа въ государственной жизни, растягивать каждое изъ этихъ назиданій на цѣлыя страницы, и этими разсужденіями о вредѣ пороковъ и достоинствахъ добродѣтелей, о хорошихъ свойствахъ правды и о дурныхъ качествахъ діавола, отца лжи, наполнять политическій памфлетъ могутъ только люди, до крайности скудные разумѣніемъ обстоятельствъ и потребностей исторической жизни, да и всякимъ разумѣніемъ чего бы то ни было. Для того, чтобы написать или подписать такую хрю, нужно стоять на той степени политическаго образованія, на какой стояли Аѳанасій Ивановичъ съ Пульхерією Ивановною и Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Пріятно видѣть, что и въ такихъ людяхъ существуетъ склонность покаякатъ объ общественныхъ дѣлахъ.

Но пусть бы они калякали между собою, въ своемъ уголкѣ, а не совались въ наставники другимъ народамъ. Какое право имѣютъ они срамить насъ передъ нашими славянскими братьями, выдавая себя передъ ними за представителей русскаго народа?

Бѣдные люди! они не знаютъ, что у послѣдняго мужика въ русской ли, въ сербской ли землѣ, или въ какой угодно другой землѣ, больше знанія государственной жизни, больше способностей понимать политическія дѣла, чѣмъ у нихъ. Жалкіе люди! они воображаютъ, что постигли Богъ-знаетъ какую новую истину, додумавшись до того, что гордость вредна, а наука полезна, и съ важнымъ докторальнымъ видомъ поучаютъ сербовъ этой неслыханной между сербами премудрости. Понимаютъ ли они, какъ оскорбительно должно быть для сербовъ подобное назиданіе?

Вообразите себѣ, что чехи вздумали бы написать къ намъ, русскимъ посланіе такого рода: «милые наши братья, русскіе! мы опытиѣ васъ въ государственной жизни. Потому выслушайте наши братскіе предостереженія и совѣты; узнайте, милые братья, что тѣлесное здоровье есть одно изъ лучшихъ благъ для человѣка, потому старайтесь избѣгать болѣзней, не пресыщайтесь яствами; ибо многояденіе разстроиваетъ силы телѣсныя; кромѣ того оно усыпляетъ силы душевныя. Милые братья наши, русскіе! если непріатели падутъ на вашу родину, то знайте, что вамъ надобно будетъ защищаться отъ нихъ, ибо сражаться за родину есть дѣло честное и праведное. Но паче всего, о милые наши братья, сохраняйте чистоту нравовъ и не предавайтесь порокамъ, какъ-то: роскоши, отцеубійству, братоубійству: вы можетъ быть не знаете, что грѣшно заниматься разбоемъ,—спросите объ этомъ своихъ пастырей духовныхъ, которыхъ уважайте, о милые братья», и т. д., и т. д. Что подумали бы мы, русскіе, прочитавъ такое посланіе къ своему народу? Не знаю, какъ другіе русскіе, а я до глубины души возмущился бы такимъ тупоумнымъ высокоуміемъ и почелъ бы людей, подписавшихъ посланіе, ни больше, ни меньше, какъ самозванцами, которые только называютъ себя чехами, а на самомъ дѣлѣ—готтентоты.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ясная Поляна. *Школа. Журналъ педагогическій, издаваемый* Гр. Л. Н. Толстымъ. Москва, 1862 г.

Ясная Поляна. *Книжки для дѣтей. Книжка 1 и 2-я.*

Этотъ педагогическій журналъ и эти книжки для народныхъ школъ издаются при школѣ, устроенной графомъ Л. Н. Толстымъ въ селѣ или деревнѣ Крапивненскаго уѣзда, Тульской губерніи, Ясною Полянѣ. Въ первой же книжкѣ журнала помѣщено описаніе школы.—Часовъ въ 8 поутру звонятъ въ школѣ, сзывая учениковъ изъ деревни. Они идутъ—и посмотрите на нихъ, вы увидите замѣчательную черту:

«Съ собою никто ничего не несетъ—ни книгъ, ни тетрадокъ. Уроковъ на домъ не задаютъ. Мало того, что въ рукахъ ничего не несутъ, имъ нечего и въ головѣ нести. Никакого урока, ничего сдѣланнаго вчера, онъ не обязанъ помнить нынѣ. Его не мучить мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспримчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынѣ будетъ весело такъ же, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался. Никогда никому не дѣлаютъ выговоровъ за опаздыванье и никогда не опаздываютъ: нешто старшіе, которыхъ отцы, другой разъ, задержать дома какою нибудь работой. И тогда этотъ большой рысью, запыхавшись, прибѣгаетъ въ школу».

Что жъ, это очень хорошо, что дѣти идутъ въ школу съ легкимъ сердцемъ, безъ всякихъ тревогъ. Въ ожиданіи учителя ученики и ученицы болтаютъ, играютъ, шалятъ, какъ бываетъ впрочемъ во всѣхъ школахъ. Но вотъ уже не во всѣхъ школахъ видитъ учитель при входѣ въ классъ то, что находитъ въ классной комнатѣ яснополянской школы. Въ нашихъ форменныхъ училищахъ дѣти обыкновенно сторожатъ приходъ учителя и, завидѣвъ вдалекѣ своего наставника, торопливо разсаживаются по мѣстамъ, принимаютъ натянутый, чинный видъ,—словомъ сказать, пріучаются скрывать, лицемѣрить и подобострастничать. Въ яснополянской школѣ этого нѣтъ.

«Учитель приходитъ въ комнату, а на полу лежатъ и пищать ребята, кричащіе: «мала куча!» или «задавили ребята!» или «будетъ! брось виски-то» и т. д. «Петръ Михайловичъ!» кричитъ снизу кучи голосъ входящему учителю «вели имъ бросить».

«Здравствуй, Петръ Михайловичъ!» кричать другіе, продолжая свою возню. Учитель беретъ книжки, раздаётъ тѣмъ, которые съ нимъ пошли къ шкапу; изъ кучи на полу— верхніе, лежа, требуютъ книжку. Куча понемногу уменьшается. Какъ только большинство взяло книжки, всѣ остальные уже бѣгутъ къ шкапу и кричатъ: я мнѣ, и мнѣ. «Дай мнѣ вчерашнюю»;—«а мнѣ *кольцовую*» ¹⁾ и т. п. Если останутся еще какіе нибудь два разгоряченные борьбой, продолжающіе валяться на полу, то сидящіе съ книгами кричатъ на нихъ: «что вы тутъ замѣшались?»—ничего не слышно. Будетъ». Уличенные—покоряются и, запыхавшись, берутся за книги и только въ первое время, сидя за книгой, поматываютъ ногой отъ неулегшагося волненія. Духъ войны улетаетъ и духъ чтенія водаряется въ комнатѣ.

Садятся по мѣстамъ дѣти, гдѣ кто попалъ, кому гдѣ вздумалось: начальственного распредѣленія мѣстъ нѣтъ. Зато, принимаясь учиться безъ всякаго принужденія и стѣсненія, дѣти учатся съ такимъ же полнымъ усердіемъ, съ какимъ до начала класса шалили. «Во время класса» (говоритъ авторъ статьи, вѣроятно гр. Толстой, а впрочемъ не знаемъ: статья не подписана) «я никогда не видѣлъ, чтобы шептались, щипались, смѣялись потихоньку, фыркали въ руку и жаловались другъ на друга учителю». Оно и естественно, потому что учатся не по принужденію, а по охотѣ: кому показалось скучно, можетъ уйдти изъ класса, никто ему не мѣшаетъ. Иногда случается въ яснополянской школѣ, особенно по вечерамъ передъ праздникомъ, когда дома топятъ бани, дѣти расходятся не досидѣвъ класса, но не отъ скуки, а потому, что вспомнили, что дома ихъ ждутъ.

«На второмъ или третьемъ послѣобѣденномъ класѣ два или три мальчика забѣгаютъ въ комнату и сѣвша разбираютъ шапки. «Что вы?»—Домой.—«А учиться? вѣдь пѣніе».—А ребята говорятъ домой! отвѣчаетъ онъ, ускользая съ своей шапкой.—«Да кто говоритъ?» Ребята пошли!—«Какъ же такъ?» спрашиваетъ озадаченный учитель, пригтовившій свой урокъ—«останься!». Но въ комнату вбѣгаетъ другой мальчикъ съ разгоряченнымъ, озабоченнымъ лицомъ. «Что стоишь?» сердито нападаетъ онъ на удержавшаго, который въ нерѣшительности заправляетъ хлопки въ шапку—«ребята ужь во-онъ гдѣ, у кузни ужь небось».—Пошли?—«Пошли». И оба бѣгутъ вонъ, изъ-за двери крича: «Прощайте, Иванъ Ивановичъ!» И кто такіе эти ребята, которые рѣшили итти домой, какъ они рѣшили?—Богъ ихъ знаетъ. Кто именно рѣшилъ, вы никакъ не найдете. Они не совѣщались, не дѣлали заговора, а такъ, вздумали ребята домой. «Ребята идутъ!»—и застучали ноженьки по ступенькамъ, кто котомъ свалился со ступеней и, подпрыгивая и бултыхаясь въ снѣгъ, оббѣгая по узкой дорожкѣ другъ друга, съ крикомъ побѣжали домой ребята. Такіе случаи повторяются разъ и два въ недѣлю. Оно обидно и непріятно для учителя—кто не согласится съ этимъ, но кто не согласится тоже, что вслѣдствіе одного такого случая, на сколько большее значеніе получаютъ тѣ пять, шесть, а иногда семь уроковъ въ день для каждаго класса, которые свободно и охотно выдерживаются каждый день учениками. Только при повтореніи такихъ случаевъ можно быть увѣрену, что преподаванье, хотя и недостаточное и одностороннее, не совсѣмъ дурно и не вредно. Если бы вопросъ былъ поставленъ такъ: что лучше—чтобы въ продолженіи года не было ни одного такого случая, или чтобы случаи эти повторялись больше чѣмъ на половину уроковъ,—мы бы выбрали послѣднее. Я, по крайней мѣрѣ, въ яснополянской школѣ былъ радъ этимъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ повторявшимся случаямъ. Не смотря на частыя повторенія ребятъ, что они могутъ уходить всегда, когда имъ хочется,—вліянiе учителя такъ сильно, что я боялся, послѣднее время, какъ бы дисциплина классовъ, росписаній и отмѣтокъ, незамѣтно для

¹⁾ Такъ дѣти называютъ стихотворенія Кольцова.

нихъ не стѣснила ихъ свободы такъ, чтобы они совсѣмъ не покорились хитрости нашей разставленной сѣти порядка, чтобы не утратили возможности выбора и протеста. Ежели они продолжаютъ ходить охотно, несмотря на предоставленную имъ свободу, я никакъ не думаю, чтобы это доказывало особенныя качества яснополянской школы, я думаю, что въ большей части школъ тоже самое бы повторялось, и что желаніе учиться въ дѣтяхъ такъ сильно, что для удовлетворенія этого желанія они подчиняются многимъ труднымъ условіямъ и простятъ много недостатковъ. Возможность такихъ убогій полезна и необходима только какъ средство застрахованія учителя отъ самыхъ сильныхъ и грубыхъ ошибокъ и злоупотребленій».

Превосходно, превосходно. Дай Богъ, чтобы все въ большемъ числѣ школъ заводился такой добрый и полезный «безпорядокъ»,—такъ называетъ его въ видѣ уступки предполагаемымъ возражателямъ авторъ статьи, его панегиристъ,—а по нашему, слѣдуетъ сказать просто: «порядокъ», потому что какой же тутъ безпорядокъ, когда все учатся очень прилежно, на сколько у нихъ хватитъ силъ, а когда сила покидаетъ ихъ, или надобно имъ отлучиться изъ школы по домашнимъ дѣламъ, то перестаютъ учиться? Такъ и слѣдуетъ быть во всехъ школахъ, гдѣ это можетъ быть,—во всехъ первоначальныхъ народныхъ школахъ.

Такое живое пониманіе пользы предоставлять дѣтямъ полную свободу, такая неуклонная выдержанность этого принципа подкупаетъ насъ въ пользу редакціи журнала, издаваемого основателемъ яснополянской школы. Въ предисловіи къ журналу г. Л. Н. Толстой говоритъ, что готовъ выслушать возраженія противъ мыслей, казущихся ему истинными, и что боится онъ только одного, — чтобы мнѣнія, противныя его мыслямъ, «не выражались желчно, чтобы обсужденіе столь дорогаго и важнаго для всехъ предмета, какъ народное образованіе, не перешло въ насмѣшки, личности, въ журнальную полемику», которая отвлекла бы отъ сущности дѣла къ спорамъ и горячности изъ-за мелочей. Потому издатель «Ясной Поляны» проситъ «будущихъ противниковъ» его мнѣній «выражать свои мысли» спокойнымъ и безобиднымъ тономъ. Изъ уваженія къ порядку, установленному имъ въ яснополянской школѣ, и къ его горячей преданности этому доброму порядку, мы исполнимъ его желаніе; и безъ этого обстоятельства,—т. е. если бы не знали мы, какъ свободно и легко устроено для дѣтей ученіе въ яснополянской школѣ,—мы вѣроятно не удержались бы отъ колкостей при разборѣ теоретическихъ статей «Ясной Поляны», потому что есть въ нихъ вещи, напоминающія о знаменитыхъ статьяхъ г. Дала и г. Белюстина.

Вотъ наприимѣръ, первая статья 1-й книжки, содержащая profession de foi редакціи. На первой же страницѣ авторъ высказываетъ недоумѣніе, очень странное. «Отчего это», говоритъ онъ, «народъ постоянно противоѣдствуетъ тѣмъ усиліямъ, которыя употребляетъ для его образованія общество или правительство?»—Это, говоритъ онъ, «явленіе, непонятное для меня». Оно стало непонятнымъ только потому, что исключительные случаи возведены авторомъ въ общее положеніе. Мало ли чему можетъ иногда противоѣдствовать народъ! При Іосифѣ II въ Бельгіи и Венгріи онъ противоѣдствовалъ разрушенію феодальнаго порядка; при Арандѣ и Флоридѣ Бланкѣ въ Испаніи онъ противоѣдствовалъ отмѣненію инквизиціи; у насъ онъ противоѣдствовалъ попыткамъ ознакомить его съ воздѣлываніемъ картофеля. Если я изъ этихъ исключитель-

ныхъ случаевъ выведу общее заключеніе, будто бы народъ «постоянно» противодѣйствовалъ уничтоженію привилегій, преслѣдованій, улучшенію пищи, то оно дѣйствительно выйдетъ вещь непонятная. Только эта вещь,—т. е. постоянство народнаго сопротивленія всему полезному,—вовсе не будетъ «явленіе», черта исторической жизни; эта вещь просто будетъ моя мечта, моя ошибка въ построеніи силлогизма. Въ нѣкоторыхъ,—пожалуй въ довольно многихъ случаяхъ,—народъ довольно упорно противился заботамъ объ его образованіи. Что жъ тутъ удивительнаго? Развѣ народъ—собраніе римскихъ папъ, существъ непогрѣшительныхъ? Вѣдь и онъ можетъ ошибаться, если справедливо, что онъ состоитъ изъ обыкновенныхъ людей. А почему трудно предположить и то, что въ этихъ случаяхъ виновата была какая нибудь ошибка или какая нибудь недобросовѣстность людей, принимавшихъ на себя заботу о народномъ образованіи? Вѣдь они тоже были люди; значить, могли ошибаться или могли дѣйствовать по эгоистическимъ разсчетамъ, не соотвѣтствовавшимъ народной потребности. Ни въ той, ни въ другой альтернативѣ нѣтъ ничего не понятнаго.

Кромѣ того, что иногда (очень рѣдко) случается упорное сопротивленіе со стороны народа образованію, по какой нибудь случайной ошибкѣ народа или его просвѣтителей, есть еще одинъ фактъ, который могъ ввести редакцію «Ясной Поляны» въ заблужденіе на счетъ существенныхъ отношеній народа къ образованію. Этотъ фактъ уже не исключительный, а общій, и проходитъ черезъ всю исторію просвѣщенія. Онъ состоитъ въ томъ, что когда кто бы то ни былъ,—самъ ли народъ,—то есть большинство простолюдиновъ,—образованное ли общество, правительство ли задумаетъ какую нибудь реформу въ народномъ образованіи, реформа на первыхъ порахъ встрѣчаетъ болѣе или менѣе сильную оппозицію,—но не исключительно въ народѣ, а точно такъ же и въ образованномъ обществѣ (если ею занимается оно) и въ нѣкоторыхъ членахъ самого правительства (если реформу задумаетъ правительство). Но тутъ нѣтъ никакой специальной черты, относящейся именно только къ частному дѣлу народнаго образованія или только къ народу. Это общая принадлежность реформъ или перемѣнъ въ чемъ бы то ни было и съ кѣмъ бы то ни было, что онѣ не совершаются безъ нѣкоторой оппозиціи,—проще сказать, не совершаются безъ хлопотъ, безъ надобности толковать, разсуждать, убѣждать. Возьмите самое простое дѣло,—напримѣръ хоть въ какой-нибудь деревнѣ починку моста, который сталъ плохъ и который всѣмъ въ деревнѣ одинаково нуженъ: все-таки сначала потолкуютъ и поспорятъ—кто же?—сами же мужики между собой. Мужики, которые посообразительнѣе или порѣшительнѣе, раньше другихъ увидятъ, что надобно чинить мостъ, а другіе думаютъ, что можно еще погодить этимъ дѣломъ; вотъ вамъ и неизбежность спора. Да развѣ въ одномъ народѣ такъ? Во всякомъ классѣ то-же самое. Помните, напримѣръ, какъ шли дѣла о томъ, нужны ли ненужны желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы и пр.—и въ англійскихъ и во французскихъ парламентахъ, палатахъ, въ парижемскомъ институтѣ были споры: однимъ казалось, что эти вещи нужны, полезны, другимъ что онѣ неудобны, вредны.

Штука состоитъ въ томъ, что вездѣ по всякому дѣлу обнаруживается существованіе двухъ партій, консервативной и прогрессивной, вѣчныхъ партій, соотвѣтствующихъ двумъ сторонамъ человѣческой природы: силѣ привычки и

желанію улучшеній. Натурально, что эти двѣ партіи являются и въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ въ нѣдрахъ общества, такъ и въ самомъ народѣ. Есть мужики и мѣщане (какъ есть купцы, чиновники, дворяне), говорящіе: будемъ жить по старому и воспитывать дѣтей по старому; есть другіе мужики и другіе мѣщане, подобно другимъ купцамъ, чиновникамъ и дворянамъ, говорящіе: постараемся устроить жизнь получше прежняго и станемъ воспитывать дѣтей лучше, чѣмъ воспитывались сами.

Ну, что же тутъ особеннаго? Отчего тутъ смущаться, терять «пониманіе?».

Есть еще одинъ фактъ, тоже проходящій черезъ всю исторію,—его замѣтила даже редакция «Ясной Поляны»: мужики стѣсняются посылать своихъ дѣтей въ школы потому, что сынъ или дочь помогали бы въ чемъ нибудь по хозяйству, оставаясь дома, или зарабатывали бы нѣсколько денегъ на фабрикѣ, или въ какомъ нибудь мастерствѣ. Это обстоятельство ужъ дѣйствительно прискорбное, когда дѣла родителей такъ стѣснены, что мысль о пользѣ дѣтей подавляется необходимостью какъ можно скорѣе извлекать изъ дѣтей что нибудь на подмогу хозяйству. Но и это развѣ у однихъ простолюдиновъ бываетъ? Сколько есть небогатыхъ чиновниковъ и дворянъ, которые принуждены не давать дѣтямъ учиться, а какъ можно раньше опредѣлять ихъ на гражданскую службу или въ юнкера. Очень жаль, что это такъ; но развѣ это можно назвать упорствомъ противъ образованія? Вовсе нѣтъ,—очень многіе изъ родителей, принужденныхъ такъ поступать, самые горячіе приверженцы образованія. Плачутъ, что не могутъ дать дѣтямъ такого образованія, какъ желали бы, но чтожь дѣлать, когда нѣтъ средствъ?—Ну, разумѣется, относительно этого факта недостаточно успокоивать себя психологическими соображеніями о врожденной силѣ консерватизма въ человѣческой натурѣ или о неизбежности ошибокъ, недоразумѣній и эгоистическихъ цѣлей, о чемъ разсуждали мы выше. Тутъ дѣло не въ человѣческой натурѣ, а въ недостаткѣ денегъ; значитъ дѣятели народнаго образованія должны заботиться о томъ, какъ бы улучшить матеріальное положеніе народа. Но и это опять не какая нибудь специальная черта только простонароднаго образованія,—и во всякомъ сословіи будетъ учиться большее количество дѣтей и будутъ учиться они дольше, будутъ образовываться они лучше, если сословіе будетъ пользоваться лучшимъ благосостояніемъ. Ни непонятнаго, ни особеннаго—тутъ ровно ничего нѣтъ.

Такъ что же оказалось у насъ? Большою помѣхою ученью дѣтей простолюдиновъ служитъ бѣдность простолюдиновъ; иногда заботы о народномъ образованіи могутъ оставаться неудачны по какой нибудь случайной ошибкѣ или недобросовѣстности заботящихся, иногда по какому нибудь случайному недоразумѣнію самихъ простолюдиновъ, а во всякомъ случаѣ, и при успѣшномъ и при неуспѣшномъ ходѣ, улучшеніе народнаго образованія, какъ и всякое другое улучшеніе, имѣетъ противъ себя людей, въ которыхъ консерватизмъ слишкомъ силенъ и которые составляютъ и въ простомъ народѣ, какъ и во всякомъ другомъ сословіи, довольно значительную долю (впрочемъ все-таки меньшинство), а другая, тоже довольно значительная доля простолюдиновъ (какъ и людей всякаго другаго сословія) будетъ очень горячо стоять за улучшеніе; впрочемъ и эта доля, состоящая изъ людей, въ которыхъ прогрессивность рѣшительно преобладаетъ надъ консерватизмомъ, также только меньшинство въ простомъ,

какъ и во всякомъ другомъ сословіи; а главная масса простолюдины, какъ и всякаго другаго сословія, будетъ держать себя нерѣшительно, выжидать, приглядываться, какъ пойдетъ дѣло: пойдетъ оно хорошо, вся эта масса примкнетъ къ прогрессистамъ; пойдетъ оно неудачно, вся она примкнетъ къ консерваторамъ. Что тутъ особеннаго и непонятнаго? Неужели сама редакція «Ясной Поляны» не видѣла передъ своими глазами всего, о чемъ мы говоримъ? Навѣрное, встрѣчала она между мужиками такихъ непоколебимыхъ прогрессистовъ, которые ломаютъ себѣ все одно: «ученье—свѣтъ, а неученье—тьма», и которыхъ никакія ошибки или неудачи народныхъ просвѣтителей не могутъ сбить съ этого пункта; и навѣрное видѣла она, что масса выжидаетъ и говоритъ: «а посмотримъ, что выйдетъ изъ начинающихся попытокъ».

Человѣкъ вообще,—не то что въ частности простолюдинъ, а человѣкъ, *genus homo*, или по другимъ натуралистамъ *species homo*, двуногое млекопитающее, довольно тяжелое на подъемъ,—довольно склоненъ отлагать дѣло, если на первый разъ видитъ неудачу или хоть не видитъ большой удачи съ перваго раза; но эти свойства онъ обнаруживаетъ по всякимъ улучшеніямъ, не въ одномъ дѣлѣ образованія; а все-таки, разсуждая хладнокровно, надобно сказать, что онъ всегда расположенъ улучшать свое положеніе по всякимъ дѣламъ; значитъ онъ скорѣе склоненъ къ образованію, чѣмъ упоренъ противъ него.

Но редакція «Ясной Поляны», предполагая въ мужикѣ какія-то особенныя свойства, которыхъ нѣтъ въ человѣкѣ,—т. е. просто въ человѣкѣ, какого бы тамъ званія онъ ни былъ,—думаетъ, что народъ «постоянно противодѣйствуетъ» заботамъ помочь его образованію. Ну что, если бы въ самомъ дѣлѣ было такъ? Вѣдь тогда всѣмъ намъ слѣдовало бы бросить всякія заботы о народномъ образованіи; между прочимъ графу Л. Н. Толстому не слѣдовало бы основывать школу, издавать ни его журнала, ни его книжечекъ. Вѣдь насильно милъ не будешь; а навязывать какое нибудь дѣло людямъ, которые вѣчно должны упорствовать противъ него по своей натурѣ, значитъ напрасно мучить ихъ, напрасно утруждать себя.

Нѣтъ, редакція «Ясной Поляны» дѣлаетъ не такой выводъ; оно и точно, не слѣдуетъ ей дѣлать такого вывода, потому что она не думаетъ, что народъ враждебенъ образованію: на второй же строкѣ первой страницы первой статьи своей она говоритъ, что «народъ хочетъ образованія», и мы напрасно опровергали противное мнѣніе: она сама его отвергаетъ, какъ видно изъ этой второй строки. Но если такъ, какими же судьбами на 9-й строкѣ той же страницы очутились слова, противъ которыхъ мы спорили, что будто бы «народъ постоянно противодѣйствуетъ» и т. д.? А вотъ какимъ способомъ улаживаются эти двѣ мысли, мало пдущія одна къ другой: если народъ, желающій образованія, постоянно противодѣйствуетъ всѣмъ заботамъ о его образованіи, это значитъ, по мнѣнію «Ясной Поляны», что мы, образованные люди, не знаемъ, чему его учить и какъ его учить, и никакъ не можемъ узнать этого. Что это за странность: возьмите неглупаго человѣка какого хотите сословія, сведите его съ неглупымъ человѣкомъ какого хотите другаго сословія, и они могутъ растолковать другъ другу, что кому изъ нихъ нужно; отчего же это такая непостижимая вещь, что никакъ не могли намъ растолковать неглупые люди изъ

простолюдиновъ, чему нужно учить и какъ нужно учить ихъ, простолюдиновъ. Сяду я на постояломъ дворѣ, стану спрашивать проѣзжихъ мужиковъ о чемъ хотите изъ ихъ быта, — всѣ ихъ потребности и желанія по всякому дѣлу я могу узнать и понять, только будто бы по одному дѣлу образованія не могу. Это что-то неправдоподобно.

Но если это такое непостижимое дѣло, то, почему знать, не нужно ли нашимъ простолюдинамъ учиться, напримѣръ, латинскому языку? Редакція «Ясной Поляны» хохочетъ: «ну, этого ужъ имъ навѣрное не нужно»! отвѣчаетъ она. (Или она не въ состояніи отвѣчать даже этого?). А если вы хотя объ одномъ предметѣ знаете, что его не нужно преподавать въ народныхъ школахъ, такъ вы, значитъ, уже имѣете нѣкоторое понятіе о томъ, что нужно народу. Вѣдь судить о томъ, что не нужно, можно только на основаніи знанія о нужномъ. Вѣдь отрицательные отвѣты основываются же на чемъ нибудь положительномъ.

Или вы ничего не знаете не то-что о предметахъ ученія, а только о методахъ ученія? Полноте, и объ этомъ у васъ есть вѣрные понятія. Если бы кто-нибудь захотѣлъ поступить въ яснополянскую школу преподавателемъ и объяснилъ, что учить мальчишекъ нельзя иначе, какъ таская ихъ за волосы, кормя оплеухами и т. д., вѣдь вы не приняли бы такого преподавателя? (Или приняли бы?). Нѣтъ, у васъ положенъ принципъ: учить не только безъ всякихъ наказаній, даже безъ всякихъ наградъ, и совершенно никакого принужденія не употреблять. Методъ прекрасный, за твердость въ которомъ нельзя не сочувствовать вамъ; но пока дѣло не въ томъ, что вашъ методъ хорошъ, а въ томъ, что у васъ есть методъ. Зачѣмъ же вы говорите, что вы не знаете метода, когда не только знаете, но даже исполняете.

«Да это еще не методъ преподаванія, это лишь система обращенія съ учениками». Положимъ, но изъ этой системы ужъ непременно происходитъ и методъ преподаванія и притомъ очень опредѣленный. Если наказывать и принуждать нельзя, нужно преподавать такъ, чтобы ученіе было интересно и легко. Вы такъ и стараетесь дѣлать. «Да нѣтъ, это все еще не методъ». Какъ не методъ? Ну вотъ если кто нибудь вамъ скажетъ: преподавать русскую исторію надобно, заставляя дѣтей зубрить наизусть руководство г. Устрялова, — что вы на это скажете? Опять расхохочетесь. Значитъ, вы знаете, какъ не слѣдуетъ преподавать русскую исторію, а изъ этого обнаруживается, что вы знаете, какъ слѣдуетъ ее преподавать.

Быть можетъ напрасно мы говоримъ такимъ тономъ съ редакціею «Ясной Поляны». Быть можетъ она найдетъ его обиднымъ. Но воля ваша, вѣдь досадно слушать, когда люди, основавшіе школу и преподающіе въ ней и даже утверждающіе, что устроили свою школу очень хорошо и преподають въ ней не дурно, — когда эти люди говорятъ, что не знаютъ, чему учить и какъ учить народъ, и не знаютъ даже, нужно ли его учить. Полноте, господа, говорить про себя такіе пустяки.

А вѣдь нѣтъ, они говорятъ про себя не пустяки; они дѣйствительно не знаютъ, чему и какъ учить, и есть въ ихъ программѣ, въ передовой статьѣ, которую мы разбпраемъ, такія мѣста, что даже ослабляютъ надежду на возможность имъ когда нибудь узнать и понять это. Слушайте, читатель.

Стр. 8. Въ Россіи «народъ большею частію озлобленъ противъ мысли о школѣ». Гдѣ же озлобленъ противъ школы? противъ дурныхъ школъ, въ которыхъ ничему не выучиваютъ, въ которыхъ только быють, терзають дѣтей, притупляютъ ихъ, развращаютъ ихъ, противъ такихъ школъ народъ точно озлобленъ; но вѣдь противъ нихъ озлоблены и мы съ вами. Это значитъ только, что и мы съ вами думаемъ, и народъ думаетъ объ этомъ, какъ слѣдуетъ думать порядочнымъ и неглупымъ людямъ.

Стр. 8. Въ той же Россіи «всѣ школы, даже для высшаго сословія, существуютъ только подъ условіемъ приманки чина. До сихъ поръ дѣтей вездѣ почти силою заставляютъ идти въ школу». Это было съ грѣхомъ пополамъ правдою лѣтъ 20 тому назадъ или побольше. А теперь развѣ то? Изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ нынѣшнихъ университетскихъ студентовъ вы навѣрное не найдете даже одного десятка человѣкъ, которые были бы силою заставлены пойти въ университетъ. Гдѣ вы видѣли такихъ студентовъ? Богъ съ вами, вы говорите Богъ-знаетъ что. А что касается до чина, даваемого за ученіе, то изъ людей небогатыхъ, которымъ надобно будетъ жить жалованьемъ, конечно, многіе интересуются полученіемъ чина по праву ученой степени, но и то мало; повѣрьте, никто изъ нихъ не учится собственно для чина; но не давать имъ его,—было бы несправедливостью, потому что вѣдь получаютъ его на службѣ ихъ сверстники, которыя прямо изъ гимназій пошли служить. Неужели справедливо было бы, чтобы молодой человѣкъ проигрывалъ по службѣ тѣмъ, что посвятилъ нѣсколько лѣтъ на лучшее приготовленіе себя къ ней университетскимъ образованіемъ?

Стр. 11. «Образованіе, имѣющее своею основой религію, т. е. божественное откровеніе, въ истинѣ и законности котораго никто не можетъ сомнѣваться, неоспоримо должно быть прививаемо народу, насиліе въ этомъ случаѣ законно».

Стр. 15. «Въ Германіи девять десятыхъ школьнаго народнаго населенія выносятъ изъ школы столь сильное отвращеніе къ испытаннымъ ими путямъ науки, что они впослѣдствіи уже не берутъ книгъ въ руки». Въ противоположность этому можно привести ходячій въ низшихъ слояхъ нашего средняго класса разсказъ о томъ, какъ «нѣмецъ землю пашетъ, а самъ въ рукѣ книжку держитъ, чптаеть».—Надобно быть слишкомъ легковѣрну, чтобы утверждать то или другое.

Стр. 22. Въ народныхъ школахъ Марсели преподается «счетоводство», т. е. бухгалтерія. «Какимъ образомъ счетоводство можетъ составить предметъ преподаванія, я никакъ не могъ понять, и ни одинъ учитель не могъ объяснить мнѣ». Это очень странно. Чего тутъ не понимать? Марсель—городъ торговый, и бухгалтерія можетъ пригодиться всякому простолюдину. А что она можетъ быть предметомъ преподаванія, это доказываютъ всѣ коммерческія училища, въ которыхъ читается курсъ бухгалтеріи. Нѣтъ, по мнѣнію автора статьи, дѣлать бухгалтерію предметомъ преподаванія не стоитъ потому, что «она есть наука, требующая четыре часа объясненія для всякаго ученика, знающаго четыре правила арифметики». Нѣтъ, бухгалтеромъ сдѣлаться не такъ легко; пначе порядочные бухгалтеры не были бы такъ рѣдки и не получали бы такой большой платы въ торговыхъ конторахъ. Авторъ статьи не потрудился познакомиться

съ дѣломъ, иначе не порицалъ бы марсельскія школы за преподаваніе бухгалтеріи.

Стр. 26. «Хорошо нѣмцамъ на основаніи 200-лѣтняго существованія школы исторически защищать ее; но на какомъ основаніи намъ защищать народную школу, которой у насъ нѣтъ»? Что такое? что такое? Глазамъ не вѣримъ. Неужели редакція «Ясной Поляны» думаетъ, что это только нѣмцамъ нужны народныя школы, а намъ не нужны? Да, повидимому такъ,—въ этомъ духѣ тянется разсужденіе на всей 26-й страницѣ. Не нужно, дескать, намъ народныхъ школъ, потому что «мы русскіе живемъ въ исключительно счастливыхъ условіяхъ относительно народнаго образованія». На слѣдующей страницѣ сначала какъ будто не то, что не нужно намъ школъ, а только то, что наши народныя школы не должны быть рабскими сколкомъ съ западныхъ; но дальше опять то же, что въ школахъ нѣтъ надобности у насъ, потому что уже и «въ Европѣ образованіе избрало себѣ другой путь, обошло школу», не нуждается въ ней (стр. 28). Удивительно.

Тутъ же, на стр. 27-й, другая удивительная вещь: авторъ статьи убѣдился, что «народъ подчиняется образованію только при насиліи»,—ей-богу такъ и написано на строкѣ 24-й этой 27-й страницы.—Тутъ же 5-ю строками ниже третья удивительная вещь: авторъ статьи убѣдился, что «чѣмъ дальше двигалось человѣчество, тѣмъ невозможнѣе становился критеріумъ педагогики, т. е. знаніе того, чему и какъ должно учить». Неужели? Чѣмъ больше приобрѣталось людьми опытности въ дѣлѣ образованія, тѣмъ менѣе могли они судить объ этомъ дѣлѣ? Неужели такъ? Это противорѣчило бы тѣмъ законамъ разсудка и жизни, по которымъ всегда бываетъ, что чѣмъ больше знакомишься съ предметомъ, тѣмъ больше знаешь его.

Стр. 29. «Основаніемъ нашей дѣятельности служить убѣжденіе, что мы не только не знаемъ, но и не можемъ знать того, въ чемъ должно состоять образованіе народа, что не только не существуетъ никакой науки образованія и воспитанія—педагогикѣ, но что первое основаніе ея еще не положено, что опредѣленіе педагогики и ея цѣли въ философскомъ смыслѣ невозможно, бесполезно и вредно». Повторяемъ: если не знаете, то нельзя еще вамъ быть основателями школъ, наставниками въ нихъ, издателями педагогическихъ журналовъ; вамъ надобно еще учиться самимъ,—отправляйтесь въ университетъ, тамъ узнаете.—Но вы думаете, что даже и не можете узнать,—очень жаль, если такъ,—но это свидѣтельствовало бы только о несчастной организаціи вашей нервной системы: если вы не можете понять такой простой вещи, какъ вопросъ о кругѣ предметовъ народнаго преподаванія, то значитъ природа лишила васъ способности приобретать какія бы то ни было знанія.

Беремъ 2-ю книжку «Ясной Поляны» и просматриваемъ въ ней руководящую статью, которая называется: «О методахъ обученія грамотѣ». Общій смыслъ статьи—развитіе мыслей, что все методы обученія грамотѣ одинаково хороши или одинаково дурны, такъ что по какой ни учить, все равно. Съ такой точки зрѣнія пришлось бы говорить точно то же обо всемъ на свѣтѣ. Напримѣръ: какой способъ добывать огонь самый удобный: треніе двухъ кусковъ дерева другъ о друга, или камень и огниво, или фосфорныя спички?—все равно, каждымъ изъ этихъ способовъ можно достигъ огня. Какая бритва самая

хорошая: наша ли доморощенная изъ обломка косы, или плохая английская, или хорошая английская?—все равно, всякой можно обрить бороду. Какое дѣлопроизводство самое лучшее: бухарское ли, или наше, или французское?—все равно, по каждому можно рѣшать дѣла. Вѣдь подобные отвѣты свидѣтельствуютъ только, что у человѣка, ихъ дающаго, не установились понятія о предметѣ. Я, напримѣръ, о многихъ предметахъ принужденъ давать такіе отвѣты: наприм., спросите меня, какой методъ, интегрированія лучше: лейбнищевскій или ньютоневскій,—я рѣшительно не знаю, но слыхивалъ, что по тому и другому выучивались интегрированію; вотъ я и отвѣчаю: все равно, каждый годится. Или спросите меня, какой паровой плугъ лучше: Бойлевъ или Фаулеровъ? Я не могу судить ни о томъ, ни о другомъ, но слыхивалъ, что можно тѣмъ и другимъ пахать; вотъ я и долженъ отвѣчать: оба хороши. Эти отвѣты показываютъ только, что я не гождусь быть ни преподавателемъ высшей математики, ни управляющимъ завода земледѣльческихъ машинъ, ни английскимъ фермеромъ; ими только прикрывается мое незнаніе. Помилуйте, какъ скоро есть два способа дѣлать что нибудь, то непременно одинъ изъ этихъ способовъ вообще лучше, а другой вообще хуже; а если есть исключительныя обстоятельства, въ которыхъ удобнѣе примѣняется менѣе совершенный способъ, то знающій человѣкъ умѣетъ въ точности опредѣлить и перечислить эти исключительные случаи. А кого эти исключительные случаи смущаютъ такъ, что онъ не можетъ разобрать разницу между ихъ особенностями и общимъ правиломъ, тотъ мало знакомъ съ дѣломъ. Такое впечатлѣніе и производитъ общій смыслъ статьи: «о методахъ обученія грамотѣ». Но кромѣ общаго смысла всей статьи пзумляютъ въ ней многія отдѣльныя мѣста; напримѣръ:

Стр. 9. «Народъ не хочетъ учиться грамотѣ». Это напечатано на строкѣ 16-й.

Стр. 10. «Фактъ противодѣйствія народа образованію посредствомъ грамоты существуетъ во всей Европѣ».

Стр. 11. «Споръ въ нашей литературѣ о пользѣ или вредѣ грамотности, надъ которымъ такъ легко было смѣяться, по нашему мнѣнію есть весьма серьезный споръ». Неужели? Неужели можетъ казаться не лишненнымъ основательности мнѣніе людей, утверждающихъ, что грамотность вредна? Да, на ихъ сторонѣ не менѣе основательности и правды, чѣмъ на сторонѣ людей, признающихъ пользу грамотности,—таковъ смыслъ послѣдней половины 11-й страницы. Занятники грамотности—теоретики, противники грамотности—наблюдатели фактовъ и «тѣ и другіе совершенно правы» (стран. 11, строка 20),—т. е. по теоріи грамотность полезна, а на практикѣ оказывается вредной. Но это еще пока только колебаніе между двумя мнѣніями, а въ началѣ стран. 12-й авторъ уже склоняется на сторону противниковъ грамотности. Онъ говоритъ: если ближе вемотрѣться въ дѣйствительные результаты нынѣшняго обученія грамотѣ, то «я думаю, что большинство отвѣтитъ противъ грамотности (стр. 12-я, строка 1-я).

Далѣе слѣдуетъ на той же стр. 12-й очень неосторожныя колкости противъ людей, занимающихся преподаваніемъ въ воскресныхъ школахъ. Это ужъ рѣшительно не хорошо. Каковы бы тамъ ни были эти люди, умны ли они по вашему или глупы, но они честные люди, любящіе народъ, дѣлающіе для него

все, что могутъ. Если вы поднимаете на нихъ руку, отъ васъ должны отвернуться всѣ порядочные люди.

На стран. 23-й находятся такіе же колкости противъ людей университетскаго образованія, занимающихся обученіемъ народа, съ поясненіемъ, что «пономари учать лучше ихъ».

Редакція «Ясной Поляны» можетъ оскорбиться тѣмъ, какъ мы обозрѣвали передовыя статьи ея педагогическаго журнала, можетъ сказать: зачѣмъ же вы брали изъ написхъ статей только эти мѣста, а не брали другихъ, имѣющихъ совершенно противоположный смыслъ? Дѣйствительно, мы были бы несправедливы, если бы подбирали дурныя мѣста съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ выводъ, что редакція «Ясной Поляны» проникнута духомъ мракобѣсія. Но мы этого вовсе не хотимъ сказать, а хотимъ только указать ей, какія странныя вещи попадаютъ въ ея мысли по отсутствію надлежащаго знакомства съ предметами, о которыхъ она разсуждаетъ. Мы говоримъ ей: прежде, чѣмъ станете поучать Россію своей педагогической мудрости, сами поучитесь, подумайте, постарайтесь приобрѣсти болѣе опредѣленный и связный взглядъ на дѣло народнаго образованія. Ваши чувства благородны, ваши стремленія прекрасны; это можетъ быть достаточно для вашей собственной практической дѣятельности: въ вашей школѣ вы не деретесь, не ругаетесь, напротивъ, вы ласковы съ дѣтьми, — это хорошо. Но установленіе общихъ принциповъ науки требуетъ кромѣ прекрасныхъ чувствъ еще иной вещи: нужно стать въ уровень съ наукой, а не довольствоваться кое-какими личными наблюденіями, да безсистемнымъ прочтеніемъ кое-какихъ статей. Развѣ не можетъ, напр., какой нибудь полуграмотный засѣдатель уѣзднаго суда быть человѣкомъ очень добрымъ и честнымъ, обращаться съ просителями ласково, стараться по справедливости рѣшать дѣла, попадающія ему въ руки. Если онъ таковъ, онъ очень хорошій засѣдатель уѣзднаго суда, и его практическая дѣятельность очень полезна. Но способенъ ли онъ при всей своей опытности и благонамѣренности быть законодателемъ, если онъ не имѣетъ ни юридическаго образованія, ни знакомства съ общимъ характеромъ современныхъ убѣжденій? Чѣмъ-то очень похожимъ на него являетесь вы: рѣшитесь ли перестать писать теоретическія статьи, или учиться, чтобы стать способнымъ писать ихъ.

Редакція «Ясной Поляны» извинитъ намъ жестокость этого приговора, если пойметъ, какъ въ самомъ дѣлѣ дурны многія изъ вещей, отысканныхъ нами въ ея статьяхъ. Она убѣдится тогда, что мы говоримъ непріятную ей правду собственно изъ желанія, чтобы она увидѣла опасность компрометировать себя такими странными тирадами, дурную сторону которыхъ не замѣчала прежде, конечно, только по непривычкѣ къ теоретическому анализу мыслей, къ выводу послѣдствій и отыскиванію принциповъ. Просимъ ее не сердиться, но если она и разсердится, все равно, мы обязаны передъ публикой не селадонничать съ «Ясною Поляною», а прямо указать недостатки теоретическаго взгляда редакціи этого журнала, потому что хорошія стремленія его могли бы иначе подкупить многихъ на неразборчивое согласіе со всѣмъ, что наговорено въ «Ясной Полянѣ». А наговорено въ ней все безъ разбора: и хорошее и дурное. Сущность дѣла состоитъ вотъ въ чемъ:

За изданіе педагогическаго журнала принялись люди, считающіе себя очень

умными, наклонные считать всѣхъ остальныхъ людей,—напримѣръ, и Руссо и Песталоцци, — глупцами; люди, имѣющіе нѣкоторую личную опытность, но не имѣющіе ни опредѣленныхъ общихъ убѣжденій, ни научнаго образованія. Съ этими качествами принялся онъ читать педагогическія книги; читать внимательно, дочитывать до конца они не считаютъ нужнымъ,—это, дескать, все глупости написаны, до насъ никто ничего не смыслилъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Но въ прочтенныхъ ими отрывкахъ книгъ и статей излагаются взгляды, очень различные: у одного автора рекомендуется одинъ методъ преподаванія, у другого—другой, у третьяго—третій; у одного автора одинъ взглядъ на потребности народа, у другого—другой, и т. д.; по одному автору кругъ предметовъ преподаванія для народа одинъ, у другого—другой, и т. д. Чтобы разобрать, кто правъ въ этой разногласіи, нужно тяжелое изученіе, нужна привычка къ логическому мышленію, нужны опредѣленные убѣжденія. А эти люди не постарались пріобрѣсти ни одного изъ этихъ условій, и потому не въ силахъ ничего разобрать. Вотъ и явился у нихъ выводъ, что ничего нельзя разобрать, что все вздоръ и все правда, и всѣ системы никуда негодятся и всѣ системы справедливы, и науки нѣтъ, и предмета нельзя знать, и методовъ нельзя опредѣлить. И осталось имъ руководиться только своими случайными впечатлѣніями, да своими прекрасными чувствами. Но кое-что они все же читали и запомнили, и—обрывки чужихъ мыслей, попавшіе въ ихъ память, летятъ у нихъ съ языка какъ попало, въ какой попало связи другъ съ другомъ и съ ихъ личными впечатлѣніями. Изъ этого, естественно, выходитъ хаосъ.

Лучшая часть «Ясной Поляны» — издающіяся при ней маленькія книжки для простонароднаго чтенія, и хороша въ нихъ собственно та сторона, для выполненія которой не нужно имѣть и убѣжденій въ мысляхъ, а достаточно имѣть нѣкоторую личную опытность и нѣкоторый талантъ: хорошо въ нихъ изложеніе. Оно совершенно просто; языкъ безыскусственъ и понятенъ. Какъ, напримѣръ, не похвалить манеру разсказа въ слѣдующемъ отрывкѣ:

«Жилъ былъ во Франціи столяръ, звали его Николай. Жена у него померла, а сынъ остался. Сыну было 4 года. Николай не былъ богатъ: у него былъ домъ и было земли немного,—сажалъ онъ на ней виноградъ. Съ земли Николаю прожить нельзя было, а ходилъ онъ по людямъ работать. Его мальчикъ оставался дома. Матери не было, никто не обшивалъ его; отецъ жалѣлъ мальчика, а жениться другой разъ не хотѣлъ.

«Разъ идетъ Николай съ работы домой и слышитъ: кто-то плачетъ. Онъ посмотрѣлъ и увидѣлъ дѣвку. Дѣвку звали Марья. Сидитъ она подлѣ канавы и плачетъ.

«Николай ее спросилъ:—объ чемъ ты плачешь, Марья?

«А она говоритъ: Николай, жила я у Михаила мужа, задолжала ему десять франковъ за уголь (по нашему десять четвертаковъ). А Михаила мнѣ за долгъ сундукъ не отдаетъ, мнѣ теперь нечѣмъ сундука выкупить и жить негдѣ. И она заплакала еще пуще. Николай говоритъ: подожди здѣсь, я снесу свой инструментъ, да мальчика Матюшку посмотрю, а тогда подумаемъ, какъ быть.

«Николай пошелъ домой, отнесъ свой инструментъ, пообедалъ съ сыномъ, досталъ десять франковъ и пошелъ на дорогу, гдѣ Марья сидѣла. Ему въ умъ вошло ее къ себѣ взять. Онъ пришелъ на дорогу и говоритъ: пойдешь, Марья, къ твоему Михаилу, отдадимъ ему десять франковъ и возьмемъ твой сундукъ. А Марья говоритъ: кто мнѣ дастъ 10 франковъ? А онъ говоритъ: пойдешь.

«Они пошли къ мужику къ Михаилу, вошли въ домъ; Николай и говоритъ: «здравствуй, Михайла!»—Здравствуй, чего тебѣ?—А Николай говоритъ: «за что ты

обидѣлъ дѣвку?»—А за то, что не твое дѣло.—А Николай говоритъ: «возьми десять франковъ, а ей отдай сундукъ».

«Марья взяла свой сундукъ, забрала все имѣніе и говоритъ:—какъ я тебѣ, Николай, отдамъ деньги? А онъ говоритъ: «отдашь»,—и позвалъ ее жить къ себѣ.—«Пойду на работу, а ты за Матюшкой ходитъ будешь».

«Она заплакала и стала за него молиться Богу. Марья была дѣвка немолодая, ростомъ большая и здоровая, какъ мужикъ. Лицо у ней было дурное конопатое (рябое), оттого ея и замужъ никто не взялъ. Она тѣмъ жила, что на поденную работу ходила, за ребятами смотрѣла, когда хозяева на работу уходили. Она за больными ходить хорошо умѣла. Дѣвка она была смиренная: когда ей за работу ничего не давали, она не спрашивала. Всѣ ребята ее на деревнѣ знали, всѣ любили и нянькой прозвали. Николай взялъ ее къ себѣ въ домъ; Марья и стала у него жить, какъ хозяйка: обѣды варила, виноградъ поливала и землю копала. Во Франціи землю больше скребкой, чѣмъ сохой, работаютъ, оттого, что ея мало. Обѣдъ всегда Марья собирала къ тому времени, когда придетъ Николаю съ работы, а за Матюшкой такъ ходить сталъ, что Николай не нарадуется. У нихъ въ домѣ лучше стало».

«Вздумалось Марьѣ, чтобы Николай купилъ корову и козу. Во Франціи козье молоко пьютъ. Она и говоритъ:—Николай, купи корову и козу, намъ лучше жить будетъ.—А Николай говоритъ: я куплю, а кто стеречь будетъ?—Ты купи, стеречь я сама буду. Матюшка услышала, да и говоритъ: я съ ребятами буду стеречь; сшей только мнѣ сумочку хлѣбъ класть. Я устерегу. Они купили. Марья сшила Матюшкѣ сумку, положила ему хлѣба и сыру и послала его съ ребятами. Во Франціи хлѣбъ бѣлый. Ъдять его съ сыромъ, а сыръ изъ козьего молока дѣлаютъ».

«Надѣлъ Матюшка сумочку на спину, перекрестилъ веревочки на груди и погналъ корову и козу. И каждому свое дѣло было. По воскресеньямъ Марья съ Матюшкой въ церковь ходила. Уберечь его, обмостить и пойдуть вмѣстѣ, какъ сынъ съ матерью. Во Франціи въ церковь ходятъ съ книжками. Придутъ въ церковь, сядутъ на стулья и читаютъ по книжкамъ, и въ церкви всѣ закупаютъ, когда надо. Священникъ, также какъ у насъ, передъ алтаремъ обѣдно служить, только онъ бритый и въ бѣлой ризѣ. А народъ на стульяхъ сидитъ, и за стулья деньги берутъ. У кого есть деньги, тотъ платитъ по 5 сантимовъ (по нашему 5 коп. ассигнаціями), а у кого нѣтъ, тотъ стоитъ».

«Марья стула не брала, а становилась съ Матюшкой либо на ногахъ, либо брала Матюшку на руки и ему, какъ съ горы, все видно было, что въ церкви дѣлалось: какъ священникъ въ алтарѣ служилъ и какъ народъ въ церковь приходилъ и вонъ выходилъ. И стали они жить лучше прежняго».

«Стало Матюшкѣ ужъ семь лѣтъ. Николай и говоритъ Марьѣ:—Марья, надобно Матюшку отдать въ училище.—А она ему говоритъ: «зачѣмъ его отдавать въ училище, онъ будетъ и безъ твоего ученія хорошо работать. Онъ и такъ мальчикъ хорошій. Ты грамотъ не знаешь, а развѣ хуже работаешь». А Николай говоритъ: не правда твоя, Марья! Если-бъ я зналъ грамоту, я бы самъ записать могъ, кто мнѣ что долженъ, а то я не знаю и долги забываю—другой разъ и пропадаютъ. Я и самъ жалѣю».

Матюшка услышала, что тетка съ отцомъ говорила, да и говоритъ: кто же безъ меня козу стеречь станеть?

«А отецъ говоритъ: устережемъ безъ тебя, только ужъ учись хорошенько, чтобы мои деньги не пропали. Николай не послушался Марьи и отдалъ своего Матюшку въ училище. И Матюшка сталъ учиться очень хорошо. Учитель хвалилъ его. А корову и козу Марья стеречь стала. Когда Матюшкѣ время бывало, онъ за отцомъ вечеромъ инструментъ нашивалъ, а по праздникамъ съ теткой Марьей въ огородѣ копалъ, и всѣ говорили, что мальчикъ хорошій. Такъ они жили очень хорошо».

Это первая глава повѣсти «Матвѣй», которою начинается 2-я книжка. Все остальное написано точно также, т. е. очень хорошо.

Но въ содержаніи вещей, рассказанныхъ такъ хорошо, отразились недостатки опредѣленныхъ убѣжденій, недостатокъ сознанія о томъ, что нужно

народу, что полезно и что вредно для него. Напримѣръ, въ 1-й книжкѣ послѣ разсказа «Матвѣй», который по содержанію такъ себѣ, помѣщена суевѣрная сказка о томъ, какъ чортъ соблазнялъ монаха Θεодора, принимая на себя видъ его друга, монаха Василя; и разсказано это такимъ тономъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ вотъ сейчасъ же можетъ въ мою комнату подъ видомъ моего пріятеля войти чортъ, то есть настоящій чортъ, какъ есть настоящій. Во 2-й книжкѣ помѣщенъ Робинзонъ, обратившійся въ сказку, лишенную всякаго смысла. За Робинзономъ напечатана арабская сказка о горѣ Сезамъ и 40 разбойникахъ, передѣланная на русскіе нравы. Въ ней дѣйствуютъ Дуняшка, Евдокимъ, Петръ Ивановичъ, Пахомъ Сидорычъ и т. д. Зачѣмъ сдѣлана эта передѣлка и зачѣмъ вынуть смыслъ изъ Робинзона,—это, конечно, никому неизвѣстно, въ томъ числѣ и самой редакціи «Ясной Поляны»: вѣдь нельзя знать, что и какъ разсказывать народу. А языкъ разсказовъ очень хорошъ.

Французскіе законы

ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

При объявленіи объ учрежденіи комиссіи для пересмотра, дополненія и измѣненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія выражено было желаніе, «чтобы литература наша нѣсколько ближе ознакомила публику съ вопросами, до законодательства о печати относящимися». Тутъ же было высказано мнѣніе, что «сравнительное изложеніе законодательствъ другихъ образованныхъ государствъ и теоретическая оцѣнка ихъ могли бы приготовить общественное мнѣніе къ правильному разумѣнію силы и значенія новой системы законодательства о книгопечатаніи».

Въ Западной Европѣ и въ Америкѣ существуютъ двѣ главные системы законодательныхъ и правительственныхъ отношеній къ дѣламъ книгопечатанія.

Первая система, господствующая въ Англіи, въ Швейцаріи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, утверждается на томъ общемъ принципѣ, что дѣламъ книгопечатанія не придается никакого спеціальнаго значенія или исключительнаго положенія: законъ и правительство не дѣлаютъ никакой существенной разницы между этими и другими подобными дѣлами, подлежащими только дѣйствию общихъ законовъ. Такъ, во-первыхъ, типографская сторона книгопечатанія ставится въ одно положеніе со всѣми обыкновенными фабричными производствами или мастерствами. Если не нужно никакого особеннаго разрѣшенія, чтобы основать столярное или токарное заведеніе, суконную фабрику или свѣчной заводъ, то не требуется никакого разрѣшенія и на заведеніе типографіи. Ее можетъ открыть всякій, у кого есть охота и средства. — Точно также, если суконный фабрикантъ или шляпный мастеръ воленъ выставять или не выставять свое имя на издѣліи, то и типографщикъ воленъ печатать книги съ обозначеніемъ или безъ обозначенія своего имени на нихъ. Но если шляпный фабрикантъ или зонтичный мастеръ выставитъ на своемъ издѣліи имя

другаго мастера или фабриканта, онъ, по жалобѣ этого мастера или фабриканта, подвергается извѣстному наказанію за подлогъ. Тому же наказанію подвергается типографщикъ по претензіи другаго типографщика, если выставитъ его имя на книгѣ, которую напечаталъ. Словомъ сказать, нѣтъ особенныхъ законовъ и особенныхъ наказаній для типографщиковъ, какъ нѣтъ особенныхъ законовъ и наказаній для каретниковъ, шорниковъ, портныхъ, трубочистовъ.

Точно также нѣтъ особенныхъ законовъ и наказаній для книгопродавцевъ, какъ нѣтъ особенныхъ законовъ и наказаній для купцовъ, торгующихъ мыломъ или саломъ, шелковыми матеріями или зеркалами. Какъ безъ всякаго разрѣшенія открывается чайный магазинъ или мелочная лавочка, точно также и книжная лавка.

Что касается писателей, сотрудниковъ, редакторовъ, собственниковъ статей, газетъ, журналовъ и книгъ, они также считаются обыкновенными людьми, вовсе не заслуживающими такого великаго вниманія со стороны законодательства и администраціи, чтобы обращаться съ ними по какимъ нибудь особеннымъ правиламъ, чѣмъ съ другими людьми. Какъ и всякіе другіе люди, они могутъ совершать дѣйствія, противныя закону; но не предполагается, чтобы способъ совершенія такихъ дѣйствій посредствомъ маленькихъ вещей, отливаемыхъ лѣтъ склава, называющагося гартомъ, посредствомъ черной масляной краски, заключалъ въ себѣ нѣчто специально-чароудѣйственное и чтобы отъ этого способа измѣнялся характеръ самаго дѣйствія, такъ что уже недостаточны противъ поступка, такимъ способомъ совершеннаго, тѣ законы, которые достаточны противъ того же поступка, совершеннаго всякимъ другимъ способомъ. Напримѣръ, человекъ можетъ оклеветать или обезславить какое нибудь лицо разными способами: распуская изподтишка изветные слухи, или разсказывая громко въ обществѣ, или разсылая письма;—если есть законъ, достаточный для наказанія клеветы, для уменьшенія охоты къ ней, для возстановленія чести оклеветаннаго лица, во всѣхъ этихъ случаяхъ,—то считается, что этотъ законъ достаточенъ для достиженія той же цѣли и при совершеніи клеветы посредствомъ печати.—Точно также человекъ можетъ очень различными способами возбуждать другихъ людей къ нарушенію общественнаго порядка: онъ можетъ дѣлать это тайными разговорами наединѣ, громкими разговорами въ обществѣ, разсылкою анонимныхъ или подписанныхъ писемъ; можетъ вести людей къ тому же какими нибудь своими хитрыми дѣйствіями, приводящими ихъ въ раздраженіе не противъ него, а противъ закона или администраціи, или вводя ихъ въ положенія, ставящія во вражду къ порядку, и дѣйствія эти, совершаемыя ими подъ его вліяніемъ, могутъ быть сами по себѣ или преступны (напримѣръ, дать человеку сдѣлаться воромъ — значитъ, сдѣлать его готовымъ и къ дѣйствіямъ противъ правительства, отъ котораго будетъ онъ опасаться наказанія), или могутъ быть сами по себѣ не преступны (напримѣръ, дать человеку выпить лишнее, тутъ еще нѣтъ преступленія; но пьяный человекъ готовъ на многое такое, чего не сдѣлаетъ трезвый).—Если общій законъ, охраняющій спокойствіе страны и ея правительственныя формы, достаточенъ для наказанія за эти многоразличные способы возбужденія и для обузданія охоты пользоваться ими, то предполагается, что онъ достаточенъ и противъ возбужденій, которыя бы могли дѣлаться посредствомъ печати.

Такой взгляд утвердился, какъ мы сказали, въ нѣкоторыхъ странахъ: въ печати нѣтъ ничего столь важнаго, или опаснаго, или особеннаго, чтобы нужно или полезно было имѣть для нея особенные законы; достаточно для общественной и частной безопасности прилагать къ дѣламъ печати тѣ самые законы, какіе прилагаются вообще ко всякимъ дѣламъ.

Но на континентѣ западной Европы преобладаетъ другой взглядъ, дающій дѣламъ печати какое-то исключительное значеніе и потому ставящій ихъ въ исключительное положеніе. Предполагается, что типографскій станокъ имѣетъ какую-то специфическую силу въ родѣ белладонны, сѣрной кислоты, гремучаго серебра,—вещей очень полезныхъ, но только при чрезвычайно бдительномъ надзорѣ за ихъ употребленіемъ, и мгновенно могущихъ надѣлать страшныхъ бѣдъ при малѣйшей оплошности. Попадись пакетъ съ гремучимъ серебромъ въ руки неосторожнаго или злонамѣреннаго, разрушится цѣлый домъ, погибнутъ пожалуй сотни людей. Такое мнѣніе, приписывающее чрезвычайную вредоносную силу наносить неисцѣлимые раны, существовало или существуетъ и относительно очень многихъ предметовъ, не имѣющихъ въ себѣ ровно ничего такого. Наше личное мнѣніе не расположено къ ожиданію не натурально-вредоносныхъ результатовъ отъ предметовъ и дѣйствій, въ которыхъ нѣтъ силы производить такіа бѣдствія. Мы думаемъ, что для произведенія общественныхъ бѣдъ типографскій станокъ слишкомъ слабъ. Вѣдь нѣтъ на немъ столько чернилъ, чтобы, прорвавшись какъ нибудь, затопили онъ страну, и нѣтъ въ немъ такихъ пружинъ, чтобы, сорвавшись какъ нибудь и хлопнувъ по гартовымъ литерамъ, стрѣльнули онѣ ими какъ картечью. Намъ кажется, что безъ достаточной причины не можетъ произойти никакое потрясеніе или неспроверженіе, да и вообще никакое дѣйствіе; а если есть достаточныя причины, то дѣйствіе произойдетъ, какъ тамъ ни хлопотать объ устраненіи способовъ и поводовъ произойти ему: какіе нибудь способы и поводы все-таки представятся. Напримѣръ, если нѣтъ людямъ достаточныхъ причинъ быть недовольными, то и не вышлешь имъ недовольства никакими словами, изустными ли, письменными ли, печатными ли. Это дѣлается не словами, а фактами жизни,—общественными отношеніями и великими историческими случайностями въ родѣ какого нибудь неурожая или другаго бѣдствія, которому ни содѣйствовать, ни противодѣйствовать типографскій станокъ не можетъ.

Но мы знаемъ, что и въ этомъ дѣлѣ, какъ въ очень многихъ другихъ, нашъ простой взглядъ на дѣло кажется не довольно эффектенъ, не довольно мелодраматиченъ для большинства, которому вездѣ греются романческіе фокусы, чудныя сдѣленія, непостижимыя особенности, производящія то колоссальную пользу, то неизмѣримый вредъ посредствомъ самыхъ слабыхъ силъ и недостаточныхъ матеріаловъ. Во многомъ тутъ причиною сами литераторы, до забавности преувеличивающіе важность своего ремесла, по слабости, свойственной людямъ всякаго званія. По примѣру мольеровскаго ювелира, разсматривавшаго все на свѣтъ съ точки зрѣнія ювелирнаго мастерства, литераторы слишкомъ часто провозглашаютъ литературу тою осью, на которой вращается земля. Послушать ихъ, такъ всѣ великія событія производились литературой. Неудивительно, что они подвержены такому самобольщенію; но смѣшно, что посторонніе-то люди, образованная-то публика и просвѣщенные-то администраторы во многихъ стра-

нахъ еще вѣрять этой похвалѣ и приходятъ — кто въ удивленіе, кто въ благоговѣніе, кто въ огорченіе, кто въ озлобленіе передъ «великою, всевозбуждающею, всесовершеннѣющею» силою литературы надъ государственною жпзнію. Вѣдь не вѣрять же они сапожникамъ, думающимъ, что всего важнѣе сапожное искусство; смѣются же они надъ портными, воображающими, что люди живутъ на свѣтѣ только ихъ услугами. Какъ повидимому не разсудить постороннимъ людямъ, что всякое ремесло важно въ своей специальной сферѣ, а земля вертится и исторія движется вовсе не этимъ мастерствомъ, а силами несравненно болѣе и могущественными и простыми. Сапожникъ важенъ по части обуви, а въ другихъ дѣлахъ ничего не значить. У литературы тоже свое особенное дѣло, — конечно, гораздо болѣе возвышенное, но тоже специальное, и важна она только въ этой специальной отрасли жизни, а общій ходъ жизни не зависитъ отъ нея. Литература излагаетъ наблюденія, мысли, сообщаетъ теоретическія свѣдѣнія. Въ этомъ дѣлѣ она чрезвычайно важна. Но развѣ отъ приобрѣтенія теоретическихъ свѣдѣній человѣкъ чувствуетъ голодъ и холодъ, раздражается обидами, радуется счастливому устройству своихъ обстоятельствъ? Это все дѣлается въ немъ совершенно съ одинаковою силою, грамотенъ ли онъ, или безграмотенъ. Съ литературою и безъ литературы все равно стремится онъ къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, возбуждается тѣми же чувствами. Только онъ менѣе просвѣщенъ безъ литературы, вотъ и вся разница. Правда, разница очень важная, оказывающая великое вліяніе и на характеръ историческихъ событій. Мы не вѣрно сказали, что исторія не зависитъ отъ литературы, — нѣтъ, много зависитъ; только въ чемъ? Не въ сущности событій, а въ ихъ формѣ. Форма дѣйствій человѣка опредѣляется степенью его образованности. Разсердится очень грубый человѣкъ, — онъ бьетъ въ зубы того, на кого разсердился; если онъ немножко образованъ, онъ уже не станетъ драться, — онъ стыдится драки, да и знаетъ, что она — дѣло лишнее: онъ умѣетъ достаточно уязвить противника грубыми словами. Но если онъ еще болѣе развитъ, онъ и грубыя-то слова находитъ лишними: въ мягкихъ, совершенно приличныхъ выраженіяхъ онъ сумѣетъ обнаружить свое раздраженіе и достигнуть той же цѣли. Значить, дѣло не въ томъ, бывають ссоры или не бываетъ ихъ: это зависитъ отъ обстоятельствъ жизни, чаще всего отъ денежныхъ дѣлъ, а не отъ степени просвѣщенія; она опредѣляетъ только то, какая форма избирается для ссоры: грубая или благопристойная.

Но мы повторяемъ, что вовсе не ждемъ, чтобы такъ ужъ сейчасъ же показалось такое мнѣніе справедливымъ большинству общества у насъ ли, или даже на континентѣ западной Европы, кромѣ одной Швейцаріи. Эти страны еще слишкомъ мало познакомились съ размѣромъ литературнаго вліянія при такой же свободѣ дѣйствій литературнаго занятія, какими пользуются всѣ занятія, поставленныя только подъ общій законъ, не стѣсненны никакими специальными организаціями и надзорами. Это большинство восхищается или тревожится суетными обольщеніями относительно силы литературы производить историческіе перевороты. А мнѣніе большинства, — справедливое или несправедливое, все равно, — господствуетъ надъ всѣми общественными отношеніями и между прочимъ оно опредѣляетъ общественное положеніе литературы. Оно внушаетъ и держитъ во Франціи, въ Пруссіи, въ Австріи специальные законы

и спеціальныя мѣры предосторожности противъ литературы. Нельзя думать, чтобы въ нашемъ обществѣ, еще менѣе опытномъ и разсудительномъ по этому дѣлу, могъ волшебнымъ образомъ установиться другой взглядъ. Поэтому, если мы хотимъ говорить о правдоподобномъ, то должны обратить вниманіе не на ту систему, которая подчиняетъ литературу только общему закону, — а на систему, считающую необходимымъ спеціальное законодательство для литературы.

Изъ спеціальныхъ законодательствъ по литературнымъ дѣламъ самое образцовое — нынѣшнее французское законодательство. Называемъ его образцовымъ не потому, чтобы оно было самое лучшее для правительства или для общества (а для литературы оно самое худшее: это всеѣмъ извѣстно), — нѣтъ, оно образцовое потому, что фактически служило и служитъ образцомъ для другихъ законодательствъ той же системы, какъ и вообще вся французская государственная жизнь служила и служитъ образцомъ для континентальныхъ странъ западной Европы, не успѣвшихъ подняться еще и на ту степень историческаго развитія, какой достигла Франція. Браните Францію, хвалите Францію, какъ хотите, а все-таки она — передовая страна европейскаго континента и теперь, какъ была съ давнихъ поръ, и все-таки другія страны учатся у ней. Но ученики не могутъ хорошенько разбирать, что именно хорошо и что дурно у француза, — если бъ они умѣли разбирать это, они были бы опытнѣе и разумнѣе учителя, то есть ужъ и не были бы его учениками, а сдѣлались бы его наставниками. Мы хотѣли сказать очень не новую мысль, что вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ хорошаго, континентальныя страны перенимаютъ у Франціи и довольно много дурнаго. Рѣчь не о томъ, къ хорошему или къ дурному принадлежитъ то, что онѣ перенимаютъ отъ нея спеціальное литературное законодательство, — мы думаемъ только, что это вещь неизбежная.

Итакъ, прежде всего намъ надобно изучить французское литературное законодательство. Мы хотимъ сдѣлать это самымъ солиднымъ и холоднымъ образомъ, и начнемъ прямо переводомъ важнѣйшихъ французскихъ постановленій по дѣламъ печати. Они не сведены въ одинъ кодексъ, а состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ законовъ. Мы представимъ существенныя статьи главныхъ изъ этихъ законовъ.

Переводъ займетъ довольно много страницъ, и страницы эти будутъ совершенно сухи, очень скучны. Но кто хочетъ вѣрить на слово заключеніямъ, которыя мы сдѣлаемъ изъ нихъ, тотъ можетъ и вовсе не заглядывать въ эти страницы голаго перевода. А кто захочетъ провѣрить наши соображенія, тому обязаны же мы представить самый текстъ законовъ, о которыхъ будемъ судить.

Текстъ важнѣйшихъ французскихъ постановленій по дѣламъ печати.

ЗАКОНЪ 21 ОКТЯБРЯ 1814.

Статья 11. Ни типографщикомъ, ни книгопродавцемъ не можетъ быть никто иначе, какъ по патенту отъ правительства и по принесеніи присяги.

Статья 12. Патентъ можетъ быть взятъ назадъ у каждаго типографщика или книгопродавца, признаннаго по судебному приговору виновнымъ въ нарушеніи законовъ и правилъ.

Статья 13. Тайныя типографіи подвергаются уничтоженію, а ихъ владѣльцы и хранители наказываются штрафомъ въ 10 тысячъ франковъ и 6-мѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьму.—Тайною считается всякая типографія, не объявленная въ общемъ управленіи книжныхъ дѣлъ и для которой не было получено разрѣшенія.

Статья 14. Типографикъ не можетъ печатать сочиненія, не объявивъ предварительно, что намѣренъ печатать его, и не можетъ какимъ бы то ни было образомъ выпускать его въ продажу или обнародовать безъ предварительнаго представленія предписаннаго числа экземпляровъ, въ Парижѣ—въ секретарство общаго правленія книжныхъ дѣлъ, а въ департаментахъ—въ секретарство префектуры.

Статья 15. Задержка и секвестръ сочиненія происходитъ: 1) если типографикъ не представитъ росписокъ въ объявленіи и въ представленіи сочиненія по предыдущей статьѣ; 2) если на каждомъ экземплярѣ не выставлено истиннаго имени и истиннаго жительства типографщика; 3) если сочиненіе предано суду за свое содержаніе.

Статья 16. Недостатокъ предварительнаго объявленія до печатанія и недостатокъ предварительнаго представленія до обнародованія, обнаруженный по смыслу предыдущей статьи, наказывается каждый въ отдѣльности штрафомъ въ 1,000 франковъ въ первый разъ и въ 2,000 франковъ во второй.

Статья 17. Недостатокъ выставленія своего имени и своего жилища типографщикомъ наказывается штрафомъ въ 3,000 франковъ.—Выставленіе ложнаго имени и ложнаго мѣсто-жительства наказывается штрафомъ въ 6,000 франковъ, независимо отъ тюремнаго заключенія, установленнаго уголовнымъ кодексомъ.

Статья 18. Экземпляры, задержанные по причинѣ простаго нарушенія настоящаго закона, возвращаются по уплатѣ штрафовъ.

Статья 19. Книгопродавецъ, у котораго будетъ найдено сочиненіе безъ имени типографщика или который будетъ уличенъ въ томъ, что продавалъ или раздавалъ такое сочиненіе, подвергается штрафу въ 2,000 франковъ. Штрафъ уменьшается до 1,000 франковъ, если книгопродавецъ укажетъ типографщика.

ЗАКОНЪ 28 ФЕВРАЛЯ 1818.

Когда сочиненіе было задержано по 15 статьѣ закона 21 октября 1814, приказъ и протоколъ о его задержаніи теряютъ свою силу, если не будутъ объявлены въ теченіе 24 часовъ лицу, у котораго должна быть произведена задержка и которое можетъ протестовать противъ него.

ЗАКОНЪ 17 МАЯ 1819.

ГЛАВА I.

О публичномъ возбужденіи къ преступленіямъ и проступкамъ.

1. Кто рѣчами, криками или угрозами, произнесенными въ общественныхъ мѣстахъ или собраніяхъ, или сочиненіями и всякими печатными вещами, рисунками, гравюрами, картинами или эмблемами, проданными или розданными, продающимися или выставленными въ общественныхъ мѣстахъ или собраніяхъ, или объявленіями и афишами, выставленными на виду публики, возбудитъ виновника или виновниковъ какого либо дѣйствія, признаваемаго преступленіемъ или проступкомъ, къ совершенію этого поступка, — признается соучастникомъ этого поступка и наказывается, какъ соучастникъ.

2. Если кто однимъ изъ способовъ, перечисленныхъ въ статьѣ 1-й, сдѣлаетъ возбужденіе къ совершенію какого либо преступленія или какихъ либо преступленій, но это возбужденіе останется безъ всякаго послѣдствія, — тотъ наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 50 франковъ до 6,000 франковъ.

3. Если кто однимъ изъ тѣхъ же способовъ сдѣлаетъ возбужденіе къ совершенію какого либо проступка или какихъ либо проступковъ, но это возбужденіе останется безъ всякаго послѣдствія, то наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 3 дней до 2 лѣтъ, и штрафомъ отъ 30 франковъ до 4,000 франковъ, или только однимъ изъ этихъ двухъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ; кромѣ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ законъ постановляетъ менѣе тяжелое наказаніе самому виновнику проступка, — въ этихъ случаяхъ наказаніе, определенное виновнику, налагается и на возбуждавшаго къ проступку.

6. Возбужденіе однимъ изъ этихъ способовъ къ неповиновенію законамъ подлежитъ наказаніямъ, установленнымъ статьею 3-ю.

ГЛАВА II.

Объ оскорбленіяхъ общественной и религіозной нравственности, или добрыхъ нравовъ.

8. Всякое оскорбленіе общественной и религіозной нравственности или добрыхъ нравовъ однимъ изъ способовъ, перечисленныхъ въ статьѣ 1-й, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 16 франковъ до 500 франковъ.

ГЛАВА III.

Объ оскорбленійхъ королю.

9. Кто однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ ст. 1-й настоящаго закона, сдѣлается виновнымъ въ оскорбленіи лицу короля, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 6 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 500 франковъ до 10,000 франковъ.—Виновный сверхъ того можетъ быть лишень нѣкоторыхъ или всѣхъ правъ, упомянутыхъ въ статьѣ 42 уголовного кодекса, на время, равное сроку тюремнаго заключенія, на которое онъ осужденъ; это время считается съ того дня, въ который онъ подвергается наказанію.

(Ст. 42 уголовного кодекса. Исправительныя судилища могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ лишать вполне или отчасти слѣдующихъ общественныхъ, частныхъ и семейныхъ правъ: 1) права голоса на выборахъ; 2) права быть избираемымъ; 3) быть призываемымъ или назначаемымъ въ званіе присяжнаго, или другія общественныя званія, или административныя должности, или исполнять эти званія или должности; 4) право носить оружіе; 5) права участованія и голоса въ семейныхъ совѣтахъ; 6) права быть опекуномъ, попечителемъ, кромѣ какъ своихъ дѣтей и только по рѣшенію семейнаго совѣта; 7) быть экспертомъ или свидѣтелемъ въ актахъ; 8) быть свидѣтелемъ въ судѣ иначе какъ просто для сообщенія свѣдѣній, невозбуждающихъ спора).

ГЛАВА IV.

О публичныхъ оскорбленіяхъ членамъ королевской фамиліи, иностраннымъ государямъ и главамъ иностранныхъ правительствъ.

10. Оскорбленіе однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ ст. 1, членовъ королевской фамиліи наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 5,000 франковъ.

12. Оскорбленіе однимъ изъ тѣхъ же средствъ иностранныхъ государей или главъ иностранныхъ правительствъ наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 5,000 франковъ.

ГЛАВА V.

О публичныхъ обезславленіи и обидѣ.

13. Приведеніе или взведеніе на какое либо лицо или корпорацію факта, вредящаго чести или уваженію этого лица или этой корпораціи, есть обезславленіе.—Оскорбительное выраженіе, презрительное или нападчивое слово, не заключающее въ себѣ взведенія никакого факта, есть обида.

14. Обезславленіе и обида, совершенныя однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ статьѣ 1-й настоящаго закона, наказываются по слѣдующимъ различіямъ.

16. Обезславленіе обличеннаго общественною властью или служащаго лица за факты, относящіеся къ его должности, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 8 дней до 1¹/₂ года и штрафомъ отъ 50 до 3,000 фр.—Заключеніе въ тюрьму и штрафъ въ этомъ случаѣ могутъ назначаться оба вмѣстѣ или только одно изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ.

17. Обезславленіе посланниковъ, полномочныхъ министровъ, пословъ, повѣренныхъ по дѣламъ или другихъ дипломатическихъ агентовъ, аккредитованныхъ у короля, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 8 дней до 1¹/₂ года и штрафомъ отъ 50 до 3,000 фр., или только однимъ изъ этихъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ.

18. Обезславленіе частныхъ лицъ наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 5 дней до 1 года и штрафомъ отъ 25 до 2,000 фр. или только однимъ изъ этихъ двухъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ.

19. Обида лицамъ, означеннымъ статьями 16 и 17 настоящаго закона, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 5 дней до 1 года и штрафомъ отъ 25 до 2,000 фр. или только однимъ изъ этихъ двухъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ.—Обида частнымъ лицамъ наказывается штрафомъ отъ 16 до 500 фр.

ГЛАВА VI.

Общая распорядка.

24. Типографщики, напечатавшіе сочиненія, авторы которыхъ подвергнутся суду по силѣ настоящаго закона, если исполнили обязанности, предписанныя закономъ 21 октября 1814 г., не могутъ быть предаваемы суду за самый фактъ напечатанія этихъ сочиненій, если не дѣйствовали умышленно.

ЗАКОНЪ 26 МАЯ 1819.

1. Преслѣдованіе преступленій и проступковъ, совершенныхъ посредствомъ печати или другимъ способомъ обнародованія, происходитъ отъ официальной власти и по требованію королевскаго прокурора, съ нижеслѣдующими видоизмѣненіями.

2. Въ случаяхъ оскорбленія обѣимъ палатамъ или одной изъ нихъ, преслѣдованіе происходитъ не иначе какъ по разрѣшенію палаты, которая сочтетъ себя оскорбленною.

3. Въ случаяхъ того же проступка противъ лица иностранныхъ государей и главъ иностранныхъ правительствъ преслѣдованіе происходитъ не иначе какъ по жалобѣ или требованію государя или главы правительства, который почтетъ себя оскорбленнымъ.

4. Въ случаѣ обезславленія или обиды правительственныхъ мѣстъ, судищъ и другихъ правительственныхъ учрежденій, преслѣдованіе происходитъ не иначе какъ по совѣщанію этихъ учрежденій въ общемъ присутствіи и по рѣшенію ихъ требовать преслѣдованія.

5. Въ случаѣ тѣхъ же проступковъ противъ облеченнаго общественною властью или служащаго лица, противъ иностраннаго дипломатическаго агента, аккредитованнаго при королѣ, или противъ частнаго лица, преслѣдованіе происходитъ не иначе какъ по жалобѣ лица, которое почтетъ себя обиженнымъ.

7. Немедленно по полученіи прокурорскаго обвинительнаго акта или по полученіи жалобы, слѣдственный судья можетъ секвестровать сочиненія, афиши,

рисунки, гравюры, эмблемы или другія средства обнародованія.—Приказъ о секвестрѣ и протоколъ секвестрованія долженъ быть въ теченіе 3-хъ дней по совершеніи секвестра объявленъ лицу, въ рукахъ котораго находился секвестрованный предметъ; иначе секвестръ теряетъ свою силу.

8. Въ теченіе 8 дней отъ вышесказаннаго объявленія слѣдственный судья обязанъ сдѣлать докладъ палатѣ совѣта, которая поступаетъ по силѣ уголовного слѣдственного кодекса, кн. 1-й, гл. IX-й, кромѣ видоизмѣненій, устанавливаемыхъ ниже.

9. Если палата совѣта единогласно думаетъ, что нѣтъ основанія къ преслѣдованію, она отмѣняетъ секвестръ.

10. Въ противномъ случаѣ, или въ случаѣ протеста королевскаго прокурора или истца противъ рѣшенія палаты совѣта, слѣдственные акты немедленно передаются генераль-прокурору, который обязанъ въ пятидневный срокъ по ихъ полученіи сдѣлать докладъ палатѣ, разсматривающей вопросы о преданіи суду, которая обязана постановить рѣшеніе въ теченіе 3-хъ дней.

11. По несоблюденію какого либо изъ этихъ сроковъ секвестръ тѣмъ самымъ уже уничтожается, и лицо, храненію котораго врученъ секвестрованный предметъ, обязано возвратить его собственнику по простому предъявленію экзекуторскаго удостовѣренія въ томъ, что распоряженія въ срокъ не сдѣлано.—Экзекуторъ обязанъ по первому требованію давать такое удостовѣреніе подъ страхомъ штрафа въ 300 франковъ и сверхъ того уплаты могущихъ быть проторей и убытковъ.

14. Проступки обезславленія и обиды посредствомъ печати частнымъ лицамъ судятся трибуналами исправительной полиціи.

20. Не дозволяется доказывать истину обезславливающихъ фактовъ, кромѣ какъ въ случаѣ введенія ихъ на лица, облеченныя общественною властью или служащія, когда эти взводимые на нихъ факты относятся къ исполненію ими должности и совершены ими въ официальномъ характерѣ. Въ этомъ случаѣ факты могутъ быть доказываемы предъ уголовнымъ судомъ всѣми обыкновенными путями.—Доказательство введенныхъ фактовъ ставитъ взведшее лицо внѣ всякаго наказанія, независимо, впрочемъ, отъ наказаній, налагаемыхъ за всякую обиду, независящую необходимо отъ этихъ самыхъ фактовъ.

23. Жалующійся на обезславленіе или обиду можетъ представлять свидѣтелей въ защиту своей нравственности. Обвиняемому имъ въ обезславленіи или обидѣ не дозволяется представлять свидѣтелей противъ нравственности жалующагося.

26. Приговоръ, осуждающій виновныхъ или соучастниковъ преступленій и проступковъ, совершенныхъ посредствомъ опубликованія, всегда долженъ повелѣвать уничтоженіе или разрушеніе секвестрованныхъ предметовъ.—Публикація приговора въ газетахъ или посредствомъ афишъ можетъ быть приговоромъ постановляема на счетъ осужденнаго.

29. Преслѣдованіе преступленій и проступковъ, совершенныхъ путемъ печати или какимъ либо другимъ способомъ публикаціи, не можетъ уже быть начинаемо по истеченіи 6 мѣсячнаго срока со времени обнародованія.

ЗАКОНЪ 9 ЮНЯ 1819.

3. Газетный залогъ исключительно назначается на издержки, протори и убытки и штрафы, которымъ могутъ подвергаться собственники или издатели. Въ случаѣ его недостаточности взысканіе производится съ имущества отвѣтственныхъ собственниковъ или издателей газеты или журнала и авторовъ и редакторовъ осужденныхъ статей.

4. Штрафы должны быть уплачены и залогъ пополненъ въ 15-дневный срокъ отъ объявленія приговора; по истеченіи 15 дней безъ пополненія залога, газета или журналъ перестаетъ выходить, пока залогъ будетъ пополненъ.

6. Кто выпуститъ въ свѣтъ газету или журналъ безъ удовлетворенія условіймъ, предписаннымъ статьею 4-ю настоящаго закона, подвергается исправительному наказанію заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 до 6 мѣсяцевъ и штрафомъ отъ 200 до 1,200 франковъ.

8. Всякая газета обязана помѣщать присылаемыя ей правительствомъ для напечатанія officialныя сообщенія на слѣдующій же день по полученіи этихъ бумагъ, подъ однимъ условіемъ уплаты издержекъ ихъ напечатанія.

9. Собственники или отвѣтственные издатели газеты или журнала или авторы, или редакторы напечатанныхъ въ немъ статей, преданныхъ суду, будутъ преслѣдуемы и судимы по формамъ и степенямъ, установленнымъ относительно всѣхъ другихъ публикацій.

10. Въ случаѣ осужденія они подвергаются тѣмъ же наказаніямъ; по штрафы могутъ быть увеличиваемы вдвое, а въ случаѣ повторенія преступленія или проступка увеличиваемы въ четыре раза, независимо отъ устанавливаемыхъ уголовнымъ кодексомъ наказаній за повтореніе проступка или преступленія.

(По проступкамъ, повтореніемъ проступка называется то, когда до истеченія года со времени перваго приговора совершается тѣмъ же лицомъ новый проступокъ (Уголовный кодексъ, ст. 483).

Уголовный кодексъ ст. 58. Виновные, осужденные на исправительное наказаніе заключеніемъ въ тюрьму болѣе чѣмъ на годъ, присуждаются, въ случаѣ новаго проступка, къ высшей мѣрѣ наказанія, установленной закономъ, и это наказаніе можетъ быть увеличиваемо вдвое. Сверхъ того они подвергаются особенному надзору правительства отъ 5 до 10 лѣтъ.

Это относится къ случаямъ, когда подвергающее наказанію дѣйствіе составляетъ по французскому закону только проступокъ, а не преступленіе, а къ повторенію преступленій относятся слѣдующія статьи:

Ст. 56. Кто, будучи осужденъ на карательное или безславящее наказаніе (безславящимъ наказаніемъ называется по французскому закону лишеніе какихъ либо правъ), совершить второе преступленіе, влекущее за собою потерю гражданскихъ правъ, тотъ подвергается изгнанію. Если второе преступленіе влечетъ за собою заключеніе въ тюрьму, онъ подвергается высшей мѣрѣ этого наказанія, могущей быть увеличиваемою вдвое.

Уголовный кодексъ ст. 57. Кто, будучи наказанъ за преступленіе, совершить проступокъ, влекущій за собою исправительное наказаніе, подвергается высшей мѣрѣ наказанія, и она можетъ быть удвоена).

12. Нарушеніе ст. 8-й наказывается штрафомъ отъ 100 до 1000 фр.

13. Преслѣдованіе за нарушеніе ст. 8-й не можетъ быть начинаемо по прошествіи трехъ мѣсяцевъ со времени нарушенія.

ЗАКОНЪ 25 МАРТА 1822.

О наказаніи.

1. Кто однимъ изъ способовъ, численнхъ въ ст. закона 17 мая 1819, оскорбитъ или обратитъ въ смѣхъ государственную религію, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 3 мѣяцевъ до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 300 до 6,000 фр.—Тѣмъ же наказаніямъ подвергается тотъ, кто оскорбитъ или обратитъ въ смѣхъ всякую другую религію, существованіе которой законно признано во Франціи.

4. Кто, однимъ изъ тѣхъ же способовъ, будетъ возбуждать къ ненависти или презрѣнію противъ правительства короля, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 4 лѣтъ и штрафомъ отъ 150 до 5,000 франковъ. Настоящая статья не нарушаетъ права подвергать обсужденію и порицанію дѣйствія министровъ.

5. Обезславленіе или обида, однимъ изъ тѣхъ же способовъ, правительственныхъ мѣстъ, судилищъ, законныхъ учреждений, общественныхъ властей и администраціи наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 15 дней до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 150 до 5,000 франковъ.

6. Публичное оскорбленіе, какимъ либо способомъ, одного или нѣсколькихъ членовъ палатъ, или лица, состоящаго на службѣ, или служителя государственной религіи или какой либо изъ религій, существованіе которыхъ закономъ признано во Франціи, за его служебныя обязанности или въ его служебномъ характерѣ, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 15 дней до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 4,000 франковъ. Такой же проступокъ противъ присяжнаго за его обязанности или противъ свидѣтеля за его показанія наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 10 дней до 1 года и штрафомъ отъ 50 до 3,000 франковъ.

7. Невѣрность и недобросовѣтность въ газетныхъ и журнальныхъ отчетахъ о засѣданіяхъ палатъ, правительственныхъ мѣстъ и судилищъ наказывается штрафомъ отъ 1,000 до 6,000 франковъ. Въ случаѣ повторенія или когда отчетъ будетъ оскорбителенъ для той или другой палаты или для кого либо изъ пэровъ и депутатовъ, или обиденъ для правительственного мѣста, судилища или кого либо изъ судебныхъ сановниковъ, присяжныхъ или свидѣтелей,—издатели газеты сверхъ того наказываются заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ. Въ тѣхъ же случаяхъ можетъ быть запрещаемо на время или навсегда собственникамъ и издателямъ осужденныхъ газеты или журнала помѣщать отчеты о законодательныхъ или судебныхъ преніяхъ. Нарушеніе этого запрещенія подвергается наказаніямъ, указаннымъ этою статьею, въ удвоенномъ размѣрѣ.

10. Кто, однимъ изъ средствъ, численнхъ 1-ю статьею закона 17-го мая 1819 г., будетъ стараться нарушать общественное спокойствіе, возбуждая гражданъ къ презрѣнію или ненависти противъ какого либо класса или какихъ либо классовъ, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 15 дней до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 4,000 франковъ.

11. Собственники или издатели газеты или журнала обязаны помѣщать въ 3-хъ дневный срокъ отъ полученія или въ ближайшемъ номерѣ, если изданіе не выходило до истеченія 3-хъ дневнаго срока, отвѣтъ всякаго лица, поименованнаго или обозначеннаго въ газетѣ или журналѣ, подъ страхомъ штрафа отъ 50 до 500 фр., независимо отъ другихъ наказаній и проторей и убытковъ, могущихъ возникнуть изъ обвиненной статьи. Это помѣщеніе должно быть безплатное, и отвѣтъ можетъ имѣть размѣръ вдвое большій статьи, на которую онъ дѣлается.

ЗАКОНЪ 18 ЮЛІА 1828.

1. Всякій совершеннолѣтній французъ, пользующійся гражданскими правами, можетъ, безъ предварительнаго разрѣшенія, издавать газету или журналъ, сообразуясь съ постановленіями настоящаго закона.

2. Собственники или издатели газеты или журнала обязаны до начала изданія представить залогъ.

3. Изъемяются отъ всякаго залога: 1) газеты или журналы, выходящіе только разъ въ мѣсяцъ или рѣже; 2) газеты или журналы, исключительно посвященные математическимъ, физическимъ и естественнымъ наукамъ или ученымъ трудамъ и изслѣдованіямъ, или механическимъ и свободнымъ искусствамъ, то есть наукамъ и искусствамъ, которыми занимаются академіи наукъ и словесности; 3) газеты и журналы, чуждые политикѣ и исключительно посвященные словесности или другимъ отраслямъ знанія, не обозначеннымъ выше, если выходить не болѣе двухъ разъ въ недѣлю; 4) періодическія изданія, чуждыя политикѣ и выходящія не на французскомъ языкѣ; 5) періодическіе листы, исключительно посвященные объявленіямъ, извѣстіямъ о цѣнахъ и прейскурантамъ.

6. Газета или журналъ, подлежащіе залогу, не могутъ издаваться безъ предварительнаго объявленія, содержащаго: 1) имя газеты или журнала и сроки выхода; 2) имя всѣхъ собственниковъ, ихъ жителство и ихъ участіе въ предпріятіи; 3) имя и мѣсто жителства отвѣтственныхъ редакторовъ; 4) заявленіе, что эти собственники и редакторы имѣютъ качества, требуемыя закономъ (качества эти опредѣляются статьею 980 гражданского кодекса слѣдующимъ образомъ: они должны быть мужчины, совершеннолѣтніе, подданные императора, пользующіеся гражданскими правами); 5) указаніе типографіи, въ которой будетъ печататься газета или журналъ; о всякой перемѣнѣ въ имени изданія, срокахъ его выхода, въ собственникахъ или отвѣтственныхъ издателяхъ, или въ типографіи должно быть заявляемо власти въ теченіе 15 дней, слѣдующихъ за перемѣною. Эта обязанность лежитъ на отвѣтственныхъ редакторахъ; за неисполненіе они наказываются штрафомъ въ 500 франковъ.

8. Великій № изданія подписывается въ корректурѣ отвѣтственнымъ редакторомъ. Этотъ подписанный экземпляръ представляется мѣстному королевскому прокурору, а въ городахъ, въ которыхъ нѣтъ трибунала первой инстанціи, мѣру, подъ страхомъ штрафа въ 500 франковъ. Въ предъявленіи подписаннаго экземпляра дается росписка. Подпись печатается на всѣхъ экземплярахъ. Лицо подписавшее отвѣтствуетъ за содержаніе подписаннаго номера и подвергается всѣмъ наказаніямъ, могущимъ послѣдовать за него, независимо отъ

отвѣтственности автора статьи, какъ соучастника. Потому судебное преслѣдованіе можетъ быть ведено, какъ противъ лицъ, подписавшихъ нумеръ, такъ и противъ автора или авторовъ обвиненной статьи.

15. Въ случаѣ повторенія преступленія или проступка тѣмъ-же отвѣтственнымъ редакторомъ, судилища независимо отъ постановленія статьи 10-й закона 9 іюня 1819 г. могутъ, смотря по важности проступка, приостанавливать изданіе газеты или журнала на время отъ 10 дней до 2 мѣсяцевъ.

ЗАКОНЪ 8 ОКТЯБРЯ 1830.

1. Все проступки, совершаемые способомъ печати, подлежатъ производству въ ассизныхъ судахъ.

6. Политическіе проступки также подлежатъ производству въ ассизныхъ судахъ.

ЗАКОНЪ 29 НОЯБРЯ 1830.

1. Нападеніе однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ статьею 1-ю закона 17 мая 1819 г., противъ королевскаго достоинства, порядка престолонаслѣдія, правъ, имѣемыхъ королемъ по желанію французской націи и по конституціонной хартіи, противъ его конституціонной власти, неприкосновенности его особы, противъ правъ и власти палатъ, наказывается заключеніемъ въ тюрьму на время отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ, и штрафомъ отъ 300 до 6.000 франковъ.

ЗАКОНЪ 14 ДЕКАБРЯ 1830.

2. Неизмѣнная штемпельная пошлина съ газетъ и журналовъ устанавливается въ 6 сантимовъ съ cadaго листа, величиною въ 30 квадратныхъ дециметровъ и меньше, и въ 3 сантима съ cadaго полулиста въ 15 квадратныхъ дециметровъ и меньше.—Газета или журналъ, печатаемые на полулистѣ болѣе 15 и менѣе 30 квадратныхъ дециметровъ, платятъ по прибавочному сантиму за каждые 5 квадратныхъ дециметровъ.—Не берется прибавочной пошлины за дробь меньшую 5 дециметровъ.—Не берется пошлины съ прибавленія, не превышающаго 30 квадратныхъ дециметровъ, выдаваемого при газетахъ, печатаемыхъ на листѣ въ 30 квадратныхъ дециметровъ и меньше.

ЗАКОНЪ 10 СЕНТЯБРЯ 1835.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О преступленіяхъ, проступкахъ и нарушеніяхъ правилъ.

1. Всякое возбужденіе однимъ изъ средствъ, исчисленныхъ въ статьѣ 1-й закона 17 мая 1819 г., къ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ статьями 86 и 87 уголовного кодекса, будетъ ли оно имѣть послѣдствіе, или останется

безъ послѣдствій, есть преступленіе противъ государственной безопасности. — Если оно будетъ имѣть послѣдствія, то наказывается сообразно ст. 1-й закона 17 мая 1819 г. (то есть, какъ государственное преступленіе, подлежитъ наказанію, опредѣленному статьею 87-ю уголовного кодекса). — Если оно останется безъ послѣдствій, оно наказывается лишеніемъ личной свободы и штрафомъ отъ 10,000 до 50,000 франковъ.

(Уголовный кодексъ, ст. 87. Преступленіе, имѣющее цѣлью низверженіе или измѣненіе правительства, или порядка престолонаслѣдія, или возбужденіе гражданъ къ поднятію оружія противъ императорской власти, наказывается ссылкой въ крѣпость.

Ст. 88. Только исполненіе или попытка къ исполненію составляютъ преступленіе (то есть одинъ замыселъ, не сопровождавшійся никакою попыткою исполненія, не составляетъ преступленія).

Лишеніемъ свободы (detention) называется по французскому уголовному кодексу наказаніе болѣе сильное, чѣмъ простое заключеніе въ тюрьму (emprisonnement). Заключеніе въ тюрьму бываетъ простымъ исправительнымъ, а не уголовнымъ наказаніемъ; лишеніе свободы — всегда уже уголовное наказаніе. — Заключеніе въ тюрьму имѣетъ сроки и очень непродолжительныя, напримѣръ, нѣсколько дней; а лишеніе свободы назначается всегда на срокъ не менѣе 5 лѣтъ. Наконецъ заключеніе въ тюрьму есть заключеніе въ обыкновенную тюрьму, а лишеніе свободы есть заключеніе въ крѣпость. Вотъ опредѣленіе лишенія свободы по статьѣ 20-й уголовного кодекса. «Осужденный на лишеніе свободы запирается въ одну изъ крѣпостей, находящихся на континентальной территоріи имперіи. — Онъ имѣетъ сношенія съ лицами, находящимися въ мѣстѣ его заключенія или въ того мѣста, но полицейскимъ регламентамъ» (то есть свиданія съ нимъ и переписка его подлежатъ болѣе строгому ограниченію и надзору, чѣмъ у лица, подвергнувшагося простому заключенію въ тюрьму). «Лишеніе свободы налагается на время отъ 5 до 20 лѣтъ». — Наконецъ, по статьѣ 47 уголовного кодекса, чело- вѣкъ, подвергнувшійся лишенію свободы, остается по окончаніи своего наказанія на всю жизнь подъ надзоромъ политической полиціи, которому не подлежитъ лицо, подвергнувшееся простому заключенію).

2. Оскорбленіе королю, совершенное тѣми же способами, когда оно имѣетъ цѣлью возбудить къ ненависти и къ презрѣнію его особы или его конституціонной власти, есть преступленіе противъ государственной безопасности. Виновный въ немъ судится и наказывается по предыдущей статьѣ.

3. Всякое другое оскорбленіе королю наказывается по ст. 9 закона 17 мая 1819 г.

4. Кто переноситъ на короля порицаніе или отвѣтственность за дѣйствія его правительства, наказывается заключеніемъ въ тюрьму срокомъ отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 500 до 5,000 франковъ.

5. Нападеніе на принципъ или форму правительства, установленнаго конституціею 1830 года, есть государственное преступленіе противъ безопасности государства, когда имѣетъ цѣлью возбудить къ низверженію или перемѣнѣ правительства. Виновный въ немъ судится и наказывается по ст. 1-й настоящаго закона.

6. Всякое другое нападеніе, предусмотрѣнное закономъ 21 ноября 1830 г., остается подлежащимъ наказанію, установленному тѣмъ закономъ.

7. Наказаніямъ, упомянутымъ въ предыдущей статьѣ, подлежатъ тѣ, которые публично признають всякую другую форму правительства, приписывая права на французскій престолъ лицамъ, навсегда изгнаннымъ по закону 10 апрѣля

1832 года (то есть Бурбонамъ старшей линіи), или кому либо кромѣ Людовика Филиппа I и его потомства; или принимая названіе республиканца, или иное несомѣстное съ конституціею 1830 г.; или выражая желаніе, надежду или угрозу о низверженіи конституціоннаго монархическаго порядка, или о возстановленіи низложенной династіи.

8. Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ предыдущею статьею настоящаго закона и статьею 8 закона 17 мая 1819 г., судилища могутъ, смотря по обстоятельствамъ, возвышать наказаніе до двойнаго размѣра означенной въ томъ законѣ высшей степени.

9. Во всѣхъ случаяхъ обезглавленія, предусмотрѣнныхъ законами, установленныя наказанія могутъ, смотря по важности обстоятельствъ, быть увеличиваемы до двойнаго размѣра высшей степени наказанія, какъ относительно заключенія въ тюрьму, такъ и относительно штрафа.—Сверхъ того виновный можетъ быть лишася всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ, перечисляемыхъ статьею 42 уголовного кодекса, на время равное сроку заключенія въ тюрьму.

(Ст. 42 уголовного кодекса приведена выше).

11. Воспрещается публично открывать или объявлять подписки, имѣющія цѣлью вознаградить штрафы, издержки, протори и убытки, наложенныя судебными приговорами. Нарушеніе этого наказывася заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 500 до 5,000 франковъ.

12. Въ случаѣ вторичнаго осужденія того же отвѣтственнаго редактора или той же газеты въ теченіе одного года, судилища могутъ приостанавливать изданіе газеты на время до 4 мѣсяцевъ, если осужденіе было за преступленіе (то есть,—а не за простой проступокъ).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Объ отвѣтственности редакторовъ газетъ и журналовъ.

13. Залогъ вносится деньгами въ казначейство, которое платитъ по немъ проценты. Залогъ опредѣляется слѣдующій. Если газета или журналъ выходитъ болѣе двухъ разъ въ недѣлю, залогъ долженъ быть 100,000 франковъ. Онъ долженъ быть въ 75,000 фр., если газета или журналъ выходитъ только два раза въ недѣлю. Онъ долженъ быть въ 50,000 фр., если газета или журналъ выходитъ одинъ разъ въ недѣлю. Онъ долженъ быть въ 25,000 фр., если газета или журналъ выходитъ только болѣе одного раза въ мѣсяцъ. (Эти размѣры залога опредѣляются для изданій, выходящихъ въ департаментъ Сены, Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны, т. е. въ Парижъ и его окрестностяхъ). Залогъ ежедневныхъ газетъ, выходящихъ въ другихъ департаментахъ, кромѣ трехъ поименованныхъ, долженъ быть въ 25,000 франк. въ городахъ, имѣющихъ 50,000 жителей и болѣе; онъ долженъ быть въ 15,000 фр. въ городахъ, имѣющихъ менѣе 50,000 жителей. Онъ равняется половинѣ этихъ суммъ для газетъ и журналовъ не ежедневныхъ.

14. Продолжаютъ быть изъяты отъ всякаго залога газеты и журналы, упомянутые въ статьѣ 3-й закона 18 іюля 1828 года.

15. Ответственный редакторъ долженъ владѣть на свое частное имя третьею частью залога. Если эта часть подвергается уменьшенію или по частной сдѣлкѣ или по взысканію съ нея штрафа, ответственный редакторъ въ теченіе 15 дневнаго срока долженъ смѣниться или пополнить эту часть; иначе изданіе останавливается.

16. По статьѣ 8-й закона 18 июля 1828 г., ответственный редакторъ обязанъ подписывать каждый нумеръ своего изданія. Нарушеніе этого правила наказывается штрафомъ отъ 500 до 3,000 франковъ.

17. Отвѣты, упоминаемые ст. 11-ю закона 25 марта 1822 г., должны быть помѣщаемы въ полномъ составѣ и бесплатно въ нумерѣ, слѣдующемъ за днемъ ихъ полученія, подъ страхомъ наказаній по сказанному закону. Но если отвѣтъ имѣетъ размѣръ, превышающій двойную длину статьи, на которую дѣлается, то за печатаніе превышающей части берется плата по таксѣ объявленій.

19. Въ случаѣ заключенія въ тюрьму ответственного издателя за преступленіе или проступокъ по дѣламъ печати или за нарушеніе правилъ по этимъ дѣламъ, изданіе во все время его заключенія и лишенія гражданскихъ правъ не можетъ выходить иначе, какъ съ новымъ ответственнымъ редакторомъ.

ЗАКОНЪ 16—23 ЮЛІЯ 1850.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О залогахъ.

1. Для департаментовъ Сены, Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны залогъ газетъ опредѣляется слѣдующій: если газета или журналъ выходитъ болѣе 3-хъ разъ въ недѣлю, залогъ долженъ быть 24,000 франковъ. — Онъ долженъ быть въ 18,000 франковъ, если газета выходитъ только 3 раза въ недѣлю или рѣже. — Въ городахъ, имѣющихъ 50,000 жителей и болѣе, залогъ газетъ, выходящихъ болѣе 5 разъ въ недѣлю, долженъ быть 6,000 фр. Онъ долженъ быть 3,600 фр. въ другихъ департаментахъ. Газеты и журналы, выходящіе 5 разъ въ недѣлю или рѣже, должны имѣть залогъ въ половину этихъ суммъ.

(Послѣ февральской революціи какъ залогъ, такъ и штемпельный налогъ были совершенно отменены декретомъ 4 марта 1848 года).

3. Всякая статья, разсуждающая о политикѣ, философій и религіи, должна быть подписана своимъ авторомъ подъ страхомъ штрафа въ 500 фр. за первое нарушеніе, 1,000 фр. въ случаѣ его повторенія. Фальшивая подпись наказывается штрафомъ въ 1,000 фр. и заключеніемъ въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ, какъ лица, фальшиво подписавшагося, такъ и противъ автора статьи и ответственного редактора.

4. Постановленія предыдущей статьи прилагаются ко всемъ журнальнымъ статьямъ, въ которыхъ разсуждается о дѣйствіяхъ или мнѣніяхъ гражданъ и индивидуальныхъ или коллективныхъ интересахъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О штемпелѣ.

12. Газеты и журналы, выходящіе нумерами меньше 10 листовъ отъ 25 до 32 квадратныхъ дециметровъ или меньше 5 листовъ отъ 50 до 72 квадратныхъ дециметровъ, подвергаются штемпельной пошлинѣ. Она устанавливается въ 5 сантимовъ съ листа въ 72 квадратныхъ дециметра и меньше въ департаментахъ Сены и Сены-и-Уазы и въ два сантима съ газетъ и изданій въ другихъ департаментахъ.

(72 квадратные дециметра равняются 380 квадратнымъ вершкамъ, такъ что листъ этого размѣра будетъ имѣть около аршина въ длину или высоту и около $1\frac{1}{2}$ аршина въ ширину ($16 \times 24 = 376$). Парижскія газеты большаго формата имѣютъ листъ около 15 вершковъ въ длину или высоту и около 21 вершка въ ширину, то есть около 315 квадратныхъ вершковъ. Изъ нашихъ изданій почти таковъ форматъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» и «Современной Лѣтописи» «Русскаго Вѣстника». Размѣръ печатнаго листа нашихъ журналовъ вдвое меньше; напримѣръ, листъ «Отечественныхъ Записокъ» имѣетъ около 11 вершковъ въ высоту и около 14 вершковъ въ ширину, то есть около 155 квадратныхъ вершковъ).

13. За каждые 10 квадратныхъ дециметровъ или долю ихъ свыше размѣра въ 72 дециметра взимается $1\frac{1}{2}$ сантима.

14. Романъ, печатаемый въ фельетонѣ журнала или въ прибавленіи къ нему, подвергается штемпелю въ одинъ сантимъ съ нумера.

15. Штемпель служитъ франкированіемъ: штемпель въ 5 сантимовъ за пересылку и раздачу по всему пространству республики, а штемпель въ 2 сантима за пересылку и раздачу въ департаментѣ, гдѣ печатается изданіе, и въ прилежащихъ къ нему департаментахъ.

18. Прибавленіе, не превышающее 72 квадратныхъ дециметровъ, при газетахъ, выходящихъ болѣе 2-хъ разъ въ недѣлю, освобождается отъ штемпели, если посвящено исключительно политическимъ извѣстіямъ, преніямъ законодательнаго собранія и трибуналовъ, перепечаткѣ и обсужденію правительственныхъ актовъ.

20. Уступка одного процента изъ штемпиля дѣлается издателемъ на макулатурную растрату бумаги.

22. Сборники и изданія, бывшіе изъясненными отъ штемпиля до декрета 4 марта 1848 г., останутся изъясненными отъ него.

24. За нарушеніе этихъ правилъ газетами и журналами, независимо отъ возвращенія утаенной пошлины, налагается штрафъ въ 50 франковъ за каждый не штемпелеванный листъ или часть листа. Въ случаѣ повторенія штрафъ удваивается. — Въ другихъ сочиненіяхъ (то есть въ отдѣльныхъ брошюрахъ) каждое нарушеніе наказывается, кромѣ возвращенія утаенной пошлины, штрафомъ, равнымъ удвоенной суммѣ этой пошлины и ни въ какомъ случаѣ не меньше 200 франковъ.

ДЕКРЕТЪ 31 ДЕКАБРЯ 1851—3 января 1852.

ПРЕЗИДЕНТЪ РЕСПУБЛИКИ ДЕКРЕТИРУЕТЪ:

1. Вѣдѣніе всѣхъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ законами о печати, передается трибуналамъ исправительной полиціи.

(То есть дѣла эти изъемятся отъ суда присяжныхъ, ассизнаго суда, исключительному вѣдѣнію котораго были предоставлены прежними законами. Трибуналы исправительной полиціи имѣютъ судопроизводство гласное и словесное, но безъ присяжныхъ).

ОРГАНИЧЕСКІЙ ДЕКРЕТЪ 17—23 ФЕВРАЛЯ 1852.

ПРЕЗИДЕНТЪ РЕСПУБЛИКИ ДЕКРЕТИРУЕТЪ:

ГЛАВА I.

О предварительномъ разрѣшеніи и залогѣ газетъ и журналовъ.

1. Никакая газета или журналъ, говорящіе о политическихъ дѣлахъ или общественной экономіи, будутъ ли они выходить въ опредѣленные сроки или выпусками въ неопредѣленные сроки, не могутъ быть основаны или издаваемы безъ предварительнаго разрѣшенія правительства. Это разрѣшеніе можетъ быть даваемо только французу, совершеннолѣтнему, пользующемуся гражданскими и политическими правами.—Предварительное разрѣшеніе правительства также необходимо для всякой перемены въ личностяхъ отвѣтственныхъ редакторовъ, главныхъ редакторовъ, собственниковъ или администраторовъ газеты.

4. Въ департаментахъ Сены, Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны и Роны ¹⁾, залогъ устанавливается слѣдующій: у газетъ и журналовъ, выходящихъ болѣе 3 разъ въ недѣлю, 50,000 франковъ; у выходящихъ только 3 раза въ недѣлю, и рѣже, 30,000 франковъ.—Въ городахъ, имѣющихъ 50,000 жителей и болѣе, залогъ газетъ и журналовъ, выходящихъ болѣе 3 разъ въ недѣлю, долженъ быть 25,000 франковъ; а въ другихъ городахъ—15,000 франковъ, и половина этихъ суммъ для изданій, выходящихъ 3 раза въ недѣлю или рѣже.

5. Изданіе газеты или журнала безъ предварительнаго разрѣшенія, безъ залога или безъ пополненія залога, наказывается штрафомъ отъ 100 до 2,000 франковъ за каждый нумеръ или выпускъ, изданный съ нарушеніемъ этихъ правилъ, и заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ.—Издатель газеты или журнала и типографщикъ оба подлежатъ отвѣтственности.—Газета или журналъ перестаетъ издаваться.

¹⁾ Въ департаментъ Роны находится Лионъ.

ГЛАВА II.

О штемпель.

6. Газеты и журналы, имѣющіе меньше 10 листовъ отъ 25 до 32 квадрат. дециметр., или меньше 5 листовъ отъ 50 до 72 квадратныхъ дециметровъ, подлежатъ штемпельной пошлинѣ. Она устанавливается въ 6 сантимовъ съ листа въ 72 квадрат. дециметровъ и меньше въ департаментахъ Сены и Сены-и-Уазы и въ 3 сантима въ другихъ департаментахъ. За каждые 10 квадрат. дециметровъ платится $1\frac{1}{2}$ сантима въ департаментахъ Сены и Сены-и-Уазы и 1 сантимъ въ другихъ департаментахъ.

9. Непериодическія сочиненія, говорящія о политическихъ предметахъ или общественной экономіи, издаваемыя однимъ или нѣсколькими выпусками менѣе 10 печатныхъ листовъ отъ 25 до 32 квадратныхъ дециметровъ, подвергаются штемпелю въ 5 сантимовъ съ листа. За каждые 10 квадратныхъ дециметровъ и каждую дробь ихъ сверхъ этой величины платится $1\frac{1}{2}$ сантима.

11. Нарушеніе этихъ правилъ въ газетахъ и журналахъ наказывается независимо отъ уплаты утаенной пошлины штрафомъ въ 50 франковъ съ каждаго листа или части листа безъ штемпеля. Сумма штрафа не можетъ превосходить цифру залога. Въ другихъ периодическихъ изданіяхъ нарушеніе, независимо отъ уплаты утаенной пошлины, наказывается штрафомъ, равнымъ удвоенной суммѣ пошлины. Этотъ штрафъ не можетъ быть меньше 200 фр., ни выше 50,000 фр.

13. Сверхъ штемпельной пошлины, опредѣляемой настоящимъ закономъ, возстанавливается плата за пересылку по почтѣ, существовавшая до закона 16 іюля 1850 года.

ГЛАВА III.

Проступки и нарушенія правилъ, не предусмотрѣнные прежними законами.—Подвѣдомственность дѣлъ.—Право приостановки и запрещенія.

15. Обнародованіе или перепечатка ложныхъ извѣстій, подложныхъ, измѣненныхъ или лживо-приписываемыхъ кому либо документовъ наказывается штрафомъ отъ 50 до 1,000 франковъ.—Если обнародованіе или перепечатка сдѣланы злоумышленно или могутъ нарушить общественное спокойствіе, они наказываются заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 500 до 1,000 франковъ. Если обнародованіе или перепечатка и сдѣланы злоумышленно и могутъ нарушить общественное спокойствіе, то опредѣляется высшій размѣръ этого наказанія.

17. Запрещается печатать отчеты о процессахъ по проступкамъ въ дѣлахъ печати; но приговоръ во всякомъ случаѣ можетъ быть опубликованъ. Судилища могутъ запрещать печатаніе отчетовъ о процессахъ во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ, исправительной полиціи и уголовныхъ. Это запрещеніе не примѣняется къ приговору, который всегда можетъ быть опубликованъ.

18. Нарушеніе статьи 17 настоящаго закона наказывается штрафомъ отъ 50 до 5,000 франковъ, независимо отъ наказанія, устанавливаемыхъ закономъ за то, если отчетъ не вѣренъ и злонамѣренъ.

19. Ответственный издатель обязан помѣщать на первомъ мѣстѣ въ газетѣ официальные документы, подлинныя свѣдѣнія, отчеты и исправленія, присылаемыя ему официальнымъ лицомъ. Они должны печататься въ 1-мъ номерѣ, выходящемъ послѣ дня полученія бумагъ.—Печатаются они безплатно.—Нарушеніе наказывается штрафомъ отъ 50 до 1,000 франк. Сверхъ того, газета можетъ быть приостановлена въ изданіи административнымъ путемъ на время, не превышающее 15 дней.

20. Если обнародованіе газеты или журнала, приостановленныхъ или запрещенныхъ административнымъ путемъ, продолжается подъ тѣмъ же заглавіемъ или подъ прикрытымъ заглавіемъ, авторы, ответственные редакторы или типографщики подвергаются тюремному заключенію срокомъ отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ, и всѣ совокупно штрафу отъ 500 до 3,000 франковъ за каждый номеръ или листъ, изданный съ нарушеніемъ правилъ.

21. Запрещается печатаніе всякой статьи о политическихъ предметахъ или общественной экономіи, и написанной лицомъ, осужденнымъ на карательное и безчестящее или только на безчестящее наказаніе.—Издатели, ответственные редакторы, типографщики, содѣйствовавшіе этому напечатанію, наказываются всѣ совокупно штрафомъ отъ 1,000 до 5,000 франковъ.

(Уголовный кодексъ ст. 7. Карательныя и безчестящія наказанія суть: 1) смертная казнь, 2) вѣчная каторга, 3) ссылка, 4) временная каторга, 5) лишеніе свободы, 6) заключеніе въ смирительный домъ.

Наказанія безчестящія суть: 1) изгнаніе, 2) лишеніе гражданскихъ правъ.

Приведемъ нѣкоторые примѣры тому, за какія преступленія человѣкъ подвергается одному изъ этихъ наказаній. Угол. Код. ст. 305. «Письменная угроза убійствомъ наказывается каторжною работою, если сопровождалась приказаніемъ исполнить что-либо».

Ст. 309. «Заключеніемъ въ смирительный домъ наказывается всякій, кто нанесъ раны или улары, если оттого произошла болѣзнь или неспособность заниматься трудомъ болѣе нежели въ теченіе 20 лѣтъ.—Если удары или рапы, нанесенныя безъ намѣренія причинить смерть, причиняя ее, виновный наказывается временною каторжною работою.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что карательному и безчестящему наказанію можетъ подвергнуться человѣкъ за поступокъ, совершенный въ порывѣ страсти или по случайному стеченію обстоятельствъ и нимало не свидѣтельствующій противъ способности его вообще разсуждать о дѣлахъ здравымъ и спокойнымъ образомъ»).

24. Кто занимается книжною торговлею безъ полученія патента, требуемаго 11-ю статьею закона 2 окт. 1814 г., наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 2,000 франковъ. Его заведеніе закрывается.

25. Трибуналами исправительной полиціи судятся: 1) проступки, совершаемые способомъ печати по ст. 1-й закона 17 мая 1819 г. и подлежащіе прежде ассизному суду; 2) нарушенія правилъ о печати, предусмотрѣнныя прежними законами; 3) проступки и нарушенія, поименованныя въ настоящемъ законѣ.

28. Представленіе свидѣтелей для доказательства дѣйствительности фактовъ, обидныхъ или безславящихъ, ни въ какомъ случаѣ не допускается.

32. Одно осужденіе за преступленіе, совершенное посредствомъ печати, два осужденія за проступки или нарушенія правилъ, совершенныя въ теченіе двухъ лѣтъ, безусловно влекутъ за собою запрещеніе газеты, ответственный

редакторъ которой быть осужденъ.—Послѣ осужденія за проступокъ или нарушеніе правилъ по дѣламъ печати, правительство въ теченіе двухмѣсячнаго срока можетъ опредѣлить или временную пріостановку или запрещеніе газеты.—Газета можетъ быть пріостановлена министерскимъ рѣшеніемъ, хотя бы и не подвергалась никакому осужденію, послѣ двухъ мотивированныхъ предупрежденій, на срокъ не свыше двухъ мѣсяцевъ.—Послѣ судебной или административной пріостановки, также можетъ быть запрещена, но только особннымъ декретомъ императора по соображенію общественной безопасности.

ГЛАВА VI.

Переходныя мѣры.

33. Собственники существующихъ нынѣ газетъ и журналовъ освобождаются отъ надобности въ разрѣшеніи, требуемомъ статьею 1-ю настоящаго закона.

ЗАКОНЪ 27 ФЕВРАЛЯ—2 МАРТА 1858.

1. Кто какимъ-бы то ни было способомъ будетъ публично возбуждать къ преступленіямъ, поименованнымъ въ статьяхъ 86 и 87 уголовного кодекса, если это возбужденіе останется безъ послѣдствій, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 2 до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 500 до 10,000 франковъ.

(86 ст. Уголовнаго кодекса говоритъ о преступленіяхъ лица противъ императора и особъ императорской фамиліи.—Статья 87 уголовного кодекса приведена выше).

2. Кто, съ цѣлью нарушить общественное спокойствіе или возбудить къ ненависти или презрѣнію противъ императорскаго правительства, ведетъ интриги или сношенія въ предѣлахъ или за предѣлами имперіи, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 2,000 франковъ.

4. Лица, осужденныя по предыдущимъ статьямъ, могутъ быть лишены всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ, поименованныхъ въ 42 ст. уголовного кодекса, на время, равное сроку тюремнаго заключенія, которому подверглись.

5. Всякое лицо, осужденное за одинъ изъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ настоящимъ закономъ, можетъ быть для огражденія общей безопасности отправляемо на безвыѣздное жительство въ одинъ изъ департаментовъ имперіи или въ Алжирію или изгоняемо изъ французской территоріи.

8. Власть, даваемая правительству 5-ю статьею настоящаго закона, должна прекратиться 31 марта 1865 г., если не будетъ возобновлена до того времени.

Мы пожертвовали почти полутора печатными листами ¹⁾ на скучный и по настоящему лишний переводъ, котораго почти никто не прочтетъ; за то теперь, имѣя возможность отправлять каждаго недовѣрчиваго читателя за справками къ предъидущимъ страницамъ, мы чувствуемъ себя въ правѣ утверждать, что выводы изъ изученія французскихъ законовъ по дѣламъ печати, представляемые нами здѣсь, не подлежатъ никакому дѣльному опроверженію.

Во-первыхъ, мы не хотимъ пропустить безъ вниманія цифръ годовъ и мѣсяцевъ, выставленныхъ на этихъ законахъ.

Первые шесть законовъ принадлежатъ эпохѣ реставраціи (21 октября 1814; 17 мая 1819; 26 мая 1819; 9 июня 1819; 25 марта 1822; 18 июля 1828). Извѣстно, въ какомъ отношеніи къ націи находилось правительство реставраціи. Оно было установлено во Франціи иностранцами, завоевавшими Францію. Мы не говоримъ о томъ, хорошо или дурно оно было само по себѣ,—это уже все равно послѣ такого факта, какъ происхожденіе отъ иностранныхъ завоевателей. Вообразимъ себѣ, что какое нибудь учрежденіе было бы установлено Наполеономъ I въ 1812 въ русскихъ провинціяхъ, которыя онъ занялъ своими войсками. Будь это учрежденіе очень хорошо само по себѣ, мы русскіе немедленно постарались бы уничтожить его, замѣнить чѣмъ угодно, лучшимъ ли, худшимъ ли, только замѣнить чѣмъ нибудь своимъ, не наложеннымъ на насъ волею иностраннаго завоевателя. Точно таково было отношеніе французской націи къ правительству реставраціи. Она все время только и думала о томъ, чтобы уничтожить его. Оно очень хорошо чувствовало это; оно понимало, что ему надобно опасаться французовъ, держать себя съ управляемою націею какъ, націею враждебною ему. Оно не могло существовать иначе, какъ подавляя національныя чувства.

Это несчастное положеніе продиктовало реставраціонныя законы по дѣламъ печати. Вотъ почему ремесло типографщика было подчинено особенному надзору, вотъ откуда взялась надобность, чтобы никто безъ особеннаго разрѣшенія не могъ завести типографію или открыть книжную лавку (Законъ 21 октября 1814, ст. 11). Французы вообще были враги французскаго правительства. Безъ выбора допускать каждому желающему заводить типографію или книжную лавку, значило бы увидѣть, что изъ тысячи типографій и книжныхъ лавокъ девятьсотъ девяносто принадлежатъ врагамъ правительства (какъ изъ тысячи ткацкихъ станковъ, изъ тысячи купеческихъ прилавковъ, за девятьюстами девяносто станками и прилавками сидѣли враги правительства). Люди, согласные не то что поддерживать, а хотя бы равнодушно переносить тогдашнее правительство, были во Франціи исключеніями,—стало-быть, допускать людей становиться хозяевами типографій и книжныхъ лавокъ можно было только по выбору.—Но правительство было такъ ненавистно и образованному обществу и простому народу, что не могло разсчитывать на постоянство и этихъ немногихъ избранныхъ въ ихъ преданности: они вѣдь были люди, они могли поддаться общему чувству, которое втолковывали имъ всѣ встрѣчные и поперечные,—стало быть, необходима была предосторожность противъ измѣны и этихъ немногихъ избранныхъ. Вотъ откуда возникло постановленіе, что разрѣшеніе содержать типо-

¹⁾ По «Современнику». Примѣч. издателя.

графію можетъ быть отнято во всякое время (тотъ же законъ, ст. 12). Но какъ сдѣлать, чтобы всегда могъ найтись благовидный предлогъ къ отнятію разрѣшенія?—Для этого были составлены правила, изложенныя въ статьяхъ 14-той и слѣдующихъ того же закона. Затеряйся какая-нибудь квитанція, окажись на какомъ нибудь листѣ по оплошности наборщика неисправность въ имени или адресѣ типографщика, попадись какая нибудь книжонка безъ этого имени и адреса,—вотъ и есть по закону предлогъ закрыть типографію, или книжную лавку.

По этой же самой причинѣ нужны были спеціальныя законы для огражденія правительственныхъ лицъ (законъ 17 мая 1819 г.). Если бы наша была не то что привержена, а хотя равнодушна къ правительству, не у многихъ являлась бы охота оскорблять печатнымъ словомъ короля или его родственниковъ или его министровъ и ихъ чиновниковъ,—если люди равнодушны къ кому нибудь, то они никому не допустятъ оскорблять его безнаказанно: поднимается въ обществѣ гвалтъ противъ обидчика, и человѣкъ, къ которому прежде было оно безучастно, сдѣлается предметомъ сочувствія, когда оскорбленъ кто нибудь. Для охраненія каждаго, не находящагося въ особенной непріязни съ обществомъ, достаточно общихъ законовъ. Но французскія правительственныя лица временъ реставраціи находились въ исключительно непріязненныхъ отношеніяхъ къ обществу, потому для ихъ охраненія и нужны были исключительныя законы (тотъ же законъ, ст. 9, 10, 11, 16). Только въ соответствии этимъ статьямъ явились и исключительныя наказанія для охраненія иностранныхъ правительствъ (тотъ же законъ, ст. 12, 17)—неловко было бы не сдѣлать въ пользу другихъ правительствъ такой же привилегіи, какъ въ свою пользу.—Только отъ этой же причины явилась надобность и въ спеціальному законѣ для охраненія религіи и нравственности (тотъ же законъ, ст. 8)—правительство покровительствовало клерикальной партіи, потому католическая церковь раздѣляла непопулярность правительства; а нравственность поставлена тутъ лишь для благозвучія,—нельзя же, упомянувъ о религіи, не замолвить слова и за нравственность.

Если бы не эти исключительныя обстоятельства и соображенія, не было бы никакой нужды въ цѣломъ законѣ 17 мая 1819,—не къ чему было бы постановлять особеннымъ закономъ, что «дѣйствія, объявляемыя въ уголовномъ кодексѣ преступленіями и проступками, подвергаются наказанію, когда совершаются способомъ печати» (тотъ же законъ, ст. 1)—вѣдь ужъ опредѣлить уголовный кодексъ, т. е. общій законъ, что эти дѣйствія, какимъ бы способомъ ни совершались, все равно преступны; такъ что же еще толковать о нихъ? Но дѣло въ томъ, что общественная мысль была непріязненна правительству, и надобно было сдѣлать новыя постановленія, чтобы подвести подъ наказаніе какъ можно большее число ея проявленій и чтобы наказывать ихъ какъ можно сильнѣе. Для этой послѣдней цѣли даже придумано было странное средство, противорѣчащее коренному правилу юриспруденціи, постановляющему, что за одно преступленіе двухъ наказаній не бываетъ. Въ общемъ законѣ это правило соблюдено. Напримѣръ, за оскорбленіе оффиціальнаго лица при исполненіи его обязанностей общій законъ постановляетъ заключеніе въ тюрьму отъ 1-го до 6-ти мѣсяцевъ (Уголовный кодексъ, ст. 243).—Законъ 17 мая 1819 г. говоритъ,

что такое оскорбленіе, нанесенное способомъ печати, подвергается сверхъ заключенія въ тюрьму еще денежному штрафу; да и тюремное заключеніе доводится до полутора года вмѣсто общаго полугодового срока (ст. 16). Вообще всѣ наказанія въ законѣ 17 мая 1819 г. двойны: заключеніе въ тюрьму само по себѣ, да сверхъ того денежный штрафъ. Откуда эта надобность? Очевидно откуда: главная сила заключенія въ тюрьму состоитъ въ томъ, что общество теряетъ часть уваженія къ человѣку, сидѣвшему въ тюрьмѣ; но въ дѣлахъ, за которыя хотѣли наказывать законъ 17 мая 1819 г., общество сочувствовало человѣку, запраемому за нихъ въ тюрьму, и уваженіе къ нему не уменьшалось, а увеличивалось отъ этого наказанія; вотъ и оказывалось оно недостаточнымъ,—его не стыдили и потому мало боялись; значитъ, нужно было бить по карману.

Но всего этого было еще недостаточно. Правительство находилось въ такой непопулярности, что не могло быть увѣрено даже въ готовности судилищъ заступаться за него. Судьи опять-таки были люди, могли поддаться общественному мнѣнію, не признать преступленіемъ такого дѣйствія, которому сочувствовала вся нація. Поэтому нужно было отыскать для преданія суду и для денежныхъ штрафовъ такой предлогъ, который былъ бы чуждъ правительственной непопулярности. Вотъ и былъ поставленъ спеціальныи законъ о наказаніяхъ за «обезславленіе» частныхъ лицъ, опять съ денежными штрафами. Теперь было достаточно попасть въ газету какому нибудь слову о какомъ нибудь кушѣ, что онъ продаетъ товары дорого или дурнаго качества,—вотъ и готово наказаніе (законъ 17 мая 1819 г., ст. 13 и 18). А чтобы нельзя было избавиться отъ наказанія доказательствомъ справедливости порицанія, постановлено было, что доказательства справедливости не принимаются въ оправданіе (законъ 26 мая, ст. 23).

Но всего этого было мало,—къдѣ наказанія и штрафы все-таки—частные случаи, постигающіе только отдѣльныя лица и изданія; а правительство имѣло противъ себя всю націю и всѣ проявленія національной мысли, то есть и всю литературу. Надобно было принять общія мѣры противъ всей этой отрасли дѣятельности, постараться вообще подрѣзать ее. Для этого послужили залогъ и штемпель. Залогъ отнималъ возможность дѣятельности у лицъ, не располагающихъ значительнымъ количествомъ наличныхъ свободныхъ денегъ, то есть у огромнаго большинства людей. Штемпель возвышалъ цѣну газетъ и брошюръ, то есть уменьшалъ распространенность ихъ въ публикѣ.

Кажется, было довольно. Но оказалось мало: законъ 25 марта 1822 г. постарался увеличить число дѣйствій, за которыя можно было наказывать, и увеличилъ мѣру наказаній. Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ былъ изданъ онъ. Фанатикъ изъ простолюдиновъ закололъ герцога беррійскаго. Человѣкъ этотъ не имѣлъ никакой связи ни съ кѣмъ изъ литературнаго или хотя бы вообще образованнаго общества. Экзальтированная ненависть его къ Бурбонамъ развилась безъ всякой помощи какого бы то ни было чтенія. Его ожесточили матеріальныя страданія простолюдиновъ, высокомѣрные поступки чиновниковъ и другихъ людей правительственной партіи. Но ужасъ, наведенный его дѣломъ на правительственную партію, затмилъ въ ней всякую разсудительность: она провозгласила соучастниками въ его дѣлѣ не только литераторовъ, но и близ-

кихъ къ королю придворныхъ, которыми была недовольна, въ томъ числѣ министра Деказа, личнаго друга королю. Деказь и всѣ другіе сколько нибудь разсудительные люди были выгнаны изъ дворца и правительства, а литература подвергнута новымъ стѣсненіямъ.

Какую пользу принесло все это, извѣстно каждому. Бурбоны пали. Но Людовикъ-Филиппъ, занявшій ихъ мѣсто, захватилъ власть путемъ не очень чистымъ,—онъ интриговалъ противъ Бурбоновъ, выказывая имъ величайшую преданность на словахъ; онъ точно такъ же обманывалъ и враговъ прежняго правительства, которые скоро увидѣли, что вручили власть лицу, не думающему исполнить данныхъ обѣщаній. А для массы народа ничего не было сдѣлано, и ею овладѣла досада на то, что она перемѣнила правительство совершенно безуспѣшно. Такимъ образомъ Людовикъ-Филиппъ сталъ и къ образованному обществу и къ націи точно въ такое же положеніе, въ какомъ были Бурбоны: число людей не только преданныхъ правительству, а хотя бы только согласныхъ переносить его, было очень не велико сравнительно съ массою французовъ, непріязненныхъ ему. Поэтому и должны были оставаться законы, стѣснявшіе проявленіе національной мысли.

Скоро они были усилены новымъ закономъ 9 сентябрю 1835 г. Это постановленіе было издано при такихъ обстоятельствахъ. Два-три фанатика, опять изъ простолюдиновъ, не имѣвшихъ ни связей въ литературномъ или образованномъ обществѣ, ни привычки къ чтенію, покушались на жизнь короля. Паническій страхъ, овладѣвшій правительственною партіею, вынудилъ ей, что прежнія мѣры для стѣсненія политической жизни и для огражденія правительства отъ покушеній недостаточны. Отсюда новыя стѣсненія для журналистики, хотя она и ровно ничѣмъ не участвовала въ покушеніяхъ.

Но сваливанье всей бѣды на журналистику было такою очевидною тяжекою, что самому правительству, несмотря на его паническое ослѣпленіе, чувствовалась недостаточность стѣсненій для своего укрѣпленія. Оно чувствовало, что слабость его и опасности для него возникаютъ не отъ журналистики, а совершенно отъ другаго обстоятельства: оно не имѣло приверженцевъ въ націи; надобно было придумать что нибудь, чтобы пріобрѣсти ихъ. По внушенію этого инстинкта, оно попробовало склонять общество на свою сторону доказываніемъ, что семейное спокойствіе, безопасность собственности и всѣ матеріальныя интересы связаны съ существованіемъ тогдашнихъ правительственныхъ формъ: что ихъ потрясеніе было бы равнозначительно междоусобной войнѣ между сословіями. Отсюда и въ законы по дѣламъ печати проникла надобность въ специальномъ постановленіи, ограждающемъ собственность и доброе согласіе между различными классами (законъ 9 сентябрю 1835 г., ст. 8). Специальныя наказанія проступковъ посредствомъ печати по этимъ вещамъ были просто средствомъ доказывать обществу, что существовавшее правительство должно считаться за привилегированную партію защитниковъ собственности.

Дальнѣйшія усиленія стѣснительныхъ мѣръ по дѣламъ печати почти не нуждаются въ объясненіяхъ, потому что еще всѣмъ памяты событія, изъ которыхъ они возникли.

Декретомъ 4 марта 1848 г. (слѣдствіе февральской революціи) были уничтожены стѣсненія литературной дѣятельности, въ томъ числѣ залогъ и

штемпель. Эта мѣра объясняется мнѣніемъ тогдашняго правительства, что на его сторонѣ масса націи и что общественное мнѣніе въ его пользу.—Намъ нѣтъ надобности разбирать, каковы были отношенія и событія, вслѣдствіе которыхъ выборъ президента республики и потомъ выборы депутатовъ въ законодательное собраніе произошли въ направленіи, противномъ существовавшимъ формамъ. Для нашей цѣли достаточно знать тотъ фактъ, что президентомъ республики было избрано лицо, считавшее нужнымъ учредить на мѣсто республики имперію, а большинство новаго собранія составилось изъ лицъ, считавшихъ нужнымъ возстановить королевскую власть, которую одни изъ этихъ лицъ хотѣли возвратитъ Бурбонамъ, а другіе Орлеанскому дому. Такимъ образомъ обѣ отрасли правительственной власти, исполнительная и законодательная, стремились къ низверженію существовавшей правительственной формы; общество отъ этого тревожилось ожиданіемъ новой катастрофы, которая казалась тѣмъ страшнѣе, что въ самомъ правительствѣ шла борьба между тремя партіями, думавшими сражаться между собой во время катастрофы: эта борьба повидимому должна была удлинитъ катастрофу, довести ее до продолжительной междоусобицы. Страшась этого бѣдствія, общество становилось въ неприязнь къ правительству, приводившему своими дѣйствіями къ такой развязкѣ. Понятно послѣ того, что правительство нашло нужнымъ стѣснить проявленія общественнаго мнѣнія,—и вотъ объясненіе декрета 16 іюля 1850 г., возстановившаго залогъ и штемпель. Придуманы были даже новыя мѣры стѣсненія; изъ нихъ особенно важно было постановленіе, чтобы каждая статья, имѣющая отношеніе къ политикѣ, была подписана авторомъ. Въ этомъ не было надобности для цѣлей, собственно карательныхъ: ни одинъ, сколько нибудь замѣтный писатель никогда не прятался за анонимность, если его неподписанная статья предавалась суду. Но анонимность статей нужна была газетамъ для того, чтобы явиться представительницами направленія цѣлой извѣстной партіи, а не выраженіемъ личныхъ взглядовъ того или другаго писателя. Неподписанная статья—мнѣніе самой газеты и всѣхъ лицъ, сочувствующихъ газетѣ; это общее значеніе пропадаетъ въ личномъ характерѣ мнѣнія, если статья подписана. И такъ постановленіе о необходимости подписей служить однимъ изъ безспорныхъ признаковъ того, что законъ 16 іюля 1850 года былъ порожденъ не другими какими нибудь соображеніями, а именно тѣмъ, что правительство чувствовало необходимость ослабить журналистику, какъ представительницу враждебнаго ему общественнаго мнѣнія.

Но при всемъ желаніи подавить ее, тогдашнее правительство находило надобность показывать, что оно считаетъ себя болѣе популярнымъ, чѣмъ до-революціонное орлеанское правительство. Потому въ законъ 16 іюля 1850 г. были введены нѣкоторые правила, смягчавшія суровость мѣръ, принимаемыхъ противъ журналистики. Напримѣръ: штемпель возстановленъ въ размѣрѣ, нѣсколько меньшемъ прежняго: прежде бралось 6 сантимовъ съ листа въ 30 квадратныхъ дециметровъ (законъ 14 декабря 1830 г.), теперь только 5 сантимовъ съ допущеніемъ листа слишкомъ вдвое большаго формата (законъ 16 іюля 1850 г.). При этомъ штемпель возстановлялся подъ видомъ платы за пересылку газеты по почтѣ (тотъ же законъ, ст. 15), а не просто въ прежнемъ видѣ чистаго налога. Залогъ былъ возстановленъ въ размѣрѣ гораздо меньшемъ прежняго. Прежде ежедневная газета въ Парижѣ должна была представлять

100,000 франковъ залога (законъ 10 сентября 1835 г., ст. 13); теперь отъ нея требовалось только 24,000 фр. залога.

Вскорѣ произошла перемѣна, поставившая правительство въ необходимость принять болѣе сильныя мѣры противъ выраженій общественнаго мнѣнія. Послѣ катастрофы 2 декабря 1851 г. президентъ республики, уничтожившій парламентскую форму правленія и потому имѣвшій своими врагами всѣхъ приверженцевъ этой формы, долженъ былъ устранить присяжныхъ отъ рѣшенія процессовъ по дѣламъ печати, потому что судъ присяжныхъ не казался достаточно ограждающимъ новое правительство (декретъ 31 декабря 1851). Такимъ образомъ журналистика была отдана подъ власть судей, назначаемыхъ самимъ правительствомъ.

То отношеніе правительства къ общественному мнѣнію, которое рѣшительно обрисовалось послѣ катастрофы 2 декабря, оказалось немимолетнымъ явленіемъ, какъ надѣялось новое правительство: непріязнь не ослабѣвала, а оставалась непреклонна. Потому правительство убѣдилось въ необходимости болѣе сильныхъ мѣръ для обузданія общественнаго мнѣнія и принуждено было издать декретъ 17 февраля 1852 г., дававшій ему безусловную власть надъ журналистикой. Кромѣ полного возстановленія всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, существовавшихъ при Орлеанскомъ домѣ, и кромѣ новыхъ мѣръ, установленныхъ закономъ 16 іюля 1850 г., декретъ 17 февраля 1852 г. окончательно устанавливаетъ устраненіе суда присяжныхъ отъ всякихъ дѣлъ по печати и, находя недостаточнымъ даже то обезпеченіе, какое дается правительству преданностью судей, назначаемыхъ самимъ правительствомъ, предоставляетъ уже чисто административнымъ сановникамъ приостановлять изданіе газетъ или журналовъ и запрещать ихъ безъ суда и слѣдствія. (Декретъ 17 февраля 1852 г., ст. 32).

Наконецъ послѣ орсиньевскаго дѣла понадобилось правительству еще болѣе дѣйствительное средство для огражденія своей безопасности, и декретъ 2 марта 1858 г. постановилъ, что оно имѣетъ право въ случаѣ нужды отсылать на жительство въ отдаленную провинцію или въ Алжирію каждое лицо, заслужившее его неблагоклонность.

На этомъ общемъ очеркѣ пропехожденія французскихъ законовъ по дѣламъ печати мы пока и остановимся. Они могли бы казаться странны, еслибы мы стали разсматривать ихъ съ какойнибудь другой точки зрѣнія, кромѣ чисто исторической. Перечитайте всѣ ихъ,—вы увидите въ нихъ только одно желаніе: по возможности затруднить и стѣснить литературную дѣятельность. Но что-жь дѣлать,—это было необходимою для французскихъ правительствъ по ихъ отношенію къ націи и къ общественному мнѣнію; потому съ исторической точки зрѣнія, которую старались мы разяснить, эти законы совершенно естественны. Если правительство Бурбоновъ, потомъ правительство Людовика-Филиппа, потомъ правительство, возникшее послѣ февральской республики—чувствовали себя непопулярными, имѣющими противъ себя общественное мнѣніе, то нельзя находить, что они были непослѣдовательны, принимая всевозможныя мѣры противъ обнаруженія общественнаго мнѣнія. Для этой дѣли дѣйствительно очень хорошими средствами надобно признать и залогъ, и штемпель, и выдачу спеціальнаго

разрѣшенія на открытіе типографій съ правомъ отнимать это разрѣшеніе, и спеціальныя законы о проступкахъ по дѣламъ печати, и право административной власти приостанавливать и запрещать газеты и журналы. Если бы французскія правительства могли считать себя имѣющими общественное мнѣніе на своей сторонѣ, могли думать, что нація имѣетъ преданность или хотя довѣріе къ нимъ, тогда дѣйствительно они могли бы обойтись безъ этихъ спеціальныхъ законовъ. Въдѣ для огражденія собственности короля Людовика-Филиппа, или бывшаго президента республики, или нынѣшняго императора французскіхъ, или ихъ министровъ, или ихъ судей и чиновниковъ не требуется никакихъ спеціальныхъ законовъ, потому что въ этихъ случаяхъ общественное мнѣніе на ихъ сторонѣ: воръ, укравшій деньги у министра или чиновника, не поддерживается общественнымъ мнѣніемъ, потому не нужно противъ него исключительныхъ законовъ. Но власть французскаго правительства не ограждается общественнымъ мнѣніемъ, и потому для ея безопасности дѣйствительно необходимы исключительныя мѣры.

Мы не имѣемъ ни времени, ни охоты разбирать здѣсь, до какой степени положеніе другихъ континентальныхъ западныхъ правительствъ сходно съ положеніемъ французскаго и до какой степени необходимы для нихъ исключительныя законы по дѣламъ печати, дѣйствительно необходимы для французскаго правительства: мы не будемъ разбирать потому, что подобное изслѣдованіе было бы совершенно напрасно: мы уже говорили, что Франція, какъ передовая страна, имѣетъ неотразимое вліяніе всѣми и хорошими и дурными сторонами своей жизни на другія континентальныя страны западной Европы и что по самому превосходству ея надъ ними въ огромномъ количествѣ выработаннаго ею хорошаго, не могутъ онѣ не заимствовать изъ нея и довольно многого дурнаго. Что дѣлать? Тутъ еще не отъ чего унывать.

По той же самой причинѣ мы не будемъ разбирать теперь вопроса, до какой степени нужны были бы у насъ спеціальныя законы по дѣламъ печати. Еслибъ и оказалось, что они не нужны, все-таки изъ этого вывода ровно ничего не вышло бы. Мы все-таки не обошлись бы безъ нихъ. А что, если бы оказалось, что они дѣйствительно нужны у насъ? Тогда мы вновь заслужили бы имя обскурантовъ, враговъ прогресса, ненавистниковъ свободы, панегиристовъ деспотизма и т. д., какъ уже много разъ подвергали себя такому нареканію. Вотъ другая и, по правдѣ сказать, важнѣйшая причина тому, что мы не хотимъ изслѣдовать вопроса о надобности или ненадобности спеціальныхъ законовъ по дѣламъ печати у насъ: мы опасаемся, что добросовѣстное изслѣдованіе привело бы насъ къ отвѣту: да, они нужны.

Литературная собственность.

(Ф А Н Т А З И Я).

До изобрѣтени книгопечатанія, т. е. пока единственнымъ средствомъ распространенія сочиненій служила переписка ихъ,—не существовало и авторскаго права. Напротивъ, переписка была не только свободна, но ей покровительствовали законодательными мѣрами. Случилось иначе, когда явилось книгопечатаніе. Легкость и дешевизна, съ какой можно было увеличивать число экземпляровъ, и быстрое увеличеніе запроса на книги придали новое значеніе писателямъ. Литература стала средствомъ денежнаго выигрыша, получила меркантильный характеръ, и авторы начали или издавать сами свои сочиненія, чисто въ коммерческихъ видахъ, или же продавали сочиненія особымъ издателямъ.

Но скоро и авторамъ и издателямъ стала грозить опасность. Явилось третье лицо, находившее выгоднымъ заняться перепечаткой, конкуррировать съ издателемъ. Издатель, платя автору за трудъ, рисковалъ капиталомъ, не зная навѣрно, пойдетъ ли изданіе и какія дастъ выгоды. Перепечатчикъ же, не рискуя ничѣмъ, только выжидалъ, и если видѣлъ, что запросъ на сочиненіе хорошъ, перепечатывалъ его и пускалъ въ продажу.

Обычай перепечатки распространился очень быстро, и люди, которые могли страдать отъ него, старались, разумѣется, принять всѣ мѣры, чтобы защитить себя отъ такой опасной конкуренціи. И Мартинъ Лютеръ, въ числѣ прочихъ, возставалъ противъ перепечатчиковъ и, прикрываясь текстами изъ посланій апостола Павла и авторитетомъ Соломона, называлъ ихъ, т. е. перепечатчиковъ, безъ всякой церемоніи ворами и разбойниками.

Все это однако не помогало. Нѣмцы чувствовали, что кромѣ ругательствъ нужно придумать что нибудь другое, болѣе дѣйствительное, и остановились на мысли искать защиты въ законѣ. Начались справки въ римскомъ правѣ—нѣмцамъ нуженъ былъ юридическій авторитетъ,—но оказалось, что римляне не знали книгопечатанія, и перепечатки у нихъ не существовало. Когда ни уголовное, ни гражданское римское право не дало отвѣта, обратились къ каноническому праву, къ обычаю, къ тому, что на русскомъ административномъ языкѣ называется «бывшими примѣрами», но нигдѣ не находили разрѣшенія этого

вопроса. Причина неудачи понятна:—искали отвѣта тамъ, гдѣ его и нельзя было найти, потому что новые интересы, которые хотѣли защищать, явились вслѣдствіе новыхъ, небывалыхъ прежде условій, созданныхъ новымъ изобрѣтеніемъ.

Тогда придумали привилегіи, т. е. стали защищать литературные интересы исключеніями, такъ какъ существующее право ничѣмъ ихъ не защищало.

Подобныя привилегіи появляются въ Европѣ уже во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія, и прежде всего въ Венеціанской республикѣ. Привилегіи давались только на извѣстные сочиненія, и только эти сочиненія и нельзя было перепечатывать. Нарушеніе запрещенія наказывалось конфискаціей книгъ и денежными взысканіями.

Привилегіи однако не могли удовлетворить ни издателей, ни авторовъ, потому что имѣли характеръ частныхъ, исключительныхъ постановленій; въ нихъ не видѣли юридическаго права, имѣвшаго общее значеніе. Только съ XVIII столѣтія явились такого рода постановленія. Произвольное исключительное покровительство правительствъ кончилось, и создалось юридическое понятіе объ авторскомъ правѣ, принятое положительнымъ законодательствомъ.

Съ этихъ поръ литература юридически стала на экономическую почву и начала принимать болѣе и болѣе характеръ коммерческаго предпріятія, отрѣшившись вполне отъ прежнихъ началъ. До изобрѣтенія книгопечатанія правительства хлопотали о томъ, чтобы распространять сочиненія, и поощряли для этого переписку; съ книгопечатаніемъ, напротивъ, стали принимать мѣры, чтобы сочиненія, имѣющія успѣхъ, не шли особенно быстро въ публику.

Разумѣется, мѣры эти устанавливались не съ тѣмъ, чтобы мѣшать распространенію образованія. — ихъ вызвали коммерческія расчеты авторовъ и издателей; разумѣется, правительства и люди, хлопотавшіе о признаніи авторскаго и издательскаго права, и не предвидѣли, къ чему приведетъ все это, въ чемъ заключается безразветвенная сторона дѣла, въ защиту котораго они дѣйствовали; но они и не могли ничего предвидѣть;—они хотѣли защитить свои денежные интересы, и достигли этого; а интересы болѣе высокіе и не входили въ ихъ соображенія.

Но и признаніе авторскаго права не обошлось совсѣмъ безъ споровъ; у него, кромѣ защитниковъ, были и противники. Защитниковъ было, разумѣется, гораздо больше, потому что на все дѣло смотрѣли съ точки зрѣнія собственности; на его сторонѣ была вся такъ-называемая экономическая и юридическая наука и всѣ представители нѣмецкой философіи: Кантъ, Фихте, Гегель. Послѣдніе двое разсуждали такъ: издатель, сдѣлавъ условіе съ авторомъ, приобретаетъ этимъ право на извѣстнаго рода пользованіе собственностью автора, т. е. мыслями, облеченными въ извѣстную форму. Онъ имѣетъ право, если онъ хочетъ и можетъ, продавать не мысли автора и ихъ форму, а возможность ихъ усвоивать, вызванную печатаніемъ. Цѣлая масса писателей и ученыхъ отстаивала право литературной собственности и только немногіе голоса слышались съ противной стороны. Вопросъ даже ставился такимъ образомъ: можетъ ли мысль быть рыночнымъ товаромъ? Обвиняли авторовъ, что они берутъ плату за свои сочиненія и тѣмъ возвышаютъ цѣну книгъ. Наконецъ доказывали, что перепечатка есть естественное право всякаго покупателя книги; что перепечатанные экзем-

плярны—свободная собственность того, кто их перепечатать, и было бы несправедливо ставить книгопродавцевъ и издателей внѣ той конкуренціи, которой подлежатъ вообще всѣ промышленники.

Споры эти повели къ тому, что стала чувствоваться все болѣе и болѣе необходимость разрѣшить вопросъ. Эту задачу взяли на себя правительства и разрѣшили ее изданіемъ ряда постановленій, обеспечивающихъ литературную собственность.

Но обеспечение литературной собственности въ предѣлахъ одной какой нибудь державы было еще недостаточно. Въ Германіи, гдѣ существуетъ одинъ общій языкъ, а между тѣмъ страна разбита на множество мелкихъ государствъ, литературная собственность не обеспечивалась еще вполне отдѣльными постановленіями, имѣвшими значеніе въ предѣлахъ того государства, которое ихъ издавало для себя. Съ уничтоженіемъ таможенныхъ границъ въ Германскомъ союзѣ, явилась необходимость издать и общія для всего Союза правила. Но и эти правила оказались неполными, когда съ развитіемъ языкознанія расширились литературныя и художественныя сношенія между разными народами. Въмѣстѣ съ этимъ ослабѣло значеніе національных и территоріальныхъ границъ, и право, имѣвшее значеніе для каждой страны въ ея собственныхъ предѣлахъ, пришлось признать наконецъ и общенароднымъ правомъ. Такъ сложились, наконецъ, существующія въ настоящее время во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ постановленія о литературной собственности.

Правила эти развивались вполне послѣдовательно изъ того начала, которое купцы признавали вполне справедливымъ. Но было ли начало это справедливо? Точно ли экономическія соображенія, въ томъ видѣ, какъ ихъ привыкли понимать люди прежняго ученаго закала, могли служить основаніемъ при разрѣшеніи вопроса? Да и разрѣшенъ ли вопросъ? Неужели слѣдуетъ признать его разрѣшеніемъ тысячи правительственныхъ постановленій, когда ни одно изъ нихъ не можетъ выдержать возраженій? Не въ томъ дѣло, чтобы издать законъ, а въ томъ, чтобы онъ разрѣшалъ вопросъ. Всѣ же изданныя правила разрѣшали дѣло односторонне,—съ точки зрѣнія тѣхъ экономическихъ принциповъ, которые примѣнимы къ литературѣ и къ искусствамъ, только при тѣхъ экономическихъ и общественныхъ понятіяхъ, неудовлетворительность которыхъ признается все болѣе и болѣе.

Основная мысль законодательства о литературной собственности заключается въ томъ, что перепечатка есть посягательство на чужую собственность и должна быть преслѣдуема. Но въ чемъ опасность отъ перепечатки и кому грозитъ она? Можетъ ли авторъ сказать, что мысль, изложенная имъ въ своемъ сочиненіи, есть его личная собственность? Только люди, очень самолюбивые и недостаточно слѣдившіе за процессомъ мышленія, могутъ въ каждой своей мысли видѣть свою исключительную собственность. Ошибка эта происходитъ оттого, что они берутъ на вѣру выраженіе разговорнаго языка, по которому каждой мысли дается свой хозяинъ. Если всмотрѣться въ дѣло ближе, то легко придти къ убѣжденію, что у мысли нѣтъ отдѣльнаго хозяина, какъ нѣтъ хозяина у воздуха, и что рѣшительно несправедливо говорить, что «такая-то» мысль принадлежитъ «такому-то», а «такая-то» — «такому». Процессъ мышленія есть органическая принадлежность человѣка, какъ дыханіе и зрѣніе. Человѣкъ, у котораго здоровье

глаза, не может смотрѣть на предметы безъ того, чтобы ихъ не видѣть. Не видить только слѣпой. Но вѣдь у слѣпонаго нѣтъ глазъ, потому что нельзя считать глазами нѣчто похожее на нихъ, не обладающее способностью видѣть. То же и съ мыслью. Человѣкъ мыслить потому, что ему нельзя иначе, что это есть жизнь. Какъ только перестаетъ процессъ мышленія, кончается и жизнь. Но человѣкъ мыслить такъ или иначе, потому что получаетъ извнѣ тѣ или другія впечатлѣнія. Впечатлѣнія эти зависятъ не отъ него, а отъ тѣхъ предметовъ, которые онъ встрѣчаетъ, и отъ качествъ своей впечатлительности. Разумѣется, существуютъ люди такого сорта, которые совершенно равнодушны ко всему, которыхъ не возмущаютъ ни людскія страданія, ни даже убійства; но этотъ сортъ слабо-впечатлительныхъ людей въ дѣлѣ общаго мышленія играетъ роль тоже весьма важную—они служатъ проводниками впечатлѣній; они возбуждаютъ въ другихъ тотъ или другой процессъ мышленія. Слѣдовательно производятъ мысль предметы или явленія, которыя производятъ впечатлѣнїе. Но нельзя находиться внѣ всякихъ впечатлѣній, потому что внѣ ихъ находится только мертвое тѣло; поэтому и передача мыслей тоже органическая потребность. Пока человѣкъ живетъ въ обществѣ, онъ не можетъ жить такъ, чтобы впечатлѣнія его не сообщались никому: и радость и горе, и холодъ и голодъ, и довольство и недовольство не живутъ въ немъ безъ передачи этихъ впечатлѣній другимъ людямъ. Живя мыслью въ настоящемъ, человѣкъ думаетъ такъ или иначе потому, что до него въ дѣлѣ мысли было уже сдѣлано кое-что. Человѣкъ получаетъ умственное наслѣдство, отъ котораго зависитъ его настоящій характеръ и сила его умственной дѣятельности. Человѣкъ думаетъ теперь такъ, а не иначе, не только потому, что вся дѣятельность его вращается въ извѣстной сферѣ, производящей на человѣка извѣстное впечатлѣнїе; но и потому, что пережитая людьми, прошедшая умственная жизнь выработала въ жизни извѣстные условия, подготовила ту сферу, которая въ настоящее время производитъ на человѣка извѣстное впечатлѣнїе. Какъ въ такой зависимости мысли одного человѣка отъ мысли другого человѣка—указать, кто хозяинъ той или другой мысли? Кому первому принадлежитъ мысль, хоть бы того правильнаго пониманія общественныхъ вопросовъ и отношеній, какое служить основой новой теоріи общественной науки? Перваго тутъ нѣтъ, потому что все, кто былъ заинтересованъ вопросомъ, разбирали его вмѣстѣ. Кому было неловко, тѣ и работали; все это были отдѣльные желанія и чувствованія; они жили, высказывались, обобщались. Явился грамотный человѣкъ между этими людьми: послушалъ, собралъ, понялъ, слилъ въ одно, напечаталъ и говоритъ, что это мысль его, и проситъ за нее денегъ. Можетъ ли такой авторъ сказать, что мысль принадлежитъ дѣйствительно и исключительно только ему? Развѣ не жизнь, не люди внушили ему ее? И нѣмецкіе философы понимали это вѣроятно точно такъ же, когда говорили, что продается не мысль и форма, а возможность усвоивать ее, вызванная печатаніемъ. Если въ этомъ дѣлѣ такую роль играетъ печатаніе, то въ такомъ случаѣ награда слѣдуетъ не автору, а Гуттенбергу; а какъ Гуттенберга нѣтъ въ живыхъ, то и давать ее некому. Если же рѣчь о возможности усвоиванія разсматривать отдѣльно отъ печатанія, то вѣдь и устная рѣчь представляетъ ту же возможность; все чтеніе лекцій основано на этой возможности. А какъ за лекціи берутъ деньги, то отчего же не брать денегъ

за всякій разговоръ, за всякую мысль, которая покажется кому либо его собственной. Развивая теорію возможности усвоенія мыслей, не трудно придти къ тому, что люди не должны говорить ни одного слова даромъ, потому что всякій разговоръ есть рядъ новыхъ мыслей.

Разматривая вопросъ съ точки зрѣнія права собственности на мысль, защитники должны были придти къ тому, что нарушеніе авторскаго права должно принадлежать къ одному изъ видовъ кражи. Хотѣли видѣть въ этомъ «поддѣлку». Но поддѣлка предполагаетъ замѣну одного другимъ, скрытіе истины. Какое же скрытіе истины въ томъ, что является перепечатка? Тутъ никто не обмануть, и имя, и мысли, и способъ ихъ изложенія совершенно одинаковы въ обоихъ изданіяхъ. Другое дѣло, если будетъ сохранена фирма издателя, входившаго въ сношеніе съ авторомъ, т. е. на перепечатанномъ сочиненіи будетъ показанъ первый издатель и даже его типографія. Но и тутъ нѣтъ еще никакой поддѣлки, потому что сочиненіе перепечатано вполне вѣрно, а указано невѣрно только имя издателя, до котораго въ сущности читателю нѣтъ никакого дѣла. Значить, тутъ не поддѣлка, а только невѣрное показаніе имени лица, играющаго въ дѣлѣ наименѣе важную роль.

Другіе хотѣли видѣть въ этомъ дѣлѣ обманъ, потому что перепечатчикъ занимается тихонько, скрываясь отъ автора и его издателя; а нѣкоторые говорили, что перепечатка—кража. Но и это невѣрно. Кражей называется пользованіе чужой вещью, а книга, съ которой дѣлалась перепечатка, не была украдена. Она могла быть добыта честнымъ путемъ и за тѣмъ уже перепечатана. Что же тутъ украдено? Если же думать, что украдена мысль, то еще менѣе вѣрно. Мысль не имѣетъ матеріальной формы; украденъ же можетъ быть только предметъ матеріальный, вещь, которая можетъ быть взята въ руки. Видѣть въ этомъ посягательство на духовную собственность менѣе всего вѣрно. Что значить духовная собственность? Какъ можно вторгнуться въ предѣлы чужаго міросозерцанія? Чѣмъ опредѣляются границы сферы умственной дѣятельности каждаго человѣка? Границъ этихъ нѣтъ, и невозможно опредѣлить ихъ никакими инструкціями и законодательствами, какъ невозможно сказать, кому именно принадлежитъ извѣстная мысль, потому что она принадлежитъ всѣмъ, потому что въ разработкѣ ея принимали участіе не одинъ, а множество людей.

Отъ того, что невозможно опредѣлить принадлежности мысли тому или другому лицу, что въ ней нельзя видѣть личной собственности, слѣдовало бы очевидно придти къ заключенію, что по этому предмету не слѣдуетъ издавать никакихъ постановленій; что если совершенно не разъяснена сущность вопроса, то нельзя издавать и ясныхъ постановленій; а неясныя постановленія не въ состояніи защитить никого. Но случилось не такъ, и вотъ почему существующіе постановленія въ сущности не охраняють ни авторскаго права, ни права издателей, а еще хуже:—что литературную собственность поставили въ тѣнныя предѣлы меркантильныхъ соображеній, сдѣлали изъ нея собственность, какъ хлѣбъ, говядину или масло, и самый вызовъ людей на литературную дѣятельность получилъ тотъ же характеръ: при стремленіи добывать деньги литературой, она становится ремесломъ.

Чтобы имѣть возможность издавать постановленія, нужно было, разумеется, опредѣлить, о чемъ слѣдуетъ говорить въ нихъ и что защищать. Первый

вопросъ—о чемъ? Отвѣтъ казался ясенъ:—о литературной собственности. Но что такое литература, что составляетъ предметъ ея? Разумѣется, всё тѣ произведенія, которые назначены составлять литературу какого-либо народа, т. е. совокупность всѣхъ умственныхъ произведеній, выражаемыхъ словомъ и служащихъ не для матеріальнаго употребленія, а для общаго обмѣна мыслей и представленій. Законодатели видѣли, очевидно, въ литературѣ ту свободную нравственную силу, которая, не зная никакихъ ограниченій, выражаетъ собой и вмѣстѣ съ тѣмъ служить для прогрессивнаго движенія челоуѣчества.

Вмѣстѣ съ литературой признали необходимымъ защитить и артстическія произведенія. Но и тутъ опять вопросъ: что слѣдуетъ признать произведеніями искусства? Нѣкоторые говорили, что ими слѣдуетъ считать все то, что удовлетворяетъ болѣе или менѣе эстетическому чувству, или тѣ произведенія искусства, которые признаются такими въ торговлѣ. Но ни то, ни другое опредѣленіе не имѣетъ точнаго смысла, хотя для практики представляетъ удовлетворительную повидимому точность. Первое слишкомъ смутно потому, что неопредѣлены предѣлы эстетическаго чувства, что при настоящемъ состояніи знаній едва ли и возможно. Что значитъ удовлетворить болѣе или менѣе? Смотря на вопросъ такъ, приходится сводить его къ личному эстетическому чувству каждаго; а въ такомъ случаѣ въ каждой вещи могутъ найтись такія качества, которые удовлетворять чьему нибудь эстетическому чувству. Если же предметамъ искусства считать все то, что удовлетворяетъ вообще эстетическому чувству, то поэтому могутъ удовлетворять и другія вещи, не считаемыя обыкновенно предметами искусства. Если же положиться на разграниченіе, дѣлаемое торговлей, то нужно оцѣнку произведеній предоставить произволу торговцевъ. Разумѣется, между художественными произведеніями литературы и произведеніями искусства установить повидимому границы не трудно; принято понимать, что литературныя произведенія выражаются письменными знаками, а произведенія искусства, смотря по ихъ роду,—красками, пластикой или музыкальными нотами. Но трудность вопроса не столько въ этомъ, сколько въ томъ, какъ въ самихъ произведеніяхъ искусства разграничить искусство, требующее защиты авторской собственности отъ ремесла? Куда принадлежатъ поэтическія произведенія—къ искусству или къ литературѣ? Куда принадлежатъ рисунки ученаго содержанія? На нихъ можно смотрѣть и какъ на произведенія искусства, и какъ на предметъ литературы.

Кромѣ трудности подобнаго разграниченія предметовъ искусства отъ предметовъ неискусства, и самый вопросъ о «духовной» собственности не выдерживаетъ никакого разбора. Законодательства Европы остановились на той мысли, что авторское право примѣняется къ такимъ предметамъ литературы и искусства, которые служатъ представленіемъ личнаго духовнаго творчества. Но вѣдь такое творчество не есть нѣчто отрѣшенное отъ земли и отъ жизни. Люди творятъ потому, что въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ наталкиваются на предметы и явленія, которые, производя въ нихъ извѣстныя впечатлѣнія, побуждаютъ ихъ изъ готовыхъ матеріаловъ дѣлать новыя комбинаціи. Архитекторъ, составляющій чертежъ какого нибудь зданія, беретъ готовые отдѣльныя части и, располагая ихъ какъ нибудь иначе, создаетъ какъ бы новый фасадъ, хотя въ сущности тутъ нѣтъ ничего новаго; тутъ только новая перестановка отдѣльныхъ старыхъ

архитектурныхъ мыслей. Насколько авторъ такого новаго чертежа можетъ гордиться своей творческой способностью и своимъ авторскимъ правомъ? Въ чемъ дѣйствительная новизна его мыслей? Какимъ средствомъ, анализируя свою такъ-называемую творческую способность, архитекторъ, скульпторъ, художникъ опредѣлили бы, что принадлежитъ собственно и исключительно имъ и что создано въ нихъ другими? Архитекторъ вышелъ архитекторомъ потому, что онъ изучилъ предметы искусства. Онъ видѣлъ и греческую и арабскую постройку; знакомъ и съ мавританскимъ стилемъ, и пожалуй, съ постройками Вавилона. Неужели всѣ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этого знакомства, не значили ничего въ его архитектурномъ развитіи? Разумѣется, значили. Всѣ эти чужія мысли и сдѣлали изъ него архитектора. Гдѣ же провести черту между чужимъ и своимъ? Какъ сказать, что вотъ такая-то мысль пришла оттуда, другая оттуда, а вотъ это собственная архитектора? Или на мысли можно смотрѣть какъ на разнородныя и хлѣбныя зерна, насыпанныя въ одинъ общій мѣшокъ, такъ что безъ всякаго труда можно рассортировать или отдѣлить овесъ отъ ячменя и пшеницу отъ ржи.

То же самое примѣняется вполне и къ скульпторамъ и къ живописцамъ. Скульпторъ изучаетъ свое дѣло на тѣхъ произведеніяхъ искусства, которыя онъ встрѣчаетъ и во дворцахъ, и на публичныхъ гуляньяхъ, и въ собраніяхъ скульптурныхъ произведеній. Нельзя сказать, чтобы его личное участіе въ томъ, что называется творчествомъ, ничего не значило. Процессъ мысли существуетъ и въ скульпторѣ и въ живописцѣ; но вѣдь процессъ мысли участвуетъ и во всякомъ промышленномъ производствѣ и въ ремеслахъ. И тѣ производства, которыя удовлетворяютъ чувству изящнаго, должны быть сдѣланы со вкусомъ, то есть нравиться. И въ ремесленныхъ производствахъ есть творчество. По мѣрѣ развитія образованія и цивилизаціи, по мѣрѣ накопленія такихъ произведеній и предметовъ, которые относятся къ области изящнаго, развивается все больше и больше вкусъ во всѣхъ фабричныхъ и ремесленныхъ производствахъ. Для тѣхъ вещей, которыя выходили изъ мастерской Бенвенуто Челлини или Бернара Паллиси, требуется нынче гораздо меньше успій человѣческаго духа, чѣмъ требовалось прежде. Ремесла перестали быть представленіемъ чего-то грубаго, первичнаго. И на что требовались прежде какіе-то герои и исключительныя личности, то дѣлается теперь мастерами, вовсе не претендующими на гениальность. Довольно взглянуть на мелочныя издѣлія парижской промышленности, на изящную бронзу, фарфоръ, деревянные издѣлія, чтобы понять, какъ уровень вкуса сталъ шире и какъ невозможно провести теперь границу между художественными и не художественными произведеніями, между творчествомъ артиста и творчествомъ ремесленника. Если бы въ тѣхъ людяхъ, кто имѣетъ слабость считать себя великими художниками, было меньше самолюбія и меньше презрѣнія къ тѣмъ, кого они считаютъ ниже себя и ремесленниками, они бы увидѣли, что, требуя защиты своего авторскаго права, они требуютъ и несправедливаго и невозможнаго. Это привилегія, неимѣющая никакого разумнаго основанія и невозможная въ практическомъ примѣненіи настолько, чтобы она не встрѣчала противорѣчій и чтобы могла быть устранена вполне несправедливость. Если же противорѣчія и несправедливость существуютъ, то очевидно, что правило не вѣрно и законъ не достигаетъ своей цѣли; а въ такомъ случаѣ лучше ему и не существовать.

Художническое произведение, какъ продуктъ личнаго творчества, законъ защищаетъ отъ воспроизведенія его или копій, потому что авторъ считаетъ себя исключительнымъ воплотителемъ мысли и потому, что эта вещь даетъ ему выгоды. Во всемъ этомъ денежная прибыль стоитъ на первомъ планѣ, и законъ, защищая авторство, защищаетъ въ сущности денежные интересы автора. Какимъ же образомъ можетъ законъ защитить авторское право, когда нѣтъ границъ въ результатахъ личной дѣятельности каждаго, считающаго себя художникомъ? Телѣгу, или вообще всякій экипажъ, можетъ дѣлать всякій, авторство въ этихъ дѣлахъ не признается, потому что телѣга не считается произведеніемъ искусства. Но вотъ какой нибудь телѣжникъ-скульпторъ издумалъ украсить свое произведение и отдѣлать ее, какъ нѣкогда Венвенуто Челлини отдѣлывалъ латы. Здѣсь является уже авторство, потому что человѣкъ боится, что другой, воспользовавшись его мыслью и рисункомъ, сдѣлаетъ точно такую же телѣгу и уменьшитъ прибыль перваго. Но авторство будетъ только въ такомъ случаѣ справедливо, когда другая вещь будетъ сдѣлана вполне, какъ первая. Если же она будетъ имѣть подобное сходство, значить она копія, то есть неподлинная вещь, а если она неподлинная вещь, то кто бы ее ни дѣлалъ, она по понятіямъ художника не имѣетъ уже цѣны оригинала, да и самъ оригиналъ, какъ вещь, воспроизведенная въ нѣсколькихъ копияхъ, можетъ цѣниться не потому, что бы онъ по мысли или по отдѣлкѣ былъ выше, а только потому, что онъ сдѣланъ первымъ. Это достоинство, разумѣется, небольшое:—если есть десять статуй, одна какъ другая, сдѣланныхъ десяти разными художниками, то для цѣнителя эстетическихъ наслажденій рѣшительно все равно, какая изъ нихъ первая или послѣдняя, если впечатлѣніе, производимое ими, совершенно одинаково.

Но тутъ является и еще замѣчаніе: справедливо ли толковать объ авторскомъ правѣ тому, чьи произведенія такъ легко воспроизводятся всякимъ художникомъ? Не перейдутъ ли такіа произведенія искусства въ область производства экипажей, фарфоровой и стеклянной посуды? Какая цѣль давать такимъ издѣліямъ характеръ монополій и защищать ихъ привилегіями? Не проще ли, чтобы художественное произведение защищало само себя отъ всякой контрафакціи силой своего содержанія и невозможностію ея поддѣлки или копирования? Рафаэль не просилъ привилегіи на сикстинскую мадонну, и не нуждался въ защитѣ своего авторскаго права. Пусть копируютъ, если есть люди настолько сильные. Пусть копія не отличается ничѣмъ отъ оригинала. Но такихъ копистовъ не было, а если и явились, такъ что же—неужели Рафаэль не остался бы Рафаэлемъ? Вотъ почему Рафаэль не просилъ привилегіи и не нуждался въ нихъ; а вопросъ о монополіи подняли жалкіе и безталанные люди, неумѣвшіе найти защиты въ своей собственной силѣ и потому только обратившіеся къ полицейской защитѣ правительствъ.

Но и защита правительственной власти не ведетъ тутъ ни къ чему. Законъ защищаетъ художественную собственность, а собственность эта сама ускользаетъ отъ его защиты. Возьмемъ въ примѣръ хоть какую нибудь картину или опять телѣгу, украшенную удивительной рѣзбой. Съ такой картины или телѣги снята не копія, а то же картина, съ нѣкоторыми измѣненіями отъ оригинала въ размѣрѣ, или съ самыми незначительными измѣненіями въ фигурахъ

и въ расположеніи ихъ. Можно ли такую вещь считать кантрафакціей? Нѣтъ, потому что она не кантрафакція и не копія; а что-то другое, и въ произведеніи ея участвовалъ тоже творческій духъ мастера, какъ и въ первой картинѣ, или телѣгѣ, участвовалъ духъ творчества автора. Разница вся только въ томъ, что въ первомъ случаѣ авторъ набирался мысли, вглядываясь въ другія картины и въ жизнь, т. е. пользовался предварительными трудами многихъ; а во второмъ случаѣ, мастеръ пользовался только однимъ источникомъ. Значить, вся разница сводится къ обилію основныхъ источниковъ. Творчество же тутъ ничего не значить, потому что и первый и второй художникъ тратили относительно равное количество силы. Совершенно тоже, какъ со стороны слона нѣтъ никакой заслуги, что онъ можетъ свезти больше тяжести, чѣмъ лошадь. Въ чемъ же тутъ защита, когда сила защищаетъ себя сама? Но этого мало. Какъ доказать юридически, что новая телѣга съ измѣненными украшениями есть посягательство на чужую духовную собственность, когда эти телѣги представляютъ нѣкоторую разницу; ни одинъ судъ въ мірѣ не обвинитъ въ кражѣ мысли мастера, сдѣлавшаго другую телѣгу. И чтобы такое обвиненіе не могло состояться, совершенно достаточно сдѣлать самыя незначительныя измѣненія противъ оригинала. Измѣненія же эти сдѣлать легко. А въ такомъ случаѣ авторское право художниковъ защищать закономъ невозможно, и защищать невозможно не только потому, что всегда можно доказать, что вещь, измѣненная въ производствѣ противъ той, которая вызвала на работу, не есть кантрафакція; но еще и потому, что нѣтъ возможности слѣдить за подобной поддѣлкой.

Въ Австріи, напримѣръ, оригинальное произведеніе законъ различаетъ отъ копій. Но если художникъ вздумаетъ дѣлать самъ копіи съ своихъ произведеній, то на основаніи авторскаго права онъ можетъ не допустить, чтобы копіи дѣлались кѣмъ либо другимъ, кромѣ его. Но что значить не допустить? Русскій художникъ, купивъ копію или даже оригиналъ и привези его въ Россію, можетъ пустить въ продажу десятки новыхъ копій. Кто же вступится за авторское право австрійца? Самъ онъ не можетъ, потому что не знаетъ объ этомъ; а убытокъ ему очевиденъ: лучше бы ему самому достать деньги за десятки копій, проданныхъ въ Россіи, чѣмъ предоставить эту выгоду русскому художнику. Слѣдовательно, чтобы защитить авторское право, недостаточно издать законъ, а нужно, чтобы была возможность исполнять его и дѣйствительно защищать всѣхъ людей, считающихъ себя авторами чего нибудь. Для этого и были придуманы международные договоры, чтобы авторы одного государства не могли вредить авторамъ другаго государства. Но и эти договоры не достигаютъ своей цѣли. Чтобы они достигали ея, нужно правительствамъ имѣть особыхъ чиновниковъ или ревизоровъ. А ужъ если дѣло пойдетъ этимъ, впрочемъ вполне послѣдовательнымъ путемъ, то, очевидно, придется учредить во-первыхъ надзоры за ревизорами, чтобы они изъ корысти не плутовали; да не обойдешься и безъ учрежденія въ каждомъ государствѣ особаго министерства авторской собственности. Что же выйдетъ изъ этого хорошаго? Прибавится только чиновниковъ, которыхъ вездѣ и безъ того уже слишкомъ много, увеличатся расходы, дадутся поводы къ злоупотребленіямъ и только увеличится административная путаница, отъ которой и теперь люди видятъ мало хорошаго.

Нѣмецкія законодательства, приводя въ систему мысли людей, хлопотавъ

шихъ о защитѣ авторскаго права, только специализировали и подбирали частные случаи, не разрѣшивъ общаго вопроса. Поэтому они и говорятъ, что само собой разумѣется, что тамъ, гдѣ предметъ «внѣшней природы» сдѣланъ «безъ духовнаго творчества», но единственно «ручной ловкостью», не можетъ быть и рѣчи объ авторскомъ правѣ, напримѣръ, при отливкѣ черепа. Но тутъ примѣръ плохо сходится съ опредѣленіемъ; а опредѣленіе совершенно неудовлетворительно. Ручная ловкость не существуетъ безъ творчества; невозможно заниматься никакимъ такъ-называемымъ механическимъ трудомъ безъ участія мысли, и одной ручной ловкостью нельзя воспроизводить предметы внѣшней природы. Разумѣется, отливка черепа не требуетъ особенныхъ способностей; но чтобы выбрать черепъ для отливки, нужно руководствоваться извѣстной идеей, чтобы черепъ по чему нибудь отвѣчалъ той мысли, которая заставила выбрать именно этотъ, а не другой черепъ. Тутъ вопросъ о мысли. А какъ по праву литературной и вообще авторской собственности, у каждой мысли есть свой хозяинъ, и хозяинъ можетъ отстаивать свою собственность, то за что же устранить отъ этого права человѣка, имѣющаго полное основаніе сказать, что мысль объ отливкѣ именно такого-то черепа принадлежитъ ему и у него для этого были именно такія основанія и соображенія, составляющія тоже его исключительную собственность.

Какъ нельзя защитить художественное авторское право, въ той же степени нельзя защитить и литературную собственность. Положимъ, за Пушкинымъ или Гоголемъ явилась цѣлая толпа писателей, которые, усвоивъ ихъ манеру и возрѣніе, начали писать иначе, чѣмъ писали прежде. Вліяніе Пушкина и Гоголя могло быть даже такъ велико, что нѣкоторые изъ послѣдователей ихъ даже копировали иногда своихъ учителей. Могутъ ли Пушкинъ и Гоголь, начавъ въ судѣ процессъ въ защиту своего авторскаго права, назвать подражателей ворами и потребовать отъ нихъ уплаты извѣстнаго процента съ суммы, полученной ими за такія подражательныя сочиненія? Нѣтъ. А по понятію о литературной собственности могутъ, потому что подражатели въ сущности пользовались чужими мыслями и ушли въ область чужаго міросозерцанія; они пользуются доходомъ съ чужой почвы. Несмотря на вѣрность такого вывода, ни Пушкинъ не рѣшился бы начать процессъ съ своими подражателями, ни Байронъ съ Пушкинымъ. Отчего же процессъ такой былъ бы невозможенъ? Только потому, что въ дѣлѣ мысли нѣтъ отдѣльныхъ полюсъ, какъ при личномъ землевладѣніи; никто не разрабатываетъ свою полосу отдѣльно, а всѣ трудятся вмѣстѣ. Взять же сочиненія Пушкина или Гоголя цѣлкомъ какому нибудь Иванову или Вольфсону и выдать ихъ за свои нельзя, какъ нельзя кому нибудь назваться Рафаэлемъ или Ньютономъ, потому что такое самозванство не поведетъ ни къ чему и не доставитъ ни копѣйки барыша.

Но такое самозванство не существовало никогда, да и не могло бы существовать. Слѣдовательно объ немъ напрасно и разсуждать закону. Что же касается до тѣхъ случаевъ, когда законъ повидимому могъ бы защитить авторовъ, то невозможность опредѣлить всѣ возможные случаи кажущагося посягательства на чужую собственность прямо показываетъ невозможность закона вступаться въ это дѣло. Напримѣръ, вполне перепечатать чужое сочиненіе нельзя, но сдѣлать изъ него извлеченіе, сокращеніе, перепечатать цѣлкомъ

отдѣльные мѣста можно. Сокращенія, если только нѣкоторыя мѣста выпущены, а все остальное перепечатано слово въ слово, не допускаются. Но что значить нѣкоторыя мѣста? Если опредѣлить ихъ въ дробяхъ, т. е. сказать—нельзя перепечатать треть или половину, то и такая кажущаяся точность въ сущности не ведетъ ни къ чему. Ловкій человѣкъ съумѣетъ эту треть разбить такимъ образомъ по частямъ, что никакимъ циркулемъ не узнаешь, точно ли это вѣрная треть; ну, а если нѣсколько меньше? Значить можно? Нельзя только ровно треть или ровно половину? Но кто же не видитъ, что такое понятіе о дробяхъ, какъ точныхъ математическихъ величинахъ, совѣмъ непримѣнимо къ книгамъ.

Не дозволяя перепечатки, законъ дозволяетъ извлеченія. Извлеченіе или болѣе короткое и доступное изложеніе ученаго сочиненія, чѣмъ это сдѣлано самимъ авторомъ, развѣ не будетъ въ сущности посягательствомъ на авторскую собственность? Развѣ оно не будетъ конкурировать съ первымъ изданіемъ? Не только будетъ, но и можетъ быть лучше первоначальнаго изложенія предмета, пожалуй и рисунки въ немъ будутъ тѣ же самые, развѣ нѣсколько измѣненные, и несмотря на то законъ, зная, что отъ этого терпитъ первое изданіе, все такъ не запретитъ извлеченія, потому что ему пришлось бы идти противъ того принципа, который послужилъ ему основаніемъ для защиты авторскаго и издательскаго права. Пожалуй, можно возставать противъ такихъ изданій, называть ихъ безсовѣстными спекуляціями, и все-таки нѣтъ основанія остановить ихъ или начать процессъ о нарушеніи литературной собственности,—а въ этой спекуляціи есть «личное духовное творчество».

Въ одномъ только случаѣ законодательства западной Европы не признаютъ авторскаго и издательскаго права—въ разныхъ правительственныхъ постановленіяхъ и въ законахъ. Эти вещи, по мнѣнію правительствъ, не принадлежатъ къ сферѣ литературныхъ произведеній. Но отчего же нѣтъ? Развѣ литературныя и ученыя произведенія должны пользоваться меньшею гласностью? Или они приносятъ меньшую пользу? Могутъ быть изъ нихъ и такія, польза и значеніе которыхъ выше и больше значенія и пользы любого закона. Но авторское и издательское право не мѣрится важностью и пользою сочиненій; законъ защищаетъ это право въ соображеніяхъ чисто меркантильныхъ, коммерческихъ. А если такъ, то зачѣмъ же не охранять и издательскаго права того лица, которое стало перепечатывать законы? Вѣдь и оно рискуетъ своимъ капиталомъ? На это отвѣчаютъ тѣмъ, что законы и постановленія должны имѣть возможно большую гласность. А развѣ дѣйствительно замѣчательныя и полезныя литературныя произведенія не должны пользоваться ей? Какъ же согласить такое противорѣчіе? Противорѣчіе это и не согласено законодательствами западной Европы. Только великое герцогство Гессенъ оказалось послѣдовательнымъ, запретивъ перепечатку законовъ, инструкцій и вообще всѣхъ постановленій правительства. Запрещеніе это сдѣлано не изъ политическихъ, а чисто въ коммерческихъ цѣляхъ, потому что не дозволяется голая перепечатка изданій правительства; всякое же изданіе съ замѣчаніями и комментаріями дозволено.

Постановленія, существующія для охраненія литературной и ученой собственности, не охраняютъ, и безсилны охранить ее. Если законъ хочетъ имѣть дѣло только съ мыслью и установить понятіе, что каждый человѣкъ есть хозяинъ

своихъ собственныхъ мыслей, то это невѣрно потому, что у мысли нѣтъ отдѣльнаго хозяина, ее нельзя прослѣдить въ ея послѣдовательномъ ходѣ; нельзя сказать, кто именно и насколько способствовалъ ея развитію, потому что все работали вмѣстѣ. Мысль есть вещество недѣлимое, ее нельзя ни втиснуть въ рамки, ни запереть, ни остановить на полдорогѣ, ни удерживать заставами и границами. Но вѣдь законодательства и имѣютъ дѣло не съ мыслью, а съ литературными и художественными произведеніями; они хотятъ, чтобы не было подрывовъ издателямъ и авторамъ, чтобы таланты были поощряемы, и чтобы люди, живущіе своимъ талантомъ, не терпѣли нужды отъ спекуляціи и конкуренціи. Все эти намѣренія очень похвальны; но, къ сожалѣнію, они не достигаютъ своей цѣли.

Возможность обойти законъ и конкуррировать съ издателемъ, или авторомъ, не навлекая на себя преслѣдованія, всегда была и будетъ. Законъ можетъ преслѣдовать только то, что наименѣе нуждается въ преслѣдованіи. Напримѣръ, если кто нибудь назовется Гоголемъ или Пушкинымъ, когда онъ ни то, ни другое. Но будто бы стоить преслѣдовать такое самозванство? Да и возможно ли оно? Кого имъ обманешь, какого издателя? Въ остальныхъ случаяхъ законъ обойти всегда можно, потому что онъ регламентируетъ то, что не подлежитъ никакой регламентаціи. Но этого мало. Существующая система защиты вноситъ развратъ въ литературные нравы. Установивъ все литературное дѣло на коммерческомъ основаніи, литературная промышленность преслѣдуетъ только однѣ денежные выгоды, гонится за большими барышами. Торгаши-издатели покупаютъ и продаютъ только тотъ товаръ, на который существуетъ большой спросъ. А отъ этого за скандальное сочиненіе въ родѣ «Улики пылкихъ мужчинъ и женщинъ»—они заплатятъ дороже, чѣмъ за сочиненіе дѣйствительно полезное, какого нибудь ученаго содержанія, если на него не можетъ быть большого запроса. При такомъ порядкѣ вещей, дѣйствительный ученый трудъ, по предмету, положимъ, химіи, физики, математики, даже исторіи, не найдетъ себѣ издателя, если нельзя разсчитывать на немедленный, сильный сбытъ. И такіе вещи не издаются промышленниками-издателями, для которыхъ тотъ товаръ и выше, который выгоднѣе. По этой логикѣ все мысли Ньютона, открытія и изысканія Лавуазье, и вообще все ученые труды современныхъ людей, разработывавшихъ науку, какъ недоступныя и неинтересныя для большинства, не значатъ ничего предъ романомъ какого нибудь Поль-де-Кока, если романъ этотъ дастъ больше выгодъ. А что романы и рассказы заманчиваго содержанія подъ заманчивымъ заглавіемъ имѣютъ большой кругъ читателей, чѣмъ сочиненія другаго, болѣе полезнаго содержанія, но менѣе веселыя,—это фактъ неоспоримый. Значитъ, вся коммерческая ловкость книгопродавцевъ-издателей заключается въ томъ, чтобы, угадать вкусъ и наклонности грамотнаго большинства, предлагать ему для чтенія только то, что можетъ льстить его чувствамъ. Что же не отличается этими качествами, издавать того нѣтъ разсчета. Кому же, значитъ, покровительствуетъ система покровительства издателей? Дѣйствительному, умственному и нравственному прогрессу, дѣйствительной литературѣ и развитію науки? Нѣтъ. Она покровительствуетъ изданію только пустыхъ и безнравственныхъ книжонокъ; а людей мысли и науки оставляетъ умирать съ голоду. Книгопродавческая издательская дѣятельность никогда не играла, и по существу сво-

ему не могла играть той полезной роли, какую предполагали въ ней правительства, когда вздумали защитить ее правомъ монополіи. И чего хотѣли достигнуть этимъ? Обезпечить вѣрный барышъ капиталисту, употребившему свои деньги не на хорошее дѣло? Да стоитъ ли защищать такое дѣло? Гдѣ тѣ случаи изъ книгопродавческой дѣятельности, когда бы они дѣйствительно помогли серьезному дѣлу науки? Взяли ли бы кто нибудь изъ нашихъ издателей напечатать какое нибудь серьезное и вполне замѣчательное въ научномъ смыслѣ сочиненіе по математикѣ или по химіи, если невозможно разсчитывать на его популярность? Нѣтъ. Вотъ почему и существовали, и существуютъ меценаты, давашіе кусокъ насущнаго хлѣба тѣмъ ученымъ, которые своими полезными, но непопулярными сочиненіями не могли добыть себѣ средства для существованія. Вотъ почему многіе подобныя сочиненія издаются учеными обществами, и для чего главнѣйше и существуютъ они. Изданія ученыхъ обществъ—прямой протестъ противъ издателей-спекуляторовъ. Это доказательство, что отъ издателей вовсе нѣтъ и нельзя ожидать той пользы, которую они сами приписываютъ себѣ. И если бы литературная спекуляція давала обезпеченіе тѣмъ людямъ, которые входятъ въ сношеніе съ издателями,—но и этого нѣтъ. Разсчитывая на большій барышъ, издатели платятъ скупо, они только плодятъ литературный пролетаріатъ и заманиваютъ на жалкую литературную работу тѣхъ, кто безъ приманки денежной корысти, безъ примѣровъ обогащенія отдѣльныхъ лицъ, посвятившихъ себя литературѣ, занялся бы другимъ дѣломъ, болѣе полезнымъ и, можетъ быть, болѣе хлѣбнымъ. Все зло въ этомъ случаѣ пменно въ томъ, что литература сдѣлалась торговлей, что на нее смотрятъ, какъ на средство существованія, и изъ чисто денежныхъ соображеній люди стали готовы писать все, только бы имъ платили деньги. И если бы расчеты на обезпеченіе литературой были вѣрны; но этого нѣтъ въ дѣйствительности. Многіе ли могутъ существовать исключительно литературнымъ трудомъ?—два, три, въ крайнемъ случаѣ четыре постоянныхъ сотрудника при каждомъ журналѣ. Много ли всѣхъ журналовъ, которые могли бы обезпечить существованіе и своихъ постоянныхъ сотрудниковъ въ такой степени, чтобы имъ не приходилось заниматься другимъ дѣломъ? Журналовъ десять, не болѣе. Допустивъ даже, что двадцать, и считая по четыре постоянныхъ сотрудника на каждый, окажется максимумъ въ восемьдесятъ человекъ. Да и обезпеченіе этихъ сотрудниковъ тоже не особенно блистательно, несмотря на то, что каждый изъ нихъ пишетъ изъ всѣхъ силъ, и больше того, что онъ пишетъ,—писать уже не въ состояніи. А сколько пишется вздоръ только потому, что и за вздоръ платятъ деньги, и что невозможно всю книжку или нумеръ газеты наполнить исключительно умными вещами и талантливыми литературными произведеніями!

Но что же вызываетъ на литературную дѣятельность,—неужели исключительно денежные соображенія? Что заставляетъ юношу писать стихи, повѣсти, статьи публицистскаго содержанія? Не денегъ онъ хочетъ; денежные соображенія являются уже послѣ; они признакъ извѣстной литературной зрѣлости писателя и вмѣстѣ съ тѣмъ его нравственной порчи. Юноша ищетъ, но чего—онъ и самъ не знаетъ;—ему кажется, что онъ хочетъ славы, извѣстности; да, хочетъ онъ и этого; а говоря проще, ему нужна общественная дѣятельность. Вотъ почему всякій человекъ, чувствующій въ себѣ нѣкоторую силу, способность,

а главное пишуши общественной дѣятельности, при извѣстномъ литературномъ талантѣ дѣлается писателемъ. Онъ дѣлается имъ потому, что только этимъ путемъ, при существующихъ вообще въ Европѣ учрежденіяхъ, и можетъ выражаться общественная дѣятельность. Тамъ, гдѣ эта дѣятельность можетъ выражаться непосредственно, прямымъ, личнымъ участіемъ каждаго въ общественныхъ дѣлахъ—людямъ незначѣмъ писать статей и статейекъ. Они заявляютъ свои мысли другимъ путемъ или съ трибуны, или непосредственными распоряженіями и дѣйствіями. Вотъ почему ни Наполеонъ, ни лордъ Пальмерстонъ, ни даже прусскій король не участвуютъ ни въ какой газетѣ и не пишутъ никакихъ передовыхъ статей для журналовъ. А тотъ же Пальмерстонъ, поставленный въ другія условія, легко могъ сдѣлаться литераторомъ и публицистомъ. Журналистика есть средство для публичнаго заявленія мыслей и мнѣній, которыя не могутъ быть заявлены другимъ путемъ. Еслибы человѣкъ могъ всѣ свои мысли, касающіяся общественныхъ дѣлъ, заявлять въ общественныхъ, или въ народныхъ собраніяхъ, ему бы незначѣмъ дѣлать изъ нихъ журнальныхъ статей. Въмѣсто того, чтобы писать, онъ бы говорилъ; а если мысли эти должны быть извѣстны всѣмъ, непринимавшимъ участія въ собраніи, ихъ бы записалъ стенографъ. Иначе сказать, трудъ общественнаго дѣятеля раздвоился: нынче онъ и думаетъ, и записываетъ самъ свои мысли: а тогда стенографъ избавлялъ бы его отъ механическаго труда, и публицистъ только бы говорилъ, а писали бы за него другіе.

Вступивъ на поприще общественной дѣятельности и находя въ ней средства для своего существованія, человѣкъ, разумѣется, зналъ бы, чего отъ него требуютъ люди и при исполненіи имъ какихъ именно условій люди будутъ считать его полезнымъ. Не для пустословія выбрали его люди; не для того, чтобы онъ говорилъ много о томъ, о чемъ и говорить не стоитъ; а чтобы онъ говорилъ дѣло и дѣлалъ дѣло. Не по размѣру рѣчей будетъ даваться ему и жалованье; длинныхъ и скучныхъ рѣчей и слушать не стануть; значить, основнымъ побужденіемъ оратора будетъ сказать, какъ можно короче, какъ можно умнѣе и какъ можно убѣдительно. То есть, въ своихъ рѣчахъ онъ будетъ стремиться именно къ достиженію тѣхъ цѣлей, совокупность которыхъ даетъ такую цѣну литературнымъ произведеніямъ, считается творчествомъ, талантомъ, и чѣмъ, къ несчастію, заставляютъ пренебрегать тѣ жалкія условія экономическаго положенія, въ которыхъ живутъ литераторы, видящіе въ литературѣ кусокъ насущнаго хлѣба и получающіе плату по аршинамъ писанной ими бумаги.

Меркантильный характеръ литературнаго дѣла не обнаруживаетъ вреднаго вліянія только на таланты гениальныхъ и сильно-даровитыхъ людей. Но много ли такихъ писателей? Затѣмъ всѣ остальные, пишущіе изъ-за денегъ, истощаютъ только свои послѣднія силы, распуская ихъ въ многословіи и избыткѣ писанія. Въмѣсто двухъ дѣйствительно хорошихъ вещей, человѣкъ, сдѣлавшій изъ литературы промыселъ, напишетъ двадцать плохихъ. Число книгъ увеличивается страшно, а качество литературныхъ произведеній въ той же степени падаетъ. Даже самый языкъ портится отъ этого и пропадаетъ его сила, короткость, мѣткость, и является какой-то заразой общая манера идти въ фразу, въ длинноту рѣчи и хлопотать не столько о содержаніи, сколько о формѣ. Нынче

всѣ и вездѣ пишутъ длинно, потому что это выгодноѣ, чѣмъ писать коротко. Нынче не только для журналовъ, но и ученые сочиненія пишутъ съ плеча, потому что чѣмъ больше человекъ напишетъ, тѣмъ больше онъ достанетъ денегъ. Вотъ почему написано много, а читать почти нечего.

Выходъ изъ этого литературнаго разврата одинъ:—нужно, чтобы литература не служила кускомъ насущнаго хлѣба. Пусть человекъ добываетъ его другимъ путемъ.

И въ теоріи и въ практикѣ вопросъ этотъ вовсе не такъ труденъ для разрѣшенія. Разумѣется, наша рѣчь не о полномъ проэктѣ преобразованія; мы только намѣтимъ, въ какомъ направленіи можно бы идти, чтобы выйти изъ того жалкаго положенія, въ которое поставлена литература понятіемъ о литературной собственности и денежнымъ характеромъ всего дѣла.

Въ томъ, что называется литературой, слѣдуетъ различить три рода произведеній: публицистика, изящныя произведенія, то есть беллетристика и поэзія, и науки или ученые сочиненія. Все это можетъ существовать отлично помимо теперешнихъ меркантильных расчетовъ. Кто изъ литераторовъ не знаетъ, что нѣтъ ничего мучительнѣе и труднѣе, какъ писать исключительно для того, чтобы имѣть средства для жизни. Какого бы рода вещь ни приходилось писать, нужно для этого извѣстное расположеніе духа. Ни одинъ изъ извѣстныхъ беллетристовъ не пишетъ сплошь, заурядъ, каждый день. Всѣ они работаютъ съ промежутками. Даже въ работѣ публицистовъ есть отдыхъ. И у нихъ явится одна, двѣ блестящія статьи, за тѣмъ рядъ статей самыхъ обыкновенныхъ, казенныхъ—это отдыхъ, и чрезъ извѣстный промежутокъ новая блестящая статья. Такихъ писателей, у которыхъ каждый мѣсяцъ является что нибудь дѣйствительно замѣчательное, называютъ геніями; а геніи рѣдки. Но и для генія нуженъ отдыхъ. Люди со средствами, въ тѣ промежутки времени, когда чувствуютъ, что сказать имъ нечего, не пишутъ ничего и набираются новыхъ впечатлѣній; люди же, для которыхъ литературный трудъ есть кусокъ хлѣба, или которые находятся на литературной службѣ, пишутъ и въ эти промежутки времени. Писатели, находящіеся въ такомъ положеніи, знаютъ очень хорошо, въ какой степени трудъ этого рода неприятенъ и какъ тяжелъ самый механизмъ писанія. Литературный трудъ этого рода такъ же тяжелъ, такъ же разстроиваетъ здоровье и сокращаетъ жизнь, какъ разстроиваетъ фабричнаго рабочаго его фабричная работа. Но неужели жизнь людей должна быть устроена такъ, чтобы трудъ служилъ мученіемъ, чтобы онъ убивалъ въ человекѣ силы, доводилъ его до чахотки и сводилъ въ могилу ранѣе, доставивъ человеку мало минутъ наслажденія, или даже и совсѣмъ ихъ не доставивъ? Если же это существуетъ въ жизни такъ, то существуетъ совсѣмъ не потому, чтобы умственная дѣятельность человека не могла проявиться иначе, а потому, что самый трудъ организовался такимъ страннымъ и безотраднымъ способомъ. Что же нужно для этого? Нужно, чтобы не существовало людей, посвятившихъ себя исключительно литературному труду и незнающихъ другаго занятія, кромѣ вѣчнаго писанія статей и повѣстей. При небольшихъ размѣненіяхъ общественныхъ условій, умственная дѣятельность могла бы получить совсѣмъ другую организацію, и вотъ какимъ образомъ.

Чѣмъ заняты публицисты? Они разрабатываютъ текущіе общественные

вопросы, и разрабатывают их въ печати, потому что не существуетъ другаго способа заявленія своихъ мыслей, для разрѣшенія разныхъ споровъ и недоразумѣній. Сущестующій способъ, разумѣется, и неудобенъ, и медленъ, и недѣйствителенъ. Общественное мнѣніе вырабатывается при этомъ тоже медленно; во многихъ случаяхъ оно смотритъ безучастно на спорные литературные вопросы, и нерѣдко въ журналистикѣ являются толки и споры, если не воплнѣ чуждые жизни, то по крайней мѣрѣ второстепенной или даже третьестепенной важности; вотъ почему, по отношенію къ жизни, на литературу во многихъ случаяхъ смотрятъ, какъ на теорію и умозрѣніе. Упрекъ этотъ, если и не воплнѣ, по все-таки справедливъ. Какъ же связать публицистику съ жизнью? Нужно, чтобы литературные дѣятели находились въ средѣ жизни и сами жили тѣми интересами, о которыхъ они говорятъ.

Если мы представимъ себѣ общественную жизнь, развитую воплнѣ изъ началъ самоуправленія, то, разумѣется, и связать литературу съ жизнью будетъ очень легко. Люди съ стремленіями и съ способностями къ общественной дѣятельности, то есть, какъ разъ тѣ, которые кидаются нынче въ публицистику, пойдутъ въ общественную службу. Каждый такой человѣкъ найдетъ себѣ мѣсто въ какомъ нибудь центрѣ самоуправленія; въ большемъ или меньшемъ, смотря по своимъ способностямъ и по важности разрѣшаемыхъ вопросовъ. На этомъ поприщѣ, и живя интересами своего мѣста и общими интересами страны, избранный человѣкъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться публицистомъ, какъ это нынче, будетъ ораторомъ. Положеніе политическое научить его быть и краснорѣчивымъ, и убѣдительнымъ, научить развить свой талантъ, и дать силу и послѣдовательность мыслямъ, которая, при нынѣшнихъ условіяхъ литературнаго развитія писателей, замѣчается очень у немногихъ. Высказывая убѣжденія, касающіяся общественныхъ вопросовъ, устно, оратору писать ихъ незначѣмъ, а продавать некому. Рѣчь будетъ записана стенографомъ, и если она имѣетъ важный общественный интересъ, то и будетъ напечатана въ мѣстной газетѣ, издаваемой, разумѣется, на общественный счетъ.

Такимъ образомъ человѣкъ съ способностями и наклонностью къ общественной дѣятельности, тотъ, кто дѣлается нынче литераторомъ-публицистомъ, — превратится въ оратора; онъ вступитъ на свою истинную дорогу и перестанетъ быть литературнымъ рабочимъ. Не литература будетъ давать ему средства для существованія, и, разумѣется, онъ станетъ говорить лучше, чѣмъ онъ пишетъ теперь.

Такое измѣненіе въ положеніи публициста измѣнитъ и характеръ журналистики. Нынѣшняя журналистика, установившись разъ въ извѣстныхъ формахъ, какъ будто бы хочетъ поглотить въ себѣ всю литературу, всю нашу умственную дѣятельность. Чего нѣтъ въ нашихъ журналахъ! — и науки, и художества, и политика, и новости — рѣшительно все! И обо всемъ говорится очень легко; во всемъ видна снѣжная, какъ бы недоконченная работа. А между тѣмъ сочиненіе, печатаніе и чтеніе отдѣльныхъ сочиненій развито слабо. Мы учимся всему изъ журнальныхъ статей; а на чтеніе дѣльныхъ и серьезныхъ книгъ обращаемъ самое слабое вниманіе, да и не любимъ заниматься такимъ чтеніемъ. Отъ этого знаніе большинства лишено послѣдовательности и отличается какой-то урывчатостію и отсутствіемъ связи. Въ этомъ много виновата наша журналистика, и

сама отличающаяся такимъ же характеромъ. Съ развитіемъ общественной жизни на иныхъ, болѣе широкихъ началахъ, журналистика будетъ отмѣчать исключительно только явленія общественной и частной жизни, представляющія общественный интересъ, и вопросы политическаго характера. Беллетристика и наука отъ нея отпадутъ; литературныя произведенія этого рода будутъ появляться уже въ видѣ отдѣльныхъ книгъ.

Теперь, когда каждый журналъ ищетъ и проситъ вездѣ повѣстей и романовъ, когда за эту изыскную литературу платится гораздо дороже, чѣмъ за серьезныя сочиненія, — быть беллетристомъ, даже и при маленькомъ талантѣ, очень выгодно; а сколько есть и совершенно безталанныхъ людей, которые, не менѣе того, все-таки пишутъ, и находятъ журналы, въ которыхъ печатаютъ ихъ произведенія? Стоитъ только журналистикѣ заняться исключительно текущими вопросами общественнаго значенія, оставивъ повѣсти и романы являться въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, чтобы все безталанное перестало появляться въ публлку. При томъ порядкѣ жизни, при которомъ писатели перестанутъ смотрѣть на литературу, какъ на кормлицу, все неувѣренное въ своихъ силахъ поищетъ себѣ занятій прочныхъ, нелитературныхъ, и только тотъ станетъ писать, въ комъ есть дѣйствительный талантъ и вдохновеніе; а такихъ не много. Все же прочее безталанное, но нынѣ пишущее, тогда замолчитъ, и грамотные люди, разумѣется, выиграютъ, потому что плохія издѣлія исчезнутъ и будетъ появляться только дѣйствительно хорошее.

Что же касается до ученыхъ сочиненій, то это дѣло школъ, ученыхъ обществъ, академій и университетовъ. Кто оказался способнымъ къ дѣлу воспитанія, или въ разработкѣ науки, тотъ найдетъ себѣ мѣсто между учеными, посвятившими себя общественной службѣ. Академіи и ученые общества, находясь подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, разумѣется, станутъ заниматься своимъ дѣломъ и не получатъ даромъ общественныхъ денегъ. За всѣ же сочиненія, напечатанныя на общественный счетъ, можетъ быть дана и общественная награда.

Этимъ средствомъ трудъ и талантъ не пропадутъ даромъ, они найдутъ себѣ вознагражденіе; а отстанетъ только литературное торгашество и люди безталанные, которые, обратившись къ другимъ постояннымъ занятіямъ, окажутся тамъ вѣроятно болѣе даровитыми людьми.

Научились ли?

Въ «С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ» напечатана и перепечатана въ «Сѣверной Пчелѣ», а быть можетъ еще и въ другихъ газетахъ, статья подъ заглавіемъ: «Учиться или не учиться»? ¹⁾ Она обрадовала людей, имѣющихъ привычку всякую вину во всякихъ непріятныхъ дѣлахъ приписывать исключительно молодому поколѣнію, да литераторамъ. Эти люди обрадовались потому, что вздумали увидѣть въ статьѣ выраженіе взгляда министерства народнаго просвѣщенія. Но мы полагаемъ, что они ошибаются и что статья эта выражаетъ собою только ихъ собственное мнѣніе, и что министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ никакой солидарности съ подобными обскурантами.

Начинается она тѣмъ, что «и смѣшно и грустно, а приходится сдѣлать вопросъ: хотимъ мы учиться или нѣтъ»? Кто это «мы»? По грамматическому смыслу ближе всего тутъ разумѣть автора статьи и людей, составляющихъ одно съ нимъ. Если бы онъ предлагалъ свой вопросъ въ этомъ смыслѣ, было бы, пожалуй, «и смѣшно и грустно» для общества, но полезно для этихъ «мы», что они пришли наконецъ къ сознанію, не нужно ли имъ хоть немножко поучиться. Смѣшно и грустно было бы для общества узнать отъ самихъ этихъ «мы», что они еще не знаютъ, полезно ли учиться; но для самихъ этихъ «мы» было бы ужъ очень большимъ шагомъ впередъ то, что отъ прежней увѣрен-

¹⁾ Хорошо ли сдѣлали тѣ, которые напечатали эту статью, мы увидимъ изъ того, явятся ли въ печати мысли, вызванныя ею въ насъ. Каждый можетъ имѣть о всякомъ предметѣ свое мнѣніе и поступать хорошо, если предлагаетъ его на обсужденіе общества; если статья «Учиться или не учиться» предлагаетъ на обсужденіе общества взглядъ, ею выражаемый, лица, помѣстившія эту статью въ нашихъ газетахъ, поступили хорошо. Но въ такомъ случаѣ пусть же они не отнимаютъ у общества права обсуждать этотъ взглядъ. Если же считаютъ они необходимымъ для себя или неудобнымъ для кого нибудь или для чего нибудь выслушивать и принимать къ соображенію публичные отвѣты на свой взглядъ, если они хотятъ, чтобы этому ихъ взгляду общество только повиновалось, не разсуждая объ его основательности,—въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ высказываться въ формѣ приказа, распоряженія, циркуляра, а не въ формѣ разсуждающей статьи, и придавать ему такую форму—было дѣло не хорошее. Посмотримъ же, можно ли кому нибудь, кромѣ автора статьи «Учиться или не учиться» и людей, одобряющихъ его взглядъ, публично разсуждать о предметахъ, къ разсужденію о которыхъ повидимому вызываетъ эта статья.

ности въ ненужности и вредѣ ученія, они перешли къ сомнѣнію объ этомъ предметѣ и начинаютъ подумывать, что можетъ быть и нужно имъ учиться; это служило бы для общества предвѣстіемъ тому, что когда нибудь и убѣдятся въ надобности учиться.

Но авторъ статьи, очевидно, относитъ не къ себѣ и къ своимъ единомышленникамъ, а къ русскому обществу свое сомнѣніе о существованіи охоты учиться. Онъ говоритъ, что повидимому кажется, будто общество хочетъ учиться. Признаками тому, какъ будто, служатъ «сотни новыхъ журналовъ, десятки воскресныхъ школъ». — *Сотни* новыхъ журналовъ, да гдѣ же это авторъ насчиталъ сотни? А нужны были бы дѣйствительно сотни. И хочетъ ли авторъ знать, почему не основываются сотни новыхъ журналовъ (вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать: газетъ), какъ было бы нужно? Потому, что по нашимъ цензурнымъ условіямъ невозможно существовать сколько нибудь живому періодическому изданію нигдѣ, кромѣ нѣсколькихъ большихъ городовъ. Каждому богатому торговому городу было бы нужно имѣть нѣсколько хотя маленькихъ газетъ; въ каждой губерніи нужно было бы издаваться нѣсколькимъ мѣстнымъ листкамъ. Ихъ нѣтъ, потому что имъ нельзя быть. Говорятъ, что это скоро переимѣнится; — дай Богъ.

«Десятки воскресныхъ школъ»! — Вотъ это не преувеличено, не то что «сотни новыхъ журналовъ»: воскресныя школы въ имперіи, имѣющей болѣе 60 милл. населенія, дѣйствительно считаются только десятками. А ихъ нужны были бы десятки тысячъ, и скоро могли бы точно устроиться десятки тысячъ, и теперь же существовать по крайней мѣрѣ много тысячъ. Отчего же ихъ только десятки? Оттого, что онѣ подозрѣваются, стѣняются, цѣленаются, такъ что у самыхъ преданныхъ дѣлу преподаванія въ нихъ людей отбивается охота преподавать.

Если это неправда, потрудитесь доказать противное и попробуйте въ доказательство обнародовать нѣкоторыя записки и совѣщанія, результатомъ которыхъ были разныя правила и инструкціи относительно воскресныхъ школъ.

Но по мнѣнію автора статьи, эти признаки желанія общества учиться, то есть небывалыя сотни новыхъ журналовъ и дѣйствительныя десятки (удивительное число!) воскресныхъ школъ — признаки обманчивые: «послушаешь крики на улицахъ, скажутъ, что вотъ тамъ-то случилось то-то, и поневолѣ повѣсишь голову, и разочаруешься»... Позвольте, г. авторъ статьи: какіе крики слышите вы на улицахъ? Крики городскихъ и квартальныхъ, — эти крики и мы слышимъ. Про нихъ ли вы говорите? — «Скажутъ, что вотъ тамъ случилось то-то, а здѣсь вотъ то-то» — что же такое, напримѣръ? Тамъ случилось воровство, здѣсь превышена власть, тамъ сдѣлано притѣсненіе слабому, здѣсь оказано потворство сильному, — объ этомъ безпрестанно говорятъ.

Отъ этихъ криковъ, слышныхъ всѣмъ, и отъ этихъ ежедневныхъ разговоровъ въ самомъ дѣлѣ «поневолѣ повѣсишь голову и разочаруешься». Но авторъ статьи ведетъ рѣчь не о томъ. Онъ толкуетъ о такъ-называемыхъ исторіяхъ со студентами. Что жъ, и объ этихъ исторіяхъ мы умѣли бы разсказать много любопытнаго. Напримѣръ, захватывались всѣ люди, которыхъ заставляла полицейская или другая команда на извѣстномъ пространствѣ набережной, служащей единственнымъ путемъ сообщенія между двумя частями города,

и все эти люди держались не одинъ мѣсяцъ въ заключеніи, безъ разбора даже того, какимъ образомъ кто изъ нихъ находился на опасномъ пространствѣ въ несчастную минуту,—не проходилъ ли кто нибудь изъ нихъ черезъ это пространство съ Васильевского острова въ гостиный дворъ для покупки сукна или сапогъ; не проходилъ ли другой съ этой стороны города на бывшую тогда выставку картинъ въ академіи художествъ,—не только безъ всякаго отношенія къ студенческой исторіи, но быть можетъ и безъ понятія о томъ, что существуютъ на бѣломъ свѣтѣ люди, называемые студентами. Если угодно, можно будетъ указать сотни подобныхъ сторонъ въ дѣлахъ, называемыхъ студенческими исторіями. Но авторъ статьи говоритъ не объ этихъ многочисленныхъ сторонахъ, но только объ одной той, которая, по его мнѣнію, можетъ быть обращена въ порицаніе студентамъ. По его словамъ, «поколѣніе», которое нынѣ должно кончать свое образованіе, отказалось отъ ученія, оно можетъ обойтись и безъ науки: это поколѣніе косвеннымъ образомъ содѣйствовало закрытію петербургскаго университета и прямо прекращенію публичныхъ лекцій. Будемъ говорить о дѣлѣ даже только въ тѣхъ слишкомъ узкихъ границахъ, въ которыхъ угодно разсуждать о немъ автору статьи.

Первымъ доказательствомъ тому, что молодое поколѣніе, представляемое студентами здѣшняго университета, отказалось отъ ученія, онъ выставляетъ событія, вслѣдствіе которыхъ былъ закрытъ университетъ. Чѣмъ были вызваны эти событія? Тѣмъ «правилами», которыя сдѣлались извѣстны подъ именемъ матрикулъ. Чѣмъ были недовольны студенты въ этихъ правилахъ? Общій духъ правилъ состоялъ въ томъ, что студентовъ, людей, вообще имѣющихъ тотъ возрастъ, въ которомъ, по законамъ нашей же имперіи, мужчина можетъ жениться и становиться отцомъ семейства, возрастъ, въ которомъ, по законамъ нашей же имперіи, человѣкъ принимается на государственную службу, можетъ быть командиромъ военнаго отряда, можетъ быть товарищемъ предсѣдателя гражданской или уголовной палаты,—студентовъ, людей этого возраста, правила хотѣли поставить въ положеніе маленькихъ ребятъ. Удобно ли это вообще?—Пусть разсудитъ авторъ статьи. Мы ограничимся только тою стороною дѣла, о которой угодно разсуждать ему. Если люди признаны недостойными или неспособными находиться въ иномъ положеніи, чѣмъ маленькіе ребята, значитъ эти люди признаны неспособными и науку слушать въ такомъ видѣ, въ какомъ сообщается она взрослымъ людямъ и въ какомъ должна преподаваться въ университетѣ; значитъ, общій духъ «правилъ» необходимо велъ къ обращенію университетовъ со стороны преподаванія въ училище малолѣтнихъ ребятъ, въ низшіе классы гимназій, въ уѣздныя училища. Значитъ ли, что взрослый человѣкъ отказывается отъ ученія, когда недоволенъ тѣмъ, что его хотятъ учить какъ маленькаго ребенка? Это пусть знаетъ авторъ статьи относительно общаго духа «правилъ». Кромѣ того были въ нихъ два отдѣльныя постановленія, въ особенности возбуждившія неудовольствіе студентовъ. Эти два постановленія были: во-первыхъ, отнятіе права у университетскаго начальства освобождать недостаточныхъ студентовъ отъ взноса платы за слушаніе лекцій, и воспрещеніе студенческихъ сходокъ. Разъяснимъ автору статьи значеніе этихъ постановленій.

Плата за слушаніе лекцій составляетъ 50 р. въ годъ. Большинство сту-

дентовъ люди, не имѣющіе совершенно ничего и живущіе самыми скудными и невѣрными доходами, изъ-за пріобрѣтенія которыхъ они быются Богъ-знаетъ-какъ. Кто изъ этихъ бѣдняковъ имѣетъ какіе нибудь уроки, тотъ уже счастливѣе. Не имѣя вѣрнаго рубля серебромъ на чай и сахаръ, не имѣя никогда хотя бы 20 р. свободныхъ денегъ, какимъ образомъ могли бы эти люди взносить по полугодіямъ 25 р., требуемые въ началѣ каждого семестра? Прекращеніе права университетскаго начальства освобождать бѣдныхъ студентовъ отъ взноса платы за слушаніе лекцій равнялось отнятію у большинства студентовъ права слушать лекцій. Если они почувствовали неудовольствіе на такое распоряженіе, значить ли, что они не имѣли охоты учиться?

Людямъ, перебивающимся такими малыми и невѣрными доходами, какъ большинство студентовъ, безпрестанно бываютъ очень важны какіе нибудь 10 или 20 рублей. Черезъ мѣсяцъ, черезъ два студентъ какъ нибудь перевернется,—получить уроки, достанетъ нѣсколько листовъ перевода, и будетъ удѣлять рубли на уплату долга; черезъ три, четыре мѣсяца доходы опять изсякнутъ и опять придется занимать. Понятна важность кассы взаимнаго вспоможенія для общества людей, живущихъ въ такомъ положеніи. Понятно также, что этою кассою никто не можетъ управлять, кромѣ товарищей тѣхъ людей, которымъ она должна помогать. Тутъ нужно до мельчайшихъ точностей знать дѣла и характеръ каждого просящаго денегъ. Въдѣ обезпеченія въ уплатѣ нѣтъ никакого, кромѣ личнаго характера; а видимое положеніе почти всей массы таково, что кромѣ близкихъ знакомыхъ никто не можетъ различить, дѣйствительно ли нужно пособіе требующему его, или требованіе неосновательно. Ни профессора, никакое начальство не можетъ замѣнить студентовъ въ управленіи ихъ кассой. Также никто кромѣ студентовъ не въ состояніи и провѣрять добросовѣстность или безпристрастіе распорядителей кассы. Значить, при существованіи кассы необходимы сходки студентовъ для выбора депутатовъ, распоряджающихся кассой, для повѣрки ихъ отчетовъ, для обезпеченія многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ сами распорядители кассы будутъ чувствовать надобность спрашивать совѣтовъ. Значить, запрещеніе студенческихъ сходокъ равнялось уничтоженію студенческой кассы, столь необходимой.

Понятно ли теперь автору статьи и его единомышленникамъ, какой смыслъ имѣло недовольство студентовъ воспрещеніемъ сходокъ и непремѣнною обязанностью платы за слушаніе лекцій съ каждого студента? Тутъ дѣло шло не о какихъ нибудь политическихъ замыслахъ, а просто о кускѣ хлѣба и о возможности слушать лекцій. Этотъ хлѣбъ, эта возможность отнимались.

Или это не такъ? Попробуйте доказать противное; попробуйте напечатать документы, относящіеся къ этому періоду дѣла.

Угодно ли слушать, что было далѣе? Студенты, которымъ сходки еще не были воспрещены, собрались, чтобы путемъ, который они считали законнымъ и который тогда еще не былъ незаконнымъ (потому что «правила» еще не были приведены въ дѣйствіе, и потому студенты, даже и формально еще не имѣли основанія считать воспрещеннымъ для нихъ въ эти дни то, что не было имъ воспрещено прежде),—чтобы законнымъ путемъ просить высшее начальство университета ходатайствовать передъ правительствомъ объ отмѣненіи «правилъ»,

искажавших характеръ университетскаго преподаванія и отнимавшихъ у большинства студентовъ возможность слушать лекціи. Начальство это находилось въ зданіи университета. Но узнавъ о предполагавшемся представленіи просьбы, оно печезло. Надобно было отыскивать, гдѣ оно. Натуральнѣе всего было предположить, что надобно искать его на его квартирѣ. Студенты пошли къ этой квартирѣ. Они шли совершенно спокойно.

Или это не такъ? Но вѣдь это извѣстно всему городу.

Внимъ ли мы кого нибудь? Нѣтъ, мы еще только пробуемъ, можно ли и безъ всякихъ обвиненій противъ кого нибудь объяснить автору статьи и его единомышленникамъ, что напрасно винять они студентовъ въ нежеланіи учиться. Мы еще сомнѣваемся, допущено ли будетъ говорить хотя въ этомъ тонѣ. Но если изъ допущеній этихъ замѣчаній мы увидимъ, что можно сдѣлать дальнѣйшую пробу публичнаго разбора этихъ дѣлъ, тогда мы прямо попробуемъ сказать, кого тутъ слѣдуетъ винить и за что.

Итакъ студенты вынуждены были перейти изъ зданія университета въ другую часть города, чтобы отыскать свое начальство для представленія ему просьбы, на представленіе которой оставалось за ними законное право и были у нихъ такія уважительныя причины, какъ желаніе учиться и забота о кускѣ хлѣба для возможности учиться. Найденное ими начальство пригласило ихъ возвратиться въ зданіе университета. Они сдѣлали это съ радостью, какъ только получили отъ начальства обѣщаніе, что оно также отправится туда для выслушанія ихъ просьбы.

Образъ ихъ дѣйствій—былъ такъ мпрень и законенъ, что само это начальство почло себя въ правѣ увѣрить студентовъ на совѣщаніи съ ними въ зданіи университета, что никто изъ нихъ не будетъ арестованъ или преслѣдуемъ за событія того дня. На другой день поутру жители Петербурга и въ томъ числѣ студенты были встревожены извѣстіемъ, что ночью арестовано значительное число студентовъ.

Внимъ ли мы кого нибудь за эти аресты? Нѣтъ, мы еще не пробуемъ теперь дѣлать этого, какъ уже и говорили выше.

Но весь городъ недоумѣвалъ при несоотвѣтствіи факта съ увѣреніемъ, которое публично дано было наканунѣ университетскимъ начальствомъ. Студенты желали, чтобы начальство разъяснило имъ это недоумѣніе и сообщило имъ насколько то удобно по обстоятельствамъ, въ чемъ обвиняются ихъ арестованные товарищи, чего ждать этимъ товарищамъ и всѣмъ другимъ студентамъ.

Узнать это желалъ весь городъ.

Вслѣдствіе попытки студентовъ узнать, не можетъ ли университетское начальство сколько нибудь разъяснить имъ это дѣло и сколько нибудь успокоить тревогу каждаго изъ нихъ за самого себя—были новые аресты.

Опять повторяемъ, что мы еще не пробуемъ винить кого бы то ни было. Посмотримъ, откроется ли намъ впослѣдствіи возможность къ этому. Но если откроется, то разумѣется мы воспользуемся ею.

Продолжать ли изложеніе дальнѣйшаго хода осенней студенческой исторіи, слѣдствіемъ которой было закрытіе здѣшняго университета? Если угодно будетъ автору статьи и его единомышленникамъ, мы готовы будемъ сдѣлать это для поименованія ихъ свѣдѣній о ней. Но для нашей цѣли довольно изложенныхъ фактовъ. Авторъ статьи выставляетъ закрытіе здѣшняго университета слѣдствіемъ или признакомъ нежеланія студентовъ учиться. Мы доказали, что событія, имѣвшія своимъ слѣдствіемъ закрытіе университета, произошли отъ недовольства студентовъ «правилами», отнимавшими у большинства ихъ возможность учиться.

Разсматривать ли вопросъ, до какой степени имѣлась въ виду при составленіи «правилъ» эта цѣль, — отнятіе возможности учиться у большинства людей, поступавшихъ въ студенты университета. Мы не будемъ разсматривать этого вопроса теперь; но если авторъ статьи или его единомышленники считаютъ нужнымъ доказать, что эта цѣль нисколько не имѣлась въ виду при составленіи правилъ, пусть они напечатаютъ документы, относящіеся къ тѣмъ совѣщаніямъ, изъ которыхъ произошли «правила».

Но во всякомъ случаѣ, какую бы цѣль ни полагали себѣ лица, занимавшіяся составленіемъ «правилъ», правила вышли таковы, что необходимымъ ихъ послѣдствіемъ было бы именно отнятіе возможности учиться у большинства студентовъ и возбужденіе недовольства въ студентахъ этимъ отнятіемъ. Таково было мнѣніе не однихъ студентовъ, а также и большинства профессоровъ здѣшняго университета и многихъ другихъ лицъ, занимавшихъ или занимающихъ теперь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія мѣста болѣе высокія.

Если авторъ статьи и его единомышленники хотятъ опровергнуть это наше свидѣтельство, пусть попробуютъ они напечатать документы, относящіеся къ засѣданіямъ совѣта здѣшняго университета по вопросу о тогдашнихъ университетскихъ «правилахъ» и другіе документы связанныя съ этимъ вопросомъ.

Если же они захотятъ утверждать, что раздѣляемое нами мнѣніе этихъ лицъ о тогдашнихъ «правилахъ» неосновательно, то пусть они докажутъ, что мы ссылаемся на факты, выдуманные нами, когда говоримъ, что въ скоромъ времени послѣ закрытія здѣшняго университета правительство учредило комиссію для пересмотра этихъ «правилъ»; что предсѣдателемъ этой комиссіи было назначено лицо, формально осудившее эти «правила» при самомъ же ихъ обнародованіи и отказавшееся приводить ихъ въ исполненіе въ своемъ университетѣ; что теперь эти «правила» совершенно отвергнуты правительствомъ.

Когда будетъ доказано, что мы лжемъ, указывая на эти факты, только тогда будетъ доказано и то, что ошибочно было впечатлѣніе, произведенное этими правилами на студентовъ здѣшняго университета, и что причиною закрытія здѣшняго университета были не именно эти «правила», а нежеланіе студентовъ учиться.

Переходимъ къ другому факту, выставляемому у автора статьи вторымъ доказательствомъ нежеланія студентовъ учиться. Этотъ фактъ — прекращеніе публичныхъ лекцій весною нынѣшняго года. Мы думаемъ, что авторъ статьи

и его единомышленники не найдутъ вредящимъ убѣдительности своего мнѣнія объ этомъ происшествіи то, что мы не дѣлаемъ попытки къ изложенію обстоятельствъ, за нѣсколько дней передъ прекращеніемъ лекцій возбужденнаго очень сильные толки въ цѣломъ городѣ; надѣясь на то, мы не будемъ касаться этого предварительнаго обстоятельства ¹⁾, имѣннаго влияние на прекращеніе лекцій. Но какимъ образомъ произошло самое прекращеніе ихъ? Объяснять это печатнымъ образомъ мы не хотимъ, потому что иначе пришлось бы поименовать множество лицъ, не имѣющихъ никакой претензіи парадировать передъ публикою въ качествѣ интересныхъ для нея дѣятелей. Уважая ихъ скромность, я не стану здѣсь излагать подробности, къ нимъ относящіяся. Но у меня все таки есть средство заставить автора статьи отказаться отъ обвиненія студентовъ по дѣлу прекращенія публичныхъ лекцій. Этимъ средствомъ я уже пользовался съ успѣхомъ по тому же самому дѣлу. Вотъ оно. Я предлагаю безыменному автору статьи, чтобы онъ или пожаловалъ ко мнѣ (мой адресъ онъ можетъ узнать въ конторѣ «Современника») — или сообщилъ мнѣ свой адресъ и согласился, чтобы я пришелъ къ нему для разъясненія этого дѣла изустнымъ споромъ при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, выбранныхъ въ равномъ числѣ отъ меня и отъ него. Выслушавъ наши объясненія, свидѣтели изложатъ въ формѣ протокола свое заключеніе. Если авторъ статьи не приметъ этого моего формально заявляемаго здѣсь приглашенія, я приобретаю право утверждать, что онъ самымъ неприятіемъ его засвидѣтельствовалъ невозможность доказать основательность своего мнѣнія.

Мы посвятили нѣсколько страницъ разбору нѣсколькихъ строкъ, которыми начинается статья «Учиться или не учиться». Теперь можемъ идти быстрѣе.

Авторъ статьи, «разочаровавшись» въ нынѣшнихъ студентахъ, спрашиваетъ себя, каковы будутъ будущіе студенты: «будутъ ли они грозить кафедрамъ свистками, мочеными яблоками и т. п. уличными орудіями протестующихъ», т. е. нынѣшнихъ студентовъ. Свистки и моченые яблоки употребляются не какъ «уличные орудія»: уличными орудіями служатъ: штыки, приклады, палашки;

¹⁾ Рассмотрѣніе котораго не необходимо для частнаго вопроса о степени виновности студентовъ въ прекращеніи публичныхъ лекцій. Для нашей цѣли достаточно будетъ начать изложеніе дѣла нѣсколькими днями позже этого первоначальнаго случая. Мы слышали, что за два дня до прекращенія лекцій, объявленнаго въ четвергъ 8 марта, было (во вторникъ, 6 марта, вечеромъ) на квартирѣ одного профессора собраніе профессоровъ, читавшихъ лекціи; что на этомъ собраніи эти профессора приняли рѣшеніе прекратить лекціи; что будучи спрошены, свободно ли и по собственному ли убѣжденію они приняли это рѣшеніе, они отвѣчали, что приняли его совершенно свободно по собственному убѣжденію. Мы желаемъ знать, можетъ ли быть отрисаема достовѣрность этого слышаннаго нами разказа; и пока не будетъ намъ доказано, что она можетъ быть отрисаема, мы считаемъ дѣломъ изысканнымъ доказывать какими либо другими соображеніями, что прекращеніе публичныхъ лекцій не должно быть приписываемо студентамъ. Если же авторъ статьи или его единомышленники захотятъ опровергать слышанный нами и сообщенный здѣсь разказъ о собраніи профессоромъ вечеромъ во вторникъ 6 марта, то мы предупреждаемъ, что онъ можетъ быть опровергаемъ только свидѣтельствомъ самихъ профессоровъ, бывшихъ на этомъ собраніи, и что это свидѣтельство будетъ заслуживать рассмотрѣнія только тогда, когда будетъ скрѣплено ихъ подписями.

пусть вспомнитъ авторъ статьи, студентами ли употреблялись эти уличныя орудія противъ кого нибудь, или употреблялись они противъ студентовъ, и пусть скажетъ, если можетъ, была ли нужда употребить ихъ противъ студентовъ; и если вздумаетъ говорить, что нужда въ этомъ была, то пусть объяснитъ, было ли въ то время раздѣляемо такое мнѣніе высшимъ начальствомъ расположеннаго въ городѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. И такъ отлагаемъ рѣчь объ употребленіи уличныхъ орудій во время студенческой исторіи до той поры; когда авторъ статьи покажетъ намъ возможность подробнѣе заняться этимъ предметомъ.— Что же касается свистковъ и мочоныхъ яблокъ, эти орудія протеста употребляются за границею въ театральныхъ и концертныхъ залахъ, а не на улицахъ; но находились ли хотя одинъ свистокъ въ рукахъ у кого нибудь изъ студентовъ и было ли хотя одно мочоное яблоко брошено въ кого нибудь на какой нибудь лекціи или студенческой сходкѣ? Мы не слышали ничего подобнаго, и будемъ полагать, что ничего подобнаго не было, пока авторъ статьи не докажетъ противнаго. Впрочемъ, онъ вѣроятно только не умѣлъ выразиться съ точностью или увлекся краснорѣчіемъ, а въ сущности намѣренъ былъ сказать только, что 8 марта въ залѣ городской думы было шиканье и свистъ. Кто свисталъ и шикалъ? По однимъ разсказамъ большая половина присутствовавшихъ, по другимъ разсказамъ меньшинство, но очень многочисленное. Между тѣмъ извѣстно, что студенты составляли лишь небольшую часть публики, находившейся въ залѣ. И если бы не хотѣла свистать и шикать публика, то голоса студентовъ были бы заглушены ея аплодисментами, если бы и всѣ до одного студенты шикали. А при томъ извѣстно, что многіе изъ нихъ не свистали и не шикали. Слѣдовательно многочисленность свиставшихъ и шикавшихъ показываетъ, что шикала и свистала публика. Это положительно утверждаютъ и всѣ слышанные нами разсказы: часть публики аплодировала, другая часть шикала. Если шиканье было тутъ дурно или неосновательно, то позволѣте обращать свои упреки за него на публику, а не на студентовъ. Пропуская нѣсколько тирадъ, содержащихъ въ себѣ варіаціи на строкки, нами разобранныя, замѣтимъ слова, относящіяся также къ прекращенію публичныхъ лекцій: студенты «стали требовать отъ профессоровъ, чтобы они пристали къ ихъ протестаціямъ и демонстраціямъ». Когда это было? Сколько мы знаемъ, этого никогда не было. «Конечно, послѣдніе отказались». Какъ они могли «отказываться» отъ того, къ чему ихъ никогда не приглашали и чего никогда не предполагали дѣлать сами студенты. «Это вызвало со стороны учащихся рядъ такихъ неприличныхъ выходокъ» — какихъ это выходокъ? Когда онѣ были? — «что и публичныя лекціи должны были закрыться». Рѣшеніе прекратить публичныя лекціи, какъ мы сказали, было принято профессорами вечеромъ 6 марта, свободно и по ихъ собственному убѣжденію, какъ они тогда объявили, и никакія выходки со стороны студентовъ не предшествовали этому свободно принятому профессорами рѣшенію.

Далѣе авторъ статьи разсуждаетъ о «свободѣ» человѣка «имѣть въ религіи, политикѣ и т. д. такія убѣжденія, какія почитаетъ лучшими», и порицаетъ нашихъ «либераловъ» за то, что они стѣсняють эту свободу во всѣхъ другихъ людяхъ. Въ доказательство тому приведена фраза изъ одной моей статьи; впрочемъ она совершенно напрасно выставляется уликой противъ

либераловъ, которые всегда отвергали всякую солидарность со мною и порицали мои статьи не меньше, чѣмъ авторъ статьи порицаетъ студентовъ. А главное дѣло въ томъ, что чѣмъ же студенты-то виноваты въ моихъ статьяхъ или въ неблагонамѣренности либераловъ? Развѣ я совѣтуюсь съ студентами, когда пишу свои статьи? или развѣ наши «либералы»,—имя, подѣ которымъ разумѣются люди болѣе или менѣе не молодые и чиновные и ужь ни въ какомъ случаѣ не студенты,—развѣ они набираются своихъ мнѣній отъ студентовъ? Впрочемъ авторъ только не умѣлъ начать рѣчь такъ, чтобы понятно было, къ чему онъ ведетъ ее,—а онъ ведетъ ее не къ тому, чтобы винить студентовъ за неблагонамѣренность нашихъ «либераловъ», каковыхъ онъ обвиняетъ совершенно напрасно, выставляя ихъ солидарными со мною, съ которыми не хотятъ они имѣть ничего общаго, а къ тому, чтобы убѣдить студентовъ перестать вѣрить этимъ «либераламъ», которыхъ онъ выставляетъ похожими на «турецкихъ пашей» и имѣющими привычку «грозить побоями» людямъ другихъ мнѣній. Но, во-первыхъ, студенты никогда и не вѣрили нашимъ «либераламъ», всегда считали ихъ людьми пустыми, даже и не турецкими пашами, а просто пустозвонами; во-вторыхъ, если статья имѣетъ цѣлью подольститься къ студентамъ и разочаровать ихъ насчетъ «либераловъ» (забота совершенно излишняя), то статья не должна была бы такъ несправедливо винить самихъ студентовъ и тѣмъ отнимать у нихъ расположеніе къ мыслямъ, въ ней изложеннымъ.

Потомъ идетъ рѣчь о какихъ-то «деспотахъ» и «инквизиторахъ», подѣ которыми авторъ статьи разумѣетъ все тѣхъ же нашихъ «турецкихъ пашей», то есть по его мнѣнію «либераловъ». Они между прочимъ сравниваются съ двумя Наполеонами,—тѣмъ, который ходилъ въ Москву, и тѣмъ, который управляетъ теперь Франціею, и которые «оба были республиканцами». Но это послѣднее слово ужь никакъ неприменимо къ нашимъ «либераламъ», которые отъ республиканскихъ понятій гораздо дальше, чѣмъ отъ понятій, свойственныхъ автору статьи. Вотъ удивятся они, что успѣли прослыть республиканцами!

Затѣмъ авторъ «отъ души жалѣетъ тѣхъ молодыхъ людей, которые, еще не искушенные опытомъ жизни, увлекаются обманчивой и ласковой наружностью лжелибераловъ»,—успокойтесь, почтенный авторъ: ни лжелибералами, ни просто либералами молодые люди никогда и не увлекались, когда собирались просить свое начальство объ отмиѣнѣ «правилъ», изъ-за которыхъ произошли событія, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ закрытіемъ университета; а прекращеніе публичныхъ лекцій было слѣдствіемъ рѣшенія, принятаго, какъ мы уже говорили, профессорами, читавшими лекціи. Затѣмъ опять идетъ рѣчь о «мнѣнаторныхъ бонапартикахъ и кромвельчикахъ», которые были будто бы «коноводами» студентовъ. Любопытно было бы знать, на какихъ основаніяхъ авторъ статьи полагаетъ, что во время, предшествовавшее закрытію здѣшняго университета, или во время, предшествовавшее прекращенію публичныхъ лекцій, у студентовъ были «коноводы» изъ людей, не принадлежавшихъ къ студенческому обществу? Мы положительно говоримъ, что никакихъ такихъ «коноводовъ» студенты не имѣли. Если же авторъ статьи желаетъ опровергнуть это, то пусть попробуетъ напечатать слѣдственные дѣла, производившіяся по поводу осенней

студенческой исторіи или по другимъ процессамъ, въ которыхъ падало подозрѣніе на какихънибудь студентовъ,—тогда мы увидимъ, подтверждается или опровергается этими документами мнѣніе автора о какихъ-то будто бы существовавшихъ тогда связяхъ между студентами и какими-то «коноводами»: Пока не будутъ обнародованы документальныя доказательства подобныхъ отношеній, мы будемъ утверждать, что ни въ какихъ документахъ ничего подобнаго отыскать нельзя, а во множествѣ документовъ должно находиться множество фактовъ, положительно уничтожающихъ всякую возможность хотя скольконибудь основательнаго предположенія о существованіи этихъ мнимыхъ связей.

Но вслѣдъ за обличеніемъ «миньятюрныхъ бонапартиковъ и кромвельчиковъ», которые губили студентовъ, мы читаемъ успокоительное увѣреніе, что теперь студенты уже отвергли этихъ прежнихъ своихъ зловредныхъ коноводовъ: «высказавшись слишкомъ рано, они (миньятюрные бонапартики и кромвельчики) во время оттолкнули отъ себя тѣхъ, которые сначала повѣрили было искренности ихъ стремленій», т. е. оттолкнули отъ себя студентовъ. Ну, вотъ и слава Богу. Далѣе слѣдуетъ увѣреніе, еще болѣе отрадное: по словамъ автора, скоро и вовсе провалятся въ общественномъ мнѣніи миньятюрные бонапартики или кромвельчики. Вотъ въ подлинникъ это чрезвычайно утѣшительное предувѣдомленіе:

«До сихъ поръ еще впрочемъ условія цензуры нѣсколько затрудняли общественное разочарованіе; если же (какъ носятся слухи) печать будетъ, въ скоромъ времени, болѣе облегчена, тогда мыльные пузыри или миражи разсыются сами собою, и тогда врядъ ли будутъ увлекаться даже наивнѣйшіе изъ самыхъ наивныхъ людей. Это будетъ первой и огромной пользой, которую принесетъ за собою облегченіе печати.

«Когда можно будетъ говорить свободнѣе, тогда лже-либералы встрѣтятъ себѣ сильный стпоръ въ людяхъ, истинно преданныхъ какойнибудь мысли; тогда никто не будетъ стѣсненъ: на одинъ полунамекъ, темный, неясный, обманчивый и двусмысленный, отвѣтятъ десятью ясными и здравыми словами. Внутренняя пустота, скрывающаяся теперь подъ наружными формами какихъ-то убѣжденій, должна будетъ уступить полновѣтѣ убѣжденій истинныхъ».

Дай Богъ, дай Богъ, чтобы поскорѣе пришло такое хорошее время!

Но дальше авторъ статьи какъ будто нѣсколько сбивается въ словахъ: «обществу», говоритъ онъ, «нужны коноводы»; ну, на что же это похоже, что онъ желаетъ всему обществу стать въ послушаніе «коноводоѣ», когда самъ же такъ сильно напустился на студентовъ по одному неосновательному подозрѣнію, что они имѣли «коноводоѣ». Ай, ай, ай, вѣдь это ужъ вовсе не хорошо! Да то ли еще провозглашаетъ авторъ статьи: мало того, говоритъ, что обществу нужны «коноводоѣ»,—«народу нужны полководцы»,—съ нами крестная сила, что это такое значитъ? какіе это полководцы нужны народу? Развѣ народу надобно поднимать противъ когонибудь, вооружать? вести въ-какіянибудь битвы? Странно, странно читать такія вещи, напечатанныя въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», и перепечатанныя оттуда въ «Сѣверной Пчелѣ». Ну, договорился благонамѣренный авторъ статьи до того, что оставалось бы ему только тутъ же закончить статью восклицаніемъ про себя: «языкъ мой—врагъ мой!» Но онъ, нимало не конфузясь, продолжаетъ: «довольно мы слышали всякихъ возгласовъ; намъ теперь нужны дѣло и люди дѣла».

Я совершенно разочаровываюсь въ благонамѣренности автора и кричу: «слово и дѣло!» Что же это, въ самомъ дѣлѣ, авторъ хочетъ, чтобы у насъ образовалось то, что въ Италіи называется «партія дѣйствія?»

Выразивъ это желаніе, которое такъ удивительно видѣть напечатаннымъ въ петербургскихъ газетахъ, авторъ возвращается отъ заботъ о веденіи народа въ какія-то битвы снова къ студентамъ. Ну, думаемъ, авось либо поправится, обнаружитъ прежнюю благонамѣренность: не тутъ то было. Онъ говоритъ, напримѣръ, что еслибы публичныя лекціи не были прекращены демонстраціею 8 марта въ залѣ городской думы, то «сочувствіе общества принадлежало бы» студентамъ «вполнѣ, потому что въ такомъ случаѣ всѣ ихъ прежнія демонстраціи имѣли бы смыслъ».—Позвольте, позвольте: а какой смыслъ имѣютъ эти слова? Дѣло студентовъ испорчено прекращеніемъ публичныхъ лекцій,—безъ этого случая «прежнія ихъ демонстраціи имѣли бы смыслъ, и сочувствіе общества принадлежало бы студентамъ вполнѣ»—такъ; значитъ, до этого случая оно не было испорчено, и «сочувствіе публики вполнѣ принадлежало студентамъ» и ихъ «прежнія демонстраціи» казались публикѣ (или даже и автору статьи?) «имѣющими смыслъ?» Такъ, такъ. А вѣдь рѣшеніе прекратить публичныя лекціи было принято профессорами; значитъ, только профессора испортили дѣло студентовъ, а то оно «вполнѣ» пользовалось сочувствіемъ публики,—ну, хорошо; только уже не слишкомъ ли авторъ выставляетъ профессоровъ порицанію публики?

Къ этому, что ли, хотѣлъ привести рѣчь авторъ статьи, что студенческое дѣло испорчено только профессорами?

Хорошо, хорошо, слушаемъ, что будетъ дальше.

Дальше авторъ говоритъ, что столичные университеты безнадежны, погубили себя безвозвратно (или онъ не то хочетъ сказать? Вѣдь у него не разберешь,—вѣдь можетъ быть онъ и профессоровъ не хотѣлъ выставить людьми, испортившими студенческое дѣло, и народъ не хотѣлъ вести на борьбу противъ какихъ-то враговъ), и что «остается надежда» только «на провинціальныя университеты»—что это значитъ? Предположено уничтожить здѣшній и московскій университеты? Или это только неумѣнье автора выражаться? Должно быть, только неумѣнье выражаться, потому что велѣдъ затѣмъ статья оканчивается увѣдомленіемъ о возобновленіи лекцій въ здѣшнемъ университетѣ и вопросомъ: «какіе слушатели соберутся» въ здѣшній университетъ, когда онъ снова откроется, и будутъ или не будутъ они «учиться»? На эти вопросы отвѣчать очень легко: соберутся въ университетъ всѣ тѣ не успѣвшіе кончить курса слушатели его, которые будутъ имѣть средства и получать дозволеніе собираться; а учиться они будутъ, пока имъ не помѣшаютъ учиться.

Но авторъ статьи вѣроятно только не умѣлъ выразить свою настоящую мысль, и хотѣлъ спросить вовсе не объ этомъ, а о томъ, будутъ ли новыя демонстраціи со стороны студентовъ при открытіи или по открытіи университета? И на это можно отвѣчать очень опредѣленно: студенты рѣшили до послѣдней крайности воздерживаться отъ всякихъ демонстрацій, и на сколько дѣланіе или недѣланіе демонстрацій зависитъ отъ воли студентовъ, демонстрацій не будетъ. Но вѣдь не всецѣльны же студенты—мало ли что дѣлается противъ ихъ желанія? Вотъ, напримѣръ, публичныя лекціи они устраивали съ мыслью

держатъ себя совершенно спокойно, и удерживали спокойствіе въ залахъ лекцій, пока могли; а все-таки произошла демонстрація 8 марта. Студенты наканунѣ рѣшали, что не нужно дѣлать демонстраціи: но обстоятельства сложились противъ ихъ воли такъ, что она была произведена публичною.

Прошедшія событія должны служить урокомъ для людей, которые думаютъ, что демонстраціи вредны. Эти люди должны предотвращать такія обстоятельства, пѣз которыхъ рождаются демонстраціи.

О, если бы эти люди приобрѣли хотя на половину столько самообладанія и благоразумія, сколько имѣютъ студенты—тогда конечно не было бы никакихъ демонстрацій.

Посмотримъ, какъ эти люди будутъ держать себя при открытіи и по открытіи университета, и тогда увидимъ, научились ли они разсудительности. А мало надежды на это, если люди, о которыхъ мы говоримъ, раздѣляютъ взглядъ, выразившійся въ статьѣ, нами разобранной.
